

Евгений Глуценко

Герои Империи

портреты
российских
колониальных
деятелей

Евгений Глуценко

Герои Империи

портреты
российских
колониальных
деятелей

Издательский дом
«XXI век — Согласие»
Москва 2001

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 52

Редакторы:
Дижур И.М., Ксенофонтова Н.А.

Глуценко Е.А.

Г 55 Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей — М.: XXI век — Согласие, 2001. — 464 с., ил.

В книге собраны очерки жизни и деяний создателей Туркестанского края К.П. фон Кауфмана, М.Д. Скобелева и М.Г. Черняева. Их стараниями территория России за 20 лет увеличилась более чем на 5 тыс. кв. км; появилась возможность снабжать российскую промышленность ценнейшим сырьем, в том числе собственным хлопком; были открыты новые рынки сбыта отечественной продукции; наконец, возник глубочайший тыл, который сделал Россию непобедимой в случае иноземного нашествия, что показала Вторая мировая война.

ISBN 5-293-00038-1

© Е.А. Глуценко, 2001.
© ИД «XXI век — Согласие»,
оформление, 2001.

ISBN 5-293-00038-1

*Памяти туркестанских старожил
Надежды Федоровны и Василия
Валерияновича Зеленых посвящается*

«И РУССКИЙ ФЛАГ НАД БЕЛОЙ ХИВОЙ...»

Россия переживает затяжной кризис, что не может не отразиться на самочувствии ее народа. Миллионы людей выбиты из привычной колеи, подавлены экономическими неурядицами, растеряны. Растерянность и угнетенное состояние сограждан усугубляют люди пишущие и издающиеся, писатели «катастрофического» направления. Среди современных публицистов катастрофисты явно преобладают; они самозабвенно кликушествуют, стенания и вопли несутся со страниц их произведений. Перечень некоторых названий дает представление о содержании книг этого несимпатичного жанра: «Интеллигенция на пепелище России», «Вдгонку за прошедшим веком», «Россия в стратегическом капкане», «Россия в обвале», «Заговор против народов России сегодня», «Россия и только Россия. Записки растерянного человека» (Тут автор, по крайней мере, честно признает ненормальное состояние своей души). Таких книг много.

Самый именитый среди авторов этих триллеров – А.И. Солженицын с присущей ему выразительностью рисует жуткую картину разорения страны в последнее десятилетие. Он решительно не приемлет всего, что произошло и было сделано после 1991 г., достаточно прочесть подзаголовки его обличительного труда «Россия в обвале»: например, «Реформы – на развал», т.е. совсем никудашные реформы затеяли. Но даже маститому писателю перестает верить, предварительно прочитав многие справедливые констатации российских неурядиц, когда доходишь хотя бы до такой его мысли: «Из Таджикистана, *так уорно*

(и бессмысленно) защищаемого нашими пограничниками еще не бежали только пожилые да бедные...»¹. Поразительно, что это мог написать автор цикла «Красное колесо». Всякий разумный человек знает, что после стремительного роспуска Советского Союза охраняемые границы России не могли автоматически переместиться на новые российские рубежи, так как, во-первых, полноценное обустройство границы дело дорогостоящее и долгосрочное. а, во-вторых, потому, что покинуть таджикскую границу российские пограничники не смогут до тех пор, пока в Таджикистане не будет создана своя пограничная служба. (А теперь на границах Таджикистана появились афганские талибы.) Российские пограничники охраняли грузинские рубежи вплоть до 1999 г., когда в Грузии появился свой национальный корпус пограничной стражи. По этой причине наши пограничники так упорно, но не бессмысленно защищают границы некоторых бывших республик Советского Союза.

Катастрофисты громкоголосы и безапелляционны. По их разумению в России все ужасно, ужасна вся ее история. Ставшая недавно известной В.И. Новодворская не постеснялась как-то написать: «Мы стали Ордой, мы заразились СПИДом византийства, мы сплели «железный занавес», мы утонули в грязи, в лесах, в крепостничестве. При этом наше появление в Европе было очень похоже на то, что описал Мольер в «Мещанине во дворянстве». Мы и сейчас ряженные.

Наше тщеславие и наше варварство хорошо вписывается Европой в ее «европейский политик». Петра использовали немцы и поляки для сокрушения Швеции, Александров (всех трех) использовали Австро-Венгрия и Британия для контроля за неблагонадежной Францией, а потом и французский официоз против местного экстремизма. Мы могли получить взамен не только костюмы, маскарады, корабли и форму для солдат. Мы могли научиться жить так, как они. Но свободу, такт, терпимость и гуманность не увезешь в виде сувенира.

Боже, как мы были смешны в 1813 году! Рабы освобождают Европу от Бонапарта! Гениальный Мандельштам нашел для нас определение: «Европа в рубище Священного Союза». Чему мы

---

¹ Салженицын А. Россия в обвале. М. 1998. С.64.

могли их научить? Можно влезть в Совет Европы. Но в Европу нельзя влезть, ею надо быть.

Поздно. Эту историю надо было прожить. Семь веков потеряны...»²

Это ли не кликушество? Сколь истерично, столь же не исторично. Кошунственно обливаться «СПИДом византийства» приобщение восточнославянских племен к христианству и наследию греко-римской античности. Инициаторами создания «железного занавеса» были лидеры Запада: Сталин в 1945 г. собирался переводить экономику на мирные рельсы. И Петр сокрушал Швецию не ради немцев и поляков, а ради безопасности отечества: еще в 1670 г. великий Лейбниц предсказал, что Московия будет завоевана Швецией. И в 1813 г. никто не смеялся над победоносной русской армией, а Пруссия ей была очень благодарна. И определение Мандельштама «Европа в рубище...» относится не к нам, а именно к Европе. Вот эти строки:

«Завоевателей исконная земля,
Европа в рубище Священного Союза.
Пята Испании, Италии медуза,
И Польша певчая, где нету короля».

О России здесь нет речи. В остальном в цитируемом пассаже та же степень достоверности. Короче, дрянная у России история — «семь веков потеряны». Другой, не менее известный публицист А.С. Пушкин придерживался иного мнения. В письме к основоположнику хулигательного направления в российской публицистике П.Я. Чаадаеву он писал: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог дал»³.

Писатели-апокалиптисты, естественно, пророчествуют. Приведу только одно из наиболее мерзких и наименее обоснованных предсказаний: «Избежать гражданской войны невозможно... Тенденция идет не просто к войне, она идет к войне

---

² Новодворская В. Европа в рубище Священного Союза. — «Новос время», № 5. 1998. С.27.

³ Цит. по: Чаадаев П.Я. Философские письма. Сочинения. М. 1988. С.525.

всех против всех, кто лучше живет, тех, кто хоть в чем-то поднимается над массой...

По всей стране — дикая и угрюмая тоска, отупляющая безнадежность: гражданского общества нет и никогда не было... Нация больна, война операция кровавая, но неизбежная, и чем быстрее, тем лучше»¹.

Вполне естественно, что за рубежом Россия и ее будущее описываются в тех же нелестных выражениях и красок там не жалеют. «Россия, отрезанная от иностранного капитала, будет вынуждена долгие годы жить в бедности и стагнации, — пророчествует британский журнал “Экономист”. — Это означает, что будет нищета, опасности, растраты: больные дети, подвергающиеся жестокому обращению; дома призраки, находящиеся в чудовищном состоянии; переполненные тюрьмы, где эпидемия сменяется эпидемией; ядерные объекты с постоянными выбросами радиоактивных веществ; обезумевшая от вседозволенности организованная преступность и насквозь разъеденный коррупцией чиновничий аппарат; вырождение культуры и образования и, наконец, размывание гражданских прав и свобод»².

Ярчайшая картина ада на Земле. Вряд ли можно придумать что-либо гаже. Местные и зарубежные катастрофисты исправно делают свое черное дело: туристы в такую страну не едут, капиталы в нее не идут.

Вредоносные произведения этого специфического жанра каждый год выходят десятками, апокалиптическое карканье слышно далеко.

Голоса людей здравомыслящих и образованных звучат намного тише. Они говорят: Россия с опозданием совершает переход в постиндустриальную эпоху, что сопряжено с огромными трудностями, ведь разворачивается гигантский «корабль». Россия освобождается от тяжелейшего большевистского наследия: за 75 советских лет были деформированы не только экономика, но и мораль, правовые и культурные нормы; общество деградировало. Оно стало советским, советским стал рос-

---

¹ Морозов С.Б. Заговор против России сегодня. М. 1999. С. 220–222.

² Цит. по: Любовь на деньги не купишь. — «Известия», 05.03.1999. С.3.

сийский человек. Большевики ставили целью переделать российское общество и российского человека, и они преуспели — на это у них ушло два десятилетия; за два послереволюционных десятилетия не только была переделана экономика... из естественной в противоестественную, но и был создан Homo soveticus: несамостоятельный, невоспитанный, необязательный, плохо образованный, с искаженными представлениями о нравственности, самодовольный и в то же время завистливый, т.е. очень и очень неудобный в общении. Вполне резонно считать, что процесс очеловечивания Homo soveticus займет тоже не менее двух десятилетий, если не больше, а значит и преобразование советского общества не может быть одномоментным. Роспуск Советского Союза нанес ущерб сложившейся системе разнообразных связей, но одновременно повысил шансы России на успешное демократическое развитие, на освобождение от догм и ложных ценностей. Люди с кругозором, с уравновешенной психикой не склонны к экзальтированному катастрофизму: «С окончанием эпохи коммунизма закончится и неповторимый, незападный русский путь. Россия вошла в свое Новое время и перестала существовать как особая цивилизация. Историческая судьба позволила ей подойти к той важной черте, за которой для цивилизации начинается универсальное развитие, продиктованное, в первую очередь, логикой процесса индивидуализации независимо от того «кем» была данная цивилизация в «прошлой жизни» — Западом, Россией или Китаем...

2000-й год разделяет цивилизации... На сегодняшнем поколении россияни заканчивается русская особость и может начаться русская универсальность. Вопрос лишь в том, станет ли возможность действительностью, докажет ли русская универсальность свою историческую состоятельность»⁶.

Таков научно обоснованный, оценочно взвешенный взгляд на нынешнюю российскую «замятню». Реальные факты экономического состояния страны дают повод для осторожного оптимизма. Взыскующие конца света в нашей отдельно взя-

---

⁶ Пастухов В.Б. Россия-2000: Цивилизационный выбор и конституционный шанс. — «Полис. Политические исследования». № 6. 1998.

той стране игнорируют хорошие новости, которые заметны невооруженным глазом, о которых пишет профессиональная печать (прежде всего, газета «Известия»). Мы уже привыкли к заполненным все более отечественными продуктами и товарами магазинам (то ли было в 1989–1991 гг.?), ибо, не обращая внимания на несмолчный погребальный стон, предприятия работают и выпускают нужную людям продукцию. Российские производители, как оказалось, научились быстро ориентироваться в новой обстановке: за пределами России, к примеру, остался Рижский автозавод, выпускавший малотоннажные грузовики и микроавтобусы, как тут же наши дороги заполнили нижегородские «газели» нескольких модификаций.

Трудно предположить, чтобы катастрофисты не знали, что Россия является главным партнером США в освоении космического пространства, и это факт многозначительный.

Если заняться спокойным сравнительным анализом, который предприняла газета «Известия», то выходит, что: «У нас в России все, как у людей, поскольку оказалось, что хлеба в России едят досыта. Овощей потребляют столько же, сколько в Германии и Англии (80 кг в год), сахара — не меньше чем в США и Италии (26 кг в год). С мясом в России похуже... Количество осужденных за уголовные преступления в России примерно такое же, как в США, Франции, Великобритании, Италии, Венгрии (6 человек на тысячу жителей)... Уровень социальной конфликтности в обществе хорошо отражает статистика забастовок... В России бастуют в среднем одну неделю, в США — две, а во Франции бастующие бездельничают почти месяц»⁷. Показатели не блестящие, но и не свидетельствующие об экономической катастрофе. Другое дело духовное самочувствие общества ...

Если верить А.И. Солженицыну: «Мы — в национальном обмороке... Не закроем глаз на глубину нашего национального крушения, которое не остановилось и сегодня. Мы — в предпоследней потере духовных традиций, корней и органичности

---

⁷ *Славян А.* У нас в России «все как у людей». — «Известия». 07.04.1999; Статьи — «Известия». 10.10.2000.

нашего бытия. Наши духовные силы подорваны ниже всяких ожиданий»⁸.

По-художнически сказано сильно, однако, и по-художнически с преувеличением. Общество деморализовано, но не до обморока. Россия пребывает в сознании, о чем свидетельствуют итоги федеральных, а также многих региональных выборов. О том же свидетельствует реакция россиян на агрессию НАТО против Югославии. Нравственные ориентиры не утеряны. Российские граждане были возмущены прежде всего тем, что самые сильные государства мира объединились, чтобы всей своей мощью нанести удар по фактически беззащитной, находившейся во враждебном окружении стране. Дело не столько в том, что агрессия была направлена против «братского сербского народа», а в том, что сильные били слабого, что это поразительным образом получило одобрение большинства европейцев. Россияне отвергли аморализм в международных отношениях.

Катастрофисты лишены исторической памяти: переживаемый Россией кризис — очередное лихолетье, которыми изобилует тысячелетняя российская история. Бывали времена и пострашней. Ужасным было начало XX столетия, еще живы современники «тех страшных лет России». Читая «Окаянные дни» И. Бунина, другие свидетельства, в том числе поэтические, начинаешь понимать размеры истинной катастрофы 1917 года и степень отчаянья искренних патриотов страны. Хотя бы только восприятие М. Волошина:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Продузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях...

*

Народ, безумием объятый,
О камни бьется головой
И узы рвет, как бесноватый...

---

⁸ Солженицын А. Указ. соч. С. 156–159.

Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украв твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и воду,
О камни бьет и гонит в лес...

Эти пронзительные строки написаны в 1917–1918 гг., но уже в 1925 г. жизнь вошла в нормальную колею, забывались ужасы великого кровопролития. Так случалось на протяжении тысячи лет российской истории. Россия, по выражению И.А. Ильина, приобрела способность «незримо возрождаться в зримом умирании»⁹. Стоит вспомнить события страшной зимы 1941 г., когда казалось, что гибель России уже состоялась, когда в это поверил не только Гитлер, но и Черчилль, и Рузвельт. Войска фашистской Германии готовились войти в Москву, а затем полностью ее уничтожить. В эти дни, однако, с Дальнего Востока шли воинские эшелоны, которые везли спасителей Москвы и России. Эти войны отбросили немецкие армии на 100–250 км от столицы, и свершилось чудо, которое неминуемо должно было свершиться. Германское командование знало о приближении свежих соединений Красной Армии, но уже отрапортовало о гибели России и уверовало в свою неколебимую победоносность, и... оплошало.

Писателям хулительно-каркающего жанра стоит знать суждение очень умного человека — Петра Бернгардовича Струве: «Мы слишком безоглядно критиковали и порочили перед иностранцами свою страну. Мы более чем недостаточно бережно относились к ее достоинству, ее историческому прошлому... Россию погубила безнациональность интеллигенции»¹⁰. Справедливости ради надо признать, что губили страну объединенными усилиями царь, его администрация, аристократия и антипатриоты из интеллигенции. «Заслуга» последних велика. Их гласная деятельность нанесла России больший ущерб, нежели подпольная возня большевиков. Можно представить насколько разлагающее воздействие на слабых умом и духом

---

⁹ Ильин И.А. О путях России. Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М. 1994. Т.2. С. 132.

¹⁰ Струве П.Б. Размышления о русской революции. София. 1921. С.с. 6, 17.

имело известие о том, что популярный писатель, автор произведений критической направленности М. Горький отправил императору Явонии поздравительную телеграмму в связи с поражением русских войск в войне 1904–1905 гг. Такие же телеграммы посылали тому же адресату российские студенты. Впрочем, зложелатели собственной страны и плакальщики не заслуживают большого к ним внимания, и не о них речь в этой книге.

***

В середине XIX века Россия переживала очередной системный кризис. Полтора века страна росла интеллектуально, экономически, территориально, однако Запад вырвался вперед, чего Николай Павлович и его ближайшие соратники в своей гордыне не заметили. Поражение в Крымской войне (после череды военных побед на протяжении 150 лет) повергло российское общество в депрессивное состояние. Катастрофисты того времени уже были готовы завывать в голос, но тогда еще существовала бдительная николаевская цензура, которая не позволила им развернуться. Новый император сумел пересилить себя (в душе он был сторонником отцовских методов управления) и доверился реформаторам. В правительство и его комитеты пришли умные, прекрасно образованные, энергичные люди: братья Н.А. и Д.А. Милютины, А.В. Головин, Я.А. Соловьев, К.К. Грот, В.А. Черкасский, Ю.А. Самарин и др. Замечательно, при сильнейшем противодействии высокопоставленных ретроградов реформы продвигались, и Россия преображалась на глазах.

В результате крымского разгрома Россия потеряла былые вес и авторитет, вернуть которые в годы расцвета европейского капитализма можно было не столько ускорением экономического и общественного развития, сколько расширением имперского пространства, захватом новых стратегически важных позиций.

Главным противником России во второй половине XIX в. была Великобритания, чьи имперские владения располагались по всему свету в т.ч. в Азии, где находилась самая обширная и богатая британская колония — Индия. После сокрушительного

поражения в Крыму и в перестроечные годы реформ Россия не была в состоянии противостоять Великобритании в Европе однако, могла своим продвижением в Средней Азии не только расширить пределы империи, но и создать угрозу Британской Индии, предупредив тем самым повторную агрессию Англии или коалиции держав против России в Европе. Кроме решения военно-стратегической задачи российская экспансия в Азии способствовала достижению других целей: защите государственных границ и русских торговых караванов от набегов воинственных кочевников, а также формированию надежно охраняемого рынка сбыта российских промышленных товаров. Дело в том, что в течение первой половины XIX в. возрастающий экспорт товаров российского производства был направлен главным образом в Среднюю Азию.

Для исполнения столь масштабного комплекса задач необходимы были люди соответствующего масштаба, и они явились. Это были герои империи, которую необходимо было срочно укреплять в ответ на новый агрессивный вызов. Здесь помещены три очерка о трех строителях Российской империи, о трех незаурядных людях нелегкой судьбы. Они не стенали по поводу горькой участи отчизны, а делали порученное дело и, как правило, весьма инициативно. Их звали Константин Петрович фон Кауфман, Михаил Дмитриевич Скобелев и Михаил Григорьевич Черняев. Эти три военачальника в течение двадцати лет, с 1864 по 1884 г., действуя в разное время либо одновременно, возглавляя разные по численности войска (как правило, немногочисленные) завоевали обширные центрально-азиатские просторы, на которых была организована новая очень крупная административная имперская единица — Туркестанское генерал-губернаторство, Русский Туркестан. Границы Российской империи их усилиями в течение двух десятилетий неумолимо приближались к границам Британской Индии, что вызывало непрестанную тревогу у правящей элиты Великобритании. Россия брала реванш за позор крымского разгрома.

Готовясь к возможному вооруженному столкновению с Россией, британская элита вела агрессивную антироссийскую пропагандистскую кампанию, создавая самый неприглядный образ потенциального противника. На целое столетие русофо-

бия стала преобладающей идеологией правящего класса. К середине XIX в. русофобия стала стойким стереотипом общественного сознания Великобритании. Россия и ее люди изображались как средоточие всех пороков, что создавало идеологическую базу для британской колониальной экспансии в Азии. В течение 60–80-х годов XIX в. в Англии было издано несколько десятков книг, очень толстых книг, в которых разоблачался не только злой умысел России против Индии, но и широкими мазками писался отталкивающий образ русского человека, в т.ч. русского военного и русского администратора в Средней Азии. Всего лишь выбранные места из нескольких русофобских произведений:

«Русский человек, делающий карьеру в Средней Азии, делает ее как бы очертя голову, рассматривая ее как своего рода приключение, и не ставит перед собой каких-либо высоких целей. Он покидает удобства и радости Москвы или самой столицы с тем, чтобы оказаться в пустыне, в убежище, которое его заставляет искать его собственная глупость или преступление, совершенное в Европе. Таких людей большинство среди тех, кто управляет Средней Азией... В русском человеке нет ничего такого, что вызывало бы расположение или уважение...»¹¹

Некто Али Махфуз (вероятно, псевдоним) написал в 1886 г. книгу с претенциозным названием «Правда о России и Англии с точки зрения туземца». Цель автора очевидна: вызвать у читателя ненависть к России и ее народу. «Вся история России, — сообщает Махфуз, — неопровержимо свидетельствует, что русские наделены естественной склонностью к свершению самых ужасных поступков, какие только может выдумать извращенный мозг... Управление Русского Туркестана, например, находится целиком в руках военных, представляющих собой самый худший вид людей. Само их начальство считает их отрешенным военным сословием, людьми умственно отсталыми, о чьем моральном облике и образовании можно судить по тем мерзким поступкам, которые они к стыду всего человечества совершают ежедневно»¹².

¹¹ Boulger D.Ch. England and Russia in Central Asia. L. 1879. Vol. I. P. 65.

¹² Mahfuz Ali M. The Truth about Russia and England: from a native's point of view. Lucknow. 1886. P.p. 1, 40.

«Кауфман и Черняев, — писал в 1889 г. лорд Керзон, будущий вице-король Индии, — по очереди были вершителями судеб Востока. Что же касается объема их власти и независимости в принятии решений, то они больше были похожи на ветхозаветных сатрапов, чем на современных вице-королей»¹³.

Так говорят только об очень опасных, сильных конкурентах, демонстрируя, против своей воли, злобу и бессилие в борьбе с ними. Видимо, круто насолили англичанам Кауфман, Скобелев, Черняев и другие туркестанские генералы.

Они были эффективны, потому что имели в управлении эффективный инструмент — русского солдата, бывшего в полном смысле их созданием. Очень интересно свидетельство некоего самаркандца, по имени Комбельбай, пытавшегося в 1868 г. вместе со своими согражданами оказать сопротивление русскому войску, которым командовал К.П. Кауфман: «Мы удивлялись: Зеравшан разлился на несколько рукавов, русские переходили один, ступали на землю, стряхивали воду и тотчас же шли через другой рукав. Точно какая-то сила несла их вперед и вперед. С Чупанаты гремели выстрелы, а они, часть за частью, все шли. Вот первые вышли на равнину, бросились на спину, подняли ноги и начали ими болтать (выливали воду из сапог). А другие шли и шли за ними, выходили на землю и проделывали то же самое. Мы думали, что они колдуют. Передние строились плотными рядами, к ним примыкали, ряд за рядом, другие. Наши ядра перелетали через их головы, ружейные пули не достигали... Казалось, что это не люди, а духи войны... Идут и идут. Их шапки с большими торчашими козырьками (кепи), их ноги, которые в виде частокола то поднимались, то опускались, навели на нас страх... Они все ближе и ближе. Я перестал стрелять, стою точно окаменелый! Они все ближе и ближе. Слышится глухой гул шагов: туп-туп-туп.

Наши в ужасе стали отодвигаться назад. Я помню, что в панике бросил свой пистолет и пустился бежать что было сил. Все бежали, стараясь опередить друг друга. Сзади слышалось урра!»¹⁴

¹³ Curzon G. Russia in Central Asia. L. 1889. P. 292.

¹⁴ Симонова Л.Х. Рассказы очевидцев о завоевании русскими Самарканда и о семидневном сидении. — «Исторический вестник». 1904. № 9. С. 848.

Такова история завоевания Средней Азии в сверхкратком изложении. Туркестанские генералы имели в своем управлении отлаженную малогабаритную военную машину («туп-туп-туп»), которая в течение сравнительно короткого срока несколько раз из края в край пересекла огромные пустыни, оазисы и степи («туп-туп-туп»), подчинив их власти русского императора.

При жизни все три героя книги находились в центре общественного внимания, принимая «хвалу и клевету» отнюдь не равнодушно. После смерти их имена вспоминали в связи с тем или иным туркестанским юбилеем, и в начале века XX-го, когда Туркестанский край надежно соединился с Россией и перестал быть дотационным регионом, все сделанное ими воспринималось как героическое предание. Такое ощущение явно владело Н.Гумилевым, когда он писал стихотворение «Туркестанские генералы»:

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мирное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов

*

Приветный голос, ясный взгляд
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

*

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

*

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «К оружью»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

*

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.

*

Забыли? — Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз.
Напоминает им о прежнем.

*

«Что с вами?» — «Так, нога болит», —
«Подагра?» — «Нет, сквозная рана».
И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана.

*

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов
Средь копий Греза и Ватто
Средь мягких кресел и диванов,

*

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах¹⁵.

В 1912 г., в год издания этого стихотворения среди «высоких старых генералов» уже не могло быть ни Кауфмана, ни Скобелева, ни Черняева. Последним скончался Черняев — в 1898 г. Но еще жила ими созданная «благоухающая легенда». Последний раз их упомянули добром в 1915 г., когда отмечалось 50-летие взятия Ташкента русскими войсками, но уже в 1917 г. «благоухающая легенда» превратилась в «проклятое прошлое», достойное только поругания. Страна получила новую, вывернутую наизнанку историю. Под пером партийных историков российская история стала смердеть, т.к. была установка: «Идея

---

¹⁵ Гумилев Николай. Озеро Чад. М. 1995. С. 139-140.

патриотизма — идея насквозь лживая...», «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т.д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено»¹⁶. Так в 1918 и 1923 гг. выражался А.В. Луначарский, слывший среди товарищей по партии большим эрудитом. Сегодня это кажется безумием, но в годы революционного переворота то было проявлением утопического мышления.

В работах партийного историка М.Н. Покровского, касающихся политики России в Средней Азии, акцент делался на разоблачении «зверств» царизма в этом крае, что изображалось такими фразами: «беспощадные кровавые расправы с туземцами», «дикая эксплуатация населения», «погромы», «висельницы, разбои, сожжение мирных селений, массовое изгнание жителей из кишлаков» и т.д. В 30-е годы взгляды Покровского на русскую историю подверглись критике со стороны руководства партии, но тем не менее даже в годы «хрущевской оттепели» советские историки продолжали убеждать читателей, что «царизм был палачом и мучителем нерусских народов»¹⁷. При этом игнорировались факты, которые опровергали такие утверждения. Взять хотя бы налогообложение: сельские жители Туркестана платили подушный налог в 2–6 раз меньший, нежели крестьяне Центральной России¹⁸.

Если «царизм был палачом и мучителем», то, разумеется, его слуги не заслуживали доброго слова. О героях империи советские авторы писали так: «Российские колонизаторы хвастались, что «туземцы» называли Кауфмана «ярим падишах», т.е. полуцарь, но никогда не упоминали о том, что трудовой народ прозвал его «джульбарс ачкики», т.е. «злобный тигр». Подобно любому колонизатору, Кауфман был не устроителем, а угнетателем»¹⁹.

---

¹⁶ Цит. по: *Салженицын А.* Указ. соч. С.134.

¹⁷ История таджикского народа. Т.2, кн.2. М. 1964. С.142.

¹⁸ См. напр.: *Геренштейн М.А.* История завоевания Средней Азии. Т.III. СПб. 1906. С.325; *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб. 1871. С.333.

¹⁹ *Кастельская Э.Д.* Из истории Туркестанского края. М. 1980. С.29.

«Ради своей военной карьеры, ради достижения «эффекта» Скобелев готов был на все: кровь, лишения жизни сотен и тысяч людей не имели для него никакого значения на этом пути»²⁰.

«Кровожадность Скобелева, его беспредельная жестокость проявились при взятии Коканда и при подавлении народного восстания под руководством Пулат-Хана»²¹.

«Черняев — злодей, который ни в чем не уступал Скобелеву»²².

В советское время клевета была нормой общественной жизни и неудивительно, что были опорочены трое самых знаменитых среди туркестанских генералов. Были оболганы люди, не жалевшие своей жизни ради славы и благополучия Отечества. Какими же они были в действительности? На этот вопрос пытается ответить автор, стремясь оставаться в пределах объективности и не впасть в преувеличенную комплиментарность. Автор еще раз напоминает, что его герои были людьми своего времени и действовали по законам эпохи. Они были колониальными деятелями, но колониализм сегодня оцениваться отнюдь не однозначно. Тем, кто строил Британскую империю, в Лондоне поставлены памятники, и они стоят по сей день; и Наполеон — национальный герой Франции; и на банкнотах Испании изображены Писарро и Кортес, так почему же оставлять в клевете и забвении К.П. фон Кауфмана, М.Д. Скобелева и М.Г. Черняева?

Оклеветаны были не только герои империи, но и ее рядовые служаки. «Само собой разумеется, — было сказано в 1990 г. в журнале «Звезда Востока», — что сюда (т.е. в Туркестан — Е.Г.) сплавлялись все отбросы резервной армии российской дворянской и служилой бюрократии. Здесь они находили широчайшее раздолье для личного произвола, самого беззастенчивого и дикого грабежа, взяток и насилия без конца и предела»²³.

---

²⁰ Давлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад. 1972. С.111.

²¹ Даврон Х. Завоеватель не может быть героем. — «Звезда Востока». 1990. № 9. С.152.

²² Там же, с. 153.

²³ Там же, с. 146.

Такое советские писатели писали и ранее, начиная с 20-х годов, так что это — рецидив раннебольшевистского разоблачительства.

Отбросы имеются в любом обществе, но не они строят новые города, железные дороги, ирригационные каналы, фабрики, больницы, библиотеки. К 1917 г. Туркестанский край имел достаточно развитую инфраструктуру, как производственную, так и социальную, что было делом ума и рук российских предпринимателей, инженеров, рабочих, военных, ученых, медиков и чиновников. Среди этих последних были два прадеда и дед автора. Они были людьми скромными и в скромных чинах, не героями, но служили под началом героев империи. У автора, таким образом, имеется личная заинтересованность в восстановлении справедливости.

Книга посвящена памяти бабушки и дедушки автора, которые венчались в Ташкенте в 1892 г. Шафером на их свадьбе был поручик Лавр Корнилов, а среди гостей на празднестве присутствовал мальчик 11-ти лет Саша Керенский. В доме Зеленых эти двое потом встречались неоднократно, хотя друзьями не были, учитывая разницу в возрасте. Артиллерийский офицер не обращал внимания на сына попечителя учебного округа, потому что не был провидцем. В 1917 г., занимая ключевые посты, оба окажутся не на высоте положения — им не хватит ума и воли, чтобы использовать данный судьбою шанс и спасти Россию. У четы Зеленых было три дочери и один сын. Одна из дочерей стала прекрасной актрисой Риной Зеленой, пик популярности которой пришелся на 30-е–50-е годы XX в. И это все о личном, авторском.

Еще несколько слов о героях книги. В наше смутное перестроечное время общество, тем не менее, возвращает историческую память, рассеивается туман забвения. Вышло несколько книг о Скобелеве, лучшая из которых (глубокое исследование) написана В.Н. Масальским²⁴. Упоминания о Кауфмане и Черняеве появились, наконец, в энциклопедических справочниках. Автор надеется, что заинтересованный читатель найдет в трех очерках дополнительные сведения не только о судьбах героев империи, но и о том как эта империя создавалась.

---

²⁴ Масальский В.Н. Скобелев. Исторический портрет. М. 1998.

Что же касается очередного кризиса, через который проходит Россия, то будет уместно напомнить слова Христа: «Много лже-пророков явится в те времена и многих введут в обман. Из-за того, что умножится зло, у многих остынет любовь. Но кто выдержит все до конца, будет спасен»²⁵.

---

²⁵ Матф. 24:11–13.

ТУРКЕСТАНСКИЙ «ЯРЫМ-ПАДШО»

ПОКОРИТЕЛЬ АЗИИ

Генерал-губернатор Северо-Западного края (Виленская, Ковенская и Гродненская губернии) Константин Петрович фон Кауфман 1-й осенью 1866 г. по высочайшему повелению был вызван в Санкт-Петербург. Представившись военному министру Дмитрию Алексеевичу Милютину, Кауфман узнал, что государь желает беседовать с ним лично. Причины вызова в столицу сообщены ему не были, но он предположил, что предметом разговора может быть получившая широкую огласку тяжба местного землевладельца князя Меншикова с его бывшими крепостными. Утвердившись в этом мнении, К.П. Кауфман взял из походной канцелярии документы по этому делу и основательно их изучил.

По своему обыкновению Александр II принял Константина Петровича радушно, расспрашивал про Вильню, про настроения в крае, но при этом задавал вопросы, не глядя на него и не переставая гладить собаку. Кауфман докладывал, государь не перебивал. Наконец, наступила пауза. Не поднимая глаз, государь спросил:

— Ну, а еще что нового?

Генерал-губернатор понял, что император предлагает доложить о шекотливом деле князя Меншикова. Александр Николаевич слушал вполуха, нетерпеливо поглаживая пса, наконец, поднял глаза на собеседника и, как бы собравшись с духом, заявил:

— А знаешь, Кауфман, я решил отозвать тебя.

Потрясенный неожиданным заявлением, Кауфман быстро овладел собою и, поклонившись государю, произнес:

— Ваше императорское величество, как верноподданный своего государя, осмелюсь спросить, что это означает: перемену ли системы управления краем или смену только лица?

Император поднялся во весь рост и погрозив пальцем сказал:

— Кауфман, ты знаешь, у меня перемены в системе управления не бывает...

Аудиенция была окончена. Охваченный разнообразными чувствами, никого и ничего не замечая, бывший генерал-губернатор направился к выходу. Камер-лакей, подававший генералу шинель, с удивлением спросил:

— А где ваша каска, ваше превосходительство?

Каска осталась в кабинете императора¹.

Так в течение нескольких минут решилась судьба одного из сановников империи. На то Александр Николаевич и был самодержцем, чтобы не утруждать себя объяснением своих поступков. Дело, однако, было не только в истинно царской гордыне, присущей ему в той же степени, что и его отцу, Николаю I, но и в личных свойствах характера: царь-освободитель был часто в себе не уверен и подвержен разнообразным влияниям. Принимая какое-либо решение, он, видимо, отчаянно боялся, что его могут переубедить, отчего не позволял втягивать себя в дискуссию (кто бы решился, впрочем!).

К.П. Кауфман был снят с генерал-губернаторской должности, в которой пробыл полтора года, но с «оставлением в звании генерал-адъютанта», что означало сохранение к нему царского благоволения.

Нетрудно представить чувства дисциплинированного военного, привыкшего добросовестно исполнять служебный долг, т.е. волю своего государя. Однако как бы ни был обес-

куражен опальный генерал-губернатор, он вполне мог догадаться, что послужило причиной его отставки. Кауфмана постигла участь его предшественника на посту начальника Северо-Западного края, М.Н. Муравьева, получившего в среде радикальной интеллигенции прозвище «вешателя».

В самом деле, в 1863–1864 гг. М.Н. Муравьев не церемонился с польскими повстанцами, но одновременно он инициировал и проводил в жизнь правовые акты, позволявшие оторвать крестьянскую массу от мятежных польских помещиков. По его рекомендации в ответ на манифест польского революционного правительства от 22 января 1863 г. о передаче помещичьим крестьянам их земельных наделов без выкупа (с уплатой налога, который и стал бы выкупом) император подписал 1 марта того же года Указ об обязательном выкупе крестьянских земель по заметно (на 20%) сниженным ставкам и с помощью российского правительства, а также о прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам. Действие указа распространялось на губернии Виленскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, Витебскую, где среди дворян-землевладельцев поляки составляли от 80 до 95%². Указ от 1 марта был отступлением от Положения 19 февраля 1861 г., значительно улучшавшим состояние литовских и белорусских крестьян в сравнении с землепашцами Великороссии.

Далее последовали указы: 19 февраля 1864 г. — Об экономической независимости крестьян и юридическом равноправии их с помещиками, 10 декабря 1865 г. — Об ограничении прав польских землевладельцев. Кроме того, на основе очень широких полномочий, данных Александром II, Муравьев издавал собственные циркуляры. 17 августа 1863 г. он издал циркулярное постановление «О предоставлении губернским и уездным по крестьянским делам учреждениям принимать к разбирательству жалобы крестьян на отнятие у них помещиками инвентарных земель»³. Генерал-губернатор определенно встал на сторону крестьян, и это тем более поразительно, что всего несколько лет назад он был убежденным противником освобождения крестьян из крепостной неволи. Метаморфоза удивительная, но объяснимая, поскольку он своими глазами увидел реальную угрозу разрушения империи.

«Безземельные, — писал Муравьев министру внутренних дел Валуеву в 1865 г., — первые вербовались в мятежнические шайки, тогда как оседлые крестьяне оставались верными своему долгу и являлись опорой правительства»⁴. Учтявая это, Муравьев приступил к наделению землей безземельных и малоземельных крестьян. Вместе с батраками землю получили так называемые лесные сторожа, оказывавшие содействие повстанческим отрядам; были изданы распоряжения о сохранении за крестьянами права пользоваться выгонами, сенокосами, местами рыбной ловли и т.д.

Чем энергичнее «вешатель» радел на пользу крестьянскому сословию, тем большее возмущение его действия вызывали в среде сословия благородного. Жалобы шли не только от малочисленной прослойки русских и остзейских помещиков, к российскому престолу апеллировали вчерашние мятежники — польские дворяне. Центральные ведомства, с которыми генерал-губернатор не советовался, зная их любовь к волоките и в то же время понимая, что промедление смерти подобно, тоже не жалели усилий, чтобы развенчать его в глазах государя. «Принятые генерал-губернатором меры для обеспечения и устройства быта безземельных крестьян в северо-западных губерниях, — доносил Валуев, — не только находятся в прямом противоречии с коренными началами законоположений об устройстве быта... крестьян в означенных губерниях, но и не достигают своей цели в политическом отношении»⁵.

Уступив давлению дворянства, царь в 1865 г. отозвал Муравьева из Северо-Западного края, возведя его, однако, в графское достоинство. В апреле того же года преемником Муравьева стал Константин Петрович фон Кауфман.

Выбор государя не был случайным. Константин Петрович входил в окружение очень влиятельного в то время военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина, человека широких познаний и глубокого ума. Он и его брат Николай Алексеевич были фактическими лидерами реформаторского движения первой половины 60-х годов XIX в.

Отстранив Муравьева, царь уступил консервативному дворянству, но назначением Кауфмана как бы подтвердил, что курс

преобразований в крае сохраняется. Будучи сам человеком реформаторских убеждений, но и государственным, Кауфман так понимал свою задачу: максимально заморить край, наказать виновных в мятеже, сохранить целостность империи.

Незадолго до своей смерти в 1866 г. М.Н. Муравьев опубликовал записки, в которых упоминал К.П. Кауфмана: «Хотя с немецкою фамилиею, но истинно православный и русский, решившись принять на себя тяжкую обузу управления Северо-Западным краем, дал себе твердый обет не отступать от введенной мною системы действий и во что бы то ни стало водворить в крае русскую народность и православие»⁶.

Но все повторилось. Те же жалобы и доносы, только круг жалобщиков и доносителей расширился. «В силу административных распоряжений генерал-адъютанта Кауфмана составленные и утвержденные выкупные акты пересматривались, причем понижались выкупные платежи, и крестьяне получали ряд прав, в коих при прежней проверке им было отказано»⁷, — доносил по инстанциям новый генерал-губернатор Северо-Западного края А.Л. Потапов. В этом был криминал: «крестьяне получали ряд прав, в коих... им было отказано».

Поэтому вполне закономерным был вопрос Константина Петровича во время аудиенции у государя: «Что это означает: перемену ли системы управления краем или смену только лица?» Подтекст вопроса был таков: означает ли это, Кауфмана, отставка, отказ правительства поддерживать в дальнейшем крестьянство как свою опору в мятежном крае?

Государь слукавил, заявив: «У меня перемены в системе управления не бывает». Перемена в системе к этому времени наметилась со всей очевидностью.

Александр II находился в тяжелейшем положении. В течение первых десяти лет своего царствования он балансировал между двумя партиями, тянувшими его в противоположные стороны. Первую партию можно назвать партией государственного интереса. Ее лидерами были братья Милютинны, их единомышленники в университетах, писательской среде и правительственном аппарате. Ради интересов Российской державы в целом, считала эта партия, можно и должно поступиться сословными привилегиями. Партия

государственного интереса была влиятельной, но немногочисленной.

Куда более многочисленной и агрессивной выглядела партия сословного (помещичьего) интереса. Ее лидеры окружали трон, имея постоянный доступ к государю. Эта партия отождествляла интересы страны со своими сословными интересами, убеждая всех и каждого, что Россия погибнет, когда будут отменены привилегии благородного сословия.

Александр Николаевичу было невыносимо трудно выбирать между этими двумя партиями. Хорошо было его пращуру Петру Алексеевичу, который сам, почти на пустом месте, создавал класс дворян-помещиков — свою опору. Александр II получил эту «опору» по наследству и должен был разобраться, насколько она прочна, и та ли это опора, на которую стоит опираться. Да и где другая?

Изначально умом государь был на стороне либеральной бюрократии, т.е. на стороне партии государственного интереса, но результаты реформ, крестьянской прежде всего, разочаровывали. К тому же у партии сословного интереса появился мощный союзник — революционеры-разночинцы. 4 апреля 1866 г. Каракозов стрелял в государя. По огромной стране разнеслось: «Разве такое было бы возможно при Николае Павловиче? Вот и допрыгались со своими либеральными опытами!»

Когда К.П. Кауфман приехал из Вильно в Петербург, выстрел Каракозова уже прозвучал, уже несколько месяцев фактическим диктатором России был шеф жандармов граф П.А. Шувалов, уже несколько месяцев в опале, на грани отставки находился Д.А. Милютин.

«С 4 апреля, — писал в дневнике Д.А. Милютин, — берет верх партия quasi-консерваторов или, вернее сказать, ретроградов. Представителем ее на первом плане является гр. Петр Шувалов; к нему примыкают все те личности, которые и прежде не сочувствовали либеральным реформам. Партия эта задумала воспользоваться преступным выстрелом Каракозова, чтобы внушить государю недоверие ко всему, что было сделано на славу его царствования, и под видом ук-

репления расшатанной будто бы самодержавной власти восстановить господство высшего сословия над массой, по идеалу прибалтийских баронов»⁸.

Настроение царя изменилось, да и шеф жандармов каждый день запугивал венценосца, для которого каракозовское покушение подтверждало правоту партии сословного интереса. К тому же, по свидетельству умных приближенных царя, он не сознавал до конца ценность и необходимость проведенных от его имени реформ⁹.

В связи с подъемом революционного движения и ростом числа крестьянских волнений Шувалов усиленно искал виновных в попустительстве крамолы. В первую очередь таковыми оказывались начальники губерний, не принявшие «энергических» (как тогда выражались) мер. За два года — с апреля 1866 по апрель 1868 — было заменено более половины губернаторов: из 53 — 29¹⁰. Что же касалось К.П. Кауфмана, то компрометирующих материалов на него было предостаточно.

Все, что он делал, исполняя законы 1863–1865 гг., теперь можно было поставить ему в вину. Усилиями Кауфмана и его предшественника крестьяне Гродненской губернии, переведенные на выкуп, получили на 12% земли больше, чем это было определено уставными грамотами 1861 г., в Виленской губернии — на 16%, в Ковенской — на 19%. Выкупные платежи были резко снижены: в Виленской губернии — с 2 руб. 11 коп. до 74 коп. за десятину, в Гродненской — с 2 руб. 15 коп. до 67 коп., в Ковенской — с 2 руб. 25 коп. до 1 руб. 49 коп.¹¹ Такие уступки крестьянам северо-западных губерний помещики расценили для себя разорительными, о чем хором жаловались в Петербург. К 1866 г., предав и оговорив друг друга, мятежные польские дворяне повинились перед русским царем и снова стали его «опорой», а потому считали себя вправе требовать восстановления своих привилегий.

Числились за Кауфманом и другие «трехи». Исходя из того, что основными центрами антиправительственной, антирусской агитации в 1863–1864 гг. были костелы и католические монастыри, Кауфман решительным образом привлекал к ответственности клерикалов и закрывал монастыри:

из 173 монастырей края к середине 1866 г. было оставлено только 30. Земли закрытых монастырей были конфискованы в пользу государства и послужили резервом для увеличения крестьянских наделов¹². Оправившись от испуга, клерикалы тоже стали жаловаться на генерал-губернатора.

Это было обширное основание айсберга, публика же видела лишь его вершину. В петербургских гостиных говорили, что причиной отставки Кауфмана стало дело Иосафата Огрызко, одного из лидеров польского мятежа, который прятался от правосудия в Петербурге, а Кауфман требовал его высылки в Вильно для предания суду. Так бы и случилось, если бы у Огрызко не было могущественного покровителя в лице... шефа жандармов П.А. Шувалова.

Диктатор вел широкий розыск крамолы в центральных губерниях, но поразительным образом благоволил вчерашним мятежникам. «Замечательно, что и к полякам, находясь у власти, он относился снисходительно, отстаивая в духе «Вести» интересы польских помещиков»¹³, — пишет автор биографий российских государственных деятелей К.А. Скальковский. Феномен П.А. Шувалова современники объясняли тем, что шеф жандармов, будучи сам наполовину поляк, был женат на польке и через нее тесно связан с дворянским обществом Польши. Можно добавить, что он был восторженным англоманом, так что при такой загруженности посторонними симпатиями для отечественного патриотизма в его душе не оставалось места.

Как бы там ни было, дело Огрызко стало, видимо, последним аргументом, убедившим императора отозвать Кауфмана из Вильно. Александр II уступил консервативному лагерю, продолжая балансировать между двумя партиями. К 1866 г. для него это стало обычаем. Так, он уволил в свое время главного разработчика крестьянской реформы Н.А. Милютинина, но затем призвал его снова, поручив создать систему управления Польшей и Северо-Западным краем. Кстати сказать, Кауфман осуществлял милютинский план преобразований. Так же было и с М.Н. Муравьевым: отставленный от должности в 1865 г., уже весной следующего года он был назначен главой комиссии по расследованию дела Каракозова.

Поэтому у Кауфмана, поселившегося скромным отставником на Васильевском острове, тоже был шанс. А пока, после бурных месяцев губернаторства в беспокойном крае время для него затормозило свой бег, и у 48-летнего инженер-генерал-лейтенанта появилась возможность оглядеться, подвести итоги своей карьеры (возможно, она уже была закончена), разобрать архив.

На протяжении всей истории рода, известного с XV века, фон Кауфманы служили многим сюзеренам. Родоначальником рода считается Освальд Кауфман, живший в Тироле в 1444 г. Его сына Эбергарда император Священной Римской империи Фридрих III возвел в 1469 г. в рыцарское достоинство. На протяжении трех веков фон Кауфманы были на виду, занимая важные посты в Австрии, Бранденбурге, при дворе польского короля Станислава-Августа. Один из Кауфманов, Ульрих, был епископом и ректором Венского университета (1533 г.).

В России представители рода — Август и Теодор — появились в царствование Екатерины II. Они служили в русской армии под началом Потемкина, Румянцева и Суворова. Отец Константина Петровича, Петр Федорович, в девять лет остался сиротой, и императрица Екатерина назначила ему трех опекунов, в том числе своего секретаря Храповицкого. Закончив шляхетский корпус, он начал ратную службу у А.В. Суворова, участвовал в Отечественной войне 1812 г., в кампаниях турецкой 1828 г. и венгерской 1848 г. За отличную службу ему был пожалован в Царстве Польском в Брест-Куявском уезде майорат с годовым доходом 5 тыс. золотых.

19 февраля 1818 г. у Петра Федоровича фон Кауфмана родился сын Константин; произошло это событие в усадьбе Майданы близ Иван-города. По семейной традиции, мальчику была уготована военная карьера. Он начал ее в 14 лет юнкером Главного инженерного училища. Младший Кауфман прекрасно учился и вместе с будущим героем Севастопольской обороны Тотлебенем в 1839 г. был выпущен в армию в чине инженер-поручика. 13 лет молодой военный инженер провел в рядах сражающейся Кавказской армии. Здесь он

приобрел опыт ведения боевых операций в специфических условиях колониальной войны, т.е. войны регулярной армии с отрядами непрофессионального, но объединенного идеями религиозной и национальной исключительности противника. Офицер инженерной службы участвовал во многих громких делах, в штурмах укрепленных аулов, два раза был ранен, получил многочисленные награды, в том числе знак ордена Св.Георгия 4-й степени, который, как известно, давался за личное мужество в бою.

Крымскую войну полковник Кауфман встретил в должности командира Кавказского саперного батальона. В 1855 г. он назначается командиром гвардейского саперного батальона и в этом качестве участвует во взятии хорошо укрепленной английскими инженерами турецкой крепости Карс. В деле под Карсом Константин Петрович проявил себя не только как способный военный инженер, сумевший эффективно обеспечить осаждавшие крепость русские войска в инженерном отношении, но и как дальновидный аналитик. Он организовал тщательный опрос местных жителей, которые снабжали турецкий гарнизон провиантом и фуражом, и составил четкое представление о запасах того и другого в осажденной крепости. Сделав расчеты, он доложил главнокомандующему Кавказским корпусом Н.Н. Муравьеву, что Карс падет в ноябре. Муравьев поверил командиру гвардейских саперов и усилил плотность осады. 16 ноября 1855 г. 20-тысячный гарнизон капитулировал¹⁴, что резко повысило авторитет 37-летнего полковника в глазах начальства. С восшествием на престол нового императора (тот короновался, кстати, 19 февраля, т.е. в день рождения К.П. Кауфмана), инженер-полковник назначается членом совета Императорской военной академии, а в 1858 г. был включен в состав свиты его императорского величества, что свидетельствовало о благорасположении к нему государя.

Став в 1860 г. директором канцелярии военного министерства, Кауфман активно поддержал товарища министра, а с 1861 г. главу военного ведомства Д.А. Милютину в его реформаторских начинаниях. Совместные усилия в организации военных округов, новых военных учебных заведений

и других нововведений сблизили двух молодых генералов (Кауфман был произведен в генерал-майоры в 1862 г.). С тех пор они стали соратниками-единомышленниками до конца дней Константина Петровича. Именно из недр военного министерства в 1865 г. генерал-лейтенант и генерал-адъютант К.П. фон Кауфман был «рекрутирован» в генерал-губернаторы Привисленского (Северо-Западного) края.

Теперь же, полузабытый, он скромно жил на Васильевском острове, в то время как «высшие сферы» напряженно обсуждали проблему новых территориальных приобретений на дальних юго-восточных рубежах империи.

В июне 1865 г. отряд русских войск под командованием генерал-майора М.Г. Черняева штурмом взял крупнейший город Средней Азии Ташкент. Вслед за этим была образована Туркестанская область, вошедшая составной частью в Оренбургское генерал-губернаторство. Вскоре, однако, выяснилось, насколько трудно управлять отдаленным краем, отстоящим от Оренбурга за 2 тыс. верст, граничащим к тому же, с воинственными ханствами — Бухарским, Кокандским и Хивинским, дипломатические переговоры, с которыми то и дело прерывались вооруженными столкновениями. Телеграфной связи с Ташкентом еще не было, почтовая гоньба только-только налаживалась, т.е. не было необходимейших условий для оперативного реагирования на быстро меняющуюся обстановку на рубежах новоприсоединенных земель. Проблема была передана царем на рассмотрение специального комитета под председательством Д.А. Милютина; вместе с ним в течение 1866–1867 гг. ее всесторонне обсуждали оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, директор Азиатского департамента МИДа П.Н. Стремоухов, начальник Главного штаба Ф.Г. Гейден, непосредственные участники военных действий в Средней Азии генералы М.Г. Черняев и Д.И. Романовский, а также другие весьма компетентные специалисты.

Несмотря на возражения Крыжановского, комитет высказался за выделение области в самостоятельную административную единицу. 11 июля 1867 г. был принят специальный закон: было создано Туркестанское генерал-гу-

бернаторство в составе двух областей — Сырдарьинской и Семиреченской. По рекомендации Д.А. Милютинна генерал-губернатором нового края был назначен К.П. фон Кауфман. Царским манифестом от 17 июля 1867 г. ему были предоставлены неограниченные полномочия «к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся взаимоотношений России с этими странами»¹⁵. Император и правительство, таким образом, делегировали туркестанскому губернатору очень важные полномочия, и, как писал долголетний его сподвижник Н.П. Остроумов, «Константин Петрович своими распоряжениями иногда даже предупреждал высшую правительственную власть, которой оставалось только соглашаться с его распоряжениями и утверждать их в законодательном порядке»¹⁶.

Все лето и начало осени Кауфман тщательно готовился к новой миссии: изучал документы, беседовал с десятками людей, бывавших в его генерал-губернаторстве, с руководителями различных ведомств, подбирал сотрудников. За те месяцы, что он оставался в Петербурге, готовясь к отъезду в неведомый край, искусные придворные мастера великолепно оформили царский манифест, дававший туркестанскому наместнику огромную власть, — это было произведение искусства само по себе. «Сама грамота в золотом глазетовом переплете, — свидетельствовал историк Туркестана М.А. Терентьев, — прошнурованная толстыми золотыми шнурами, пропущенными сквозь массивный серебряный вызолоченный ковчегец и залитыми красным воском с вытесненной на нем большой государственной печатью; большие золотые кисти, прикрепленные к концам шнуров; текст, писанный золотом и крупными буквами в рамке из гербов всех губерний и областей России, красивая подпись императора Александра II — все это вселяло в именитых туземцев, которым Кауфман не упускал случая показать «золотую книгу», особое к ней почтение и благоговение... Быстро разнеслась молва о золотой книге и страшной власти, данной ею Кауфману»¹⁷. Как ви-

дим, психология обитателей тех мест учитывалась при подготовке первого генерал-губернатора Туркестана к исполнению его должности. Именно благодаря волшебной «золотой книге» Кауфман получил от покоренного азиатского населения титул «ярым-падшо», т.е. «полуцарь». Так называли только его и никого из его преемников.

Кауфман готовился отправиться к месту новой службы в момент серьезного обострения российско-бухарских отношений. Его предшественники — военные губернаторы бывшей Туркестанской области М.Г. Черняев и Д.И. Романовский — в течение 1865–1866 гг. нанесли ряд чувствительных поражений бухарскому эмиру, отторгнув часть его владений. В битве у урочища Ирджар (8 мая 1866 г.) бухарская армия, возглавлявшаяся самим эмиром Музаффаром, была разбита и после неудачных попыток перейти в контрнаступление, понеся значительные потери, бежала в свои пределы. Вслед за этой победой русские войска захватили город Ходжент и крепость Нау, прикрывавшие доступ в Ферганскую долину. Заняв эти стратегически важные пункты, российская сторона предложила эмиру прислать в Ташкент к оренбургскому генерал-губернатору уполномоченного для ведения мирных переговоров. Эмир согласился с этим предложением, но его посланец не имел полномочий принимать безоговорочно все условия Крыжановского; так он не согласился с требованием последнего выплатить в десятидневный срок контрибуцию в размере 100 тыс. бухарских тилл (крупная сумма). Для Крыжановского это был повод продолжать военные действия — русские отряды вошли в пределы Бухарского ханства и штурмом взяли крепость Ура-Тюбе, Джизак и Яны-урган, выйдя, таким образом, на подступы к Самарканду.

После этих побед российского оружия мирные переговоры были продолжены, и к тому времени, когда К.П. Кауфман получил свое новое назначение, уже был готов предварительный вариант российско-бухарского соглашения. Теперь уже Кауфману, а не Крыжановскому следовало подписать трактат, определявший отношения России с самым сильным из среднеазиатских ханств. Ему же предстояло

институализировать русско-хивинские и русско-кокандские отношения. И хотя ему была известна осторожная позиция министерства иностранных дел касательно территориальных захватов, он не был их противником, однако и не считал вооруженную экспансию главной целью своей будущей деятельности.

Кратчайший путь к месту нового назначения генерал-адъютанта фон Кауфмана был весьма долгим — 4081 верста; путь этот был проложен и кое-как обустроен по приказу бывшего военного губернатора Туркестанской области М.Г. Черняева. В 1870 г. капитаном Маевым был даже составлен и опубликован путеводитель «От Санкт-Петербурга до Ташкента».

О том, как в конце 60-х годов прошлого века добирались до Ташкента оставлено немало ярких свидетельств. От столицы до Нижнего Новгорода через Москву добраться можно было весьма удобно — по железной дороге. До Москвы отправлялись три поезда ежедневно: в 8 ч. 30 мин., 14 ч. 30 мин. и 16 ч. 30 мин. Самым удобным был почтовый в 14 ч. 30 мин.; за место 1 класса в этом поезде нужно было заплатить 19 руб., в пассажирском 2-го класса — 13 руб., а за 3-й класс пассажирского совсем немного — 4 руб. 50 коп. (Через сто лет цены на билеты по этому маршруту оставались теми же). Пассажиры завтракали, обедали и ужинали в ресторанах и буфетах на станциях во время остановок, которые продолжались от 10 до 45 минут. Можно было также купить целый «семейный вагон», заплатив от 100 до 150 руб. В этом случае путешествие из Петербурга в Москву становилось чрезвычайно комфортным.

Почтовый прибывал в первопрестольную за два часа до отбытия нижегородского экспресса, что позволяло без спешки перевезти вещи на другой вокзал и разместиться в вагоне. Ночь в пути, и в 8 ч. 16 минут утра путешественники появлялись в Нижнем. Опять же не торопясь, можно было доехать на лошадях до волжской пристани, где уже под парами стоял один из пассажирских пароходов, отбывающих в Самару. Пароходы принадлежали разным компаниям: «Самолет», «Лебедь», «Кавказ и Меркурий» и др., можно было

выбрать любой. Путешествие по Волге длилось двое суток и тоже было комфортным, увлекательным и недорогим — в 1-м классе за 10 руб. 40 к., во 2-м — за 7 руб. 50 к., а в 3-м — всего за 3 руб. Работали рестораны, играла музыка.

Добравшись до Самары, путнику следовало перестать благодушествовать: несмотря на то, что почтовый тракт до Оренбурга был хорошо наезжен, многочисленные почтовые станции были удобны и просторны, лошади сыты и хорошо выезжены, ямщики отлично знали свое дело, однако уже в Самаре нужно было озаботиться, дабы «пройти» основную дистанцию от Оренбурга до Ташкента — 1879 верст — с наименьшими потерями. «Почти все проезжающие в Ташкент летом, весною или раннею осенью, — сообщает Маев в своем путеводителе, — запасаются в Самаре тарантасами, и только весьма немногие, при крайней скудости своих денежных средств, решаются ехать степью на перекладных»¹⁸.

Купив тарантас, его следовало оборудовать для переезда по дикому полю. «Если тарантас открытый, без верха, то приделывают холщовый навес для предохранения от летнего зноя, а зимою — верх из плотных кошем; в Оренбурге же покупают или заказывают несколько чек и больших гвоздей, гаек, берут запасные оглобли, хомут, а если можно, то и два запасных колеса, веревок толстых (для постромок) и тонких для перевязки в случае надобности сломавшихся частей экипажа. Запасаются также салом для смазки колес»¹⁹.

В Оренбурге начинались настоящие трудности, и путешественники готовились во всеоружии встретить любую дорожную неприятность. Ехавший в Ташкент в 1866 г. по казенной надобности чиновник и одновременно публицист П.Н. Пашино, поступил весьма предусмотрительно: «Бывалые люди в Оренбурге объясняют, что в степи на станциях ничего не найдешь... Это последнее обстоятельство я принял к сведению и поторопился завести себе гвозди, веревки, пилу, топор, молоток, долото, бурав, терпуг и пр. Словом, я выезжал из Оренбурга в возке, нагруженном всякою всячиною, как мелочная лавочка: тут были и аптека, и книги, и писчие принадлежности, чай, сахар, всякое копченое, печеное и вареное. Был и погребец, и чайник медный, и таган

железный. Не забыты дрова и угли. Было все, чего недоставало Робинсону на необитаемом острове»²⁰.

А вот В.А. Полторацкий, служивший по военному ведомству, взял с собою в тарантас «два ящика с посудой, десять пар различных сапог Лаубе и 15 тысяч папирос Лаферма... а еще белье, платье...»²¹. Как при такой загрузке в экипаже помещались сами путешествовавшие (в одиночку не ездили), остается загадкой.

Дорога была отчаянно плохой, хотя называлась дорогой, — приходилось ехать по сплошному разливу рек и ручьев, причем вода достигала высоты колес. Плохие, измученные лошади едва волокли тяжелые тарантасы.

Почтовые станции содержали киргизы (так называли тогда казахов), не имевшие представления о ямщицком деле. Сами станции были тесными, низкими мазанками, порою без мебели. Случалось, что истомленные путники не находили на месте, указанном в путеводителе, долгожданной станции: выяснялось, что станционный смотритель вместе со станцией откочевал верст за 20 от установленного контрактом пункта: «Лоша все кушал здесь, — гайда другое место»²². Для кочевников это было так естественно.

Опасаться приходилось и зверей, в частности тигров, и лихих людей. «Нужно знать положение человека, — писал Пашино, — проезжающего в Ташкент во время военных действий, когда две станции между Чимкентом и Ташкентом сняты, когда киргизы шалят: можно попасть в плен, а там, пожалуй, пятки срежут, да конских рубленых волос положат; мало ли какого свинства ожидать можно от азиатцев»²³. Впрочем, этим самым «азиатцам» с их свинством Пашино сочувствовал и даже ради них впоследствии совершил должностное преступление.

Путешествовавшие таким образом, как Пашино и Полторацкий, добирались до Ташкента обычно за два месяца, однако курьеры пролетали этот путь в два, а то и в три раза быстрее: свежие лошади, «запчасти» к тарантасам для них находились — это была первейшая забота станционных смотрителей.

Кауфман выбрал самый долгий, кружной путь в свой «престольный град» Ташкент. В начале сентября он отпра-

вился с большой свитой в Оренбург, затем в Омск, оттуда в укрепление Верное (нынешняя Алма-Ата) и далее в Ташкент. На то были веские причины — нужно было обсудить будущее взаимодействие с оренбургским и западно-сибирским генерал-губернаторами и познакомиться по возможности с большей частью вверенного его управлению края, занимавшего в то время площадь 14 947 кв. миль, или 38 712 кв. км.

Исключительно важной была его встреча с Крыжановским, который к приезду Кауфмана подготовил договор об отношениях с Бухарой. Документ определял русско-бухарскую границу по хребту Кашгар-Даван, по Нуртынским горам, до песков Кызыл-Кум, оттуда к Букан-Тау и к устью Сырдарьи. Россия и Бухара обязывались вести непримиримую борьбу с разбойничьими шайками, открывали свободный доступ купцам в города России и Бухарского эмирата, гарантировали равенство русским и бухарцам в платеже различных сборов; русские получали право строить свои караван-сарай в любом населенном пункте эмирата, иметь на его территории любую недвижимость: суд и расправа в отношении российских подданных оставалась в руках русских властей; эмир обязывался защищать русские караваны и русское имущество.

Кауфман считал необходимым добавить к трактату пункт о сношениях эмира с российским правительством только через туркестанского генерал-губернатора, что подчеркивало, с одной стороны, неравноправность правителей России и Бухары, а с другой — исключительные полномочия наместника Туркестана. Крепость Янги-Курган Кауфман решил вернуть бухарцам, тем более что она оказывалась за линией, занятой русскими, и только провоцировала эмира на продолжение борьбы.

14 сентября 1867 г. трактат, подписанный Кауфманом, был вручен бухарскому послу, который к тому времени добрался до Оренбурга. Из Бухары он ехал не торопясь, ведя попутно антирусскую агитацию, подстрекая к дезертирству солдат из татар, а казахов — к разорению русских почтовых станций и укреплений.

Еще не доехав до столицы своего обширного владения, Кауфман получил возможность убедиться в правоте тех старых туркестанцев, которые на многочисленных примерах доказывали ненадежность и коварство должностных лиц среднеазиатских ханств. Впрочем, для русского генерала, сделавшего свою карьеру на Кавказе, это было не внове. В то самое время, когда два генерал-губернатора вели мирные переговоры с бухарским посольством в Оренбурге, бухарцы захватили в плен на проезжей дороге русского офицера и трех солдат.

Вместе с трактатом о мире и сотрудничестве между Российской империей и Бухарой Кауфман отправил эмиру копию царского манифеста о его назначении туркестанским генерал-губернатором и данных ему полномочиях. Так он поступал и в дальнейшем, известив о том же ханов Хивы и Коканда.

Весь октябрь Кауфман инспектировал новое генерал-губернаторство, по несколько дней останавливаясь в укреплениях на территории нынешнего Казахстана. В укреплении Верное, ставшим через два десятилетия городом Верным, а затем Алма-Атой, он провел неделю. Тогда Верное был административным центром Семиреченской области. По свидетельству очевидцев, Кауфман занимался делами области, крепости и гарнизона с утра до позднего вечера, «принимал всех и выслушивал каждого и тотчас делал свои распоряжения, посылал курьеров в Ташкент с приказаниями для исполнения его распоряжений. К его приезду доклады, делаемые служащими, казались нескончаемыми... И только под вечер он со своею свитой и с обычным конвоем, сотнею казаков, выезжал из крепости обозрывать окрестную местность»²⁴.

Никогда еще ни одному генерал-губернатору не устраивались столь торжественные встречи, как Кауфману: фактически его принимали и воспринимали как члена царствующего дома. Гарнизон Верного был выстроен для смотра в полной парадной форме с развернутыми знаменами, что полагалось при встрече только августейших особ. Около занимаемого им дома были выставлены почетный караул при офицере, а также хор музыкантов и ординарцы от всех вой-

сковых частей и подразделений. «И сам Кауфман — не то, что все начальники до него прибывавшие в край: он не отвергал делаемых ему высоких встреч и помп, — писал непосредственный участник этих помпезных встреч генерал Колокольцев, — генерал-адъютант Кауфман, напротив, перед азиатским народом старался сохранить свое достоинство, как посланный от Великого Государя»²⁵.

Торжественный смотр войск, громкая музыка, тренировочная артиллерийская пальба, подношение хлеба-соли, все это было неким театральным действием, имевшим целью внушить населению уважение и почтение к новой власти. В той же крепости Верное Кауфман помиловал несколько разбойников, на казнь которых уже собрались многочисленные зрители из местных жителей. Сделано это было специально, дабы продемонстрировать могущество и милосердие России, ее отличие от грубого деспотизма традиционных мусульманских правителей.

7 ноября 1867 г. «полуцарь» доехал, наконец, до своего стольного града Ташкента.

Русский Ташкент был совсем невелик, но это был правильно спланированный городок с площадями и улицами, застроенными побеленными домами из кирпича-сырца с глиняными крышами и без деревянных полов — пиломатериалы были редкостью и ценились дорого. Вдоль улиц, мощенных щебнем, были прорыты арыки, обсаженные еще совсем невысокими пирамидальными тополями, не дающими, к сожалению, столь необходимой в том жарком краю тени. Однако тень можно было найти в публичном парке Минь-Урюк, и не только тень, но и приличный буфет, неотъемлемую принадлежность всякого русского губернского или уездного города. Парк этот достался в наследство от побежденного Черняевым кокандского хана, как, впрочем, и вся территория цитадели, где разместились казармы, а также домики офицеров и чиновников.

В этой ханской урде (цитадели) русские люди жили привычной жизнью. Вот какой ее увидел Пашино в 1866 г.: «На перекрестке попалась мне два пьяных солдата, державшихся за забор и рассуждавших между собой вслух.

— Митрич, айда грахнем еще, — говорил один, упираясь спиною в забор.

— Пошел ты к... Подносил я тебе, ты отказался, сказал — не хочу, — рассуждал другой, упираясь в стену затылком, приправляя речь многими непечатными словами.

Потом мы встретили солдата, шедшего, обнявшись с сартом*, и рассуждавшего что-то по-татарски. Солдаты были все в белых рубашках, красноватых штанах и кепи»²⁶.

Когда Кауфман появился в Ташкенте, русская часть города походила скорее на военный лагерь. Для генерал-губернатора и его канцелярии подходящего помещения не нашлось — пришлось остановиться в домике без окон, который отапливался переносной печкой (надвигалась хоть и недолгая, но подчас суровая зима). Весной крыша стала протекать, и пока ее не починили, Кауфман писал свои донесения царю под большим зонтом. Однако уже через два года был отстроен просторный и благоустроенный генерал-губернаторский дом, который ташкентцы не без основания называли дворцом. Выпустивший свой путеводитель в 1870 г. Маев мог уже уверенно написать: «Общественная жизнь в Ташкенте устанавливается понемногу. В городе имеется уже клуб, с довольно порядочною библиотекой, устраиваются спектакли, концерты, публичные чтения, вечера, пикники... В кафе-ресторане Розенфельда можно получить обед, весьма недурной и относительно недорогой. Порция каждого кушанья стоит 35 коп... Самый город мало-помалу теряет уже свой прежний бивуачный вид»²⁷. Умели обживаться на новом месте наши предки.

В домике без окон первый туркестанский генерал-губернатор продиктовал два письма, которые положили начало окончательному выяснению отношений России с Хивинским и Кокандским ханствами. Кауфман извещал хивинского хана Мохаммеда Рахима и кокандского Худояра о своем назначении и своих обширных полномочиях, увещевал отказаться от набегов на поселения и кочевья, расположенные на землях, присоединенных к Российской империи, предлагал установить, как теперь бы сказали, взаимовыгод-

---

* Оседлая с древних времен часть узбеков.

ные торговые связи, открыв свободный доступ для русских купцов во все населенные пункты обоих ханств.

Ответных посланий пришлось ждать долго. Только в феврале 1868 г. пришло письмо из Хивы, да и то не от хана, а от его кушбеги — премьер-министра и министра финансов одновременно, в котором тот поучал Кауфмана, как ему следовало вести себя в отношении Хивы. Хивинцы давали Кауфману понять разницу между ним, всего лишь подданным русского царя, и ханом — самодержавным владельцем: генерал-губернаторский уровень приравнивался к уровню кушбеги. По той же причине, видимо, не отвечали другие ханы. Что же касается хивинского хана, то стоит добавить, что от роду ему было всего 20 лет и что он отчаянно увлекался соколиной охотой, а отнюдь не государственными делами.

Проведя в Ташкенте неделю, Кауфман выехал в Ходжент, на передовую линию для обозрения пограничной с Бухарой полосы. Там было официально провозглашено о создании туркестанских генерал-губернаторства и военного округа. Слух об учреждении Туркестанского военного округа, т.е. военно-административной единицы, сформированной для организации боевых операций, быстро разнесся окрест и вызвал переполох, прежде всего в ближайшем к Ташкенту Кокандском ханстве: знать бросала свои дома и усадьбы и переселялась в китайские владения. Вовсе не на такой эффект рассчитывал Кауфман, отправляя к Худояру Кокандскому свое послание.

Новый, 1868 год принес первые очень ощутимые военно-политические успехи наместнику обширного Туркестанского края. В январе удалось мирными средствами убедить Худояра заключить российско-кокандский торговый договор на условиях, продиктованных Кауфманом. Русские купцы получили, наконец, все требуемые привилегии и льготы: как и для мусульман, для русских устанавливались фиксированные пошлины на ввозимые товары в размере 2,5% их стоимости; им гарантировалось свободное и безопасное пребывание в ханстве повсеместно, организация в любом населенном пункте своих складов (караван-сараев); Коканд допускал на свою территорию российских торговых агентов.

То был первый шаг к установлению торговой монополии российских товаров на кокандских рынках.

Подписав вместе с туркестанским генерал-губернатором торговый договор, кокандский хан этим не удовлетворился и послал в Петербург посольство, чтобы получить от императора грамоту и тем самым укрепить в глазах подданных свой пошатнувшийся авторитет. Вперед посольства с объяснениями и рекомендациями от Кауфмана полетел на лихих лошадях курьер генерал-губернатора. В результате посланец хана купец Умидов (говоривший неплохо по-русски) получил для хана искомую грамоту, роскошные подарки и бриллиантовую звезду ордена Станислава 1-й степени; сам же посол был пожалован в чин действительного статского советника и награжден звездами орденов Анны и Станислава 2-й степени. Русские власти не нарушали древнюю, заложенную Римом, традицию щедро поощрять сговорчивых туземных властителей.

***

Бухарский эмир не спешил, однако, стать кавалером русских орденов — он готовил отпор новому наместнику русского царя. Эмир Музаффар не был столь легкомыслен, как хивинский собрат, сверх меры увлеченный соколиной охотой. Музаффар понимал, что в одиночку, даже обладая численным перевесом, русские батальоны ему не одолеть, а потому он упорно в течение семи месяцев сколачивал антироссийскую коалицию, склоняя к участию в ней Хиву, Афганистан, Коканд, Турцию и даже администрацию Британской Индии. Турция и британская колониальная администрация, ответственные участники международных отношений, сразу отказались, остальные потенциальные члены коалиции отвечали уклончиво, но вели переговоры. Именно поэтому эмир Бухары не торопился и ответил, да и то весьма туманно, только после вторичного письма генерал-губернатора, отправленного в начале марта 1868 г.

Потерпев от русских не одно поражение, эмир Музаффар, надо думать, охотно согласился бы на предложения

Кауфмана, но он к этому времени оказался заложником традиционной религиозной нетерпимости и бухарского изоляционизма. Фанатичные муллы, улемы и беки требовали от эмира решительных действий против Российской империи, угрожая заменить его на бухарском троне его собственным старшим сыном, Абдулмаликом. Воспользовавшись отсутствием эмира, находившимся на богомолье, мусульманские вероучители приняли решение объявить русским священную войну («газават»), а эмира назвали неспособным управлять своим правоверным народом, поскольку в битве под Ирджаром в мае 1866 г. он спровоцировал бегство своего войска после первых же выстрелов русских солдат. Вернувшись в Бухару, эмир был встречен враждебной толпой, осыпавшей его упреками и угрозами. Музаффару ничего не оставалось, как одному, без союзников (Хива, Афганистан и Коканд в последнюю минуту отказались от противоборства с империей), объявить газават.

Дело, впрочем, было не в одном слепом фанатизме, толкавшем бухарцев на авантюру — была и достаточно трезвая оценка соотношения сил. К весне 1868 г. туркестанский генерал-губернатор имел в своем распоряжении в Сырдарьинской области чуть больше 8 тыс. солдат и офицеров — недостача в войсках по штатам составляла более 3 тыс. человек; еще большая недостача была в казачьих сотнях — около 4,5 тыс. офицеров и нижних чинов. Таким образом, недоставало почти трех батальонов пехоты, одного артиллерийского дивизиона и семи казачьих сотен, или трети боевых сил области. Солдаты и офицеры постоянно болели разнообразными местными болезнями. В течение восьми месяцев, с августа 1867 г. по апрель 1868 г., в лазареты поступили 12 тыс. больных, из них скончались 820 человек, т.е. почти целый батальон. Вблизи бухарской границы в Янги-Кургане и Джизаке из двух батальонов, там стоявших, едва можно было собрать к весне 1868 г. роту здоровых бойцов. На передовой пограничной линии лечить больных было некому и нечем: доктора заболели, и их отправили в Ташкент. Не было хины — лекарства против самого распространенного заболевания, малярии.

Единственный оставшийся на ногах фельдшер лечил всех подряд полынью.

Бухарские лазутчики, без труда собиравшие данные о состоянии здоровья царского войска, доносили в Бухару, что «русские вымирают, их осталось очень и очень мало, отчего ярым-падшо решил бежать в Петербург»²⁸. Действительно, на 9 апреля 1868 г. был назначен отъезд Кауфмана в Петербург. Многие знали бухарские агенты, однако, будь они профессионалами, они могли бы сообщить своему владыке еще более важные сведения о боеготовности русских войск. Так, около тысячи солдат строевой службы были отвлечены на обслуживание лечебных и хозяйственных учреждений, а также для поддержания в надлежащем состоянии почтовых станций. Кроме того, более 400 нижних чинов временно были назначены денщиками к тем многочисленным офицерам и чиновникам, которые прибыли в Туркестанский край вместе с новым генерал-губернатором, не имея собственной прислуги (такое это было время, когда любое «благородие» — военное или статское, имело право получить слугу). Исключительно важными разведывательными наблюдениями могли бы стать и такие: войска сами строили для себя казармы, а потому на строевые и стрелковые занятия у них не оставалось времени²⁹. Однако и без этих тонкостей эмиру хватало обнадеживавших данных, из которых можно было сделать вывод, что русские едва ли были готовы к серьезным боевым операциям.

Не горя желанием вступить с русскими в боевое соприкосновение, эмир тем не менее серьезно готовился к нему. К весне 1868 г. он располагал внушительной силой: 12 батальонов пехоты, 150 орудий полевой артиллерии (в том числе нарезные), от 20 до 30 сотен кавалерии; это значило, что в регулярных войсках Бухары состояло около 12 тыс. пехотинцев и 1,5 тыс. артиллеристов. Пешие сарбазы (солдаты регулярной пехоты) вооружены были неважно: огнестрельного оружия хватало только на первую шеренгу, при этом ружья были разных образцов и калибров: кремневые, ударные, охотничьи двустволки (тульские). Ополчение имело на вооружении фитильные мушкетеры XVIII в. Вторая шеренга сарбазов была вооружена холодным оружием местного про-

изводства, очень немногие имели пистолеты и сабли. На вооружении регулярной кавалерии состояли сабли и пики.

Сарбазов набирали как по вольному найму, так и принудительно. Набранные принудительно были главным образом рабы-персы либо дети рабов. Сарбаз получал четыре рубля в месяц и пару платья (штаны и кафтан) на год. Кормились сарбазы за свой счет. Ополченцев эмир собирал в случае войны, вооружал совсем плохо и никак не одевал, зато кормил.

Бухарские сарбазы обучались сразу по двум уставам: русскому времен Николая I и английскому, заимствованному у афганцев. По русскому уставу их муштровали русские дезертиры, в том числе казаки. Нетрудно представить, какие это были специалисты.

Кстати сказать, превосходство русских войск над бухарским в вооружении было несущественным: нарезных орудий артиллерийский парк имел немного, оружием пехоты были ружья разных калибров и систем; знаменитой винтовки американца Х. Бердана, усовершенствованной русскими офицерами А. Горловым и К. Гуниусом, в Туркестанском военном округе еще не знали — она только-только была одобрена военным министерством, и первая партия «берданок» («русских винтовок», как их называли в США) еще не поступила из-за океана. Пулемет, ставший «сверхоружием» британских колониальных войск в конце XIX в., еще не был изобретен.

Бухарскому воинству противостояла совсем небольшая группировка русских, расположенная (разбросанная) по линии непосредственного соприкосновения, всего 6300 человек. Таким образом, газават бухарцев отнюдь не казался русским военачальникам авантюрным предприятием.

Свой отъезд в Петербург для доклада государю и военному министру о состоянии вверенного ему края Кауфман отменил сразу же по получении известия о движении многочисленного бухарского войска в сторону пока еще не признанной бухарцами российско-бухарской границы. Эта новость вызвала в Ташкенте большую тревогу. По приказу генерал-губернатора в городок Джизак был направлен от-

ряд пехоты, усиленный артиллерией, задержаны все, кроме семейных, временно — и бессрочно отпускные военнослужащие числом более 2 тыс., из которых были составлены несколько новых рот.

Первое столкновение с бухарцами произошло в ночь на 15 апреля под Джизаком — инициатива принадлежала бухарской стороне; это и стало началом священной войны. Нападение на русский лагерь удалось довольно легко отбить. Нападавшие потеряли 20 человек, 4 человека были взяты в плен, двое из них оказались жителями Джизака и как уже российские подданные, изменившие своему императору, вскоре были повешены.

К театру боевых действий к р.Зеравшан был направлен отряд численностью 3,5 тыс. человек, состоявший из 21 роты пехоты, 5 сотен казаков при 16 орудиях. Туда же для руководства операцией выехал сам начальник края — так открылась Самаркандская кампания.

Выступали в спешке. В срочном порядке пришлось заменять обозный транспорт. На землях, перерытых в разных направлениях оросительными арыками, обычные русские телеги не годились: форсировать эти «водные преграды» можно было только на специально приспособленных местных арбах с огромными колесами. Арбы годились и для перехода через обычно мелководные реки. В результате ташкентские интенданты наняли у жителей города 200 арб по 15–25 руб. серебром в месяц. Обстановка была военной, но реквизиций Кауфман не допускал.

Нехватка времени не позволила подготовиться должным образом: лазарета в отряде не было, начальником походного штаба был назначен полковник Петрушевский, менее всего годившийся на эту роль: он все забывал или бестолково переиначивал приказания. Адьютантом начальника отряда генерал-майора Головачева оказался штатский человек, чиновник Щербинский, который бегал от роты к роте в кургузом пиджачке, вызывая смех солдат и приводя в бешенство офицеров³⁰. С такой на скорую руку собранной ратью начал свое первое серьезное дело в Средней Азии испытанный Кавказом генерал фон Кауфман.

Стоял апрель, но жара уже вошла в полную силу; запасы воды иссякли после нескольких переходов, и солдаты стали страдать от жажды. Они не слушали грозных окриков офицеров, кидались к любой попавшейся на пути луже с тухлой дождевой водой, пили и маялись животами, резко понижая боеспособность своих подразделений.

По мере продвижения русского отряда к Зеравшану число посланцев от самаркандского и других беков, а также от начальствующего над бухарским войском прибывало. Они убеждали Кауфмана не начинать военные действия, так как от эмира вот-вот должны были поступить одобренные им «условия», т.е. текст мирного договора. С каждым новым письмом число печатей (традиционно заменявших в тех местах подписи) росло, указывая русским, что силы противника прибывают, т.е. к основному войску присоединяются новые отряды вассалов эмира, а уговоры подождать бухарских «условий» — не что иное, как тактическая уловка, дабы выиграть время для полного сбора антироссийских сил. И хотя прием был детски наивным, Кауфман соглашался ждать, останавливал продвижение своего отряда и возобновлял поход только по истечении условленного срока: так он обучал противника цивилизованным методам ведения войны.

В конце концов эмир прислал-таки «условия», которые, во-первых, были написаны на персидском с обильным вкраплением арабских слов, что затруднило перевод; во-вторых, из того, что поняли доморощенные переводчики, следовало, что эмир прислал первоначальный текст договора, давно отвергнутый Кауфманом. Налицо было продолжение той же незамысловатой тактики. Как выяснилось очень скоро, противник спешно строил плотину на р. Зеравшан, чтобы затопить местность на подступах к Самарканду. Военный совет русского отряда обсудил обстановку и рекомендовал командующему военным округом воспользоваться переговорами, чтобы выиграть время для свободного выхода русского отряда из садов, где люди укрывались от зноя, и занять исходные позиции. Кауфман приказал отряду двигаться вперед до самого Зеравшана.

Когда минута в минуту истек последний срок, данный Кауфманом эмиру для подписания того мирного договора, который нужен был русским, он произнес: «С Богом!», — солдаты и казаки 1 мая вступили в воды Зеравшана.

Толком не разведав брод, шли по грудь в воде, держа ружья над головой. Течение сбивало с ног, но Кауфман нашел выход: казаки встали двумя цепями поперек реки, взявшись за руки, одна цепь сдерживала напор воды, а другая ловила слабых, которых сносило течением. К трудностям перехода добавился обстрел из 40 неприятельских орудий, поставленных на господствующих над рекой высотах. К счастью для тех, кто переходил быстрый Зеравшан, пушкари бухарского эмира оказались негодными стрелками и не причинили переправляющимся никакого вреда, зато поразили своих.

Русская артиллерия и конница не смогли преодолеть реку в выбранном месте, а потому пехоте пришлось действовать без поддержки. Солдаты выходили на противоположный берег, ложились на спину и болтали поднятыми ногами, чтобы вылить из сапог воду, после чего поднимались и строились в боевые порядки. Бухарцы, которые наблюдали эти странные, на их взгляд, телодвижения, решили, что гяуры совершают некий магический обряд, доставляющий им победоносную силу. В дальнейшем перед стычками с русскими они повторяли это «таинственное» движение ногами на сухом месте, но без видимого успеха.

Вытряхнув воду из сапог, отчего те стали в несколько раз легче, русская пехота с криком «Ура!» пошла в штыковую атаку. Эффект был обычным — враг бежал, бросая оружие, халаты и обувь. Казаки, сумевшие провести своих коней через стремнину, безжалостно рубили бегущих. Сарбазы падали, притворившись мертвыми, но озверевшие казаки рубили всех подряд. Из-за большой усталости русские беглецов не преследовали, стали лагерем и все еще мокрые, заснули, укрывшись мокрыми шинелями.

Таджикский книжник Ахмади Дониш, современник событий, так описал этот бой над Зеравшаном близ города Самарканда в своем труде «Жизнеописание эмиров благородной Бухары»: «Сражавшиеся нашли необходимым... бе-

жать: каждый бежал так, как мог бежать, бежали куда глаза глядят, бросали все имущество, снаряжение. Некоторые бежали в сторону русских, и последние, узнав их положение, накормив и напоив, отпускали их.

Эмир, загнув штаны... тоже убежал. Никто не хотел воевать»³¹.

Уже 2 мая Кауфман принимал депутацию от духовенства и «лучших людей» священного города Самарканда, которая поднесла ему дары и просила принять их город в подданство Великого белого царя. Генерал-губернатор милостиво дал согласие. Самаркандские депутаты объяснили свою просьбу нежеланием жить под деспотической властью эмира и его алчных беков. Просьба была высказана как преобладающее в городе мнение; так, по крайней мере, она воспринималась Кауфманом и его соратниками, тем более что при входе русских подразделений в Самарканд жители встречали их очень дружелюбно. Из ближайших кишлаков шли дехкане с дарами: кто вел корову, кто нес корзину яиц, кусок каменной соли, а то и просто несколько лепешек. Константин Петрович был искренне тронут теплым приемом и на следующий день, 3 мая, устроил большой прием, во время которого одаривал своих гостей-самаркандцев различными сувенирами.

Те, кто просил русских принять город под покровительство российского императора, а это были главным образом торговцы и ремесленники, не сообщили ему, какие страсти бушевали за глинобитными стенами Самарканда каких-нибудь два дня назад. После бегства армии эмира с позиций близ города незадачливые бухарские военачальники, крупные землевладельцы и религиозные авторитеты попытались организовать оборону города, но купцы и ремесленники не только отказались от этой затеи, но вступили в вооруженные столкновения с сарбазами эмира — прорусская партия восторжествовала, так появилась депутация с петицией к царю.

Заняв без боя Самарканд, Кауфман направил эмиру новые условия мира, включавшие требование признать за Россией все территориальные приобретения, сделанные за счет

Бухарского ханства после 1865 г., включая Самарканд с прилегающим районом (так называемое Самаркандское бекство), а также уплатить военные издержки — сумма указывалась изрядная.

Ответа не последовало, зато позже стало известно, как эмир поступил с посланцами генерал-губернатора: одному из двух персов (рабов, освобожденных русскими) он приказал отрубить голову, другого бросили в тюрьму-яму³². Поразительно, что, зная не понаслышке нравы и обычаи азиатских деспотов, гонцы все-таки донесли послание до адресата. Либо они не ведали о его содержании, либо шли, движимые мусульманским фатализмом, но первое — вероятнее.

Кауфману, прошедшему школу Кавказа, предстояло усваивать уроки Средней Азии. То, что он настойчиво предлагал мир, хотя и ужесточал свои условия, как и отказ от преследования разбитого под Самаркандом бухарского войска и остановка в городе, было истолковано в эмирском дворце как признак слабости. Строго говоря, силы начальника края таяли день ото дня: ежедневно заболело, в основном малярией, около 50 человек, и об этом в Бухаре были осведомлены. Надо учитывать также, что эмир Музаффар воевал «на два фронта»: против неверных и против мятежников в собственном стане — вассальных беков Шахрисябзского оазиса, объединившихся вокруг восставшего против эмира его старшего сына Абдулмалика.

После тяжелых переходов по безводной пустыне, после нескольких боев русские воины получили передышку. Солдаты отдыхали, лечились, приводили в порядок амуницию, а их командующий, вместе с прикомандированным к отряду молодым художником Василием Васильевичем Верещагиным, осматривали древнюю столицу Тимура, которая теперь стала его трофеем. «Я часто хаживал по галерее дворца с генералом Кауфманом, — писал Верещагин в книге «На войне в Азии и Европе», — толкуя о местах, нами теперь занимаемых, о путешественниках, их посетивших, о книгах, о них написанных и т.п. Мы дивились невероятностям, встречающимся у известного Вамбери, утверждающего, например, что трон Кок-таш зеленый, что за треном надпись на желез-

ной доске, тогда как трон белый или, вернее, сероватый, надпись на камне, а не на железе и т.д. Генерал Кауфман ввиду таких вопиющих несообразностей выражал предположение, что Вамбери просто не был в Самарканде»³³. Как видно, оба основательно готовились к встрече с неизвестным миром Средней Азии. Константин Петрович Кауфман был человеком образованным и любознательным. Так, он одним из очень немногих опустился под воду Балтийского моря на первой русской подводной лодке, существовавшей в 1875 г. в единственном экземпляре. «Я с удовольствием поднялся бы также в воздух, да, к сожалению, нет еще такого инструмента», — говорил он А.В. Эвальду, которому помогал в Петербурге получить деньги для строительства управляемого аэростата³⁴.

Однако задерживался Кауфман в Самарканде не по причине своей любознательности, а потому, что ждал ответа от эмира и давал возможность восстановить силы измученному войску. 13 мая командующий собрал военный совет. Ответа от эмира нет, что делать? Было ясно, что без генерального сражения эмир не подпишет мирный договор. Решено было двигаться в сторону Бухары. Через четыре дня отряд под командованием генерала Головачева занял крупный кишлак Катта-Курган на пути в Бухару, а 29 мая от него поступило известие о скоплении большой массы бухарских войск в 10 верстах от Катта-Кургана на высотах у городка Зерабулак. Головачев сообщал также, что бухарцы два раза в день совершают нападение на русский лагерь — ему требовалась подмога. Взяв с собою 792 штыка и 170 шашек — как говорили в войсках в XIX, да и в XX веке, — Кауфман выступил рано утром 30 мая и за 25 часов прошел 65 верст, т.е. уже утром следующего дня был в Катта-Кургане.

Как показали дальнейшие события, он еще плохо знал местное общество и его нравы, оказался излишне легковерным. Кауфман ушел, оставив в Самарканде совсем небольшой гарнизон: 95 саперов, четыре роты пехоты, в которых вместе с музыкантами было 520 человек, 25 казаков да артиллерийскую прислугу при 8 орудиях, из которых 4 были бухарские, весьма устаревшие. Командующий поверил в

добрую волю самаркандцев, якобы искренне, с чистым сердцем перешедших под руку русского царя, и пренебрег сообщениями самаркандских евреев и персов — людей униженных, городских маргиналов, не испытывавших добрых чувств к местным сартам, а потому бывших для русских, пожалуй, самым надежным источником информации.

Добровольные информаторы пробирались в цитадель, где расположился русский отряд, и дрожа от страха, сообщали, что самаркандцы замышляют вооруженный мятеж против русских, грозят при этом вырезать еврейские и персидские семейства. Для проверки этих сообщений Кауфман высылал в город своих офицеров, но те, не зная языка, не могли отличить скопление заговорщиков от обычной базарной толпы. Да и сам начальник края много ездил по Самарканду и его окрестностям, останавливался возле оживленно беседующих сартов и через переводчика разяснял цели прихода русских, которые принесли им мир и порядок, убеждал, что мирным жителям нечего теперь бояться. Мирные жители почтительно кланялись, гладили бороды, прижимали руки к груди и отвечали, что весьма благодарны за такую милость и что очень рады успеху русских войск, которым желают всякого счастья и благополучия.

Как позже выяснилось, одновременно с генерал-губернатором среди местных жителей «разъяснительную работу» вели от имени мятежного эмирского сына и шахрисябзских беков фанатичные мусульманские проповедники. Вражеская агитация оказалась более действенной.

Выступая рано утром в поход, русские генералы и офицеры не обратили внимания на прорубленные в глинобитных заборах-дувалах бойницы и на другие военные приготовления. Не особенно их встревожили находившиеся в виду города в непрерывном движении конные группы шахрисябзцев, набеги которых русские кавалеристы и пехотинцы до этого неоднократно и с неизменным успехом отражали.

Кауфман покинул Самарканд, и уже на следующий день в его окрестностях собрались внушительные силы шахрисябзских беков. Если верить биографу К.П. Кауфмана востоковеду А.А. Семенову, то под Самаркандом в начале лета

того далекого 1868 года появилось войско численностью 65 тыс. человек³⁵. Это было разномастное ополчение, состоявшее из отрядов различных кочевых и полукочевых узбекских племен. Вооружены ополченцы были, как и прежде, чем попало — от случайно раздобытой винтовки до первобытной дубины.

Полуразрушенную цитадель русские стали восстанавливать вскоре после захвата Самарканда, но работы велись очень неспешно, в частности потому, что всех, командующего в том числе, подкупила, оказав расслабляющее действие, радушная встреча у городских ворот месяц назад. В конце мая укреплению цитадели стали уделять больше внимания, но до завершения работ было далеко.

1 июня 1868 г. шахрисябзские и самаркандские борцы за веру (они обвиняли эмира в слишком нерешительном сопротивлении иноверцам) пошли на штурм полуразрушенной (или полуукрепленной) цитадели. Первый приступ отбили легко, но в тот же день стало ясно, насколько ненадежны полуразвалившиеся крепостные стены, к которым с внешней стороны прилепились домишки горожан.

Верещагин, оставшись в штатском платье, взял винтовку и встал в ряды защитников Тамерлановой цитадели; солдаты его сразу же признали за своего и называли не «барин» или «ваше благородие», как обычно, а Василь-Василич; будучи художнически зорким наблюдателем, он оставил яркие воспоминания, выдержки из которых дадут представление о трагическом положении и героическом поведении маленького гарнизона.

«Атакующие часто беспокоили нас и в перерывах между штурмами: подкрадутся к гребню стены в числе нескольких человек, быстро свесят ружья и, прежде чем захваченные врасплох солдатики наши успеют выстрелить, опять спрячутся...»³⁶ Такова была тактика осаждавших, рассчитанная на то, чтобы постоянно держать усталый гарнизон в напряжении.

За 8 осадных дней, под палящим солнцем, с малым количеством воды и еды, без полноценного отдыха, солдаты и казаки выдохлись до предела. Особенно тяжело было боль-

ным, которых комендант крепости майор Штемпель был вынужден поднять с лазаретных коек.

В отражении штурма участвовали и застигнутые событиями русские купцы, прибывшие в Самарканд со своими товарами. Некоторые из них пытались отстреливаться, но это получалось не очень ладно без элементарной подготовки, так что их вклад в оборонные усилия составили их продовольственные запасы, предназначенные для продажи. Благодаря торговым людям осажденные курили сигары, пили хороший чай, а то и водку из тех же припасов.

Осаждавшие днем и ночью стремились разрушить стену и ворота либо устроить подкоп. Проломы и проходы в стенах и под стенами заделывали, отбрасывая не очень храбрых и настойчивых нападавших. В конце концов шахрисябцам и их самаркандским союзникам удалось-таки сжечь одни из ворот крепости.

«Нет худа без добра, — пишет Верещагин, — как только ворота прогорели, Черкасов (командир саперов. — *Е.Г.*) устроил отличный, совершенно правильный бруствер из мешков (с песком. — *Е.Г.*), к которому поставили орудие, заряженное картечью. Тут разговор пошел у нас иной»³⁷.

Единственной в крепости артиллерийской батареей командовал совсем молодой офицер Служенко. Свою службу в Туркестанском округе подпоручик начинал неудачно: находясь в начале сентября вместе с тремя рядовыми в дороге, он попал в плен к бухарцам. Пленных истязали, насильственно обратили в мусульманство, офицера заставили обучать сарбазов. Русские власти настойчиво требовали выдачи своих военнопленных, для устрашения бухарцев даже разрушили до основания кишлак Ушма, в котором офицер и солдаты были захвачены. Наконец, спустя три месяца Служенко и его товарищи были освобождены. Теперь же молодой офицер получил возможность искупить свою вину — результат малодушия (плен — позор для офицера), а равно отомстить своим врагам: с сентября 1867 г. бухарцы стали его личными врагами.

Всего три или четыре дня этот мальчик командовал орудиями осажденной крепости. Он выставлял их на самых уг-

рожаемых направлениях, сам был за наводчиков, когда те выбывали из строя ранеными или убитыми, звонко, азартно командовал: «Первая, пли!». В один из дней штурма он руководил своей поредевшей батареей командой, сидя на вороном коне, что превращало его в великолепную мишень. Ему хотелось доказать себе и другим, что он не трус, хотя в такой бравате не было никакой необходимости. Конечно же, его ранили, и смертельно — на следующий день подпоручик скончался. В азарте боя никто из старших офицеров не приказал ему спешиться.

Нетрудно догадаться, каким великим горем стала его смерть для родителей, людей, очевидно, скромного звания и достатка. Судя по фамилии, он был отнюдь не из столбовых дворян, скорее, из обер-офицерских детей. Имя его благодаря Верещагину и другим участникам Самаркандской осады, напечатавшим свои воспоминания, осталось в истории.

Постепенно русские улучшили свое положение. Во время дерзких вылазок, во-первых, подожгли городскую мечеть, где находился наблюдательный пункт противника, а во-вторых, выжгли целую улицу вдоль стен цитадели. То была «элементарная предосторожность, которую должен был исполнить еще много ранее сам командующий войсками, очевидно, по доброте душевной не решивший наносить жителям изъясна, — результат был тот, что перебили у нас много народа, да вдобавок чуть не отобрали крепость, падение которой было бы, бесспорно, сигналом для общего восстания Средней Азии»³⁸. Так считал Верещагин.

Вылазки умеряли пыл нападавших, делали их осмотрительнее. «Хотя тут были все сплошь лавки, солдаты вели себя очень прилично, ничего и не подумали грабить; убивать, разумеется, убивали всех, кто ни попадался под руку, но никаких бесполезных жестокостей себе не позволяли»³⁹. Сарты же, верные обычаям Азии, были жестоки: «Ужасны были тела тех нескольких солдат, которые зазевались (во время вылазки. — Е.Г.), и головы которых... были глубоко вырезаны до плеч...»⁴⁰ Такая же участь, кстати, могла постичь самого художника, участвовавшего почти во всех вылазках, когда он, увлекшись, оторвался от группы солдат и с незаряженной

винтовкой оказался в окружении трех здоровенных недругов. Он растерялся и забыл про револьвер, но вовремя позвал своих верных друзей на подмогу. Вместе они переколоты штыками высоких, сильных, но весьма неумелых людей и вызволили из беды своего любезного Василь-Василича.

Восьмидневное самаркандское сидение продемонстрировало огромное преимущество горстки хорошо профессионально и психологически подготовленных людей над огромной, но не обученной толпой. Осажденные фактически диктовали свои условия. Во время вылазок они не только жгли восставший город, но добывали провизию для себя и фураж для лошадей и другой скотины. Они выходили тайным проходом под стеной, который обыкновенно бывал завален, ложились в цепь и огнем прикрывали своих косарей, косивших клевер. Организованный прицельный огонь держал противника на большом удалении.

В такой фуражировке Василь-Василич тоже участвовал, а потом уже в крепости записывал то, что случилось, что увидел днем. Так появлялись сюжеты будущих картин, которые теперь висят в Третьяковке и во многих галереях русских городов.

Вот одна из записей: «Другого пуля ударила в ребра, он выпустил из рук ружье, схватился за грудь и побежал по площадке над воротами в круговую, крича:

— Ой, братцы, убили, убили! Ой, смерть моя пришла!

— Что ты кричишь-то, сердечный, ты ляг, — говорил ему ближний товарищ, но бедняк ничего уже не слышал, он описал еще круг, пошатнулся, упал навзничь и умер — его патроны тоже в мой запас»⁴¹.

Этот трагический эпизод стал сюжетом картины «Смертельно раненный»: солдат в белой рубахе с синими погонами, на голове военное кепи с назатыльником, бежит в никуда, держась рукой за сердце. Сюжет небольшой картины, на которой изображен некий азиатец, собирающий в мешок отрезанные головы русских солдат, также возник в дни самаркандской осады.

В тот самый день, 1 июня 1868 г., когда шахрисябзские и самаркандские участники газавата пошли на штурм самар-

кандской цитадели, на Зерабулакских высотах произошло решающее сражение между русским отрядом Кауфмана и бухарской армией. При десятикратном, по меньшей мере, превосходстве бухарцев они, как и ранее, не выдержали первого же натиска русских и побежали. Бежали беспорядочно, в разные стороны; до эмира в Бухару добежало чуть более тысячи сарбазов. В этом сражении особенно активна была русская артиллерия, чей меткий огонь расстроил бухарские ряды.

И снова возникла проблема: что делать дальше? На военном совете 2 июня мнения разделились — было предложение гнать противника до Бухары, до которой оставались считанные версты, и окончательно решить судьбу эмирата в его столице, но Константин Петрович взял сторону тех, кто предлагал вернуться в Самарканд. За возвращение высказался и командир отряда генерал-майор Головачев. Кауфман не был авантюристом и не хотел с малыми силами оказаться перед укрепленным городом, который он не смог бы взять штурмом, а уж об осаде не могло быть и речи. Русские солдаты были изнурены сверх меры: довольно сказать, что у 75% личного состава была дизентерия, за самое непродолжительное время людям пришлось сделать до 400 км усиленными переходами. Беспокоило командующего и отсутствие вестей из Самарканда. До него доходили лишь смутные слухи о нападении на город шахрисябзских беков.

Три дня победители стояли на месте — не только отдыхали, но и выдерживали тактическую паузу, чтобы разбитый противник не подумал, что русские поспешно отступают, боясь возвращения еще большего бухарского войска. Наконец, русский отряд свернул лагерь и тронулся в сторону Самарканда, сопровождаемый толпой мародеров, грабивших отставших.

В течение всех восьми дней осады комендант самаркандского гарнизона майор Штемпель посылал командующему сообщения о восстании и штурме, но шесть курьеров (это были персы) попали в руки шахрисябзцев, и только седьмой сумел добраться до Кауфмана и передать ему послание на немецком языке. Это случилось, когда победитель эмира находился в 18 верстах от Самарканда.

Узнав о приближении к Самарканду отряда Кауфмана-Головачева, осаждавшие разбежались. Командование подсчитывало потери, которые оказались необычайно большими, поощряло отличившихся при отражении штурма и судило коварный город. Генерал-губернатор принял решение город сжечь.

«Добрейший Кауфман, — писал В.В. Верещагин, — понимавший, что надобно будет дать пример строгости, очевидно нарочно провел предыдущую ночь, не доходя несколько верст, чтобы дать возможность уйти большему числу народа, особенно женщинам и детям, зато теперь он отдал приказ примерно наказать город, не щадить никого и ничего»⁴². Солдаты деловито, без излишней жестокости, выполнили приказ. Тех, кого поймали с оружием или о ком установили, что они участвовали в штурме цитадели, приводили на суд генерал-губернатора. «Добрейший Константин Петрович, окруженный офицерами, сидел на походном стуле и, куря папиросу, совершенно бесстрастно произносил: расстрелять, расстрелять, расстрелять...»⁴³ Расстреливали не вдалеке. Таковы были будни колониальной войны.

Верещагин был прав, когда считал, что сдача самаркандской крепости могла бы повлечь за собой восстание по всей занятой русскими среднеазиатской территории. До Ташкента дошел слух о поражении русских в Самарканде, и там началось волнение, ожидалось вооруженное выступление, отчего, наказав примерно Самарканд, начальник края поспешил с войсками в Ташкент. До замирения края было далеко.

12 июня от эмира пришло письмо, на которое Кауфман в глубине души не очень рассчитывал. Письмо было паническое, исполненное неподдельного отчаяния. Музаффар объявлял о капитуляции своей армии и о своем отречении, просил допустить его в Петербург, где он хотел просить у императора разрешения отправиться в Мекку на богомолье.

Ответ Кауфмана был успокаивающим: он писал, что в планы России вовсе не входит лишение эмира его власти, и уж тем более русский царь не собирается ликвидировать Бухарский эмират. России было намного выгоднее иметь эмира в качестве своего послушного вассала, нежели аннек-

сировать бухарские владения, что повлекло бы значительные траты на создание в них системы управления и инфраструктуры, на содержание воинских гарнизонов, а кроме того, такой шаг вызвал бы новые протесты со стороны Англии. Музаффар, побежденный и деморализованный, ненавидимый своими подданными, мог стать послушным вассалом, получившим власть из рук недавнего противника. Еще через десять дней был заключен русско-бухарский мирный договор на условиях Кауфмана. Договор включал пункт о контрибуции — 500 тыс. рублей. До полной выплаты контрибуции Самарканд и Катта-Курган с окрестностями включались в состав русских владений как новый Зеравшанский округ.

На этом, однако, самаркандская история не закончилась. В Петербурге, главным образом в министерстве иностранных дел, возник переполох. Англичане, беспокоить которых министр Горчаков весьма опасался, сделали русскому правительству представление. Горчаков, в свою очередь, восстановил царя против «самовольного» ярым-падшо. В результате в августе 1868 г., когда Кауфман выехал из Ташкента в Петербург для личного доклада, его встретил в степи на одной из почтовых станций фельдкурьер с категорическим высочайшим предписанием немедленно вернуть Самарканд и Катта-Курган бухарскому Музаффару. Константин Петрович прочитал предписание и, не сделав никакого распоряжения, продолжил свой путь. Он сознательно пошел на грозу.

Высочайший гнев был велик, но Кауфман стоял на своем: отдать Самарканд и другие завоеванные города и кишлаки — значит, резко уронить престиж России в глазах местных правителей и населения; всерьез после этого ни к каким российским требованиям относиться не будут и всегда будут сравнивать Россию с Англией, которая никогда так себя не ведет. Император внял и смягчился, приказал: «Пойди и скажи все это Горчакову». Канцлеру ничего не оставалось, как принять к сведению монаршую волю и скрыть свою досаду. Константин Петрович на этот раз победил и в Петербурге.

Вернувшись осенью в Ташкент, он говорил в кругу соратников: «Наша дипломатия, да и все правительство поддались угрозам и беснованию Англии; выяснилось же главное — полное непонимание положения России в Средней Азии... Да, это бюрократическое невежество наше поразительно... Само беснование Англии должно было не пугать наше правительство, а радовать его.

Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство, то, значит, оно верно попало в цель, для кого-то опасную, следовательно, непременно полезную нам. Ведь несомненно, что Англия — враг России и нигде не уязвима, кроме как в Азии... Эта узда, которой мы всегда можем сдерживать Англию, готовую нам всюду вредить, что уже и показала она в Крымскую кампанию»⁴⁴.

Самарканд в конечном счете остался за Россией — хан смирился с утратой священного города, контролирующего к тому же подачу воды в пределы эмирата. Кауфман был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, и в Николаевском инженерном училище, выпускником которого он был, по повелению императора установили мраморную доску с золотом выполненной надписью «Самарканд, 1868» и его именем.

Взятие Самарканда отразилось в солдатском фольклоре: К.П. Кауфман стал его героем. Туркестанские роты и сотни теперь на марше и на привале распевали совсем новые песни:

«Не пыль со степи закрутилась,
Глаза путнику застилаючи, —
То войска наши суетилися,
В поход себя собираючи.
От Кауфмана им приказ пришел:
Чтоб в день они поуправились...
И на утро отряд по дороге уж шел:
К Самарканду войска понаправлялись».

То была своего рода песенная история самаркандского похода, которая излагалась эпизод за эпизодом. Были и оценочные куплеты:

«Мы всегда бухарцев бьем,
Им мы ходу не даем.

Из себя на вид он ловок,
Да душой — трусишка — робок,
Коль идешь к нему на штык,
От тебя сейчас он прыг.
Его храбрость мы видали —
В Самарканде испытали».

Обычного для фольклора преувеличения в этой оценке не было: готовность к паническому бегству с поля боя была неоднократно продемонстрирована бухарским воинством, что, надо полагать, глубоко оскорбило патриотические чувства мирных бухарцев, которые еще несколько лет назад весьма оптимистично оценивали боеспособность своей армии. «Я слышал, — пишет А. Вамбери в своей книге “Путешествие по Средней Азии...”, — как погонщики и поселяне, стоя перед чайными лавками, толковали о политике... Бедные люди приходили в восторг, говоря о геройских подвигах своего эмира. Они рассказывали, что он проник из Коканда в Китай и, покорив все под свой скипетр на Востоке, хочет также завоевать Иран, Афганистан, Индию и Френгистан (т.е. Францию. — *Е.Г.*), все страны до самого Рима; таким образом, мир поделится между султаном (турецким. — *Е.Г.*) и эмиром»⁴⁵.

Таковы были амбиции — и не только у бедных поселян в 1863 г., когда в тех краях под чужой личиной скитался венгерский востоковед. Поражение Бухары в войне с русскими разрушило наивную веру подданных эмира в его могущество и усилило сепаратистские поползновения вероломных вассалов, взявших сторону мятежного эмирского сына Абдулмалика. В какой-то момент положение владетеля «благородной Бухары», потрясаемой бунтами, стало катастрофическим; и тогда на помощь пришли вчерашние враги. По приказу Кауфмана, в дело вмешался начальник Зеравшанского округа генерал Абрамов, который очень быстро «разобрался» с Абдулмаликом и его союзниками — шахрисябзскими беками: разбил их при г.Карши и вернул Каршинский оазис под власть эмира.

С этого времени эмир стал реально зависеть от российских властей, но свою зависимость он осознал не сразу —

пытался, как прежде, самостоятельно, без ведома туркестанского генерал-губернатора, сноситься с Петербургом, иностранными государствами, интриговал, заключал международные соглашения. Представители генерал-губернатора постоянно растолковывали ему его новый статус. В августе 1870 г. тот же Абрамов по просьбе эмира совершил экспедицию против шахрисябзских беков, штурмом взял их укрепления Шаар и Китаб и предложил эмиру прислать своих чиновников для передачи им управление Шахрисябзским оазисом. После такого подарка от ярым-падшо эмир наконец примирился со своим новым вассальным положением. Как и предполагал Кауфман, богатый подарок сгладил в душе Музаффара горечь утраты Самарканда, который он до того продолжал в течение двух лет требовать назад, и окончательно приучил к мысли, что сохранить свой трон и владения он может только при поддержке России.

Присоединение к Российской империи новых земель и установление договорных отношений с Бухарским и Кокандским ханствами были встречены с энтузиазмом в российском обществе. Откликаясь на события в Средней Азии в 1864–1868 гг., «Русский вестник» писал, что они «возбуждают все больший и больший интерес», что перспективы развития отечественной промышленности и торговли определяются тем, «в какой мере мы сумеем приурочить к себе обширные и многолюдные рынки, непосредственно прилегающие ко вновь завоеванным землям»⁴⁶.

Также одобрительно о земельных приобретениях в Азии отозвался влиятельный либеральный журнал «Вестник Европы»: «Нам предоставляется новое обширное поле для деятельности... громадный рынок для сбыта изделий восточной России, несмотря на английскую конкуренцию»⁴⁷. Журнал сетовал на недостаточную поддержку правительством русской торговли, которая «должна прокладывать себе путь сама», тогда как торговля британская пользуется широким содействием своего правительства. «Вестник» призывал активно заниматься разработкой местных минеральных ресурсов, развитием промышленности и путей сообщения, не увлекаться одними административными ме-

роприятиями, но придать русской политике в этом регионе «характер экономический, промышленный, торговый»⁴⁸.

В сущности это и были главные цели туркестанского генерал-губернатора. Через три года после, как тогда говорили, замирения Бухары Константин Петрович мог констатировать: «В настоящее время русские товары на бухарских рынках преобладают и смело могут конкурировать с немногими английскими произведениями, встречающимися на рынках Бухары»⁴⁹. Свое заключение он сделал на основании доклада специального агента министерства финансов Н.Ф. Петровского, посланного в Бухару весной 1872 г. для изучения местного рынка. Уже в июле Петровский сообщал генерал-губернатору весьма любопытные сведения: «В настоящее время можно с уверенностью сказать, что торговля русским товаром имеет здесь первостепенное место и тяготение Бухары к Макарию (т.е. к Нижегородской ярмарке. — Е.Г.) чувствуется на каждом шагу. Русскими хлопчатобумажными произведениями (кроме кисей, но с прибавлением тика, которого из Афганистана не привозят) Бухара завалена буквально сверху донизу. На мой взгляд, русского бумажного товара по крайней мере раз в шесть более английского. Я видел на базаре этикетки фабрик Соколова, Богомазова, Сучкова, Истомина, Муравьева, Корнилова, Шереметьева, Мануилова, Сидорова, Морозова, Урусова, Баранова, Зубкова, Борисова, Миндовского, Фокина и Зизина. Затем идут сукно фабрик Осипова, Ремезова и Туляева, плис, парча и бархат, кожи кунгурская и уфимская, юфть, пряжа (ярославская и Лодера), прутовое, полосатое и листовое железо, чугунные котлы, медь, латунь, олово, свинец, меха, медные и железные изделия, фаянсовая посуда, сахар, леденец (преимущественно Кокина), сахарный песок, квасцы (идут больше Ушковские), купорос (синий), нашатырь, сандал (идет тертый), фуксин (первый сорт; второй и третий не идут), стеариновые свечи, писчая бумага, ртуть, мишура, бисер, краски, сундуки и всякая мелочь»⁵⁰.

Впечатляющий перечень! Такой обширный ассортимент могла предложить Бухаре начавшая бурно развиваться после 1861 г. молодая русская промышленность. А каково было

везти товары по бездорожью за тысячи верст? Можно представить, каких трудов стоила доставка в Бухару чугунных котлов, металлов, фаянсовой посуды... Но везли и довозили! Был интерес, большой частный интерес.

К.П. Кауфман мог гордиться достигнутым — высокомерная Бухара все осознала и смирилась. В 1873 г. российско-бухарский договор был пересмотрен: детализирован и расширен. Были включены пункты о свободном доступе российских купцов и их караванов в любую часть Бухарского ханства; об ответственности местных властей за их безопасность и за соблюдение условий торговых сделок; о беспопытности транзита русских товаров; о взаимном праве владения недвижимостью (бухарцам — в России, российским подданным — в Бухаре); об обмене между Российской империей и Бухарским ханством торговыми и политическими представителями. Особым пунктом в Бухарском ханстве запрещалась работорговля, что, однако, не привело мгновенно к уничтожению этого экзотического промысла, но давало право российской стороне настаивать на его ликвидации.

С полным основанием Кауфман мог заявить: дальнейшее развитие торга зависит от «самих купцов, правительство свое дело сделало».

***

На очереди была Хива. Небольшое ханство с населением, насчитывавшим 300–400 тыс. душ, удобно расположилось в плодороднейшем Хорезмийском оазисе. Это государственное образование занимало важное стратегическое положение, контролируя низовья судоходной Амударьи. Через Хиву путь лежал в Афганистан и Индию; ее нельзя было обойти, так как это был оазис в центре безводных пустынь. Природой изолированное маленькое государство, правители и жители которого имели самые смутные, причудливые представления об окружающем мире и своем месте в нем, с давних пор занимало заметное место в политико-экономических комбинациях российских властей.

Судя по найденным археологами на обширных просторах средней полосы России центрально-азиатским монетам VII–XI вв., торговые сношения Руси с Центральной Азией начались очень давно. Известно, что еще в XII и XIII столетиях хивинские и бухарские караваны приходили на Русь; в годы ордынского ига эти связи пресеклись. С покорением Казанского, Астраханского и Сибирского царств и особенно после овладения Яиком Россия значительно придвинулась к среднеазиатским ханствам. В XVI столетии, как свидетельствует Книга большого чертежа, в Москве достаточно хорошо знали казахские степи, а в XVII в. московское правительство уже отправляло послов в Хиву, Бухару и даже к Великому Моголу. Так, в 1620 г. посольство дворянина Ивана Даниловича Хохлова ходило через Хиву в Бухару и Самарканд. В 1669 г. были отправлены сухим путем в Хиву астраханский дворянин Иван Федотов и посадский человек Матвей Муромов; они дошли до Хивы. В том же году в Хиву в Бухару ходил посол Борис Андреевич Пазухин. В Хиве Пазухин провел две недели, затем направился на правый берег Амударьи, прошел песчаную степь до Каракуля и достиг г. Бухары, где «сидел» более года. Из Бухары Пазухин выступил осенью 1672 г. (год рождения Петра Великого) и шел по персидским владениям через Мерв, Мешхед, по южному берегу Каспийского моря, Ленкорань и Баку, откуда по морю вернулся в Астрахань, а затем осенью 1673 г. появился в Москве. Чуть больше чем через год в Индию через Хиву и Бухару отправилось посольство Василия Александровича Даудова. Высадившись на Мангышлакском берегу Каспийского моря, посольство двинулось сухим путем в Хиву, побывало в Бухаре, но в Индию русских посланцев не пустили, и в 1677 г. они вернулись в Москву. В том же XVII веке были и другие русские посольства.

Строго говоря, московское правительство интересовала не столько Хива, сколько Бухара и, конечно же, Индия, изучались возможные подходы к стране легенд и мифов, но, как важнейший пункт на пути в сказочный край, изучалась и Хива, оседлавшая великую реку Азии — Амударью.

Кроме этих мирных, свыше санкционированных посещений Хивы, в XVII в. яицкие казаки устраивали свои самостоятельные походы в Хивинский оазис, т.е. обычные разбойничьи набеги. В начале того далекого века некий яицкий атаман Нечай с казаками дважды добирался до Хивы, дважды грабил богатый город, и дважды казаков настигал и громил хивинский хан. Во второй раз хивинцы перебили всех, включая атамана. Легкомыслие и жадность губили казаков: сначала слишком долго гуляли и разоряли Хиву и другие города ханства, а потом слишком медленно уходили восвояси, обремененные непомерной добычей.

Всерьез Хивой занялись при Петре Великом. В 1714 г. царь прознал о золотоносных песках в верховьях Амударьи и о возможности разрушить плотину, которой хивинцы перегородили старое русло Амударьи, направленное в Каспийское море, и повернули реку в Арал. Сделано это было ради повышения безопасности ханства.

Царь понимал что перед Россией открываются блестящие перспективы: во-первых, богатые золотоносные пески на реке, а во-вторых, организация сквозного пути из Западной Европы в Индию по территории России и контролируемым русскими землям в Средней Азии. Трансевропейский и трансасиатский водный путь в Индию, которую тогда англичане еще не успели прибрать к рукам — только-только еще заглатывали по кусочку. Хива же была на этом пути азиатским Шлиссельбургом — ключевым городом.

Петр, как обычно, реагировал мгновенно: уже 29 мая 1714 г. пользовавшийся особым доверием государя кабардинский князь, гвардии капитан-поручик Александр Бекевич-Черкасский получил именной царский указ о снаряжении экспедиции в Хивинское ханство, имея предлогом поздравить новоиспеченного хивинского владетеля Ходжи-Мохаммада с его вступлением на трон. В инструкции Бекевичу было записано: «Надлежит над гаваном (т.е. гаванью), где бывало устье Амударьи-реки, построить крепость человек на 1000, ехать к хану хивинскому послом, а путь иметь подле той реки и осмотреть прилежно течение оной реки, тако же и плотины... Ежели возможно, оную воду паки

обратить в старый ток, к тому же протчая устья запереть, которые идут в Аральское море и сколько в той работе потребно людей...»⁵¹

С экспедицией князя Бековича-Черкасского должны были отправиться офицеры-разведчики, одному из которых, поручику Кожину, поручалось идти с торговым караваном под видом купца с грамотой к Великому Моголу, следуя насколько было возможно вверх по Амударье и панося свой путь на карту.

Судя по инструкции Петра, экспедиция Бековича не замышлялась как завоевательная. Зная, сколь непрочны позиции хивинских ханов в их владениях, как шатаются их троны, Петр хотел предложить новому хану оставить при нем «гвардию» из российских войск, «сколько пристойно», которая защитила бы того от вероломства и непостоянства подданных, прежде всего от туркмен. Предполагалось соорудить в ханстве несколько регулярных укреплений, т.е. речь шла о российской военной базе на хивинской территории. Затея отнюдь не была утопичной, поскольку просьбы такого рода от ханов Хивы и Бухары уже поступали. Задача взять Хиву силой оружия перед Бековичем не ставилась, поэтому он счел возможным послать вперед гонцов, чтобы предупредить хана о своем предприятии. В Хиве посланцев Бековича задержали, что уже должно было повисить бдительность начальника экспедиции.

Отряд Бековича выступил в поход (после долгой подготовки и рекогносцировки) в конце апреля 1717 г., имея численность 3650 человек, из них 2 тыс. — солдаты и казаки. Была артиллерия — семь пушек. Сила немалая.

До Хивы шли два месяца по местам безводным и бесплодным, терпя многие лишения и неся потери. Неприятные неожиданности начались при подходе к ханству, верст за 100–150. Посланный вперед уведомить хана о подходе отряда астраханский дворянин Керейтов и его конвой (100 человек) были заключены в хивинскую тюрьму. Затем собранная ханом 24-тысячная армия (благо хан был предупрежден заранее) напала на русских, но была отбита. Хивинцы нападали несколько раз, но в открытом поле одолеть регулярное

войско не смогли. В конце концов Бекевич вступил в стольный город ханства и вручил азиатскому владельцу свои верительные грамоты и государевы подарки. Казалось бы, взаимопонимание было достигнуто. Когда весь отряд протянулся к Хиве, хан заявил, что не сможет разместить его компактно, а потому предложил разделить отряд на пять частей и развести по близлежащим городкам, поместив солдат на квартирах местных жителей. Русские офицеры понимали, чем грозит расчленение отряда, не понимал этого только сам Бекевич, который непостижимым образом доверился хану. (Предполагают, что он был потрясен гибелью семьи в водах Каспия). Офицеры отказывались выполнять гибельный приказ начальника, но он грозил расстрелом, и они подчинились.

Случилось то, что и должно было случиться. Русских людей частью перебили, частью обратили в рабов. Хивинцы уничтожили конвой князя Черкасского, а его самого обезглавили перед ханским дворцом. Трагедия произошла 29 августа 1717 г. Очень немногие спаслись бегством и добрались до родных краев. Вернулся живым и поручик Кожин, который сообщил, что не обнаружил следов старого русла Амударьи.

Царю Петру не удалось повторить поход в Хиву, но до конца дней он не оставлял надежду на воплощение блестящей идеи товарного транзита из Европы на Восток через Россию, что сулило России огромные выгоды. Мощное предприятие было не по плечу слабым правителям, которые наследовали российский престол после Петра.

Торговые и дипломатические сношения России с Хивинским ханством в XVIII в. имели эпизодический характер. Торговый путь через Хиву по-прежнему был небезопасен, и немногие отчаянные головы из купцов решались рисковать животом и товаром на берегах Амударьи.

Потеря интереса со стороны России к торговле с Хивой и через ее территорию наносила, видимо, заметный ущерб самому ханству, так как в 1763 г. к российскому двору явился посланец хана с просьбой присылать ежегодно в начале апреля и в конце августа суда к мангышлакской пристани

для провоза хивинских товаров в Астрахань. Канцлер Воронцов дал согласие, но на условиях взаимности: в письме к хану Темир-гази он потребовал гарантий безопасности для русских купцов и права свободной торговли для них во всех ханских владениях. Ответа не последовало. Хива же продолжала бросать Российской империи вызов за вызовом.

Особенно болезненной была проблема похищения людей из пограничных российских районов в результате разбойничьих набегов казахов и туркмен с последующей продажей пленных на невольничьих рынках Хивы и Бухары. В царствование Екатерины II в Оренбургскую пограничную комиссию повелено было отпускать по 4 тыс. руб. в год «на искупление русских пленных из азиатских областей». Но мера эта эффекта не дала: невольников не продавали русским властям, а если и продавали, то захватывали вновь на обратном пути в Оренбург.

Медленно, но верно империя Российская в течение XVIII–XIX вв. расширялась на Запад, но еще больше на Восток и Юго-Восток. Приблизительно до начала XIX в. юрисдикция империи распространялась на добровольно присоединившиеся к ней казахские жузы (ранее их называли в русской литературе ордами) всего лишь номинально. Однако дошли у правительства руки и до кочевых народов степи, что лежала южнее Оренбурга. Нужно было упорядочить их налогообложение, организовать пути сообщения, продолжить создание линии оборонительных укреплений, вокруг которых группировались русские казачьи поселения, осваивавшие дику степь. Повышение внимания к Востоку объяснялось также активизацией колонизаторских усилий Великобритании в Азии. Завоевав почти всю Индию, Англия приближалась к российским пределам — конкурент появился у родного порога.

В новых условиях Хива стала ощущаться как заноза: нормальной торговле мешает, свои рынки не раскрывает, уводит людей в плен, облагает налогами российскоподанных кочевников, подстрекает их к неповиновению русским властям, ведет тайные переговоры с английскими эмиссарами.

Пышный букет претензий. Пришла пора принять хивинский вызов.

В 1839 г. в Петербурге созрело решение Хиву наказать. Операция была поручена оренбургскому генерал-губернатору Перовскому. К середине октября 1839 г. почти все приготовления были закончены: в Оренбурге собрали экспедиционный отряд в составе около 4250 военнослужащих при 18 орудиях и 2060 возчиков и погонщиков верблюдов из казахов и киргизов. Испугавшись летней жары, выступили под зиму, но сильно просчитались. Предполагалось, что снег в безводной пустыне станет заменой воды, но оказалось, что глубокий снег при сильных морозах даже для хорошо экипированных и привычных русских людей — непреодолимая преграда к продвижению вперед. Оказалось, что верблюд — существо нежное и падает, да и саней не взяли — груз катили на колесах. Снега, бескормица, а потому падеж верблюдов, повальная цинга и другие болезни остановили экспедицию, прошедшую до цели чуть более трети пути. Перовский повернул вспять. Во время почти восьмимесячного пребывания в степи экспедиционный отряд лишился умершими 1054 человека, потерял 10 тыс. верблюдов и 8 тыс. лошадей; на обратном переходе вынужден был бросить и истребить значительные запасы продовольствия.

Неудача большой и весьма неплохо экипированной экспедиции Перовского имела следствием окрепшее представление, как в России, так и в Хиве, о недоступности Хивинского оазиса. Особенно большое значение этот неуспех русских имел для хивинцев, уверовавших в свою недосыгаемость, а потому и безнаказанность. Великий сосед велик размерами, но не более того: спустя сто с лишним лет после похода незадачливого Бековича-Черкасского русские не стали ни опытнее, ни лучше оснащены технически. Правда, в 1842 г. между Российской империей и Хивинским ханством был заключен договор, обязывавший хана отпустить из неволи всех русских рабов (418 человек были освобождены); впредь не захватывать новых; обеспечивать свободу и неприкосновенность русских торговцев на территории ханства; не облагать податями ко-

чевников, признавших российское подданство. Внушительность предприятия 1839–40 гг., хотя и не осуществленного до конца, произвела впечатление на хана и его окружение, почему и был заключен этот договор, но главной причиной был резкий упадок русско-хивинской торговли к невыгоде хивинской казны. Поскольку, однако, договор не был с российской стороны подкреплён внушительной демонстрацией силы, хивинцы о нем вскоре забыли: свои караваны они посылали в Россию, но российские у себя грабили, а россияне забирали в неволю. Тем и другим промыслом, конечно, занимались разные люди — кто в чем специализировался, однако вывод мог быть один: хан не контролирует, либо не хочет контролировать ситуацию. Впрочем, было и то, и другое.

Как уже говорилось, вступив в должность в ноябре 1867 г., К.П. Кауфман направил письмо хану Хивы, но получил дерзкий ответ от его первого министра, а тем временем хивинцы и состоявшие в вассальной (номинальной) зависимости от хана несколько туркменских племен, в том числе иомуды, продолжали разбойничать в русских степях. Поводом к антирусской агитации стало новое Положение об управлении кочевниками в степях Оренбургского генерал-губернаторства. Положение, в частности, предусматривало выборность султанов (старшин) и мулл самим кочевым населением. Как всякое нововведение, этот акт вызвал недовольство, которое под влиянием хивинских подстрекателей вылилось в широкое возмущение. Агитаторы из Хивы объясняли кочевникам, что сначала их переписут (перепись была предусмотрена новым Положением), затем заставят строить постоянные села, отказавшись от перекочевков, насильственно обратят в другую веру, а там уж будут брать в солдаты. Такие перспективы пугали и возмутили степняков.

Беспорядки в оренбургских степях отразились на туркестанцах: Ташкент и другие русские гарнизонные города оказались отрезанными от империи, так как было нарушено движение по почтовому тракту Оренбург — Ташкент вдоль несудоходной Сырдарьи. В эти годы (1868–1869) стало оче-

видным, насколько новый военный округ зависим от этого почтового пути и как легко он может быть изолирован.

Ко всем хивинским прегрешениям добавились и ставшие известными туркестанскому генерал-губернатору сношения Хивы с Бухарой, Кашгаром, Кокандом и Афганистаном на предмет создания союза мусульманских владетелей против России. (Справедливости ради, инициатором переписки был не хан Хивы). Не бездействовали и британские конкуренты.

С образованием Туркестанского генерал-губернаторства и захватом Самарканда, приведением в зависимое положение Бухары, Хорезмский оазис оказался в окружении российских владений. Это само его положение в сочетании с дерзким поведением хана было новым вызовом империи и лично туркестанскому генерал-губернатору.

Осенью 1869 г. Кауфман направил хану Мухаммеду-Рахиму новое послание. Оно было составлено в более резких выражениях, чем предшествующее, и содержало напоминание о судьбе Бухары и Коканда, которые так же испытывали терпение русских властей, но были принуждены «жить в мире», поддерживать «добрососедские отношения» и, как специально подчеркивалось, предоставить российским купцам право свободной торговли на своей территории. В заключение генерал-губернатор откровенно грозил военным вторжением в пределы ханства. В том же 1869 году началась негласная подготовка к военной экспедиции в хивинские пределы. Небольшие рекогносцировочные партии двигались по предполагаемым маршрутам походных колонн, собирая необходимые сведения о местности, главным образом о воде, кормах для животных и топливе. Кауфман пришел к мысли о неизбежности военного решения хивинского вопроса, тем более что неразумный хан не только не ответил на новое послание, но и заточил в темницу передавшего его курьера. Будто намеренно, провинциальный князек, не имевший ни малейшего представления о событиях и отношениях в обширном и сложном цивилизованном мире, стремился вывести из терпения все сильного начальника Туркестанского края.

Хива мешала жить и другому царскому наместнику, генерал-губернатору огромного Оренбургского края Н.А. Крыжановскому. В конце 1869 г. он направил в Петербург подлинники посланий хивинского хана, распространявшихся среди казахов Уральской области, в которых хан подстрекал их к вооруженным выступлениям против русских и в случае отказа от нападений на российские города и укрепления грозил уничтожить казахские стойбища. Крыжановский полагал, что без карательной экспедиции не обойтись.

«Расправа с Хивой, — пишет Терентьев, — назначена была в 1871 г. средствами Туркестанского округа»⁵². Так предполагали в Ташкенте, но различные обстоятельства и события отложили расправу на более поздний срок.

Смелая идея Петра Великого повернуть Амударью в Каспийское море и проложить водный путь через всю Среднюю Азию, ради воплощения которой отдали жизни Бекович и его сподвижники, вновь, спустя полтора века овладела умами русских купцов и политиков. В апреле 1869 г. эта идея обсуждалась на специальном заседании Общества для содействия русской промышленности и торговле. После длительного и оживленного обсуждения участники заседания сошлись во мнении, «сколь важно упрочить наше положение в Средней Азии и закрепить за нашей промышленностью тамошние рынки». 14 мая того же года общее собрание Общества постановило ходатайствовать перед правительством об открытии торгового пути от восточного берега Каспийского моря к Амударье и далее в Среднюю Азию. Представителям российского предпринимательства не было особой надобности искать лишние доказательства, чтобы убедить правительство в целесообразности овладения восточным берегом Каспия, поскольку такого рода предприятие обсуждалось в «сферах» еще в 1864–1865 гг. Тогда не дошли руки, теперь же мнение сторонников создания российского форпоста на восточном берегу в среде государственных мужей совпало с желаниями предпринимателей.

Зная настроения в правительственных и торгово-промышленных кругах империи, Кауфман отправил Д.А. Милютину в июне 1869 г. два письма с предложением

высадить в Красноводском заливе десантный отряд и основать там русское укрепление. По мнению Кауфмана, высадка русских войск поможет оказать давление на Хиву. Туркестанский генерал-губернатор намекал, что в случае войны с Хивой расходы на овладение восточным берегом Каспийского моря смогут быть покрыты из контрибуции, которую следовало бы взять с Хивы. Военные соображения для Кауфмана, человека прежде всего военного, а уж потом администратора, были на первом месте.

Военный министр был солидарен с Кауфманом, но вопрос такой важности следовало обсудить, согласовать, «утрясти» и «увязать» с другими заинтересованными ведомствами, в первую очередь с МИДом. Письма Кауфмана попали к директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову, от которого в скором времени в Ташкент пришел ответ. Реакция директора департамента была традиционной и очень характерной для российского дипломатического ведомства в годы, последовавшие за поражением в Крымской войне: казалось, что руководство МИДа пугается собственной тени. «Из Вашего письма я вижу, — писал Стремоухов, — что Вы смотрите на Красноводск как на средство, облегчающее военную экспедицию в Хиву. Наше министерство и вообще правительство смотрит на него иначе, а именно, как на новые ворота для нашей торговли и, в крайнем случае, как на благотворную угрозу или внушение Хиве. Нам было бы желательно, чтобы посредством этого пункта широко развилась торговля, которая своею выгодностью докажет Хиве пользу добрых к нам отношений, а в то же время глупый хан поймет, что и до него добраться теперь уже сравнительно легко. Не дай Бог, чтобы нам пришлось идти войною и занимать Хиву; занять легко, а каково будет ее очистить, и неужели же и эту страну присоединить к империи?.. Я полагал бы вооружиться терпением и дать обстоятельствам более обрисоваться. Но ни в коем случае не думать о походе в Хиву и покуда не начинать с нею дипломатических отношений. Я убежден, что неминуемо, рано или поздно, хан пришлет к Вам посольство для объяснений»⁵³.

Начальник азиатских дел предлагал ждать до тех пор, пока «глупый хан» поумнеет. Как долго ждать? «Рано или поздно» хан возьмется за ум. Но не мог же тайный советник Стремоухов не знать историю русско-хивинских отношений? Ему наверняка было известно, что русские торговые люди требуют гарантий безопасности, которую российский МИД не в состоянии им обеспечить. Единственно, что он мог им предложить, — это «вооружиться терпением и дать обстоятельствам более обрисоваться». Каково было получить этот совет могущественному ярим-падшо? Хан не отвечает, хан дерзит, хан безобразничает, а вы терпите. А как же авторитет державы, его, Кауфмана, собственный авторитет, наконец? Плохо, видимо, знал Азию главный специалист по азиатским делам.

Вскоре «министерство странных дел», как называл МИД А.С. Грибоедов, заробело еще больше и убедило императора отсрочить высадку десанта из состава войск Кавказского наместничества на восточном побережье Каспия, которая первоначально была намечена на август 1869 г. Стремоухов и Горчаков испугались не только Англии, которую боялись всегда, еще им представилось, что к протестам британского кабинета добавится гнев Персии, с которой в то время велись торговые переговоры.

Наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич и К.П. фон Кауфман были возмущены: оба направили свои возражения на высочайшее имя, правда в разных выражениях. Резкое письмо брата царя возымело действие — император разрешил десантировать войска в ноябре 1869 г. 5 ноября отряд под командованием полковника Н.Г. Столетова высадился на побережье Муравьевской бухты Красноводского залива, где и было основано укрепление Красноводск. Протесты были, но их легко удалось отвести. Мидовские страхи оказались преувеличенными.

Узнав об успешном завершении красноводской операции, Кауфман отправил в Хиву послание с требованием полного содействия русско-хивинской торговле и допуска в ханство российских купцов. Генерал-губернатор обвинял хана в подстрекательстве казахских племен к неповиновению россий-

ским властям, требовал отказаться от вмешательства во внутренние дела казахских жузов. Хан не удостоил начальника Туркестанского края ответом. В это время у него были основания вести себя вызывающе — волнения среди казахов усиливались, казахи просили у него помощи и даже прислали ему богатые подарки: 50 соколов, 100 иноходцев, 100 верблюдов, 50 белых войлоков.

В качестве ответных мер на высадку отряда Столетова и постройку Красноводска в самой Хиве соорудили башню с 20 пушками; перегородили плотиной и развели по арыкам главный фарватер Амударьи Талдык, чтобы русские пароходы не могли войти в него из Аральского моря; близ мыса Урге на Аральском море выросла новая крепость Джан-Кала; еще одно укрепление начали строить в урочище Кара-Тамак. Для поддержания боевого духа своего ополчения хан воспользовался появлением в степях Хивы некоего турка, которого объявил официальным послом султана Османской империи, прибывшего с предложением союза и помощи от Блистательной Порты.

Кауфман был опытным государственным деятелем и хорошо знал нравы и обычаи правительственных сфер. Он последовал совету Стремоухова «вооружиться терпением и дать обстоятельствам более обрисоваться». Более того, генерал-губернатор Туркестанского края, генерал-адъютант, облеченный особым доверием его императорского величества, среди среднеазиатских народов известный как «получарь», согласился унизиться. Он вступил в переписку с хивинским диван-беги (некто вроде министра иностранных дел), отправив ему 25 марта 1870 г. письмо с выражением удивления по поводу уклонения хана от непосредственных сношений. Требования предьявлялись все те же. Ответ последовал дерзкий.

«Видя из тона письма, что обаяние Красноводского отряда уже ослабело, — пишет Терентьев, — и что наша настойчивость и угрозы без поддержки их вооруженною рукою ничего не стоят в глазах хивинцев, генерал Кауфман представил военному министру свои соображения относительно совместных действий против Хивы со стороны Туркеста-

на и Кавказа, чтобы решительным ударом низвести Хиву с того пьедестала, на котором она стоит, кичась своей недоступностью и нашими прежними неудачными попытками вразумить ее»⁵⁴.

В случае с Хивой снова и особенно наглядно проявились две противоположные тенденции российской колониальной политики. Центральные ведомства, МИД прежде всего, чьи чиновники полагали, что на берегах Амударьи к международной торговле и международным трактатам относятся так же, как на берегах Невы, Темзы и Сены, стремились обеспечить русские торговые интересы в Азии с помощью привычных договорных формулировок. Составили договор, определили ответственность сторон, — и можно жить спокойно. МИД, министерство финансов и другие ведомства в Петербурге не желали территориальных приращений, зная, как дорого и хлопотно содержать колонии. Торговля, экономическое проникновение на новые рынки — да! Завоевание новых земель, их обустройство — нет! Так хотели бы вести дела в Петербурге. Практики колониализма на местах знали, что без вооруженного насилия азиатские рынки не удержать и безопасность отечественной торговли не обеспечить. К тому же надо иметь в виду, что директивы как жить и что делать сочиняли на берегах Невы люди сугубо штатские для людей сугубо военных, каковыми были наместники и генерал-губернаторы. Взаимопонимания не было.

«Расправа с Хивой» в 1871 г., как это намечали в Ташкенте и Тифлисе, не состоялась не только потому, что ждали реакции хана на строительство Красноводска, но и в связи с отвлекшей силы и средства от основного похода экспедицией в китайский Туркестан. Восстание тюркских племен против китайских властей, начавшееся еще в 1864 г., грозило перекинуться на вновь присоединенные к России области, что заставило туркестанского генерал-губернатора выслать весной 1871 г. карательную экспедицию во главе с военным губернатором Семиреченской области генерал-лейтенантом Г.А. Колпаковским в район Кульджи. Вмешательством во внутренние дела Китая это вторжение можно считать лишь условным, поскольку китайские власти эвакуировали из рай-

она восстания этнических китайцев и не принимали никаких мер, чтобы сохранить за собой мятежный регион. С взятием Кульджи покорилась Российской империи и вся Кульджинская область, возвращенная Китаю только через 10 лет. Такое продолжительное присутствие в Кульдже дало русским возможность ближе познакомиться с этой страной и с соседними с нею китайскими владениями к северу от Тянь-Шаня.

В течение трех лет (1870–1872) не прекращался активный обмен письмами между наместником Кавказа, двумя генерал-губернаторами — туркестанским и оренбургским — и петербургскими министерствами. Кауфман писал Д.А. Милютину о необходимости поставить хана «в положение от нас вполне зависимое и тем положить прочное основание нашему полному господству в Средней Азии». Военный министр склонялся в пользу «энергического» поступка, полагая, что необходимо нанести «решительный удар, который мы так давно стремимся отсрочить даже в ущерб достоинству государства»⁵⁵. В то же время Стремоухов не только увещевал великого князя и генерал-губернаторов ждать, когда хан все поймет и осознает, но и разъяснял Милютину, что хан не так уж плох, а сообщения о враждебных действиях хивинцев во многом преувеличены и ложны. Под воздействием тех или иных влияний менялись и мнения царя.

В конце концов пять лет спустя после вступления К.П. Кауфмана в его новую должность ему удалось получить высочайшее разрешение на снаряжение антихивинской военной экспедиции, которая с самого начала стояла в плане его действий как начальника вновь завоеванного края.

Произошло это не случайно, а после тщательной дипломатической подготовки, в чем, надо отдать должное, была заслуга российского МИДа. Поняв, что императору более импонируют силовые решения азиатских проблем, нежели долгие переговоры, Горчаков начал торг со своими постоянными партнерами и оппонентами из МИДа ее британского величества. Главы дипломатических ведомств двух великих империй сторговались за счет «глупого хана» (выражение Стремоухова). Петербург признал за покровительствуемым

британцами афганским эмиром Шер-Али право владеть провинцией Бадахшан, а Лондон, в свою очередь, согласился с российскими притязаниями в Средней Азии и в низовьях Амударьи в том числе. Хан Хивы искал защиты у британской администрации в Индии, но там ему посоветовали удовлетворить требования русских и не раздражать их. Понял ли хан, что его участь решена?

И тогда в начале декабря 1872 г. в Петербурге собралось Особое совещание руководителей центральных ведомств с участием начальников Туркестанского и Оренбургского краев, наместника Кавказа и самого государя. Пришли к выводу: Хиву наказать. Исполнителем приговора вызвался быть великий князь Михаил Николаевич. Он резонно заявил, что снаряжение экспедиции с восточного берега Каспия обойдется дешевле, чем из Оренбурга и Ташкента. Сначала совещание с этим доводом согласилось, но опытные генерал-губернаторы обратили внимание царя на большой риск такого предприятия: кавказские войска не имели опыта степных (скорее пустынных) переходов и могли не дойти до Хивы. Ради полной гарантии успеха решено было наступать с трех сторон силами трех военных округов.

Каждому из трех наместников хотелось возглавить экспедицию, так как необходимо было общее командование над тремя отрядами. Пользуясь своим великокняжеским статусом, наместник Кавказа заявил о намерении быть главнокомандующим экспедицией. На том и порешили.

Кауфмана обидели. Хива была азиатским, а не кавказским государством, все эти годы бросала вызов ему, а не Михаилу Николаевичу, сидевшему за морем, примыкала непосредственно к его владениям. То был его законный трофей, и он не хотел его упускать. Когда Главный штаб составил план операции, Константин Петрович сделал несколько замечаний. В числе прочих были два, недвусмысленно подводивших царя к мысли назначить туркестанский отряд главным (два других вспомогательными), а командующего Туркестанским округом — главнокомандующим всей экспедицией.

Во-первых, по мнению Кауфмана, «начальник того округа, на который возложится первая роль, должен лично при-

существовать на театре действий». Это был верный ход: великий князь, брат императора, не захотел бы несколько месяцев бродить по безводным пустыням. Во-вторых, главный отряд должен быть самым многочисленным и лучше других вооруженным артиллерией. Такими силами и средствами располагали только туркестанцы. 12 декабря Александр II утвердил план хивинской экспедиции, возложив главное командование на Кауфмана. Напутствуя, император сказал: «Возьми мне Хиву, Константин Петрович».

Отряды трех округов предполагалось двинуть на Хиву с трех направлений: Кавказский — с запада, Оренбургский — с севера, Туркестанский — с востока. Сказать точнее, по плану Главного штаба в экспедиции должны были участвовать не три, а пять отрядов: Кавказский и Туркестанский отряды составлялись из двух колонн каждый. Войска, дислоцированные за Каспием и на обширных просторах Туркестана, были разбросаны по гарнизонам, их предстояло собрать сначала в колонны, а затем в определенных пунктах свести в отряды.

Подготовка к походу началась в округах в разное время, позже других в самом удаленном — Туркестанском. Телеграф до Ташкента еще только тянули. По плану, однако, приготовления во всех округах должны были быть окончены к концу февраля 1873 г. Двигаться до Хивы всем отрядам предстояло главным образом по пустыне. При этом Оренбургскому отряду нужно было преодолеть 1400 пустынных верст, кавказцам — более 800, туркестанцам более 1000. Контрольным сроком сбора всех отрядов назначалось 1 мая 1873 г.

Относительно участи Хивы в утвержденном царем документе было записано: «По наказании Хивы владения ее должны быть немедленно очищены нашими войсками». Учитывалось, что план похода неминуемо станет известным британскому кабинету, для того и было включено успокаивающее англичан категорическое заявление.

На все предприятие казна ассигновала около 1 млн. руб. — сумму по тем временам немалую. Ожидалось, что частично ее удастся компенсировать за счет контрибуции.

Прошло более двух месяцев, и отряды были сформированы в следующем составе: Туркестанский — 5300 человек,

Оренбургский — 3500, Кавказский — 4300 человек. Всего — 13 100 человек. При них: 20 тыс. верблюдов, 4600 лошадей, 56 орудий и 26 ракетных станков. Это была внушительная сила даже в масштабах европейского театра военных действий. Кроме того, соединенному войску Кауфмана придавались для переброски войск по воде аральская флотилия, включавшая два небольших парохода. В качестве представителей царствующего дома (и контролеров) в поход отправлялись великий князь Николай Константинович, князь Е.М. Романовский и герцог Лейхтенбергский.

Поход предстоял высшей категории трудности. К тому времени в России были известны и проанализированы труднейшие экспедиции французских войск в Египет и Алжир, а также английских в Индию и Афганистан, но и они не шли ни в какое сравнение с планируемой экспедицией в Хиву. Строго говоря, нужно было победить не хивинцев — противника заведомо слабого, а их могучего союзника — Великую Степь, где лютые морозы и бураны зимой уничтожали ее коренных обитателей казахов вместе с их стадами. Летом степь превращалась в земное подобие ада: над головой раскаленное солнце, под ногами либо твердая растрескавшаяся почва, без воды и растительности, либо зыбучие, передвигающиеся пески. И вечная, всепроникающая пыль.

Памятуя о неудаче Перовского в 1839–40 гг., к походу готовились основательно. Лучше других подготовились оренбуржцы. На этот раз выступать решено было на саниах, а не на колесном транспорте; по всему маршруту были заготовлены казахские юрты (юламейки), провиант, сено и топливо; войска имели комплекты как зимнего, так летнего обмундирования. Именно благодаря прекрасной экипировке и хорошему питанию, несмотря на бураны и 30-градусные морозы солдаты стрелкового батальона прошли по степи менее чем за месяц 1005 верст, оставив на промежуточных пунктах маршрута всего трех больных. Другие подразделения были подготовлены к походу не хуже — получали ежедневно в достатке мясо, чай, сахар, сушеную капусту.

Пехота Оренбургского отряда имела на вооружении игольчатые, заряжавшиеся с казенной части винтовки сис-

темы Карле образца 1867 г. Скорострельность и дальность стрельбы были удовлетворительными, но до совершенства им было далеко: длинные и тонкие иглы нередко ломались; при ударе прикладом о землю или при падении оружия происходил непроизвольный выстрел; в стволе скапливались несгоревшие клочья бумажной гильзы; пороховые газы иногда прорывались через затвор и били в лицо стрелка.

Верблюжий обоз был огромный и тяжело груженный. Офицеры везли не только разнообразное обмундирование, но и посуду, походную мебель, тащили по степи рессорные экипажи — собирались, видимо, с ветерком пронестись по привольным хивинским проспектам, имевшим в длину не более 50 и в ширину не более 3 метров.

Известие об экспедиции в столице Туркестанского края получили только 20 января 1873 г., т.е. тогда, когда авангард Оренбургского отряда уже вторую неделю находился в пути. Официально подготовка началась с этой даты, но, как всегда бывало на Руси, по-взаправдашному готовить поход ответственные лица округа стали после появления в Ташкенте 20 февраля начальника края.

Туркестанцы выступали в поход вооруженные лучше оренбуржцев — у них в руках уже были самые современные в то время скорострельные винтовки системы Бердана. Эти очень надежные и дальнобойные, хотя и однозарядные, винтовки заряжались патроном, имевшим металлическую гильзу. Орудия были как гладкоствольные, так и нарезные, как медные, так и стальные. Нарезных было в два раза больше гладкоствольных. Восемь ракетных станков образовывали отдельную конно-казачью ракетную батарею.

Туркестанские офицеры также пожелали взять с собой разнообразный и объемный скарб, и распоряжением самого главнокомандующего экспедицией их потребности в комфортном походном быте были регламентированы выделением им определенного числа вьючных животных. Генералам определено было по три верблюда, штаб-офицерам — начальникам частей — по два, штаб-офицерам — по одному и обер-офицерам — один на двоих. На трех верблюдах мож-

но было унести около двух тонн груза. Истинно генеральский размах.

Верблюды должны были нести боеприпасы, орудия, медицинские грузы — отряд имел хорошо снабженный лекарствами и укомплектованный врачами и фельдшерами (14 врачей, 29 фельдшеров) лазарет. Предусмотрены были для перевозки больных специально сконструированные носилки. Состояние здоровья людей в походе было особой заботой Кауфмана. По его инициативе разработали подробнейшие правила походного быта — всего 30 пунктов на 14 страницах. Это была инструкция для офицеров: «1) В начале похода, покуда еще не наступят жары, не поднимать людей ранее четырех часов утра, а с ночлегов не выступать ранее шести. С наступлением жаров поднимать до рассвета, чтобы успеть сделать переход до жара... 2) Наблюдать, чтобы люди пили чай по крайней мере два раза в сутки — утром и вечером, а если возможно, то и на привалах. Люди меньше будут пить сырой воды и тем избавятся от расстройств желудка и лихорадок... 3) Водку отпускать только в крайних случаях: в сырую погоду, после больших переходов, трудных работ. Не давать при подъеме с ночлегов и перед встречей с неприятелем (никаких «наркомовских ста грамм» времен второй мировой. — Е.Г.). 4) Эшелонным начальникам заботиться о том, чтобы к безводным переходам или где, на ночлеге, предстоит пользоваться дурной водой, — все турсуки, баклаги и бочонки были наполнены водой... 5) В видах предохранения людей от вредных последствий быстрого перехода от дневного жара к ночному холоду наблюдать, чтобы люди вовремя надевали шинели. 6) Озаботиться, чтобы у каждого солдата была кошма для подстилки и крышки. 7) На ночлегах у колодцев с дурной водой ставить часовых и не давать людям брать из них воду. 8) Пищу варить два раза в сутки: после прихода на ночлег и перед выступлением»⁵⁶.

Еще более подробно расписывалось, как сохранять выючных животных и их грузы, как организовать движение эшелонов (отряд был разбит на эшелоны), как устраивать походные лагеря.

В разделе, касавшемся боевых действий, было категорически приказано максимально беречь патроны и снаряды.

При подготовке экспедиции Кауфман проявил себя и как военный инженер. По его собственноручным чертежам еще с 1871 г. на Волге и верфи аральской флотилии изготавливались железные понтоны: один понтон составлялся из четырех ящиков, свинчивающихся винтами. Каждый ящик весил от 80 до 100 кг; таким образом восемь человек были в состоянии легко поднять весь свинченный понтон и спустить его на воду. Сборка понтона занимала два часа. Паром, собранный из понтонов, нес 2 орудия и 16 человек. Понтоны, предназначенные для переправы через широкую Амударью, прозвали «кауфманками». А в походе кауфманские ящики служили емкостями для водопоя верблюдов, лошадей и взятого на мясо, так называемого порционного, скота. Напившись из «кауфманок», верблюды несли их на себе дальше.

28 февраля в Ташкенте командующий экспедицией принимал парад войск Ташкентского гарнизона, выступающих в поход. Вместе с войсками, выстроенными в несколько линий, на площади в русской части города собрались почти все его жители, в том числе из так называемой туземной части. Погода была теплая, небо по-весеннему ясное, люди были радостно возбуждены. Коренные ташкентцы, т.е. сарты, ничуть не возмущались, что русские идут громить их единоверцев.

Кауфман, придававший немалое значение представительской стороне своего губернаторства, как бы оправдывая прозвание «полуцарь», принимал парад максимально торжественно, в сопровождении большой, сверкающей орденами и золотым шитьем свиты. Во время парада был отслужен молебен с водосвятием. В завершение войска прошли церемониальным маршем.

Устроители парада имели целью не только поднять дух российского солдата, но и оказать моральное давление на далекого противника, до которого, несмотря на значительное расстояние и отсутствие какой-либо регулярной системы оповещения и связи, должен был очень скоро дойти слух

о превосходном состоянии и мощном вооружении выступающих в поход частей.

1 марта ташкентские войска покинули город; шел дождь, что было хорошим предзнаменованием; правда, глинистые дороги очень скоро раскисли, и для туркестанских солдат началась тяжкие походные будни.

Маршрут Туркестанского отряда был проложен так, чтобы как можно меньше двигаться по территории Бухарского ханства: не хотели лишний раз раздражать пусть и полусамостоятельного, но все же властелина. В результате пришлось идти по псобжитым местам. Кауфман и его ближайшее окружение были приятно удивлены, когда через несколько дней по выходе из Ташкента походную колонну встретила депутация от бухарского эмира, имевшая поручение от имени своего владыки выразить Кауфману дружеское расположение, полную готовность к услугам и пожелание успеха предпринятой экспедиции. Эмир просил передать генерал-губернатору свое удивление тем, что он избрал столь далекий путь в Хиву, когда бы мог пройти по заселенным районам его ханства. Послы эмира также сообщили, что бекам тех бухарских районов, через которые лежал путь экспедиции, эмир строжайшим образом приказал подготовить фураж, топливо и воду для отряда.

Переход за переходом отряд одолевал среднеазиатские просторы. Весенняя погода сменилась холодами и буранами, дожди переходили в снегопады. Промокшая одежда замерзала и затрудняла движение усталых людей. Начался падеж верблюдов. Люди добредали до конца перехода и к великому для себя облегчению находили заранее заготовленные припасы — топливо и фураж. В тех случаях, когда солдаты останавливались на ночлег близ кишлака, местные жители устраивали возле лагеря импровизированный базар.

Наиболее легкая часть похода закончилась через две недели после выступления из Ташкента, когда часть отряда, с которой двигался Кауфман и члены царствующего дома, достигла населенного пункта Темир-Кобук. С этого момента начался настоящий степной поход — здесь отряду предстояло свернуть в кзылкумскую степь, с каждым шагом

удаляясь от гор, от оседлого населения, самое главное — от живительной воды рек и ручьев. Предстояло двигаться по пескам без проложенных постоянных путей. Бывали дни, когда ветер дул сутками, тогда поднимались пески: с большим трудом удавалось установить палатки, но и в них нельзя было укрыться от песка. Приготовленная в палатке постель быстро покрывалась толстым песчаным слоем. К тому же палатки, поставленные на песке, плохо держались, их срывало сильными порывами ветра.

Здесь закончился обследованный рекогносцировками прошлых лет отрезок маршрута — остальной путь до Амударьи был известен только понаслышке. К этому времени отряд вступил в беспредельное царство песчаных барханов. Те, кто прошел этот путь, потом признавались, как у них сжималось сердце при малейшем дуновении ветра. Легкий ветерок мог превратиться в сильный многочасовой буран, способный поднять песчаные холмы в воздух и замести еле обозначенную караванную тропу. Такая возможность постоянно тревожила Кауфмана. Он самолично и по многу раз расспрашивал проводников и встречных кочевников о путях через пустыню, сопоставлял полученные сведения, то и дело собирал свой штаб. До него доходили также слухи о том, будто известный степной разбойник Садык, состоявший на службе хивинского хана (в советское время его называли вождем национально-освободительного движения), движется навстречу отряду, чтобы завалить или испоганить колодцы по маршруту до реки. Если бы это случилось, поход завершился бы результатом 1840 г. Срочно сформированный летучий казачий отряд был послан навстречу Садыку, который ушел, не решившись встретиться с казаками в открытом бою.

Чем дальше отряд углублялся в пустыню, тем хуже становилась вода в колодцах; желудочные расстройства стали повальными. В плохую колодезную воду добавляли клюквенную и другие эссенции, однако запас этих снадобий быстро иссяк — пришлось привыкать к дурной воде, и, паразитическим образом, привыкли. Месяц спустя по выходе из Ташкента в походном лазарете находилось всего трое боль-

ных: офицеры точно выполняли инструкцию своего главнокомандующего, за здоровьем солдат постоянно наблюдали врачи.

Праздник св.Пасхи приходился в тот год на 7 апреля (ст. стиль). К этому дню отряд все еще был в пути. Лагерь разбили в овраге, что хоть как-то защищало людей от пронизывавшего холодного ветра. Священник А. Малов устроил походный алтарь в большой палатке, которая, однако, способна была вместить только часть старших чинов отряда. Солдаты плотной толпой стояли под открытым небом, усеянным чужими звездами, слушали заутреню и литургию. В первый, да вероятно, и в последний раз, в том овраге, среди безмолвной пустыни совершалось самое торжественное православное богослужение. Когда раздалось пение солдатского хора: «Воскресение Твое, Христе спасе», три ракеты, одна за другой, вычертили на непроницаемо черном небе три огненные дуги. Ночью, когда не видна унылая пустыня, при звуках с детства знакомых песнопений у солдат возникало ощущение далекого дома. Традиция была соблюдена максимально возможно — были даже крашеные яйца, которые своим людям раздавали командиры частей. Подрядчик купец Громов сумел доставить в отряд 8 тыс. яиц. Русские жители Ташкента прислали солдатам 16 пудов чаю и 24 пуда сахара.

Шатер командующего ярко светился. На совсем не походному сервированных столах стояли кулички, изысканные закуски, вина. Прием был дружеским и светским одновременно.

Утром делали визиты. От палатки к палатке, от кибитки к кибитке, по нагромождению камней переходили офицеры, одетые по полной форме, в белых перчатках. Играла музыка. Изнурительный поход, враждебная, жестокая природа не дали забыть традицию, опуститься. Тон задавал командующий.

В овраге, среди пустыни, где встретили Пасху, было получено известие из Казалинска (бывш. Форт № 1) о появлении в этом городе-крепости на Сырдарье хивинского посольства. Хан, наконец, выполнил требования туркестанского генерал-губернатора и прислал с посольством 21 рус-

ского пленного, а точнее раба, так как до начала похода военные действия между Россией и Хивой не велись. Услышав об экспедиции, хан решил остановить ее самым недорогим и примитивным способом.

В Казалинске посла не приняли и отправили в пустыню искать Кауфмана. Ханский посол, очень важная персона, в дорогом золотом халате, в сопровождении большой свиты двинулся догонять туркестанский отряд. Посол не очень торопился, подолгу стоял на месте, дабы не «потерять лицо», чтобы, не дай Аллах, кяфир не подумал, будто посол слишком суетится, оттого что боится его. Медленно поспешая, посольство догнало русские войска на четвертый день после того, как те взяли Хиву.

24 апреля объединенный Туркестанский отряд (в тот день колонна, вышедшая из Казалинска, соединилась с колонной, двигавшейся от Ташкента) достиг изобилующего водой урочища Хал-ата, где заканчивался первый более или менее благополучный этап похода. Считая от Ташкента, позади осталось 660 верст, от Казалинска — 73. Между Хал-ата и Амударьей лежал самый трудный, практически безводный отрезок маршрута. Если до Хал-ата участники экспедиции терпели лишения, то теперь им предстояло выносить мучения.

В урочище Хал-ата, когда-то обитаемом, было построено укрепление имени Св. Георгия. Все сделали по правилам инженерного искусства. Соорудили брустверы, склады, отрыли траншеи для стрелков, оборудовали оружейные позиции и даже возвели на самой вершине холма сторожевую башню, на которой отныне развевался российский флаг. В укреплении оставили роту солдат и многие грузы, которые не было никакой возможности дотащить до вожделенной реки. Взяли воды столько, сколько могли вместить все водоподъемные средства, и в страшную жару тронулись в путь неизвестной протяженности.

Медленно, ровным шагом идут белые фигуры, крупные капли пота скатываются с обожженных лиц, ноги тонут в песке, головы напекло; каждый обвешен мешками, бутылками и манерками с водой; винтовки невыносимо тяжелы,

натирают плечи; штыки сверкают на солнце; мысли путаются. В сущности вся эта людская масса одержима одной думой: дойти до привала, напиться вдосталь. Так же медленно ползут орудия; лошади в мыле — тащить пушки им помогают солдаты. Верблюды идут в хвосте колонны, навьючены самым необходимым. Здесь и бочонки с водой, и части кауфманских понтонов, саперный инструмент, штурмовые лестницы, сундуки, чемоданы, узлы, мешки и мешочки, палатки, жерди, котлы, чайники и еще Бог знает что. Верблюды устали. Падают и не могут встать. Скарб перевьючивают на запасных.

Люди тоже падают: «Пить, пить! Горит... внутри». Человека напоить и поднять проще. Обессилившие животные остаются в пустыне под солнцем.

Никакой жизни кругом, только ее жалкие останки — кости лошадей, верблюдов, людей. И солнце, солнце без пощадки. Но вот, наконец, оно садится. В сумерках роют колодцы. Привычная горько-соленая вода, но для походного чая годится.

Еще несколько переходов, и вода в колодцах перестала быть водой — это теперь какая-то густая, грязная, вонючая жижа, от которой отказываются даже верблюды.

1 мая, в назначенный день встречи всех отрядов, к Амударье не вышли. В этот день, вернее, в ночь, отряд был поднят по тревоге. Туркмены выскочили из-за бархана совершенно неожиданно, открыли пальбу, но встреченные залпами из скорострельных берданок, в лагерь не ворвались. Покружили на удалении, покричали-покричали да ускакали. Помешали спать до смерти уставшему русскому солдату, хотя и внесли некоторое оживление в однообразие марша.

В штабе считали, что через три-четыре дня мучения отряда закончатся, однако находиться в «Стране смерти» пришлось еще 12 дней.

В эти дни Кауфман пребывал в состоянии величайшего напряжения. От других отрядов вестей не было. И хотя по высочайше утвержденному плану отряды должны были сойтись близ Хивы и поступить в распоряжение командующего экспедицией, т.е. ждать от него приказаний, Кауфман от-

лично понимал, что тот из отрядных начальников, — будь то генерал-лейтенант Веревкин или полковник Ломакин, — чей отряд выйдет к столице ханства первым, обязательно проявит инициативу и кинется штурмовать Хиву, не дожидаясь его приказа. Тем более что именно такие негласные указания и тот, и другой получили от своих непосредственных начальников — оренбургского генерал-губернатора и наместника Кавказа. Когда же дело будет сделано, победителя судить не станут, да и оправдаться победителю не составит труда: «Хан первый начал». В таком случае главнокомандующему останется только подписать русско-хивинский трактат. Утешительно, но приз достанется другому.

Победа из чужих рук? Кауфман был человеком амбициозным и не мог этого допустить, а потому спешил. Спешить заставляла и с каждым днем усиливавшаяся жара.

По непроверенным сведениям, до Амударьи могло быть верст 80–100, но уже стало ясно, что двигаться со всем своим огромным обозом отряд не сможет. Много верблюдов пало, оставшиеся заметно ослабели. На одной из стоянок жгли и закапывали «лишние» вещи — шинели, сапоги, кибитки, котлы, саперный инструмент и т.п. В отчете о судьбе инженерного парка, например, по окончании похода написали: «Поломано на работе». Чиновники в центральных ведомствах другую формулировку не приняли бы. На весь огромный отряд осталось 10 молотков и 150 лопат для земляных работ. Запас обмундирования сохранили минимальный.

Терентьев пишет: «Кауфман чуть ни погубил отряд»⁵⁷. Основания для такого заявления были. Ради сокращения пути на 20 верст выбрали совершенно безводный маршрут. И вот они шагают, растянувшись колонной на 5–6 верст, под немилосердным солнцем, которое уничтожает даже вьютые с собой запасы воды: бочки высыхают, бурдюки лопаются, драгоценнейшая вода поливает мертвый песок.

Верблюды продолжают падать и приходится уничтожать необходимые вещи. Речь зашла даже о том, чтобы бросить всю артиллерию вместе с боезапасом, но такую крайность военный совет отверг.

Наступил момент, когда припасенной воды осталось всего на полтора дня. В части был направлен приказ: растянуть на три дня, но никто не знал, сколько же впереди этих дневных переходов, а пока «только пыль, пыль от шагающих сапог».

Саперы пробовали рыть колодцы на авось, но безуспешно. Глядя на их отчаянные старания, один из погонщиков верблюдов, некий казах Тюстю-бай вспомнил, что верстах в десяти в стороне имеются хорошие колодцы. Колодцы были очень глубокие, причем три из шести оказались засыпанными, когда же их стали раскапывать, то обнаружилась военная хитрость противника: туркмены закрыли колодезные стволы сучьями и присыпали землей. Неужели обитатели пустыни стали бы засыпать колодцы, без которых они сами не смогли бы просуществовать сколько-нибудь долго?!

К новонайденным источникам воды люди и животные добрались за ночь, изнывая от жажды. Жажда победила дисциплину, которая до сих пор не позволяла боевому отряду превратиться в толпу. Солдаты не слушали команды, давили друг друга, рвались к воде. Лошади срывались с коновязей и мчались к колодцам, а когда их отгоняли, они нападали на бочонки и бурдюки с водой, проносимые мимо них, лизали мокрую землю возле колодцев, глотали мокрый песок. Так же вели себя и другие животные.

Саперы с трудом добывали воду с большой глубины, да и вода вскоре стала иссякать. Это известие усилило панику. Караулы, выставленные у колодцев, не могли сдержать напора жаждущих — их сбивали с ног. Многие солдаты уже лежали без сознания под ногами своих товарищей, то и дело вспыхивали драки. Если бы туркмены и хивинцы увидели, во что от безводья превратились непобедимые русские воины, они уверовали бы в свою победу и могли бы воспользоваться благоприятной ситуацией. К счастью для русских, противника поблизости не было, он упустил свой случай.

То был самый критический, кризисный этап хивинского похода. Впереди лежал неразведанный и почти наверняка совершенно безводный отрезок маршрута. Идти вперед на весьма вероятную гибель или поворачивать назад? Перед такой дилеммой оказались командующий экспедицией

К.П. Кауфман, начальник Туркестанского отряда генерал-майор Головачев, начальник полевого штаба экспедиции генерал-майор В.Н. Троцкий и командиры частей, составлявших отряд. Было это 3 мая в местности под названием Алты-кудук.

Участник похода Ф.И. Лобыевич рассказывает об этом непривлекательном пункте на евразийских просторах: «Трудно, невозможно себе представить что-либо угрюмое, безотраднее, печальнее местности, на которой мы заняли позицию вокруг алты-кудукских колодцев. Это целый лабиринт песчаных холмов с полным отсутствием какой бы то ни было жизни, малейшего признака движения. Глухая страшная мертвенность царит кругом и около этого обездоленного пространства. Над ним воздух густой, удушливый; какая-то постоянная, непроницаемая мгла застилает небо. По ночам страшная духота, а когда с раннего утра выкатится на небо огненный шар великого царя природы, тогда начинается невыносимое, совершеннейшее пекло. Человеческое тело, даже без движения, постоянно все в испарине; организм ослабевает и страшно истомляется. Вечером слегка отдаёт, по крайней мере не жжет сверху, зато духота еще сильнее ощущается; легким недостает воздуха»⁵⁸.

Впереди отряд наверняка ожидало такое же огромное «обездоленное пространство».

Спасительная идея пришла в голову скромному офицеру, подполковнику Тихменеву; быть может, ее подал ему кто-то из его подчиненных. Окончательно сформулировал и сообщил командующему эту замечательную идею, как и положено, начальник штаба генерал Троцкий. Предлагалось всех животных (верблюдов, лошадей, ослов и баранов), навьючив их только емкостями для воды, отправить назад за 25 верст в урочище Адам-Крылган, где в 17 колодцах имелась в изобилии хорошая вода; там их напоить, дать им отдохнуть, наполнить водой все бочонки, бурдюки и баклаги и вернуть караван к отряду, который к тому времени должен быть готов к выступлению.

Когда ушла много пьющая скотина, люди сумели поднять для себя достаточно воды и утолить жажду, а на лагерной сто-

янке в урочище Адам-Крылган уже к вечеру 5 мая вырыли дополнительно 43 колодца, т.е. проблема воды была решена.

На рассвете 6 мая все тот же Садык с полтысячью туркменских наездников напал на лагерь Адам-Крылган, имея целью угнать верблюжье стадо. Все-таки неприятельская разведка сработала, но Садык опоздал: с утолением жажды были восстановлены воинская дисциплина и управляемость войском. Стрелки залегли за барханами и хладнокровно расстреляли нападавших, дело довершили несколько метко пущенных ракет и кавалерийская атака. Неделю спустя выяснилось, что назад в хивинские пределы вернулась лишь половина всадников Садыка. Не столько русские пули и сабли, сколько потеря запасов воды во время бегства и жара погубили детей пустыни.

Несколько дней отряд стоял в лабиринте Алты-кудукских холмов, дожидаясь возвращения каравана водоносов, и, как это бывает, даже среди «страшной мертвенности» наладился привычный гарнизонный быт. Солдаты постепенно оправились от шока, произведенного жарой в сочетании с безводьем, запели по своему обыкновению и начали плести сети, готовясь к встрече с «вольной водой», а офицеры в ставке командующего организовали «клуб», куда являлись с собственной бутылкой воды каждый; обменивались «новостями», играли в карты и слушали музыку 3-го стрелкового батальона — там собрались лучшие музыканты.

7 мая свершилось самое радостное за два месяца похода событие: казах-лазутчик, посланный разведать хивинские силы, собравшиеся у переправы через Амударью, чтобы загородить путь Туркестанскому отряду, принес не только развединформацию, но и пучок камыша с берега Аму. Этот камыш стал причиной радостного возбуждения всего лагеря, и уж никто не сомневался, что теперь удастся дойти до великой реки. Камышинки разобрали в мгновение и спрятали в заплетные мешки.

Когда вернулись с водой лошади и верблюды, выяснилось, что вьючных животных осталось так мало, что не стоило и пробовать забрать в последний пустынный переход все грузы. Немалая часть грузов осталась на месте под ох-

раной двух стрелковых рот и артиллерийской батареи. Для них это было тяжелым ударом: не судьба им была увидеть являющиеся во сне живую реку и таинственную, неприступную Хиву.

Последний переход целиком состоял из подъемов и спусков. Вдоль берега тянулись гряды песчаных увалов и, чем ближе к реке, тем выше и выше. С натугой люди и вьючные животные преодолевали эти преграды природы под солнцем, разогревшим воздух до 45°С. Полуживые поднялись на третий кряж и сквозь раскаленную дымку, повисшую над увалами, увидели главный ориентир, на который был проложен маршрут чинами штаба. Впереди виднелись три холма Уч-учак, за холмами текли мутные воды Амударьи. Над пустыней к холмам понеслось «ура!».

До холмов Уч-учак оставалось 15 верст. В бинокли разглядели также облако пыли и под ним огромную массу конных людей. Хивинское воинство вышло встречать потрепанное суровой природой русское войско. Неприятельская конница расположилась на барханах полукружьем, растянувшись версты на две, и, судя по энергичному гарцеванию, была настроена решительно.

Теоретически расчет хивинских стратегов был верен. Русские выходят из пустыни, деморализованные многодневными безводными переходами; известно, как много предметов экипировки они уничтожили или бросили позади; отряд ослаблен и тем, что оставил на прежних биваках значительные команды. Два с половиной месяца солдаты шагали по замороженным, а потом раскаленным степям и пустыням, и теперь они должны были еле волочить ноги. Превосходящие хивинские силы вполне могли остановить, растоптать и порубить эту группу весьма непрезентабельно выглядящих людей.

Было уже около шести часов вечера, солнце близилось к закату, а потому решили остановиться на ночлег. Лагерь организовали по обычной схеме: на самой дороге и по сторонам ее поставили орудия, прикрытые на флангах двумя ротами пехоты. Орудия со стрелками прикрытия образовали передний фас каре. Прочие фасы каре заняли гребни барханов;

обоз и остальные войска устроились в котловине, защитившись тем самым от выстрелов неприятеля.

С приближением темноты хивинцы окружили русский лагерь со всех сторон — следовало ожидать массированной атаки, исход которой трудно было предугадать. Организованного нападения, однако, не случилось. Лишь отдельные смельчаки, таясь, приближались к лагерю, но натыкались на секреты, в которые были назначены лучшие стрелки, и те меткими выстрелами выбивали их из седел. Редко кто из нападавших вернулся к своим. То там, то здесь по всему периметру каре сверкали огоньки одиночных выстрелов. Эхо стрельбы далеко разносилось над мертвой пустыней. Несколько раз по скоплениям неприятельской конницы ударили из орудий. Разрывы гранат посеяли в хивинском стане панику и уменьшили число желавших «затоптать» русских.

Наскоки отдельных хивинских всадников показали полное отсутствие какого-либо плана у нападавших. Русские стрелки и артиллерия вряд ли смогли бы остановить организованный штурм конной массы, которая, хотя и понесла бы большие потери, однако имела шансы смять русский лагерь. В 1873 г. у русских войск не было пулеметов — сверхоружия европейских колонизаторов 80–90-х годов XIX в., косивших любого численно превосходящего противника в степях, пустынях и саваннах Азии и Африки. Первый пулемет, знаменитый «максим», появился на свет только в 1883 г.

Отказавшись от массированного нападения, хивинцы решили подавить русских психологически: с наступлением ночи на всем пространстве вокруг Туркестанского отряда зажглись тысячи костров, что должно было создать впечатление несметной силы, собравшейся уничтожать на рассвете самонадеянных пришельцев.

Как только забрезжило, в русском лагере протрубили подъем. Солдаты выючили верблюдов торопливо, ощущая близкую опасность. Кауфман подъехал к каждому подразделению, поздравил с первой встречей с неприятелем, предупредил не тратить попусту патроны и снаряды, не увлекаться преследованием врага, соблюдать стройность и порядок

марша, иметь в виду главную цель — выход из песков к «вольной воде». В том и был просчет хивинского командования (если оно существовало), что оно рассчитывало утратить русских многочисленностью своего войска и заставить отступать. Но куда? В пески? Для русских солдат пески были страшнее всей хивинской рати — и они, пострадавшие от жажды и жары, любой ценой готовы были пробиваться к реке.

Охраняемая с фронта, боков и тыла цепью стрелков, колонна двинулась в путь. Противник снова прибегнул к методу устрашения — хивинцы трубили в длинные, издающие ужасные ревущие звуки трубы, по-звериному кричали «ур-ур», визжали и гикали, неслись лавиной, угрожая смять пешего и конного, но залпы стрелковых взводов остановили даже самых отчаянных, когда те увидели, как падают один за другим с коней их лучшие наездники. Постепенно нападавшие приустили и стали действовать без воодушевления; они все еще продолжали кричать «ур-ур» и дуть в свои адские трубы, но без прежнего энтузиазма. Ружья у хивинцев были в основном фитильные, допотопные, и никакого вреда солдатам с более дальнобойным оружием причинить не могли. В конце концов защитники Хивинского ханства забыли про русских, которые почему-то не испугались их воинственных кликов, и в беспорядке поскакали к реке.

К 8 часам утра 11 мая отряд вышел из песков на твердую почву речной низины; запасы воды, взятой из 60 колодцев, остались до конца не израсходованы и были вылиты в прекрасное озеро Сардаба-куль. Кауфман искренне благодарил своих солдат. Он объезжал части и повторял: «Перед такими войсками шапку надо снимать и кланяться».

На берегу озера стояли недолго: пили вдоволь, купались, с трудом заставляя себя выйти из воды. В тот же день, разогнав небольшие группы неприятельской конницы, русские подошли к Амударье. День 12 мая начался с благодарственного молебна, затем Кауфман награждал отличившихся на последнем переходе к реке. Ликовали одинаково солдаты и офицеры. С нарочным в Ташкент ушла телеграмма государю: «Войска Вашего Императорского Величества, составля-

ющие головную колонну Туркестанского отряда, в числе десяти рот и шести сотен, при десяти орудиях и восьми ракетных станках, одолев невероятные трудности, поставляемые природой, в особенности на последней стоверстной жаркой, безводной, с сыпучими песками полосе, разбили хивинское скопище в числе 3500 человек, собравшихся у урочища Уч-учак для преграждения нам пути к Амударье, и без всяких жертв и потерь благополучно вышли и стали твердою ногою 11 мая на реке Амударье. Неприятель в панике бежал. Состояние здоровья войск блистательное, дух их молодецкий»⁵⁹.

Военные реляции, как известно, немислимы без преувеличений, и Кауфман не стал отступать от традиции. Впрочем и преувеличил-то он в этот раз немного.

После земного ада безводной пустыни туркестанские войска вышли к райским местам речной долины. Здесь был прекрасный умеренный климат — не очень жарко днем и тепло ночью; воздух был влажный, ветры — освежающие. Берега блуждающей Амударьи — река постоянно меняет свое русло — поросли сочной травой, низким кустарником, осокой, камышом.

Любому в отряде, от командующего до погонщика верблюдов, стало ясно, что фактически дело сделано, цель достигнута, несмотря на то что не только Хива, но и ни один из кишлаков ханства не был покорен; однако это было делом времени, которое, как и пространство, оставшееся до ханской столицы, находилось в их власти.

Теперь первоочередной задачей Кауфмана было установить связь с другими отрядами. Двум отрядам и в аральскую флотилию с джигитами, т.е. доверенными казаками, были посланы предписания; их получили только командир Оренбургского отряда Веревкин и начальник Аральской флотилии Ситников.

Не один раз на подступах к Хиве ханские сарбазы пытались остановить туркестанцев. Так, напротив места, самого удобного для переправы русского войска через Амударью, хивинцы возвели укрепление, оснащенное несколькими орудиями. Первыми из этих орудий были обстреляны коман-

дующий экспедицией и два члена царствующего дома, совершавшие глубокую рекогносцировку. К счастью, в хивинском арсенале не было гранат, и потому по людям били чугунными ядрами, годными только для пробития брешей в крепостных стенах. Такими же ядрами хивинцы обстреливали гребную флотилию, которую солдаты и казаки составили из трех кауфмановских понтонов и захваченных у неприятеля больших лодок-каюков. Эта флотилия, нагруженная отрядным имуществом, плыла вниз по течению, в то время как войска практически налегке двигались параллельно вдоль берега. Обстрелы были совершенно неэффективны, тем более что русская артиллерия сумела довольно быстро вывести из строя несколько хивинских орудий, а главное — не позволила орудиной прислуге неприятеля собираться вокруг пушек.

По мере продвижения отряда к намеченной переправе Кауфман проводил разъяснительную кампанию. В ближайшие к переправе поселения были разосланы прокламации, в которых объявлялось, что главный начальник русских войск идет войной не против мирных жителей края, а лишь ради наказания хана и его окружения, искони действовавших враждебно против России и угнетавших хивинский народ, а потому жителям предлагалось оставаться в городках и кишлаках и не бросать свое имущество. Всем гарантировалась безопасность. Прокламации распространялись через специальных посланцев и отпущенных на волю пленных. Впоследствии бывшие пленные часто возвращались в отряд и охотно оставались при войсках добровольными проводниками, посыльными, помощниками по провиантской части. И оказались вполне надежными людьми.

18 мая туркестанские части начали переправляться на левый берег Амударьи напротив города Хазарасп. Главной помехой оказалось быстрое течение; противник почти не беспокоил, как бы желая лишь обозначить сопротивление. Переправа заняла пять дней. Наконец-то отряд попал на территорию Хивинского оазиса. Самое таинственное из среднеазиатских ханств открылось русскому взору.

Солдат и офицеров поразили прежде всего богатые сады, которые тогда тянулись от реки до самой столицы ханства, а также великолепно возделанные поля и огороды, густые тенные рощи, виноградники, широкие арыки, пруды со свежей прозрачной водой. Историк Хивинского похода Лобысевич пишет: «Все участвовавшие в рекогносцировке были поражены, войдя в район садов, видимых богатыми результатами трудов человеческих рук, и после продолжительного скитания по степям всем казалось, что они переступили границы рая. Поля были обделаны с такой тщательностью и чистотой, которые не случалось видеть в других частях Средней Азии. Все здесь показывало трудолюбие и порядок. Существует мнение, что все, сделанное в ханстве, составляет исключительно результат тяжелых трудовых дней 40 тыс. персидских рабов, освобожденных от ига рабства с приходом нашим в Хиву. Это мнение не вполне верно. Конечно, 40 тыс. человек рабочей силы было большим подспорьем в экономическом быте хивинского населения; тем не менее хивинцы и сами по себе, а особенно узбеки, оседлое население, чрезвычайно трудолюбивы и с замечательной тщательностью и старанием занимаются обработкой своих земель. Прекрасно возделанные поля и пашни узбеков, напоминающие поля Северной Италии, составляют плод и результат усиленных трудов и работы непосредственно самих узбеков»⁶⁰.

Поразили разветвленная оросительная система и обилие воды в ней; одновременно русские офицеры удивлялись, почему хивинцы не разрушили многочисленные мосты через широкие арыки, похожие порою на судоходные каналы. Если бы они это сделали, экспедиция столкнулась бы с огромными трудностями при продвижении к Хиве.

К двадцатым числам мая резко ухудшилось продовольственное снабжение отряда — практически кончились сахара, не стало мяса и даже конины, которой питались последнее время. В то же время русские повсеместно заставляли пустые дома, брошенные сады и поля. По приказу хана его слуги согнали местных жителей в Хиву, чтобы защищать ханскую крепость, а их жилища и имущество разорили и

разграбили. Русские могли повторить ту же практику и забирать в свою пользу все, что найдут для себя полезным, но был строжайший приказ Кауфмана: «Я строго воспрещаю обижать мирное население и брать у него что-либо бесплатно и произвольно. Я вполне уверен и рассчитываю, что собственно войска мне никогда не придется укорить в нарушении принятого мной по отношению к мирному населению права, которое я объявил жителям Хивинского ханства в моей прокламации к ним»⁶¹.

Как свидетельствует корреспондент американской газеты «New-York Herald» Артур Макгахан, догнавший Туркестанский отряд 17 мая, приказ этот выполнялся неукоснительно: «Да, говоря правду, я и сам удивлен был сдержанностью русских и строгой законностью, руководившей всеми их действиями»⁶².

В двадцатых числах мая установилась постоянная связь командующего с начальниками Оренбургского и Кавказского отрядов, а также с ханом Хивы. Выяснилось, что до места встречи оренбуржцев и кавказцев в г. Кунграде, на Амударье, добрались только войска, вышедшие из Оренбурга, и колонна полковника Ломакина из Мангышлака (побережье Каспийского моря). Красноводская колонна Кавказского отряда «сошла с дистанции» на полпути к реке, столкнувшись с теми же препятствиями, которые в начале мая встали на пути туркестанцев. Красноводская колонна полковника Маркозова вынуждена была вернуться назад, так как ей угрожала гибель в раскаленной безводной пустыне. На очень большом неразведанном этапе маршрута длиной в 100 верст не было колодцев, и не нашлось ни одной светлой головы, которая подсказала бы иной выход, кроме попятного движения.

Кауфман напрасно волновался, ожидая, что подчиненные ему отряды из других округов значительно опередят его. Они так же страдали из-за отсутствия воды, теряли время на поиски колодцев и на отражение атак хивинской конницы, которая несколько раз попыталась задержать их продвижение, нападая на обозы и обстреливая из орудий. В результате соединенный Оренбургско-Кавказский отряд подошел к Хиве всего на день раньше Туркестанского.

Русские войска приближались к столице ханства, и все чаще к командующему стали приезжать посланцы от хана. Ханские послания выглядели по-детски наивными. Сначала владетель требовал, чтобы Кауфман убирался из пределов его ханства и грозил ему страшной карой, но затем, когда отряд подошел к Хиве совсем близко, он резко изменил тон. Хан цветисто излагал свои дружеские чувства к туркестанскому генерал-губернатору и его войску: он сообщал, что ждет их у себя как дорогих гостей и очень просит повременить три или четыре дня со вступлением в Хиву, чтобы он смог подготовить для них самое роскошное угощение. Содержание этого загадочного письма развеселило солдат и офицеров на целый день, шуткам и остротам не было конца, да и шагали люди быстрее — торопились к «роскошному застолью».

И все же предчувствия Кауфмана не обманули. Подойдя к Хиве первым, генерал Веревкин не мог удержаться, чтобы не проявить инициативу; к тому же можно предположить, какое давление оказывали на него командиры частей, среди которых был подполковник М.Д. Скобелев.

Веревкин сообщил командующему, что 26 мая он станет в 10–12 верстах от Хивы, где и будет ожидать приказаний. Выдержки и верности своему слову ему хватило на один день. Утром 28 мая без предварительной рекогносцировки войска Веревкина двинулись в сторону Шахададских ворот Хивы и были встречены метким и плотным огнем хивинской артиллерии. Несмотря на то что несколько хивинских орудий солдатам Веревкина удалось захватить и многих сарбазов переколоть штыками, им все же пришлось залечь на кладбище за могилами, но это их не спасло от ружейного огня с городских стен и с крыши высокого медресе. Не зная состояния городской стены, в которой были проломы, и не имея штурмовых лестниц, русские отступили, оставив на месте боя своих убитых (впоследствии они были найдены без голов, с вспоротыми животами). Сам Веревкин был ранен в лицо и сдал командование своему начальнику штаба полковнику Саранчеву.

На следующий день, 29 мая, когда между командующим и хивинскими властями были оговорены условия капиту-

ляции, Веревкин получил от Кауфмана записку: «Я полагаю с частью отряда и с войсками от вас войти в город и занять цитадель и ворота. Грабежа не должно быть. Нужна большая осторожность, теперь даже больше, чем прежде. Я беру ваши роты, орудия и кавалерию, чтобы они были представителями кавказского и оренбургского округов. Поздравляю Вас с победой и с раной, дай Бог скорее выздороветь»⁶³.

Константин Петрович любил шутку, слыл острословом, да и, как свидетельствует все тот же Терентьев, каламбуры и шарады были тогда в моде в русском обществе Ташкента.

Веревкину ничего не оставалось, как смириться «с победой и с раной», однако с такой «победой» не мог смириться лихая голова — М.Д. Скобелев. Будущий герой Плевны и Шипки пробил узкую брешь в крепостной стене и с двумя ротами двинулся к ханскому дворцу, имея приказ «стоять на месте и не лезть вперед». Веревкин грозит Скобелеву расстрелом, но тот отвечает: «Идти назад страшно, стоять на месте — опасно, остается взять ханский дворец». Он его берет, и пусть потом историки спорят, кто на самом деле захватил Хиву.

После самовольной выходки Скобелева Веревкин напишет командующему: «В Хиве две партии: мирная и враждебная. Последняя ничьей власти не признает и делает в городе всякие бесчиния. Чтобы разогнать ее и иметь хоть какую-нибудь гарантию против вероломства жителей, я приказал овладеть с боя одними из городских ворот, что и исполнено»⁶⁴.

Хива фактически сдалась без боя. Если бы внутри ее стен была некая вооруженная враждебная партия, то она смогла бы, засев за глухими дувалами городских усадеб, нанести немалый урон и ротам Скобелева, и колонне Оренбургско-Кавказского отряда, которая утром 29 мая шла на соединение с отрядом туркестанцев. Враждебная партия находилась вне Хивы — это были туркмены-иомуды, к которым с приближением русских сбежал хан Мохаммед Рахим II. Своим многочисленным женам и рабам хан приказал следовать за ним, но возмущенный побегом своего владыки народ не вы-

пустил женщин из дворца, собираясь подарить их победителям и тем умиловить последних.

В сдавшийся город передовая колонна российских войск входила торжественно, чеканя шаг, под звуки хорошо известного тогда даргинского марша, исполненного музыкантами Ширванского полка. Оренбуржцы выделялись безукоризненно чистым новым обмундированием, которое привезли за сотни верст в сундуках. Жители следили за этим маршем «белых рубах» настороженно; но постепенно они успокоились, увидев, что солдаты не разбегаются в стороны ради того, чтобы учинить грабеж и насилие. Зато ликовали и безобразничали сами себя освободившие рабы-персы.

Потом был традиционный смотр войскам на небольшой площади перед цитаделью. То был звездный час ярым-падшо, невысокого лысого человека с веселыми голубыми глазами, который, имея 55 лет от роду, расстроенное на Кавказе здоровье, за три месяца прошел страшные безводные пустыни, деля тяготы со своими товарищами-подчиненными. Они не подвели друг друга. «Генерал Кауфман, — рассказывает Макгахан, — говорил о своих солдатах чуть ли ни со слезами на глазах. По его словам, никакой другой солдат в целом мире не вынес бы того, чему русский солдат подвергся в этом походе. И я вполне разделяю его мнение на этот счет»⁶⁵.

В полной парадной форме Кауфман выехал перед фронтом войск, построенных «покоем», и громким взволнованным голосом поздравил всех с победой, со славным походом, с достижением цели и именем государя императора благодарил солдат и офицеров за службу, труды и подвиги. Подтверждением права благодарить от высочайшего имени были находившиеся рядом с главнокомандующим великий князь Николай Константинович и герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский.

Он выполнил просьбу государя, сделал то, что не удавалось его предшественникам.

И опять командующий объезжал войска, посещал лазареты, в которых содержалось 80 человек, поздравлял и благодарил людей, заслуживших великую благодарность и уважение.

30 мая была отправлена депеша на имя императора о взятии Хивы. Нарочный повез ее в Ташкент, откуда по телеграфу, который к тому времени дотянули из Верного, ее должны были передать как телеграмму № 1. В тот же день в войсках отслужили панихиду за упокой Петра I — то был день его рождения — и воинов, погибших в походе.

Однако без сдачи беглого хана победа была неполной. К.П. Кауфману нужен был хан здесь, в Хиве, т.е. хан униженный, с которым следовало заключать мирный договор. И Кауфман уговорил Мохаммеда Рахима вернуться, пообещав ему полную безопасность. Встреча победителя и побежденного состоялась 2 июня близ Хивы в тенистом Гандемианском саду, служившим хану загородной резиденцией. Эту встречу описал очевидец, единственный профессиональный журналист, находившийся в тот момент в Хиве, американец Макгахан.

В сопровождении свиты, одетой в богато расшитые халаты, хан появился в Гандемианском саду: «Хан — человек лет 30, с довольно приятным выражением лица, когда оно не отуманивается страхом, как в настоящем случае; у него большие глаза, слегка загнутый орлиный нос, редкая борода, усы и крупный чувственный рот. По виду он мужчина очень крепкий и могучий, ростом в целых шесть футов и три дюйма (около двух метров. — *Е.Г.*), плечи его широки пропорционально этой вышине, и, на мой взгляд, весу в нем должно быть никак не меньше даже семи пудов (более ста килограммов. — *Е.Г.*). Одет он был в длинный ярко-синий шелковый халат; на голове была высокая хивинская баранья шапка. Смирненно сидел он перед генералом Кауфманом, едва осмеливаясь поднять на него глаза. Едва ли чувства хана были приятного свойства, когда он очутился в конце концов у ног туркестанского генерал-губернатора, славного ярым-падишаха...

— Так вот, хан, — сказал генерал Кауфман, — вы видите, что мы наконец пришли вас навестить, как я вам обещал еще три года назад.

— Да, на то была воля Аллаха.

— Нет, хан, вы сами были причиной тому. Если бы вы послушались моего совета три года назад и исполнили бы то-

гда мои справедливые требования, то никогда не видели бы меня здесь. Другими словами, если бы вы делали что я вам говорил, то никогда не было бы на то воли Аллаха.

— Удовольствие видеть ярим-падишаха так велико, что я не мог бы желать какой-либо перемены.

Кауфман рассмеялся:

— Могу уверить вас хан, что в этом случае удовольствие взаимно. Но перейдем к делу. Что вы будете делать? Что думаете предпринять?

— Я предоставляю это решить вам, вашей великой мудрости. Мне же остается пожелать одного — быть слугой великого Белого царя.

— Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой, а другом. Это зависит от вас. Великий Белый царь не желает свергать вас с престола. Он только хочет доказать, что он достаточно могуществен, чтобы можно было оказывать ему пренебрежение, и в этом, надеюсь, вы теперь достаточно убедились. Великий Белый царь слишком велик, чтобы мстить вам. Показав вам свое могущество, он готов теперь простить вас и оставить по-прежнему на престоле при известных условиях, о которых мы с вами, хан, поговорим в другой раз.

— Я знаю, что делал очень дурно, не уступая справедливым требованиям русских, но тогда я не понимал дела, и мне давали дурные советы; впредь я буду лучше знать, что делать. Я благодарю великого Белого царя и славного ярим-падишаха за их великую мудрость и снисхождение ко мне и всегда буду их другом»⁶⁶.

Хан ничуть не лгал, когда говорил, что «не понимал дела, и мне давали дурные советы». Только заняв Хиву, российские офицеры смогли разобраться в делах ханства и убедиться, что Мохаммед Рахим ничеге не смыслил в государственных делах. Он ими просто не занимался, перепоручив проведение и внутренней и внешней политики одному из своих приближенных, Мат-Мураду. Сам же властитель проводил большую часть суток в своем гареме, среди четырех официальных жен и сотни наложниц. Еще он охотился. Правитель независимого азиатского государства в конце XIX в.

был чудовишно невежествен. Он ничего не знал об окружающем его мире, не ведал, где какие страны расположены, не знал, как велико ближайшее соседнее государство — Российская империя, никогда не слышал о существовании Америки. Хан носил при себе золотые часы — подарок английского эмиссара, но они показывали неверное время. Для него в диковинку были астрономические инструменты, которые ему демонстрировал астроном экспедиции.

На несколько часов энергичный американец превратился в «янки при дворе короля Артура» — он рассказывал хану о телеграфе, пароходах, современном вооружении. Хан верил и не верил. Ни о чем подобном ему никогда не говорили его ученейшие мудрецы-улемы, которые всю жизнь читали только Коран. Об этих мудрецах писал Вамбери: «Не менее мучали меня улемы города Хивы... Они желали, чтобы я как представитель турецко-исламской учености решил многие мезеле (религиозные вопросы). Как досаждали мне эти тупоумные... в своих колоссальных тюрбанах, когда заводили разговор о том, как следует мыть руки, ноги, лицо, затылок, как согласно со святой религией нужно сидеть, ходить, лежать, спать и т.д.»⁶⁷

Можно было посочувствовать молодому хану, которому приходилось общаться с этими унылыми религиозными догматиками.

Кауфман хотел понять, почему Мохаммед Рахим так легкомысленно относился к его предупреждениям о неизбежности русской карательной экспедиции. Ему удалось выяснить, что ханские советники уверяли своего владыку, будто слухи о таком походе возникали чуть ли не каждый год в течение многих лет, но ни разу не подтвердились, а потому не следовало обращать внимания и на письма начальника Туркестанского края. Оттого так поздно, кстати, хивинцы начали готовиться к отпору.

Константину Петровичу открылось еще одно важное обстоятельство: туркмены-иомуды подчинялись хану Хивы лишь номинально; более того, они фактически диктовали хану свою волю. Иомуды вели полукочевой образ жизни, промышляя грабежом. Они грабили оседлое население, в том

числе и узбеков, составлявших земледельческое население оазиса. Без ведома хана иомуды захватывали персов-шиитов (их тоже считали неверными) и русских в пограничных районах, а затем продавали на хивинском невольничьем рынке. Время от времени хан собирал войско и шел на иомудов войной. Сарбазы строили укрепления, устанавливали на нем пушки и ждали. Иомуды собирались вокруг такой крепости, носились с визгом и гиканьем, а орудия били по ним ядрами, не нанося всадникам никакого ущерба. Для иомудов то была большая потеха, род традиционных соревнований. Потом люди хана договаривались с туркменами, и все возвращались восвояси. Жизнь текла своим чередом, без каких-либо изменений.

Уяснив суть взаимоотношений хана и 175-тысячного племени иомудов, Кауфман пришел к выводу, что после ухода русских войск туркмены снова будут навязывать хану свою волю, а это значило, что поход не достиг своей цели. Командующий попробовал договориться со старшинами туркменских родов и потребовал от них прекращения набегов, но те не захотели его понять. Несмотря на требование русского командования и распоряжение хана, туркмены хивинского оазиса не отпустили ни одного раба, отказались прислать продовольствие для русских войск.

Как обычно, с поверженного среднеазиатского ханства предполагалось взять контрибуцию, чтобы покрыть экспедиционные расходы, но не было никакой уверенности, что хану удастся получить с иомудов соответствующую долю контрибуции, а потому было решено сделать это до ухода всех отрядов. После совещания с ханом и его сановниками, которые дали сведения о состоятельности того или иного туркменского рода (эти сведения оказались преувеличенными), определено было взыскать с хивинских туркмен 600 тыс. руб.

Н.А. Халфин, автор фундаментального труда «Присоединение Средней Азии к России» писал, что на туркмен наложили контрибуцию, «связанную с войной, к которой они не имели никакого отношения»⁶⁸. Однако иомуды и другие туркменские племена были подданными хана Хивы, и именно они оказывали действительное сопротивление продвижению

трех русских отрядов, а вовсе не мирные узбеки-земледельцы, которые тоже вынуждены были нести тяготы контрибуции.

Поскольку русские отряды собирались покинуть оазис в начале августа, срок сбора половины штрафных денег был определен всего в 15 дней. Заранее было понятно, что этот срок нереален.

Иомуды возмутились: все требования российского командования вели к разрушению их традиционной экономической деятельности, основанной, в частности, на подневольном труде рабов. Российские генералы рассчитывали, видимо, именно на такую реакцию, чтобы получить предлог для наказания непокорного племени. Практически сразу же, как только туркменским старшинам был объявлен срок сбора денег — 6 июля 1873 г., появилось злосчастное предписание № 1167 генерал-адъютанта фон-Кауфмана 1-го генерал-майору Головачеву. Впоследствии из-за этого предписания на Константина Петровича посыпались обвинения и проклятия мировой прессы, что наверняка сократило его жизнь.

В предписании говорилось: «Дабы ближе следить за ходом сборов с иомудов, прошу Ваше превосходительство отправиться 7-го сего июля с отрядом в Хазават, где и расположить его на удобном месте. Если Ваше превосходительство усмотрите, что иомуды не занимаются сбором денег, а собираются дать войскам отпор, а может быть, откочевать, то я предлагаю Вам тотчас же двинуться в кочевья иомудов, расположенные по хазаватскому арыку и его разветвлениям, и предать эти кочевья иомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению, а имущества их, стада и прочее — конфискации»⁶⁹.

Получив предписание, Головачев назначил в состав карательного отряда 8 рот пехоты, 8 казачьих сотен, 10 орудий и 8 ракетных станков, т.е. около 3 тыс. солдат и казаков.

Как и предполагалось, иомуды не могли собрать требуемую сумму за две недели, а потому наиболее состоятельная часть племени собралась откочевать в сторону Аральского моря. Через лазутчиков это намерение стало известно Головачеву, и он отдал приказ преследовать туркмен. В процессе

преследования русские входили в туркменские селения, только что оставленные их жителями, постройки и скирды немолоченного зерна предавали огню. Иомуды отстреливались от догонявших их казаков, вступали с ними в рукопашные схватки, бросали скот и арбы с имуществом, выпрягали лошадей и уходили налегке. «Преследование кавалерии, — сообщает Ф.И. Лобысевич, — продолжалось до большого озера у края песков. Здесь казакам представилась страшная картина: глубокий и быстрый проток был буквально запружен туркменами: молодыми, стариками, женщинами, детьми; все бросались в озеро от преследовавших их казаков, тщетно усиливаясь достигнуть противоположного берега. Туркмен погибло здесь до 2 тысяч человек разного пола и возраста; часть их утонула в самом озере, часть — в окружающих его болотах...

Казаками было пригнано в отряд 780 голов рогатого скота, 1609 баранов, 305 телят, 18 верблюдов, 3 лошади, 12 ишаков... Рогатый скот, бараны и телята розданы войскам в мясную порцию»⁷⁰.

Это первое столкновение с иомудами произошло 9 июля. Как видим, выполнялась двуединая задача: устрашить непокорных и добыть провиант для войск.

Кауфман был, видимо, обескуражен рвением Головачева, так как на следующий день после первой экзекуции он направил ему новое предписание: «Если жители не будут уходить с мест своего жительства, а займутся сбором контрибуции, Ваше превосходительство, приостановитесь их разорять, а будете наблюдать за тем, что делается в их среде...»⁷¹ В том же предписании давался совет не усердствовать по части поджогов, поскольку фуражные запасы могут пригодиться.

Война с туркменами продолжалась десять дней; стычка следовала за стычкой. 15 июля иомуды, соединившиеся с родами гокленов, чаудоров, имралов и др., численностью около 10 тыс. человек, сами напали на отряд Головачева. Они подкрались к русскому лагерю затемно и ринулись в атаку, когда солнце только появилось над горизонтом. Хотя этот налет не был неожиданным, в русских рядах возникло заме-

шательство. Совсем плохо показали себя тогдашние ракеты, которые рвались прямо на станках, нанося увечья самим «ракетчикам». Туркмены дрались с дерзостью отчаяния; подсакивая к самому фронту солдат по двое на одном коне, они спешивались и, надвинув папахи на глаза, кидались на русских с саблями и топорами. Офицеры отбивались шашками, солдаты работали штыками.

В какой-то момент туркменские наездники на своих замечательных конях начали теснить казаков, и те не устояли. По словам Макгахана, находившегося на поле боя, то была страшная минута! Пронзительный звериный визг, звон клинков, храп коней, грохот орудий, ослепительные вспышки выстрелов, на доли секунды освещавшие ожесточенную схватку, — картина адская. Американцу показалось, что русские сейчас побегут, а он неминуемо погибнет.

Дело спасла пехота, вернее две роты стрелков, которые отвлекли на себя внимание нападавших. Туркмены решили, что пешие солдаты — совсем легкая добыча и понеслись на быстро строившуюся шеренгу. «Они (стрелки. — Е.Г.), — рассказывал журналист, — подходят беглым шагом, и движение их несколько напоминает движение заброшенного аркана. Офицер выстраивает их в боевую линию... Они выстраиваются, левая нога вперед, ружья наготове, через минуту раздается команда: «Пли!», и воздух с шумом и свистом пронизывает туча летящих пуль»⁷².

Стреляли почти в упор, хладнокровно, как на учениях. Прекрасные командиры рот, капитаны Бекман и Ранау, обладали огромной выдержкой, которую сумели передать подчиненным. Раздавалась команда «Клац!», и если после этого кто-нибудь в нетерпении нажимал курок, капитаны командовали: «Оставь». Следовал затем строгий вопрос: «Кто стрелял без команды?» Опять команда «Клац!», а затем «Пли!». Залпы получались безупречные, как на показательных стрельбах. Всадники валились из седел сотнями. Были и очень храбрые, прорывавшиеся сквозь строй стрелявших, но там, в тылу, они все погибли на штыках второй шеренги. После боя за фронтом стрелков обнаружили до 80 трупов туркмен.

К залпам первых двух рот присоединился такой же плотный огонь подоспевших к побоищу других рот стрелков; вскоре подключилась и артиллерия — атака, так энергично начатая, захлебнулась. С рассветом, гикая и завывая, но уже не так воинственно, как в начале, туркмены стали отходить, получая в спину картечь.

Потери туркмен были велики, но поскольку они очень ловко умели подбирать и увозить своих убитых и раненых, точную цифру погибших в деле у селения Чандыр назвать невозможно; по показаниям местных жителей — где-то около 800 человек. Русские потеряли убитыми четверых, был ранен в руку генерал Головачев.

Ветераны туркестанских походов сошлись во мнении, что никогда еще их среднеазиатский противник не был таким отважным и настойчивым в нападении на регулярные части, как в бою 15 июля. В то же время это сражение стало отличной проверкой боевой выучки русских солдат, показавших образцы воинского мастерства и стойкости. Офицеры получили возможность узнать тактику самых лучших воинов Средней Азии — туркмен, обнаружить в ней органические пороки. Так, выяснилось, что туркмены, будучи прежде всего скотоводами, привыкшими угонять чужие стада, во время конной атаки отвлекаются на отсечение лошадей и выючных животных, а это сводит на нет эффект внезапности их налета.

Обитатели затерянного в песках оазиса при всей их свирепости продемонстрировали детскую наивность. До выступления в поход карательного отряда Головачева у иомудов сложились вполне дружеские отношения с чинами Оренбургского отряда. Когда же Головачев пошел на них войной, иомуды обратились за помощью... к оренбуржцам: «Мы поклялись с вами в дружбе и считаем себя вашими союзниками, но другое племя русских из Туркестана затеяло с нами войну, и мы считаем, что вы должны помогать нам против них, как и мы стали бы помогать вам против ваших врагов».

Им, простым душам, еще предстояло узнать великую силу военного приказа, перед которой любая, самая крепкая клятва не могла устоять.

Преследование иомудов продолжалось еще два дня. Были стычки, перестрелки, снова жгли разный скот, захватили несколько тысяч голов скота. Туркменское сопротивление пошло на убыль — урок был очень жестокий, но размер контрибуции пришлось сократить: где же было взять средства после такого разорения?

Деньги Кауфману были очень нужны. Поход тянулся пятый месяц, и в походной кассе образовалась пугающая пустота. Как всегда бывало в родном отечестве, первоначальная смета экспедиционных расходов оказалась липовой. После окончания хивинского похода выяснилось, что разным лицам и частям войск недоплачено 145 411 руб. — сумма очень большая по тем временам.

Головачев и другие исполнители жестокого предписания № 1167 получили благодарность командующего и награды, самому же Кауфману пришлось расплачиваться душевным дискомфортом, собственным здоровьем, наконец. Сколько раз в течение нескольких лет после хивинского похода Кауфман проклинал тот миг, когда в порыве раздражения написал: «Предать эти кочевья иомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению». Ну хотя бы не упоминал «семьи»!

Право же, наивные были времена, наивными были люди! Иомуды верили, что русский народ, как и туркмены, делится на племена и что некое «оренбургское племя» поддержит их в борьбе против некоего «туркестанского племени» русских, а опытный военачальник и политик (чего стоил один только опыт его губернаторства в Северо-Западном крае) доверил бумаге жестокое распоряжение и надеялся, что оно пребудет в тайне от всех, кроме единственного адресата. Пройдет лет эдак 60, и взаимопонимание между начальством, отдающим приказы, и исполнителями этих приказов достигнет такой высокой степени совершенства, когда можно будет изъясняться эвфемизмами типа «нейтрализовать» или «обезвредить» либо отдавать приказания в устной форме, даже по телефону, и они будут исполняться неукоснительно.

Кстати, во времена Кауфмана в среде государственных мужей весьма популярными были секретные циркуляры,

скрывающие истинные намерения авторов, но Константин Петрович отличался редким и для своей эпохи прямодушием. В обращениях к местным правителям он выражался предельно откровенно. Например, так: «Я не трону тех, кто дорожит дружбой великой русской земли, но горе тем, которые не поймут благодетельных видов миролюбивого Белого царя; войска Его величества всегда готовы, по знаку моему, наказать беспокойного соседа, и никакие крепости, никакие вооружения не спасут тогда виновного»⁷³. Такое заявление можно было проигнорировать, но невозможно было не понять.

Скандал разразился очень скоро: американский дипломат Скайлер, находившийся в то время в Туркестанском крае (как и Макгахан, добравшийся до Кауфмана под Хивой на свой страх и риск, он намеревался присутствовать при взятии Хивы, но был задержан русскими властями), сообщил в рапорте американскому посланнику содержание пресловутого приказа, и оно было затем воспроизведено в Красной книге официальных донесений американских дипломатических агентов. Газетчики, как им положено, разразились «неподдельным» гневом по обе стороны океана, в том числе и в России. Английские газеты, получившие нечаянный подарок, клеймили русских «гуннами» и «варварами». Все получилось ужасно неудобно и некстати — именно в это время российская пропаганда обличала турецкие зверства против южных славян.

Константину Петровичу пришлось объясняться и оправдываться, уверяя, будто употребил он жесткую формулировку единственно ради максимальной выразительности, не имея в виду буквального исполнения и надеясь на здравый смысл Головачева.

Были, однако, независимые наблюдатели, которые свидетельствовали не столько в пользу командующего экспедицией, сколько ради восстановления доброго имени русского солдата. Так в книге, которая вышла в свет вскоре после хивинского похода, бесстрашный Макгахан написал: «Я должен сказать, однако, что случаи насилия против женщин были крайне редки; и хотя русские сражались здесь с варва-

рами, которые совершили всевозможные жестокости над пленными, что в значительной мере могло бы извинить жестокость со стороны солдат, тем не менее поведение их было бесконечно лучше, нежели поведение других европейских войск в европейских войнах»⁷⁴.

Схожее мнение высказал в печати другой иностранный очевидец сражений с туркменами, прикомандированный к штабу Кауфмана прусский офицер Штумм.

Несмотря на громкий общественный резонанс, операция против иомудов в русских военно-колониальных кругах была встречена с одобрением и стала в определенном смысле образцовой. Наказание иомудов в 1873 г. было всего лишь прелюдией к войне с другими туркменскими племенами, к которой исподволь готовились в военном ведомстве и Кавказском военном округе. Имея целью сбор разведывательной информации, ранней весной 1879 г. полковник генерального штаба Н.И. Гродеков, участник Хивинского похода и будущий генерал-губернатор Туркестана, совершил поездку из Ташкента в Афганистан и Персию. Он собирал сведения о туркменах, методически разорявших пограничные районы этих стран. В обширном докладе на имя начальника Главного штаба Ф.Л. Гейдена разведчик сообщал, что победы над туркменами-текинцами можно будет достичь, если «действовать... так, как действовали против иомудов туркестанские войска в 1873 году, т.е. беспощадно истребить все попадающееся на пути и наложить на оставшихся от погрома тяжелую контрибуцию лошаадьми и отчасти деньгами. Это будет одно из самых человеколюбивых дел нашего императора. Туркмены — это черное пятно на земном шаре, это стыд человечеству, которое их терпит. Если торговцы неграми поставлены вне законов всех наций, то и туркмены должны быть поставлены в такое же положение. Чтобы там не писали Скайлер и К° о жестокостях русских в иомудскую экспедицию 1873 года, во всяком случае приказ генерала Кауфмана об истреблении иомудов есть, по моему мнению, самый человеколюбивый акт, который когда-либо был издан, ибо он клонится к спасению и благополучию миллионов людей»⁷⁵.

Гейден включил автора доклада в состав новой экспедиции против текинцев, одобрив тем самым его подход к туркменской проблеме.

Спустя много десятилетий Кауфман был снова и не раз заклеямен советскими историками. В уже упомянутом труде Н.А. Халфин писал: «Зверское истребление туркменов и разграбление их кочевий, по мнению царских властей, должно было оказать моральное воздействие на хивинское население, подорвав в нем какое-либо стремление к сопротивлению, но фактически это был акт неоправданной жестокости, не находящей никакого объяснения»⁷⁶.

Жестокость, однако, была проявлена только по отношению к племени иомудов, которое терроризировало мирных скотоводов и земледельцев, т.е. «хивинское население». Как известно, Кауфман строго взыскивал с тех из своих людей, кто обижал мирных жителей. Узбеки-земледельцы, кстати, с одобрением встретили сообщение о разгроме иомудов, оно их обрадовало, т.е. действительно оказало «моральное воздействие»... положительное.

Кауфман не был злодеем, совсем наоборот, это был человек весьма гуманный, просто он был верноподданным своего государя в истинном значении слова. У него был приказ: обеспечить безопасность российских границ и торговли. Сделать это путем мирных переговоров ранее не удавалось. Придя в Хиву, Кауфман обнаружил, что наказывать следует не столько хана, сколько туркмен-иомудов, контролировавших хана. Надеяться на мирные переговоры с этим племенем не приходилось, так как иомуды не желали по собственной воле отказаться от веками сложившегося образа жизни, включавшего захват чужого скота и пленных, для продажи в рабство. Кауфману выбирать было не из чего — оставалось принуждение военной силой, которое нежестоким быть не может. Если бы он этого не сделал, его поход в Хиву был бы напрасным делом. Таковы были реалии колониальной войны.

И еще одно обстоятельство: русские проявили жестокость по отношению к противнику воинственному и жестокому, имевшему к тому же ряд преимуществ — численное превос-

ходство, великолепный конский состав, знание местности. Как и хан, туркменские старшины знали, что русские угрожают походом против них, а значит, могли подготовиться, хотя бы приобрести современные ружья. Однако они самоуверенно решили, что русские не дойдут до них, а если дойдут, то будут растоптаны их конницей, лучшей в Средней Азии. Отказавшись от подготовки к иноземному вторжению, они понесли большие потери.

Генерал-адъютанту фон Кауфману 1-му можно было, на мой взгляд, предъявить единственное обвинение: вместо того чтобы стать революционным демократом и готовить царевбийство, что так импонировало образованному обществу того времени, он был «слуга царю», убежденный державник, сторонник расширения и укрепления империи. Что было, то было!

Итак, расправа с непокорным племенем завершилась к удовлетворению хана Мохаммеда Рахима и узбекского населения оазиса. Хан и депутаты от торгово-земледельческого люда благодарили командующего. Хан, кстати, очень привязался к Кауфману, посещал его каждый день, найдя в его лице просвещенного наставника, которого был лишен в свои юные годы. Зная, что русские скоро уйдут, хан стремился как можно больше узнать и перенять от них. Он присутствовал на всех войсковых смотрах и учениях, с помощью русских офицеров и чиновников стал разбираться в запутанных и запущенных делах своего ханства. И это ему понравилось. От природы у него были явно хорошие задатки.

По настоянию Кауфмана хан подписал манифест об освобождении 40 тыс. рабов-персов; они давно ждали русских и теперь в большинстве покинули хозяев, сбились в шайки и стали мстить своим поработителям. Русское командование обещало вывести бывших невольников за пределы ханства, что и было сделано, однако многие, так или иначе связанные с Хивой, остались и поплатились жизнью — иомуды не простили им своего поражения и вынужденного отказа от подневольной рабочей силы.

Отмена рабства и работорговли в Хиве была сильным пропагандистским ходом России в ее соперничестве с евро-

пейскими державами, в какой-то степени смягчившим негативные последствия иомудской экспедиции. Поощрительными статьями откликнулись даже британские газеты.

С достижением хивинских пределов нельзя было считать, однако, решенной задачу обеспечения российских интересов в этом регионе Средней Азии. Уйдут русские солдаты и казаки, — и все вернется на круги своя: возобновятся грабежи, охота за рабами, работоторговля. Требовалось постоянное российское присутствие. На запрос Кауфмана об отторжении в пользу России части хивинских земель на правом берегу Амударьи к началу августа в Хиву пришла (с нарочным из Ташкента) телеграмма с высочайшим согласием. После этого можно было заключать мирный трактат.

12 августа 1873 г. в тенистом Гандемианском саду, близ г. Хивы, был подписан договор между Хивой и Российской империей. Первым пунктом хан признавал себя «покорным слугой императора всероссийского», т.е. правителем, лишенным статуса субъекта международного права. Границей между ханством и Россией становилась Амударья, что означало переход под российскую юрисдикцию всего хивинского правобережья. Сама Амударья, древний Оксус, превращалась в русскую реку: «Исключительное и свободное плаванье по Амударье предоставляется только русским судам, а хивинские и бухарские допускаются только с разрешения русской власти»⁷⁷.

Своим договором Кауфман закрепил за Россией не только правый берег реки, но и левый, хивинский. На том берегу русская власть получила право строить пристани и склады товаров, охрана которых вменялась в обязанность хану. Целых 7 из 18 пунктов договора касались привилегий русских купцов, получивших свободу торговать на территории ханства беспошлинно, без каких-либо ограничений, через своих представителей, на своих торговых местах, со своими складскими помещениями, подчиняясь исключительно российским властям. Русские торговцы, кстати, проявили значительную оперативность, оказавшись в Хиве со своими товарами чуть ли не на следующий день после вступления в город российских войск. Совсем не напрасно соблюдал их интересы командующий экспедицией.

Договор требовал от «ханского правительства» выдачи преступников, бежавших от российского правосудия, ликвидации рабства и работорговли. На ханство налагалась контрибуция в размере 2 млн. 200 тыс. рублей, срок уплаты которой растягивался на 20 лет.

Еще до подписания договора, но сразу же после получения разрешения от Александра II, на правом берегу реки, напротив наиболее удобной переправы, было заложено русское укрепление Петрово-Александровск, гарнизон которого должен был контролировать ситуацию в ханстве, исполнение пунктов договора и при необходимости, как теперь сказали бы, корректировать события. Так надежно закреплялись результаты похода.

В полдень 12 августа трактат был подписан, а через два часа Кауфман выступил со своим отрядом из лагеря близ Хивы. Накануне депутация от хивинских торговых людей просила его не уходить из пределов ханства; того же, судя по всему, желал и хан. Он долго сопровождал отряд и только по настоянию командующего, прослезившись, простился с ним и с его свитой и вернулся в свою столицу. Обаяние неведомого мира, иных отношений между людьми растревожили молодую душу; хана потянуло в далекий край, куда под звуки походного марша уходили новые знакомые, но у него на руках оставалось его ханство.

Можно смело сказать, что семимесячный поход на Хиву был беспрецедентным не только в русской военной истории. Ни одной из европейских армий нового времени не приходилось так долго находиться в условиях безводной песчаной пустыни, преодолевая при этом огромные расстояния. Результатами похода, кроме надежного обеспечения интересов российского купечества, стали и другие выгоды: появился новый водный путь из Оренбурга через Аральское море по Амударье в Туркестан и далее, т.е. Туркестан был отныне накрепко связан с империей; возникла возможность строить Закаспийскую железную дорогу, протянувшуюся на 1500 верст от Красноводска к Ташкенту.

Кауфмана-триумфатора Ташкент встречал 28 сентября (туркестанские войска находились еще в пути). В 4 верстах

от города в роскошных шатрах состоялся банкет, звучали подбаюющие случаю речи, а когда стемнело, был устроен фейерверк с вензелями генерал-губернатора и названиями его побед. Поутру Кауфман въехал в Ташкент через триумфальную арку; вдоль дороги стояли войска, держа ружья «на караул», и громкими «ура!» приветствовали покорителя Хивы. Весело играла музыка. Ничего лучше и торжественнее ташкентцы не смогли бы придумать, если бы встречали даже самого монарха.

По именному повелению на доске побед К.П. фон Кауфмана в Николаевском инженерном училище появилась надпись «Хива. 1873»; победитель хана и туркмен стал кавалером ордена Св. Георгия 2-й степени. Как обычно, после завершения очередной кампании он отправился в Петербург с докладом.

В 1875 г. к России были присоединены земли Кокандского ханства. В течение восьми лет Кауфман решил задачу создания обширного, внутренне замиренного и внешне защищенного колониального владения.

С момента учреждения Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. каждый год происходило приращение его территории, и к 1876 г. она увеличилась на 30%, составив 5189 кв. км. Население края увеличилось почти вдвое — в 1876 г. на его просторах проживали 1 171 514 человек⁷⁸. Фактические размеры края были больше официальных, поскольку его составными частями можно было считать формально независимые, но реально управляемые из Ташкента ханства Бухарское и Хивинское.

УСТРОИТЕЛЬ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Многие годы Константин Петрович фон Кауфман оставался в памяти среднеазиатских народов как ярым-падшо, т.е. правитель, обладавший огромной, почти царской властью. Для его сподвижников, биографов, мемуаристов,

рядовых русских туркестанцев наконец, не столь важен был масштаб его власти, сколько результаты ее применения. В конце XIX в., когда стали подводить предварительные итоги российского присутствия в Средней Азии, когда стали отмечать «туркестанские юбилеи», естественным образом вспомнили о первом генерал-губернаторе и первом командующем Туркестанским военным округом, и один за другим мемуаристы назвали его устройтелем края, подчеркивая преобладание в его деяниях созидательного начала. Для Средней Азии он был очень нетрадиционным завоевателем. Традиционные завоеватели покоряли племена и народы, разрушали города и селения, уводили людей в рабство, оставшихся облагали тяжелой данью. Так было из века в век, историческая память народов этого региона прочно зафиксировала именно такие последствия всякого очередного завоевания. Кауфман был завоевателем и колонизатором Нового времени. Разрушая крепости и неприемлемые для державы-победительницы общественные институты, такие как рабовладение и работорговля, он строил новые города, формировал новые общественные отношения.

Опыт устройства вверенного ему края он, как известно, получил в Северо-западных губерниях и в этом видел главную задачу своего управления азиатским генерал-губернаторством. Такое поручение ему было дано императором.

План административных мероприятий в Туркестанском крае был разработан в Петербурге в 1867 г. на основании данных, собранных так называемой Степной комиссией, которая в течение двух лет обследовала обширные территории, включенные в Туркестанское генерал-губернаторство. Этот план К.П. Кауфман изложил сразу же по прибытии в Ташкент в конце 1867 г. на встрече с именитыми людьми города. Выйдя к собравшимся в парадном мундире при всех регалиях, он произнес программную речь. Прежде всего он напомнил собравшимся их недавнее прошлое: «Богатые люди подвергались, по капризу высших властей, опасности быть повешенными или зарезанными потому только, что были богаты. Всякий человек без исключения мог быть подвергнут телесным наказаниям. Караваны грабились кирги-

зами (т.е. казахами. — Е.Г.), и чтобы охранить свои товары, ташкентцы были принуждены содержать войска в укреплениях, выстроенных на торговых путях, а вы знаете, что это дорого стоит. К довершению всего кровавые перевороты в Коканде или Бухаре отзывались в сартовских городах неистовством кипчаков или другой партии, успевшей захватить власть над ханством в свои руки... Однако с тех пор, как наши войска заняли эту страну, русские основные законы защитили сартов. Жизнь и имущество жителей завоеванных мест были обеспечены»⁷⁹.

Далее следовало изложение основ нового политико-административного устройства края: «Правительство полагает возможным предоставить ташкентцам, как и всем другим сартам, право выбирать правильным образом арык-аксакалов, аксакалов и казиев с подчиненными им лицами»⁸⁰.

На встрече было объявлено, что местные жители будут подлежать суду казиев, на решение которых русские чиновники не будут иметь права оказывать влияния. Вводился новый порядок сбора налогов через выборные хозяйственные управления, при этом упрощалась система налогообложения; число налогов сокращалось до трех. При ханах налогов и сборов было множество, никто толком не знал, сколько их, тем более что в любой момент мог быть введен новый налог. Новостью для местных жителей был лишь введенный Кауфманом сбор на устройство регулярного почтового сообщения.

В заключение своей программной речи генерал-губернатор сделал многозначительное заявление: «Передайте также вашим согражданам, что если благие намерения правительства будут встречены со стороны жителей Ташкента равнодушием, вследствие которого оно не будет в состоянии исполнить всех своих намерений, или если сарты, вместо того чтобы помогать, станут, паче чаянья, мешать выполнению целей правительства или обманывать его, то это убедит меня, что вам слишком рано еще давать законы, подобные тем, которые хотят вам дать. Передайте, что тогда правительство будет принуждено вследствие вашего неблагоразумия вмешаться во внутренние порядки вашей жизни.

Тогда само правительство назначит вам аксакалов, казиев и чиновников, которые будут брать с вас подать уже по усмотрению администрации»⁸¹.

Таким образом, с самого начала Кауфман дал понять населению покоренного края, что русская администрация не собирается ломать сложившийся веками уклад его жизни, дает ему возможность организовать самоуправление, устранив ханскую тиранию. Провозглашалась система так называемого косвенного управления, т.е. управления через существующие традиционные институты власти. Строго говоря, новеллой эта система не была — она применялась Римом на просторах Римской империи; достаточно вспомнить Иудею времен Христа и ее прокуратора Понтия Пилата. В условиях российской действительности основные принципы системы были разработаны и сформулированы впервые на базе тщательных полевых исследований, т.е. можно говорить о ее научной обоснованности. В Туркестане эта система получила название военно-народного управления. Добавление «военно» появилось по той причине, что край был завоеван силой оружия и остался в управлении военного министерства, да и все сколько-нибудь ответственные должности в русской колониальной администрации занимали генералы и офицеры.

Система косвенного управления, созданная по схеме, провозглашенной Кауфманом на встрече с именитыми горожанами, быстро продемонстрировала свою малую эффективность. Избранные населением члены хозяйственных управлений оказались нерадивыми и недобросовестными. Сборщики налогов присваивали часть собранных денег, шариатские судьи, казии, судили несправедливо, что заставляло местных жителей обращаться с жалобами к представителям русской администрации, которые на первых порах плохо знали местные условия и нередко реагировали не совсем должным образом. Впрочем, малая эффективность косвенного управления в завоеванных Россией регионах Средней Азии не была явлением уникальным, присущим только российской колониальной политике; столь же неэффективна она была и в британских колониях, где практиковалась за-

долго до Кауфмана. Англичане постоянно совершенствовали эту систему, ее развитию фактически посвятил свою жизнь один из самых видных строителей Британской империи лорд Лугард, бывший не только практиком, но и теоретиком косвенного управления; однако уже в 30-е годы XX в. чиновники британской колониальной службы убедились в незначительности коэффициента полезного действия, казалось бы, детально разработанной системы.

Одна из важнейших задач первого генерал-губернатора Туркестанского края состояла в том, чтобы разобраться в земельных отношениях, сложившихся в регионе до прихода русских. Необходимо было выяснить, какими правами может пользоваться российское правительство, чтобы отчуждать земли для нужд казенного строительства и для переселенцев. Земельные приращения в Средней Азии производились в конце концов не только ради обеспечения потребностей русской промышленности и торговли, но и с целью уменьшить земельный голод в собственно России.

В самом начале 1868 г. К.П. Кауфман создал комиссию, которой было поручено разобраться в традиционно сложившихся земельных отношениях. Комиссия установила, что в районах обитания кочевого населения пахотные земли считались общим достоянием того или иного рода, однако землевладельцы, имевшие свой рабочий скот и инвентарь, вели свои хозяйства самостоятельно, независимо друг от друга. Время от времени в пределах земельной собственности рода происходил передел полей. Продаже подлежали в самых редких случаях лишь застроенные и засаженные плодовыми деревьями участки, считавшиеся личным недвижимым имуществом.

Намного сложнее оказались принципы землевладения и землепользования в районах оседлого земледелия. Там удалось выявить три основных типа владения и пользования земельными участками. Прежде всего это были земли «мильк-хур», т.е. обеленные, свободные от налога, принадлежавшие владельцу на правах полной собственности. Такие земли могли быть пожалованы ханом за верную службу, но на определенный срок, продолжительность которого за-

висела от воли правителя ханства. Мильковое землевладение нельзя приравнять к русскому вотчинному или даже поместному, имевшим наследственный характер.

Второй тип — «вакуф», земли, завещанные с разрешения хана мильковладельцами религиозным организациям, чаще всего медресе. Очень часто имения типа мильк-хур переводились в разряд вакуфных с той целью, чтобы закрепить их во владении нисходящего потомства завещателя, обеспечить потомков доходом с вакуфа и избежать как налогообложения, так и возможной конфискации со стороны ханской власти. Облагаемые минимальными налогами вакуфы были лазейкой для милькодержателей, опасавшихся немилости хана.

И, наконец, последний тип — «амляк», государственные земли, находившиеся в пользовании земледельцев, плативших все установленные в том или ином ханстве подати.

Основываясь на материалах комиссии, русская колониальная администрация сделала вывод: «Все владельцы земельных имуществ, по силе такого общего начала, юридически всегда поставлены были в непосредственную зависимость по владению от власти государственной... Над всеми частными правами по владению землей, каково бы ни было их начало, т.е. происходят ли они из оживления и первого занятия почвы, или из завладения территорий путем покорения страны силою оружия и завоевания, возвышается верховная власть Государя, которому принадлежит исключительное право распоряжения всею земельной собственностью страны. Фактически право это осуществляется взиманием установленных налогов с земельных имуществ и в надзоре за непрерывной и продуктивной обработкой занятой почвы... Согласно с этими основными положениями мусульманской теории земельного права, все земли — государственные»⁸².

Это был вывод чрезвычайной важности, имевший далеко идущие последствия: он означал, что российское государство на правах победителя становится правопреемником побежденных ханов Бухары, Хивы и Коканда, т.е. верховным собственником завоеванных земель. По этой причине окончательное право вершить дела по землеустройству при-

надлежало от имени российского императора его представителю, генерал-губернатору Туркестана.

По мере обсуждения земельного вопроса в самом Туркестане, а также в ходе полемики с петербургскими ведомствами — министерствами иностранных дел и финансов Кауфман внес уточнения в свою концепцию землевладения. В проекте «Положения об управлении Туркестанским краем», подготовленном канцелярией генерал-губернатора в 1873 г., содержалось признание частной собственности на землю в следующих случаях: а) если земли приобретались по купчим крепостям и другим законным актам; б) если это были участки городской частновладельческой застройки; в) если мильковыми землями пользовалась сама владельцы (милькдары) и если эти земли не были заселены посторонними лицами и обществами; г) если вакуфными землями пользовались те самые учреждения и лица, которым были завещаны эти земли, и если они не были заселены посторонними лицами.

Константин Петрович служил делу, а не лицам, а потому, пострадав за свои убеждения и согласные с ними действия в бытность генерал-губернатором Северо-Западного края, он не отказался от них и в Туркестане. Он был уверен, что российской власти надо искать опору в среде самого многочисленного слоя среднеазиатского населения — декханства, т.е. землепашцев. Поэтому, не успев еще толком вступить в новую должность, он уже в 1867 г. издает распоряжение, по которому за многочисленными пользователями мелких участков (милькдары сдавали в аренду свои мильковые земли небольшими долями) закрепляется право пожизненного, потомственного (наследуемого) владения обрабатываемой земли. Более того, арендаторы мильковых земель, равно как и пользователи земель, отнесенных к категории «амляк», обязаны были теперь вносить в казну генерал-губернаторства весьма умеренный налог «херадж», который в ханское время составлял от трети до половины урожая. Кауфман сократил размер хераджа до пятой части урожая, т.е. действовал по рецепту Евгения Онегина:

«В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил».

Ход был сильный и проверенный одновременно, так как с самого начала привлек на сторону ярым-падшо народные сердца, хотя и озлобил крупных землевладельцев. Кауфман пошел еще дальше: он потребовал, чтобы милкдары и владельцы вакуфных земель представили русской администрации вполне достоверные документы на право владения своими льготными в смысле налогообложения землями. Поскольку экспертиза была весьма строгой, лишь немногим удалось подтвердить свои права на владение обеленных земель. Вот одна из причин, отчего бывали забракованы многие свидетельства о праве землевладения: «Масса ханских печатей прикладывалась просто без его ведома — у хана бывали целые связки печатей, которые хранились на руках у его приближенных и, конечно, без всяких предосторожностей; само прикладывание печати не сопровождалось никакими формальностями, нигде не записывалось, и, таким образом, злоупотребления печатью хана могут считаться более чем вероятными. Если к этому прибавить, что никакая туземная печать (в т.ч. и ханская) не дает возможности судить о времени ее приложения, так как вырезанная на ней дата означает только год, в который она вырезана, и тот факт, что сам процесс вырезания печати для хана не сопровождался никакими формальностями, можно без опасения ошибиться признать, что ханская печать на вакуфных документах никакого значения не имеет»⁸³.

Насколько строгим был подход к предъявляемым на экспертизу земельным актам, можно судить по результатам работы так называемой организационной комиссии, действовавшей в 1873–1874 гг. в созданном сразу же после хивинского похода Амударьинском отделе. Из 9203 десятин вакуфных и мельковых земель комиссия признала таковыми только 587 десятин вакуфных и 1210 десятин мельковых. И то эти 1210 десятин были пожалованы российским

императором некоему хивинцу Магниязу за услуги, оказанные русскому войску в 1873 г.⁸⁴

Как и в 1865–1866 гг., Кауфман преследовал двуединую цель: не только привлечь на свою сторону трудовое население земледельческих районов, обеспечив их права на обрабатываемые участки, но и вывести этот слой из-под влияния враждебных русской администрации крупных землевладельцев и мусульманского духовенства и тем самым изолировать и ослабить этот «аристократический класс». Более того, земельная политика генерал-губернатора ставила привилегированные сословия в прямую зависимость от русской власти, от которой милькадары, улемы и муллы получали теперь документы на право владения землями, а также подтверждение их льготного налогообложения.

То, что сделала руководимая Кауфманом русская администрация, было не чем иным, как радикальной демократической земельной реформой, проводимой в интересах трудящегося люда. Поразительно, что это было признано в раннесоветское время, да к тому же в журнале с недвусмысленным названием «Историк-марксист». Даже не открывая его, читатель мог себе представить, каким будут суждения и выводы всех его авторов: все, что делалось и не делалось царскими властями, бывало плохо для трудового народа. И тем не менее историк И. Ходоров в 1928 г. заявлял именно в этом программно-пристрастном журнале: «Земли аристократии стали, с одной стороны, облагаться налогами — податное обложение мильков, основанное на ханских пожалованиях отменялось; с другой стороны, земли узбекских аристократов стали закрепляться в собственность сидевшим на них арендаторам... *Здесь права на землю признавались за крестьянами, а обезземеливалась непокорная земельная аристократия*»⁸⁵ (курсив мой. — Е.Г.).

Позже, когда «социализм победил по всему фронту», когда советские научные кадры хлебнули лихолетья 30-х годов, они окончательно овладели марксистским методом. Даже в начале 80-х, в тихие застойные годы, когда никому за исключением упорных диссидентов тюрьма и лагерь не грозили, автор книги «Из истории Туркестанского

края» З.Д. Кастельская трактовала события столетней давности, откровенно искажая факты: «Цель первоначального аграрного законодательства царизма сводилась не только к захвату земель, но и к тому, чтобы обеспечить себе политическую и социальную опору в лице местных господствующих классов»⁸⁶. Уроки 30-х годов были, видимо, усвоены накрепко.

Именно потому, что «первоначальное аграрное законодательство» генерал-губернатора подрывало позиции «местных господствующих классов», чиновный Петербург проявил беспокойство. Реакция центральных ведомств последовала незамедлительно и была удивительно похожей на реакцию на мероприятия К.П. Кауфмана в аграрной сфере в Северо-Западном крае. Министерства иностранных дел и финансов воспротивились, и надолго. Завязалась многословная полемика между Петербургом и Ташкентом, продолжавшаяся практически до самой смерти генерал-губернатора. Кауфман подготовил три проекта Положения об управлении Туркестанским краем, но ни один не был утвержден в петербургских кабинетах. Константин Петрович не отменял своих распоряжений, действуя в рамках проекта 1873 г., хотя и не имел на то высочайшего одобрения.

Каковы же были аргументы петербургских оппонентов? Первым откликнулось ведомство князя Горчакова, усмотревшее в аграрных преобразованиях Кауфмана угрозу «пагубных общественных переворотов, последствия которых в политическом отношении крайне опасны»⁸⁷. МИД оставался верен себе — там традиционно боялись «как бы чего не вышло».

Возражения министерства финансов были более конкретными. Там придрались к формальностям. В частности, отмечалось, что в течение 9 лет русские власти покупали у местного населения земли для возведения казенных построек, что не соответствовало утверждению Кауфмана, будто государство, в том числе российское, является верховным собственником земли. Министр финансов находил, что основные начала проекта положения о землеустройстве 1873 г. противоречат характеру поземельной реформы, совершаю-

шейся в России. Главная цель этой реформы состояла якобы в том, чтобы сделать земледельческое население империи крестьянами-собственниками, а не пользователями земли. В то же время кауфманский проект не предусматривал развития частнособственнического землевладения.

Кауфман отвечал на эти замечания, и тогда из столицы курьер привозил другие, и он снова писал объяснение. «Понятие о праве полной собственности в том виде, как оно теперь существует в европейской науке, — объяснял Кауфман петербургским чиновникам, — есть понятие чисто местное, европейское... Права государства на землю, обрабатываемую частными владельцами, могут быть сокращены до той степени, до которой они необходимы в чисто политических видах. Совершенно не то в странах, где писал законы Мохаммед, и в Туркестанском крае. Климатические условия Туркестанского края таковы, что государству должны быть предоставлены гораздо большие права по отношению землевладения, чем то необходимо в Европе...»⁸⁸

Кауфман убеждал своих оппонентов, что, несмотря на запутанность, непроясненность сложившихся веками аграрных отношений в Туркестане, российское государство не имеет права занимать позицию невмешательства в эти отношения, дожидаясь, когда чиновники различных ведомств завершат свои ученые дискуссии и одарят туркестанских землевладельцев и землепользователей новым земельным законом. Такое невмешательство было бы пагубным по политическим мотивам. Массы городского и земледельческого населения находятся под влиянием мусульманского духовенства, враждебного русской власти. Уменьшить это влияние можно, если подорвать благосостояние духовного сословия, которое обеспечивают во многих случаях необоснованно присвоенные вакуфные земли. Хотя Кауфман сидел за тысячи верст от столицы, смотрел он дальше тех, кто мнил себя мужами государственного кругозора.

Возражения петербургских ведомств касались не только земельной реформы. Ташкентскую администрацию упрекали в мелочном вмешательстве в повседневную жизнь местного населения. В Петербурге подняли на смех установле-

ние проекта 1873 г. о том, что полицейские чиновники уездных управлений должны решать бракоразводные дела мусульман, предварительно побывавшие и не решенные в двух местных судебных инстанциях. Тем не менее такова была практика во всех колониальных странах, где последнее и решающее слово принадлежало представителям метрополии. Критикам кауфманского проекта казалось вздорным предложение выдать каждому жителю Туркестанского края удостоверение личности. Проект оспаривался пункт за пунктом⁸⁹.

Проходили годы, а полемика между Петербургом и Ташкентом по поводу туркестанского землеустройства не прекращалась. Среди многочисленных, порою серьезных аргументов петербургской стороны можно обнаружить возражения, имеющие в основе обычное для бюрократических структур ведомственное соперничество. В министерствах финансов, контроля и иностранных дел были возмущены привилегированным положением Туркестанского генерал-губернаторства, состоящего в ведении военного ведомства, а не министерства внутренних дел, как обычно. Раздражало министерских чиновников и то, что начальник обширного азиатского края не только пользовался неизменным покровительством очень влиятельного военного министра Д.А. Милютина, бывшего в 70-е годы фактическим премьер-министром, но имел также исключительную возможность обращаться к государю непосредственно, с нарушением правил бюрократической иерархии. Раздражение петербургских чиновников в определенной степени бывало обоснованным, когда от императора приходило неожиданное, с ними не согласованное, распоряжение выделить из как всегда скудного бюджета те или иные суммы для нужд опостылевшего им Кауфмана; это могло быть и требование признать действующим то или иное подписанное им международное соглашение, против которого чиновники боролись.

Возможно, именно из-за особого положения туркестанского генерал-губернатора петербургская бюрократия относилась к нему с особым пристрастием и не прекращала при-

дираться. В самый последний год своего управления краем, — а это был роковой для России 1881 год, — потерявший терпение Константин Петрович пишет своим оппонентам: «Нет никакого сомнения, что компетентность в суждении, что необходимо краю и что не нужно, должна принадлежать местной власти, которая затем и учреждена там»⁹⁰. В том смысле: не понимаете, не знаете и не суйтесь!

Доныне дошло слишком мало свидетельств чисто человеческих свойств покорителя и устроителя Туркестанского края. Из того, что есть, ценны его немногочисленные собственноручные письма неофициального характера. Д.А. Милютину он писал доверительно, не скрывая отчаяния: «От незнания ли дела или от личного нерасположения ко мне, но я на каждом шагу получаю несочувственные и оскорбительные бумаги, которые, разрушая мое здоровье, лишают меня возможности всякой надежды на ведение управления в крае при такой централизации в министерствах, какая выразилась в последнее время. Мне удалось устроить отношения с некоторыми из соседей наших в Средней Азии, о которых и мечтать было нельзя несколько лет тому назад. Достигнуть этого я мог лишь твердою, неизменною, честною и в то же время, выражусь так, доброю политикой с этими ханами...

Я хлопочу об увеличении доходов с края и достиг уже недурных в этом отношении результатов и достигну еще значительно больших, если мне не будут мешать разные формальности; меня заедают министерства финансов и контроля разными до смешного требованиями, а министерство финансов даже грубыми, циничными, неприличными отъездами, на которые мне стыдно отвечать; разве так платят люди, сколько-нибудь имеющие совесть и любовь к родине, человеку, который себя не жалеет на пользу отечеству. Всякому терпению есть мера. Я нахожусь иногда в таком положении, что если бы не любовь к государю-императору и нежелание огорчать его, я готов был бы бросить все я бежать от этих дел»⁹¹.

Константин Петрович не только гипотетически рассуждал о «бегстве», но и официально просился в отставку, ссы-

ляясь на расстроенное здоровье. Об этом есть запись в дневнике Милютина. Военный министр уговорил своего старого товарища продолжать управление краем.

Самые серьезные претензии петербургских критиков касались дел финансовых. Новообретенный для империи край требовал все возрастающих расходов, при том, что поступающие в казну доходы (налоги и другие сборы) их не покрывали. Так, в 1868 г. доходы края составила 1 824 719 руб., расходы — 5 022 508 руб., дефицит — 3 197 789 руб. В 1873 г. доходы увеличились до 2 616 409 руб., но и дефицит увеличился тоже до 5 721 688 руб. В последний год действительного управления К.П. Кауфманом вверенным ему краем превышение расходов над доходами (равными 5 979 918 руб.) составило 9 160 647 руб., а за 15 лет, с 1867 по 1882 г., — около 100 млн. руб.⁹² Огромная сумма по тому времени!

Возмущение дороговизной новых территориальных приобретений в Средней Азии вышло за пределы служебной переписки и обрело публичный характер на страницах газет и брошюр. Время наиболее интенсивной российской экспансии в Средней Азии причудливым образом совпало с периодом серьезных либеральных реформ и сопутствующей им гласности. Критики правительства витийствовали как никогда (печальная судьба России — ходить по кругу в своем «развитии»).

К.П. Кауфман и его громкие дела в Средней Азии привлекали внимание множества публицистов, как серьезных знатоков проблемы, так и считающих себя таковыми. Немало путешествовавший по Туркестану и сопредельным краям М.И. Венюков писал в середине 70-х годов: «Взяв для сравнения какую-нибудь русскую губернию с тем же числом населения, даже в средней полосе, мы увидим, что Туркестанский край по отношению к налогам есть самая счастливая часть Российской империи. Между тем о новых источниках для обложения ничего не известно, и цифры доходов иногда не только не возрастают, а даже падают к следующему году. Это показывает, что платежные податные средства края не довольно изучены или неточно оценены и что самые сборы взимаются недостаточно правиль-

но, на что, впрочем, есть прямые указания в печатных источниках. Расходная часть туркестанского бюджета едва ли не еще более беспорядочна и поражает особенно огромными суммами на содержание чиновников, из которых многие не занимают никаких должностей, а состоят в распоряжении местной центральной власти, для употребления по ее усмотрению. Кроме того, многие значительные расходы, записанные в смету и правильно утвержденные, иногда оказываются малопроизводительными, как, например, это было с почтовыми станциями по оренбургскому тракту, которые через три года после постройки пришли в разрушение, хотя и стоили дорого. Иные расходы делались и делаются без внесения в смету... Бывали такие случаи, что суммы, получившие уже определенное название, употреблялись на совершенно другие предметы, как, например, вместо основания общественных банков деньги ушли на основание конского завода»⁹³.

Прочитав этот пассаж, нетрудно догадаться откуда ветер дует... Из министерства финансов. Можно представить возмущение чинов финансового ведомства, во все времена приверженных неукоснительному соблюдению целевого расходования отпущенных средств: взял деньги для основания банков, так и трать по назначению! Разумеется, финансовые служащие должны быть педантичными, но это не значит, что педантом должен и мог быть покоритель и устроитель только что завоеванного края. Будь Кауфман педантичным чиновником, не отрывающим взгляда от ведомственных инструкций, он, наверное, сохранил в 1866 г. за собой место генерал-губернатора Северо-Западного края, но вряд ли стал бы могущественным ярим-падшо, грозой среднеазиатских эмиров и ханов. Будь он душой и темпераментом сродни предельно осторожному, не сказать трусливому Стремоухову, он до бесконечности терпел бы дерзости от хивинцев, никогда не стал бы вдохновителем и организатором хивинского похода, а если бы и возглавил его, то непременно завершил бы провалом.

По твердому убеждению петербургских чиновников, начальник Туркестанского края своевольничал, что трудно

опровергнуть, однако сам Кауфман был убежден, что имеет на то право, так как ему на месте все виднее.

Справедливости ради надо признать, что многие хозяйственные начинания генерал-губернатора не давали желаемого эффекта, хотя хороши были по замыслу. Константин Петрович был человеком увлекающимся: достаточно вспомнить его спуск под воду в первой русской подводной лодке и желание взлететь на воздухоплавательном аппарате, который вскоре назовут аэропланом.

Кому-то в ташкентской администрации пришла в голову мысль устроить в Ташкенте ярмарку, для чего в 1870 г. близ города по символической цене (1,25 копейки за кв. сажень) была куплена пустующая территория площадью 300 десятин. На этой земле возвели павильоны и биржу, затратив изрядные суммы, но преодолеть косность местных производителей и торговцев не удалось: они не захотели торговать на иноземный лад, проигнорировали ярмарку, оставшись на своих традиционных базарах. Даже освобождение от налога на время ярмарки не стало для них привлекательным.

Такими же неудачными были еще несколько дорогостоящих начинаний. Для орошения Голодной степи решили из Сырдарьи прорыть канал, который должен был протянуться на 100 верст, однако уже на 12-й версте затею оставили, поскольку стоимость работ превысила сметную в пять раз. Надеялись, что заинтересованные в водоснабжении земледельцы будут рыть канал бесплатно, как это бывало в ханское время, но декхане уже почувствовали слабость новой власти (глотки не режут, в подземелье не бросают) и потребовали за свой труд денег.

С 1868 г. в Ташкенте велось строительство водопровода, которое постоянно год от года дорожало. После того, как затратили 48 тыс. руб., комиссия не приняла это гидротехническое сооружение, и город остался без водопровода. Ничего не вышло из замысла основать в Ташкенте конный завод. Товарищество завода обанкротилось и осталось должно казне 47 тыс. руб.

Ф.К. Гирс, направленный в Ташкент вскоре после смерти Кауфмана в качестве ревизора, причины этих неудач оп-

ределил следующим образом: плохая проработка проектов, отсутствие высочайшего разрешения, т.е. согласования с министерствами, неправильное составление смет, непрофессиональное исполнение — «подряды отдавались в большинстве случаев без всякой конкуренции, т.к. торгов весьма часто не производилось»⁹⁴.

Гирса, как и других высокопоставленных петербургских чиновников, больше всего раздражало уникальное положение Константина Петровича, неизменное к нему расположение императора. Другие губернаторы появляются в министерствах просителями, а этот, выбравшись из своей азиатской дыры, напрямик едет в Зимний, игнорируя министров! Бесило, и очень. Оттого в отчете ревизора снова и снова звучит один и тот же мотив: «Если бы разрешение этих предприятий шло законным путем, через подлежащие центральные учреждения, то само собою разумеется, что разрешение могло бы последовать не иначе, как после подробного обсуждения и уяснения всех обстоятельств дела, а самые проекты были бы подвергнуты строгому критическому разбору как в техническом, так и финансовом отношениях»⁹⁵. И снова в ту же точку: «Туркестанский генерал-губернатор в силу данных ему полномочий утверждал сложные строительные проекты на значительные суммы на свой риск. Результаты подобного хода дел в некоторых случаях были весьма печальны»⁹⁶.

В определенной мере ревизующий был прав: тщательная экспертиза любого проекта необходима и полезна, однако, зная негативное к себе отношение царедворцев и крупных чиновников, Кауфман опасался, что любая министерская экспертиза примет намеренно затяжной характер и в конечном счете похоронит его инициативу, а потому действовал на свой риск и страх, излишне доверяясь окружению, которое состояло не только из людей компетентных и честных.

Кстати, одной из любимых тем российских газет, независимо от их направления, было писать о сонмище проходимцев, устремившихся в новозавоеванные земли и погоне за легкой наживой. Это тоже было правдой. В неведомом южном краю привлекали реальные и воображаемые богатства,

возможности, льготы. Военных и гражданских служащих влекли, например, преимущества по службе, такие как повышенные оклады и пенсии, четырехмесячные отпуска с сохранением содержания, ускоренная выслуга лет, специальные пособия и выплаты, и др. Так что в желающих отправиться служить в жаркий неустроенный край недостатка не было, а там, где много желающих приобрести льготы, не следует ожидать торжества добродетели.

Многие мемуаристы сходятся во мнении, что Константин Петрович был человеком добросердечным и доверчивым, чем охотно и часто пользовались люди сомнительной честности. Из мемуара в мемуар кочует курьезный случай, невольным «героем» которого стал полномостный начальник края:

«На каждое появление у туземцев желания отрешиться от косности или нелепых обычаев, — пишет много лет служивший в канцелярии генерал-губернатора Г.П. Федоров, — Кауфман отзывался с сердечными симпатиями и не жалел, если было нужно, денег для поощрения... Однажды полковник Колзаков, начальник Ташкентского уезда сообщил Кауфману:

— Почетные жители уезда, а также волостные управители и народные судьи, глубоко благодарные Вашему превосходительству за те блага, которые они получили с подчинением страны русскому монарху, обратились ко мне с просьбой просить Вас почтить их праздник, который они устраивают на Куйлюке. На этом празднике будут их жены и дочери, которые, желая почтить Вас, снимут свои волосные сетки и будут танцевать свой народный танец.

Кауфман пришел в восторг, считая это первым шагом женской эмансипации.

Праздник удался на славу, Константина Петровича и его свиту встретили человек пятьсот самых именитых жителей Ташкента, раздетых в богатые цветные халаты с белыми чалмами на головах. Заиграла национальная музыка, и из шатра вышли несколько красивых молодых женщин с открытыми лицами в великолепных по местной моде туалетах. Они танцевали около часа, затем остановились и ответили генерал-губернатору низкий поклон. Кауфману очень

понравился и танец, и его эффектное завершение. Одной из танцовщиц, которую ему представили как дочь казия, т.е. судьи, он подарил кубок с надписью: «От туркестанского генерал-губернатора».

А на следующий день, поутру, в резиденцию начальника края явился офицер, правнук героя Отечественной войны 1812 г., подполковник Н.Н. Раевский. Этот правдолюб привез назад кубок с дарственной надписью и раскрыл Кауфману глаза: Колзаков нагло обманул своего легковерного начальника, выпустив танцевать перед ним группу дам очень нетрадиционной морали. Что же касается жен и дочерей лучших людей Ташкента, то они оставались дома и выходили на улицу только в чадрах⁹⁷. Могли ли они помыслить о танцах с открытыми лицами перед неверными?

Так же, видимо, было и с ярмаркой, построить которую Кауфмана уговорил кто-то, заинтересованный в подряде и хорошо знавший его слабую струну — желание ускорить прогрессивные сдвиги в традиционном сознании. Знал бы он, как ладно это получится у большевиков, применивших революционное насилие. А по поводу обмана с танцовщицами Константин Петрович очень долго огорчался.

Обширный отчет ревизии Гирса содержал многочисленные обвинения в адрес тогда уже покойного ярым-падшо. Снова и снова повторялась тема расточительства, прежде всего при строительстве казенных зданий — клубов, помещений для начальствующих лиц, в том числе для самого генерал-губернатора. При нем были построены генерал-губернаторский дворец и загородная дача, сооружения помпезные и, естественно, дорогостоящие. Упрек можно было бы считать правомерным с точки зрения блюстителя государственных финансов, если только не принимать во внимание важные принципы колониальной политики. Просторные, богато украшенные дворцы генерал-губернатора и губернаторов областей должны были, помимо прочего, символизировать могущество державы-завоевательницы, укреплять авторитет новой власти. Нетрудно себе представить, как бы отнеслись к наместнику далекого Белого царя покоренные им сарты, если бы его резиденция оказалась беднее дворцов

побежденного хана. В конце концов, по внешним признакам судят о богатстве и силе не только на Востоке. Надо было учитывать и постоянное соперничество России и Англии, стремление каждой оказывать влияние на азиатские народы, различными способами доказывать собственное превосходство. Сопредельные колониальные владения России и Англии в Центральной Азии не были отгорожены непроницаемым барьером; купцы и паломники свободно перемещались из русского Туркестана в афганские и индийские пределы, могли оценивать могущество той и другой колониальной державы и сообщать свои наблюдения соотечественникам. Мог ли Кауфман допустить, чтобы «его» сарты сделали вывод, что Россия менее могущественная страна, по той причине, что его резиденция в Ташкенте беднее дворца английского вице-короля Индии. Ко всему прочему он строил казенные дворцы и другие сооружения не только для себя и своих сослуживцев, но и для своих и их преемников, т.е. на долгие времена.

Петербургская бюрократия в лице Гирса и его ревизоров сводила счеты со строптивым сановником. В своем отчете Гирс постоянно подчеркивает, что покойный начальник края своевольничал во всем, посягая на прерогативы высшей, императорской власти. Например: «Генерал-губернатор присвоил себе право помилования лиц, осужденных по судебным приговорам, что составляет прерогативу единой самодержавной власти в России»⁹⁸. Это обвинение повторено в отчете несколько раз. Отчет о ревизии адресовался Александру III, который ревниво и с подозрением относился к деятелям предыдущего царствования, так что текст, какой сочинил Гирс, должен был укрепить нового царя в убеждении: покойный император слишком доверился своим сотрудникам, которые злоупотребили его доверием и в конечном счете погубили его. В 1883 г., когда проходила ревизия, благополучно здравствовал его непосредственный начальник, друг и покровитель, недавно ушедший в отставку военный министр Д.А. Милютин. Косвенным образом обвинения ревизоров касались и его, попустительствовавшего неуправляемому Кауфману. Сторонники «твердой линии», взявшие

верх после 1 марта 1881 г., Милютина сильно не любили (даже ненавидели) и очень опасались его возвращения в правительство.

Отчет о ревизии — документ ценный, но не слишком объективный, хотя бы уже потому, что ревизирующие, хорошо знакомые с реалиями Центральной России, не были в состоянии за короткое время освоить специфику Средней Азии. Хозяйственные начинания Кауфмана они оценили в основном негативно из-за немалых первоначальных затрат; не сумели они увидеть перспективы шелководства, виноделия и даже хлопководства, хотя уже в ходе ревизии явно вырисовывалась тенденция к увеличению засеваемых хлопчатником площадей и росту урожаев. Собственно ради хлопка в значительной степени российские войска шагали по знойным пустыням, гибли среди песков от неведомых болезней и пуль «инородцев». В середине XIX в. хлопок манил русских предприимчивых людей в Среднюю Азию не меньше, чем золото, из-за которого в начале века XVIII погибла в Хиве экспедиция Бековича-Черкасского. После поражения в Крымской войне и особенно с началом Гражданской войны в Северной Америке российские купцы и фабриканты осознали настоятельную необходимость преодолеть зависимость от североамериканского хлопка, бывшего практически единственным сырьем для русской текстильной промышленности. Американский хлопок приходилось покупать у английских посредников, которыми манипулировало враждебное России правительство Великобритании; с началом же американской междоусобицы поставки хлопка в Европу резко сократились.

Такое положение убедило владельцев русских хлопчатобумажных мануфактур в необходимости превратить Среднюю Азию в основного поставщика хлопка-сырца для изготовления российского текстиля. Русские заводчики говорили об этом открыто, даже книги на эту тему писали. Промышленник и публицист А.П. Шипов в своем труде «Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России» еще за несколько лет до начала активного продвижения русских в Среднюю Азию обосновывал необ-

ходимость такой экспансии: «Россия может употребить свои усилия чрез искусные коммерческие или иные сношения к водворению и усовершенствованию... возделывания хлопка в Средней Азии, ибо из того должны произойти весьма важные для развития производительных сил России последствия»⁹⁹. Осознавший уже свою силу промышленный капитал России, таким образом, давал установку правительству, которое с промедлением (на то были веские причины) эту установку восприняло и в конечном счете реализовало.

Ташкент русские войска взяли в 1865 г., а уже в следующем году в Ташкентском оазисе была предпринята первая попытка посева семян американского хлопчатника. Местный все же был плох и не пользовался популярностью в Москве, Иванове и других центрах текстильного производства. Пионером хлопкосеяния был подполковник Н.Н. Раевский. Еще в 1862 г. он пытался выращивать хлопчатник в Крыму, но, не добившись успеха, отослал 36 фунтов семян в Ташкент; впрочем семена не успели к посевной поре.

Первым в 1868 г. попытался произвести очистку местного хлопка артиллерийский штабс-капитан Какурин, однако технические средства, бывшие в его распоряжении, оказались неэффективными.

К.П. Кауфман занялся хлопковой проблемой практически с первых дней пребывания в вверенном ему крае; в 1868 г. по его распоряжению всем желающим разводить хлопок был роздан бесплатно весь запас семян американского хлопчатника; в Техас для изучения хлопкосеяния и обработки хлопка-волокна на два года командировали агрономов Бродовского и Самолевского; были выделены деньги для устройства в Ташкенте хлопковой фермы с опытным полем; из той же Америки выписали самые современные по тому времени машины для очистки и укупорки хлопка. Свою хлопковую ферму основал в 1870 г. в Самарканде перебравшийся в Туркестан Н.Н. Раевский. В последующие два года он раздал желающим 200 пудов семян американского хлопка¹⁰⁰.

И хотя «на возделывание хлопка бросились решительно все, кто имел хотя бы небольшой запас денег»¹⁰¹, дело это шло очень плохо. Американские сорта требовали особого

ухода: созревшие коробочки раскрывались полностью, и волокно уносили сильные порывы ветра. Местные хлопководы сеяли заокеанский семенной материал по-своему, как привыкли в веках, а именно вразброс; хлопчатник у них рос густо. Кроме того, местные примитивные машины и технология хлопкоочистки никуда не годились. Понадобились долгие годы, прежде чем хлопководство в Туркестане стало делом масштабным и доходным. Константин Петрович не дожид до того дня, когда на основанной им Ташкентской опытной станции был выведен новый, хорошо себя чувствующий в местных условиях сорт хлопчатника. Русские селекционеры скрестили местный сорт с американским: произошло это в 1884 г. В том же году из Средней Азии в Россию были вывезены первые восемь кип хлопка. В 1884 г. под хлопчатником было занято 300 десятин, в 1886 г. — уже 12 тыс., а в 1900-м — 191 тыс. десятин. К началу XX в. Россия практически стала независимой от хлопкового импорта; в 1907 г. на текстильные фабрики России вывезли 5 млн. пудов хлопка, что полностью удовлетворило потребности русской промышленности. При этом 85 % всего ввозимого хлопка давала Ферганская область¹⁰².

Администрация Кауфмана следовала разумному правилу — развивать и совершенствовать прежде всего местные культуры и промыслы, органичные для завоеванного края. Помимо хлопководства внимание было уделено такому же древнему промыслу коренного населения — шелководству. Стараниями образованных специалистов Ошанина и Вилкинса в Ташкенте была устроена образцовая школа шелководства. Вывоз из Туркестана шелка-сырца постоянно увеличивался: с 1856 по 1866 г. в среднем вывозилось 950 пудов ежегодно, а в 1867 было вывезено уже 7822 пуда на общую сумму 1 273 038 руб.¹⁰³ Закладывались новые виноградники; в окрестностях туркестанских городов российские заводчики стали производить вина из винограда местных сортов. В 1871 г. в 25 верстах от Ташкента был организован конный завод.

В течение всех лет управления краем Константин Петрович старался понудить местных жителей перенимать и

усваивать новые для них более передовые и эффективные методы хозяйствования. Он стремился побороть консерватизм традиционного мышления силой примера. Среди курьезных воспоминаний о Кауфмане, которыми туркестанские старожилы любили делиться с новоприбывшими, имеется рассказ, очень хорошо иллюстрирующий это органически присущее первому туркестанскому генерал-губернатору качество. Садовник жалуется начальнику края, что сарты крадут из его сада клубнику. Кауфман интересуется: много ли ягод украли? Садовник отвечает: ягоды не крадут, вырывают кустики с корнем. «Ну и слава Богу, — говорит Константин Петрович, — что крадут не ягоды, а кусты!» Пусть его сад станет опытным полем, даровым питомником для всякого, кто стремится к улучшению и обогащению окружающей среды; что же касается способов добывания посадочного материала, которые предпочитают местные любители клубники, то они вряд ли могли быть иными, учитывая и веками складывавшиеся нравы, и отношение завоеванного населения к завоевателям¹⁰⁴.

Одна из главных заслуг К.П. Кауфмана, если не главная, состояла в том, что он с первых дней своего губернаторства организовал планомерное и массивное изучение Русского Туркестана и сопредельных земель. В этом начинании он не был оригинален — так поступали все крупные созидатели колониальных империй. Подобное изучение было делом естественным, потому что было обусловлено нуждами управления, промышленного развития и т.п. Организация многочисленных и весьма эффективных научных экспедиций в конце XIX в. в советской научной литературе объяснялась однообразно и незамысловато: «Они (колониальные власти. — Е.Г.) не могли не интересоваться по-своему изучением Средней Азии — колоссальной территории, форпоста царского владычества на Востоке, источника обогащения русских помещиков и капиталистов. Нужно было организовать систему эксплуатации миллионных масс народов Средней Азии, имевших свои особенности, свой склад жизни». Этим пассажем, как ни досадно, считал необходимым начать свою хорошую работу «Научные

общества Туркестана и их прогрессивная деятельность» Б.В. Луни¹⁰⁵.

Современники, к счастью, справедливее оценивали усилия К.П. Кауфмана. Весьма критически настроенный к российской политике на Востоке путешественник и исследователь М.И. Венюков в конце 70-х годов прошлого века писал: «Назначенный в 1867 г. генерал-губернатором в Туркестан генерал-адъютант Кауфман в самом начале своего управления заявил печатно, что вверенная ему администрация не находит возможным разумно вести дела края без подробного его изучения. Это благородное признание могущества науки не осталось без важных практических последствий. Научная деятельность в Туркестанском крае скоро разрослась до обширных размеров»¹⁰⁶.

Венюков не преувеличивал. Достаточно сказать, что именно в течение первых 15 лет существования Туркестанского генерал-губернаторства совершили свои самые важные научные открытия, сделав тем самым свои имена всероссийски известными, геологи И.В. Мушкетов и Г.Д. Романовский, зоолог и зоогеограф Н.А. Северцов, ботаник А.П. Федченко, зоолог В.Ф. Ошанин, востоковеды В.В. Радлов, Н.П. Остроумов, А.Л. Кун.

Усилиями ташкентских авторов был составлен трехтомный сборник статей и документов «Русский Туркестан», приуроченный к Политехнической выставке 1872 г. Составители, а ими были редактор газеты «Туркестанские ведомости» Н.А. Маев и начальник штаба Туркестанского военного округа В.Н. Троцкий, старались дать читателям всеобъемлющее представление о Туркестанском крае. Здесь были собраны очерки по топографии, орографии, гидрографии, статистике, этнографии, технике, естественной истории, аграрным вопросам и т.д. и т.п. Кроме того, в третьем томе была помещена подборка документов, воссоздающих историю присоединения земель Туркестана к России. И сегодня поражают полнота и скрупулезность статистического раздела — великолепными профессионалами были российские статистики на излете XIX в.

В то самое время, когда ташкентские энтузиасты готовились к Политехнической выставке, в петербургском оппози-

ционном журнале «Отечественные записки» печатались начиная с 1869 г. очерки сугубо критического направления, утомительно многословные и тщательно зашифрованные, принадлежавшие перу известного писателя, главного редактора этого журнала М.Е. Салтыкова-Щедрина. Название было: «Господа ташкентцы. Картины нравов». В 1872 г., когда в Москве проходила выставка, публикация очерков закончилась. «Прокурор российской действительности», как Щедрина величали его почитатели — современники, объяснял, каким он видит Ташкент и его обитателей — ташкентцев.

«Ташкент, как термин географический, — писал сатирик, — есть страна, лежащая на юго-восток от Оренбургской губернии. Это классическая страна баранов, которые замечательны тем, что к стрижке ласковы и после оголения вновь обрастают с изумительной быстротой»¹⁰⁷. И далее: «Как термин отвлеченный, Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гоняющем. Если вы находитесь в городе, о котором в статистических таблицах сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет, острог один и т.д., вы можете сказать без ошибки, что находитесь в самом сердце Ташкента»¹⁰⁸.

Таков Ташкент, а вот таков ташкентец: «Ташкентец» — это просветитель. Просветитель вообще, просветитель на всяком месте и во что бы то ни стало; и при том просветитель, свободный от наук, но не смущающийся этим, ибо наука, по мнению его, создана не для распространения, а для стеснения просвещения. Человек науки прежде всего требует азбуки, потом складов, четырех правил арифметики, таблички умножения и т.д. «Ташкентец» во всем этом видит неуместную придирку и прямо говорит, что останавливаться на подобных мелочах, значит спотыкаться и напрасно тратить золотое время. Он создал особенный род просветительной деятельности — просвещения безазбучного, которое не обогащает просвещаемого знаниями, не дает ему более удобных общежительных форм, а только снабжает известным запахом»¹⁰⁹.

Далее сатирик излагает план «всестороннего» изображения ташкентцев: «Таким образом, я нахожу возможным изобразить:

ташкентца, цивилизующего *in partibus**;
ташкентца, цивилизующего внутренности;
ташкентца, разрабатывающего собственность казенную
(в просторечии казнокрад);
ташкентца, разрабатывающего собственность частную (в
просторечии вор)...

Очень часто эти люди весьма различны по виду; но у всех
имеется один соединительный крик: *Жрать!*¹¹⁰

Каково было прочесть такое о себе Кауфману, Федчен-
ко, Ошанину и сотням других ташкентцев, связавших свою
судьбу с далеким краем?!

Возникает естественный вопрос: бывал ли Щедрин в Таш-
кенте, жил ли там сколько-нибудь долго, если с такой стра-
стью, прямо-таки религиозной, пламенсющей ненавистью,
взялся обличать «порочный» город и его «погрязших в
смертных грехах» обитателей?

В Ташкенте и других среднеазиатских городах обличитель
никогда не был. Весьма сомнительно, чтобы он читал что-ни-
будь о тех местах, а потому знал о них не больше того, что
сообщил в начале своего произведения: «страна, лежащая на
юго-восток от Оренбургской губернии», и его обличительный
пафос возник на «прочном» основании рассказов и слухов.

Так бывало во все времена: открывались (завосывались)
новые земли, и туда устремлялись самые разные люди: и те,
кому нужен был простор для приложения созидательных,
творческих сил, и просто охотники до легкой наживы. Неза-
конно захватывали «иностранческие» земли, злоупотребляли
служебным положением — все это было, однако наказание
настигало даже весьма высокопоставленных чинов туркес-
танской администрации. Очень громким было дело военно-
го губернатора Сырдарьинской области генерала Головаче-
ва, начальника города Ташкента Мединского, нескольких
чиновников канцелярии генерал-губернатора, которые вы-
давали и сами получали большие, чем жалованье, наградные
суммы, беспроцентные ссуды; на одни и те же нужды по не-
сколько раз собирали деньги с местного населения. Медин-

---

* За границей (*лат.*).

ский заключал провинившихся в тюрьму и сек розгами не только без суда и следствия, но и без письменного постановления. Увы, эти приметы российской действительности не исчезли и по сей день.

Один из очерков щедринской сатиры имеет название «Ташкентцы — цивилизаторы». Издевка писателя была необоснованна и несправедлива. Вряд ли он стал бы издеваться над русской администрацией Туркестана, если бы знал, что в 60–70-е годы Кауфман и его сподвижники не только запретили рабство и работоторговлю в Средней Азии, но и следили за соблюдением этого запрета. Запрещены были такие жестокие виды казни, как перерезание горла виновного ножом, и разного рода членовредительства. Впрочем, Салтыков-Щедрин, будучи революционным демократом (советская терминология), к факту относился без почтения. Эту традицию подхватили и развили Ленин и большевики.

Со стороны писателя некорректно было так грубо поносить маленький русский город, который возник всего за четыре года до того, как писатель сел за свою сатиру*.

Естественно, в этом городе не могло быть ни университета, ни оперы, ни картинной галереи.

---

* Человеческие и профессиональные качества сатирика хорошо были известны в кругу писателей и ученых. Его современник — видный юрист и философ Б.Н. Чичерин оставил свое суждение о Щедрина: «... Это была грубая и пошлая натура... Изображая пошлость с неподражаемым мастерством, Гоголь стоял вне ее и описывал ее как художник. Щедрин же сам властью валялся в пошлости и грязи, так что чтение его становилось, наконец, противным. Впоследствии талант его развился, хотя не сделался более высоким. У него был блестящий ключом юмор, иногда меткий, часто забавный, редко художественный, которым несколько искупались крайне поверхностное понимание жизни, одностороннее и тенденциозное отношение к явлениям, полный недостаток изящества и вкуса, наконец, отсутствие истинно художественного таланта...

У Щедрина и пошлое глумление составляет отличительную черту его сатиры. В сальностях он купался как в родной ему сфере, даже когда это вовсе не было нужно. И все это он размазывал без удержу, вопреки самым элементарным требованиям художественной отделки. Под конец у него пропал даже юмор; он впал в уныние и тогда сделался уже совершенно невыносим. Причислить его к разряду крупных талантов, которыми может гордиться Россия, нет никакой возможности» (Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов. М. 1997. С. 196).

Чего же не знал или не хотел знать о Ташкенте и ташкентцах писатель Н.Щедрин? По переписи 1871 г. на территории русской части Ташкента проживало 2073 человека (солдаты не учитывались). Половину горожан составляли офицеры и классные чиновники — 1011 человек, врачей и акушеров было 16, домашними занятиями (главным образом это были жены офицеров и чиновников) были заняты 567 человек, 80 горожан занимались торговлей. Город был обеспечен рабочими-специалистами 25 специальностей, среди них было 9 наборщиков и 8 печатников, так как существовала типография¹¹¹.

Строился Ташкент быстро, и уже в 1868 г. в нем насчитывалось 270 домов. Сначала одноэтажные домики сооружались из кирпича-сырца, но вскоре заработал кирпичный завод, и на стройки стал поступать обожженный кирпич. В 1867 г. компания из 5 человек поставила первую водяную мельницу европейского типа, вторая и третья мельницы появились на следующий год. В 1868 г. известный предприниматель Хлудов построил на р. Салар первый кожевенный завод европейского типа, а другой предприниматель, Первушин, возвел шелкоткальную фабрику. В 1872 г. общая годовая стоимость продукции семи ташкентских предприятий составила 738 612 руб. В 1873 г. были открыты сразу две ткацкие фабрики¹¹². Промышленное развитие в первые годы не было бурным, но устойчиво поступательным.

Щедрин писал: «Если... училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет... — вы можете сказать без ошибки, что находитесь в самом сердце Ташкента». Так вот: первая русская школа в Ташкенте открылась в 1866 г., в ней обучалось 15 девочек и 18 мальчиков. Учителями были профессиональная учительница Жуйкова и войсковой священник Ширяев. В 1871 г. школа была преобразована в трехклассное народно-ремесленное училище. В 1869 г. появился частный пансион для подготовки к IV классу гимназии. В 1876 г. открылись мужская и женская прогимназии, которые через четыре года стали полноценными гимназиями. Для прогимназий строились специальные двухэтажные здания. По распоряжению Кауфмана в 1873 г. была создана школа шелко-

водства. В женской прогимназии, — ее директором был Василий Федорович Ошанин, — в 1877 г. обучалось 108 девочек, т.е. это было крупное учебное заведение. 30 августа 1879 г. состоялось открытие Туркестанской учительской семинарии, которая должна была готовить учителей для русско-туземных училищ. В семинарии преподавали казахский, узбекский и персидский языки, садоводство, огородничество, ремесла. Возглавлял семинарию на протяжении многих лет востоковед Н.П. Остроумов.

Училища, семинария и гимназии умели сами зарабатывать деньги. Училища и семинария брали заказы на производство столярных изделий, порою весьма сложных, а гимназисты и гимназистки давали платные спектакли. Заработанные таким образом деньги шли на содержание сирот и учеников, у которых родители не могли за них платить. Помощь оказывалась независимо от национальности и вероисповедания недостаточных учеников.

В 1868 г. в Ташкенте возникло общество любителей драматического искусства. На сцене военного собрания первым спектаклем была сыграна пьеса А.Н. Островского «Не в свои сани не садись». Художник и писатель Николай Николаевич Каразин играл роль Мити. Почти каждый год в 70-е годы в Ташкенте гастролировали профессиональные коллективы, в том числе французская оперетта Лассалья. Очень популярны были лекции для народа, сопровождаемые настенными изображениями через «волшебный фонарь»¹¹³.

Гордостью К.П. Кауфмана были две ташкентские газеты, библиотека и музей. В марте 1869 г. Н.А. Маев привез в Ташкент четырех наборщиков, а также несколько ящиков газетной бумаги и типографские шрифты; уже через год вышел первый номер «Туркестанских ведомостей». С 1871 г. газета выходила регулярно каждую неделю. Первые пять лет ее фактическим главным редактором был Константин Петрович. Кроме официальных материалов в газете публиковались научные и краеведческие статьи — в ней печатались все те же Н.А. Северцов, А.П. Федченко, Н.В. Мушкетов, Н.П. Остроумов, В.Ф. Ошанин.

Вторая газета, созданная Кауфманом в 1870 г., называлась «Туркестанская туземная газета». Она издавалась на казахском и узбекском языках, выходила четыре раза в месяц, тиражом 500 экземпляров. Ее редактором многие годы был магистр богословия, знаток арабского и тюркских языков Николай Петрович Остроумов.

Вскоре после своего назначения на должность туркестанского генерал-губернатора, еще будучи в Петербурге, Кауфман стал собирать ташкентскую библиотеку. Он обратился с просьбой о пожертвовании книг к знакомым, а также в министерство народного просвещения, Публичную библиотеку, Академию наук и даже в Главный штаб. Книг было пожертвовано очень много — вместе с другим багажом генерал-губернатора они отправились к месту его новой службы через степи и пустыни.

В 1870 г. библиотека располагала 2200 томами, пополнившись за счет личных собраний офицеров и чиновников, покидавших Туркестан навсегда. Передал свои книги в библиотеку, уезжая из края, и путешественник П.И. Пашино. К 1876 г. библиотечный фонд удвоился — пришлось менять помещение. В 1877–1883 гг. книгохранилище и читальный зал занимали девять комнат, за которые канцелярия генерал-губернатора ежегодно платила 900 руб. Кстати, о тратах на «культуру»: ежегодно на 400 руб. выписывалось газет и журналов, на приобретение книг тратили 2 тыс. руб., причём основным поставщиком литературы был Главный штаб, от которого в одном 1877 году было получено 3242 тома. Жемчужиной ташкентской библиотеки был «Туркестанский сборник» — собрание журнальных и газетных статей, имевших касательство к Туркестану и Центральной Азии в целом. В течение 20 лет (1867–1887) эти статьи из русских и зарубежных изданий собирал и пересылал в Ташкент известный петербургский библиограф Межов. За 20 лет в Ташкентской библиотеке появились 416 томов «Туркестанского сборника», обошедшихся казне в 23 169 руб. Кауфман настолько дорожил этим существующем в одном экземпляре «изданием», что строжайше запретил выдавать его тома на дом. Берег, описывал и приумножал библиотечный фонд в

60–70-е годы скромный чиновник Николай Васильевич Дмитровский. Кауфман еще в 1867 г. предложил ему дополнительную плату за его библиотечную деятельность, как за вторую работу, но Дмитровский — человек весьма небогатый, отказался и, более того, первые три года пополнял фонд литературы за свой счет¹⁴, т.е. поступал так и в том самом 1868 году, когда Щедрин печатно и многотиражно пригвоздил ташкентцев: «У всех имеется один соединительный крик: Жраты!» Слышал бы сатирик о Дмитровском, наверное, все-таки устыдился.

Таким образом, к 1872–1873 гг. Ташкент располагал необходимым набором признаков цивилизованности, который назвал его обличитель. Были училища, была библиотека, были благотворительное общество, возглавлявшееся Юлией Маврикиевной фон Кауфман, и приют для детей, оставшихся без родителей после холерной эпидемии 1872 г. Сверх необходимого комплекта Щедрина имелись газеты и музей, организованный А.П. Федченко, И.И. Краузе, Ю.Д. Южаковым, А.И. Вилькинсом и Н.А. Маевым. И это еще не все: с 1867 г., с появлением в городе нового начальника края, создается первая метеостанция, а к 1873 г. таких станций по Туркестану было уже девять. В 1873 г. в презираемом писателем Ташкенте была заложена обсерватория, построена телеграфная станция, в первый год существования которой было отправлено и получено более 7 тыс. телеграмм, что означало стабильную связь с Россией¹⁵.

«Господа ташкентцы» вышли первым отдельным изданием в 1873 г. К тому времени эти самые ташкентцы жили вполне полноценной жизнью: посылали детей в школы и училища; читали библиотечные книги; ходили на концерты и спектакли; при необходимости лечились (имелся госпиталь на 415 коек и аптека); ели и пили в кафе, ресторанах, трактирах, винных погребах и кабаках; шили одежду у местных портных (три портняжных мастерских и одна золотшвейная); чинили часы и ювелирные изделия (два часовщика и один ювелир), покупали предметы мужского и дамского туалета в модных магазинах; в любой момент могли взять извозчика; могли сфотографироваться у профессио-

нальных фотографов и послать отлично выполненные фотографии родным и знакомым в далекие российские палестины.

Ташкент — удаленный от Петербурга и Москвы русский город — уже через пять-восемь лет со дня своего основания парадоксальным образом стал куда более близким к столицам по уровню цивилизованности и интенсивности сношений с центром, нежели совсем географически близкие, древние, но дремотные исконно русские города со старинными монастырями и церквами.

Среди ташкентцев, сделавших состояния в Средней Азии, известно несколько крупных дельцов. Ветеран туркестанских походов, отставной унтер-офицер А.Е. Громов занимался снабжением войск мясом и вьючными животными; сам много ездил по стойбищам кочевников в поисках хороших лошадей и верблюдов. Другой участник кауфманских походов, войсковой священник А.Е. Малов, занимался виноделием, содержал бани и кирпичный завод.

Хорошо известны были в Ташкенте московские купцы Иван Андреевич Первушин и его сын Иван Иванович. Последний представлял в Туркестане фирму отца. Первушины были прежде всего поставщиками армии; их фирма начала действовать в Ташкенте сразу же после его занятия в 1865 г. отрядом М.Г. Черняева. Это были предприниматели широкого профиля: они владели несколькими магазинами, винокуренным и табачным заводами, шелкомотальной фабрикой, плантациями хлопчатника и виноградниками, как подрядчики строили частные дома, церковь, госпиталь, гостиницы, казармы; вели разведку на уголь, нефть, золото и серебро; разрабатывали золотые, серебряные и свинцовые месторождения. Первушины занимались также перевозками грузов на верблюдах из России и в Россию. Из российских пределов они доставляли в разобранном виде станки, различные механизмы и инструменты, а из Ташкента везли хлопок, каракуль, шелка. Фирма была настолько надежной, что частные лица ей доверяли свои денежные вклады и переводы. В самом начале своей ташкентской карьеры, в 1866 г. Первушины привезли из России товаров на 545 тыс. руб. и

столько же в тот год вложили в строительство фабрик и горноразработки. После смерти в 1871 г. Ивана Ивановича Первушина дела фирмы пошли на спад¹¹⁶.

Эти Первушины, Громов, Малов, как, впрочем, и Северцов, Мушкетов и Ошанин, были настоящими «господами ташкентцами», т.е. поселенцами-пионерами и даже старожилами тех жарких мест. Именно они определили его истинное лицо, а не щедринские монстры с их плотоядным кличем.

В год приезда К.П. Кауфмана в Ташкент в Туркестане действовали 14 русских низовых училищ, за 15 лет его управления краем возникло 46 новых начальных школ, 5 средних учебных заведений, несколько детских приютов.

Все годы управления краем Кауфман стремился преодолеть скрытую, но от этого не менее эффективную враждебную деятельность исламских законоучителей. Делались попытки как ослабить их влияние на умонастроения жителей-мусульман с помощью административных мер (земельная реформа), так и привлечь их на сторону новой власти: реставрировались мечети и медресе, имевшие ценность исторических памятников. Однако победить их глухую, глубокую враждебность никогда не удавалось. Методично и неустанно в мечетях и коранических школах они проповедовали идеи религиозной войны против неверных, против русской администрации. Но этого мало: к антироссийской пропаганде местных священнослужителей добавилась не менее враждебная проповедь приезжавших из России татарских мусульманских деятелей, которые «работали», главным образом, в среде кочевого населения. В отчете генерал-губернатора Туркестана читаем: «...Наиболее важным результатом татарского переселения в степь можно считать заселение городов и станций Семиреченской области, в особенности городов, где татары вместе с немногочисленными сартами составляют более 25% населения... Татарские муллы стремятся создать себе как можно более прочную иерархическую роль в кочевьях... их лучшее средство к умножению выгод своих состоит в увеличении числа степных мечетей, управ-

ляющих духовным воспитанием паствы под их фанатичным руководством»¹¹⁷.

То были сильные конкуренты, то была реальная угроза. Что можно было этому противопоставить? В окружении Кауфмана было немало сторонников наступательного православного миссионерства (Остроумов, например), однако начальник края категорически не соглашался с ними. У него был свой взгляд: внедрение основ христианской цивилизации, но без миссионерства; никакой конкуренции исламу, чтобы не подогревать мусульманский фанатизм. Православные и другие христианские священники служили только в новых русских городах, и даже на предложение об учреждении Туркестанской епархии Кауфман ответил отказом. Запрет на миссионерскую деятельность, однако, должен был, по его мнению, распространяться на все конфессии, и мусульманство не могло быть исключением. А потому: «В первый же год моего управления генерал-губернаторством, — написано в отчете, — я удалил мулл, присланных из Уфы по распоряжению тамошнего главного муфтия, отменил все начатые до меня официальные сношения наших властей с мусульманскими учреждениями и устранился, даже отступив для того от буквы Временного положения 1867 г., от признания и утверждения новых вакуфных пожертвований»¹¹⁸.

В отчете предлагалось пойти еще дальше — вовсе запретить всякое переселение татар в Туркестанский край, но то была бы мера совсем не в духе либерального времени; на такое мог бы согласиться разве только Николай I.

Приобщать местное население к христианской цивилизации Кауфман предполагал с помощью светских школ. По всей видимости, именно в Ташкенте был изобретен новый вид учебного заведения — русско-туземная школа, т.е. школа, в которой могли бы сидеть за партами рядом русские, узбеки, таджики, казахи, киргизы. Преподаватели на первых порах были русские. Школы нового типа создавались главным образом на территориях кочевых народов, «чтобы, — писал в своем отчете генерал-губернатор, — вывести кочевое население из-под опеки фанатичного мусульманского оседлого населения, которое при посредстве своих мулл-миссионеров, разъезжа-

ющих по кочевьям, уже обратило в ислам доколе индифферентное или шаманствующее киргизское население»¹¹⁹.

Русско-туземные школы были предметом особого внимания Константина Петровича — он возлагал на них большие надежды. Кун, Остроумов и другие ташкентские педагоги провели в кабинете начальника края много часов, обсуждая с ним систему преподавания и воспитания учащихся, поскольку необходимо было учитывать особенности психологии их родителей. Обсуждались, например, такие на непросвещенный взгляд малозначаще вопросы: носить или не носить тюбетейки детям «туземных родителей» (школы все-таки были русские), в какое платье — русское или национальное — им одеваться. Спорили подолгу, разбирая проблемы со всех сторон.

Для подготовки учителей, в основном для русско-туземных школ, в 1879 г. в Ташкенте была учреждена учительская семинария, первым директором которой стал Н.П. Остроумов. Семинария создавалась под пристальным наблюдением Кауфмана: к его резиденции были на арбе привезены для осмотра образцы коек, сработанные для семинарии. Генерал-губернатор осмотрел их и утвердил.

При открытии семинарии главный инспектор училищ Туркестана А.Л. Кун произнес программную речь: «Наша школа всегда будет стоять на почве уважения религиозных верований каждого ее ученика, в своих стенах никогда не будет посягать на прозелитизм. Как школа русского народа, имеющая по отношению к инородцам только одну цель — распространить между ними общечеловеческое образование и сохранить свои национальные интересы, ее задача — облегчить инородцу способы к изучению русского языка и тем помочь ему скорее слить свои интересы с интересами того государства, которое приняло его в свою среду»¹²⁰.

Благородные слова, как и благородны провозглашенные цели; правда, возникает недоумение: уж так ли «инородец» жаждал «слить свои интересы с интересами того государства» и очень ли просил «то государство» принимать его в «свою среду»? Практика функционирования русско-туземных школ показала, что «инородец» не спешил овладеть «об-

щечеловеческим образованием» и «слить свои интересы»: своих детей «инородец» предпочитал держать подальше от школ неверных. Дело доходило до курьезов: состоятельные узбеки, таджики, казахи и киргизы, которых русские должностные лица уговаривали посылать своих детей учиться в русских школах, направляли туда нанятых за деньги детей бедняков. Во времена Петра Великого так же поступали русские бояре.

Кауфман стремился сблизить русское и местное общества. На концерты и балы, которые устраивались в губернаторском дворце и в военном собрании, неизменно приглашались именитые люди из мусульманского Ташкента. Они с охотой принимали приглашение, пили и закусывали, смущались при виде декольтированных дам и, видимо, еще более укреплялись в нежелании посылать своих детей на выучку к гяурам.

Число русско-туземных школ увеличивалось, но очень медленно: в 1911 г. в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях было всего 143 школы с 8961 учащимся, несмотря на то, что в XX в. у местных жителей явно пробудился интерес к изучению русского языка¹²¹. Если русское просвещение в среде местного населения не имело особого успеха, то традиционные коранические училища продолжали функционировать повсеместно и после учреждения Туркестанского генерал-губернаторства и даже пользовались поддержкой русских властей.

Все-таки Кауфману и его преемникам удалось достичь взаимопонимания с новыми подданными российского императора, что отмечали сторонние наблюдатели. В 1888–1889 гг. по только что проложенной Закаспийской железной дороге в Туркестан приехал будущий вице-король Индии, будущий министр иностранных дел Великобритании, а тогда молодой член британского парламента от консерваторов Джордж Керзон. Это было время, когда англо-русская конфронтация пошла на убыль, и молодой парламентарий, не рискуя карьерой, мог проявить себя объективным, непредвзятым наблюдателем. Он написал и издал (очень оперативно) объемистую книгу «Россия в Центральной Азии».

Объективность автора оказалась ближе к традиционной русофобии британских консерваторов, но все же... «Насколько я мог убедиться, — писал Керзон, — владычество России не только принято как неизбежность, но и вполне приемлемо для большинства ее азиатских подданных; местный правящий класс хотя и напуган завоеванием, однако не утратил своего положения. Вне сомнения, Россия обладает замечательным даром располагать к себе, вызывать дружеские чувства даже в сердцах покоренных силой оружия, это — способность, которую можно отнести как к сильным, так и слабым ее свойствам...

Неподдельные искренность, дружелюбие, простодушие, присущие многим русским людям, помогают им легко заводить друзей и устранять естественное недоверие даже у тех, кто еще вчера был их врагом. Русский человек способен к братанию в истинном смысле этого слова. Ему ни в малейшей степени не свойственны ощущение собственного превосходства и мрачное высокомерие, которые скорее способны вызвать ответную враждебность, нежели самое жестокое обращение; он не чурается тесного общения с представителями чуждых или неполноценных рас. Присущая русскому характеру беззаботность способствует снисходительному отношению к другим; терпимость, с которой русский относится к религиозным верованиям, обычаям и предрассудкам азиатских народов, является не столько результатом дипломатического расчета, сколько проявлением врожденной беспечности...

Завоевание Средней Азии было завоевание людей Востока другими восточными людьми, имеющими сходные с побежденными характеры... Это завоевание нельзя назвать крестовым походом девятнадцатого столетия ради торжества современных нравов и этических норм; просто варварская Азия после недолгого пребывания в цивилизованной Европе возвращается назад по своим стопам для того, чтобы исправить привычки своей родни...

Отсталая для Европы система выглядит передовой в Средней Азии; то, что здесь называется стагнацией, там кажется головокружительным прогрессом; грубые орудия бо-

лее пригодны для первичной обработки, чем деликатный инструмент»¹²².

Суть отношений победителей и побежденных итонский сноб уловил правильно, хотя и нафантазировал при этом изрядно: сначала похвалил, а под конец (ради объективности?) обхамил. Дабы не нарушать стойкую антирусскую традицию высшего света викторианской Англии, Керзон заключает свой труд безапелляционным утверждением: «Вся информация относительно политики России в областях образования, воспитания, религии и нравственности, которую я изложил в этой книге, должна подвести моих читателей к заключению, что русскую систему несомненно можно назвать системой управления, но никак не системой прогресса и цивилизации»¹²³.

Задолго до подневольных советских ученых столь же недобросовестную манеру научных доказательств, составной частью которой было пренебрежение фактами и логикой, практиковали просвещенные европейцы. Все тот же Керзон как свои собственные приводит слова известного в 80-е годы XIX в. британского консервативного политика Генри Роулинсона: «Водворение российского управления на большей части Средней Азии явилось истинным благом для всего рода людского. Были уничтожены отвратительная торговля рабами и все сопутствующие ей мерзости, был подавлен бандитизм, повсеместно удалось умерить и поставить под контроль мусульманский фанатизм и свойственную ему жестокость»¹²⁴. А через 16 страниц автор-объективист делает цитированное заявление: «Русскую систему несомненно можно назвать системой управления, но никак не системой прогресса и цивилизации».

Константин Петрович не дожил до мозговой атаки будущего вице-короля Индии, на его век хватило своих обличителей. Он читал их обличения, но неуклонно делал порученное ему дело.

Забываясь о благополучии жителей завоеванного края, Кауфман на протяжении 14 лет занимался переселенчеством из избыточных по населению аграрных регионов России и Украины. Проблема была тяжелейшей, так как переселенчество,

особенно в казахские степи, началось задолго до работы Степной комиссии в 1866–1867 гг. и учреждения Туркестанского генерал-губернаторства. Первыми русскими поселениями в Семиреченской области, населенной главным образом казаками, которых тогда называли «киргизами», были казачьи станицы, строившиеся на лучших землях «без всякого внимания к правам и нуждам киргизов, у которых отнимались не только пашни с готовыми, стоявшими громадных трудов и расходов арыками, но были отняты и лучшие зимовые кочевки»¹²⁵. Так сказано в отчете генерал-губернатора Туркестана за 14 лет его деятельности, которая началась с неприятнейшего разбирательства жалоб обиженного казаками коренного населения. Казачество, получившее большие наделы в 1847–1867 гг., насчитывало около 15 тыс. человек. Будучи обязанными военной службой государству, казаки занимались своими хозяйствами не особенно рьяно, зато притесняли и эксплуатировали коренных обитателей степного края. Это был отрицательный опыт переселенчества, который Кауфман обязан был учитывать при выделении земель для крестьянской колонизации. Пока уездные начальники искали свободные земли, пригодные для обработки, пока устанавливались основы аборигенного землевладения, Кауфман старался сдерживать переселенческий поток.

Первые крестьяне-колонисты на свой страх и риск появились в Семиреченской области в 1868 г. — 242 крестьянские семьи перебрались в далекий край из Воронежской губернии. Поскольку план переселенчества в недрах губернской администрации еще не созрел и свободные земли не были определены, воронежские колонисты взяли в аренду участки земли у казаков, живших вокруг укрепления Верное. Разработка всеобъемлющего плана русской колонизации затягивалась, так как зависела от завершения земельной реформы, но в 1869 г. на основе подготовленных военным губернатором области генералом Г.А. Колпаковским временных правил, с одобрения генерал-губернатора, были основаны два первых русских крестьянских поселения — Гавриловское и Луговое¹²⁶. В следующем году были произведены землемерные работы,

имевшие целью создать 34 русских села и 47 мелких поселков при почтовых станциях.

Крестьянская колонизация в Семиреченской области шла «с опережением графика»: до 1872 г. предполагалось принять 1815 семей, но приехали 2310 семей; с 1868 по 1880 г. в области осело 3690 русских семей общей численностью 13 074 душ.

В Сырдарьинской области переселенчество шло куда медленнее, ибо свободных земель в этом регионе сплошного орошаемого земледелия и густо заселенном было совсем мало. Кроме того, администрация не была уверена, что оседлое мусульманское население без отрицательных эмоций примет как своих постоянных соседей православных русских земледельцев.

Что же привлекало переселенцев из Средней России в Среднюю Азию при том, что никаких пособий от казны не полагалось? Во-первых, на каждую мужскую душу первоначально давали 30 десятин, т.е. чуть больше 3 га, позже надел колониста был сокращен до 17 десятин. Во-вторых, переселенец освобождался от налогов и воинской повинности на целых 15 лет¹²⁷. И собирали самые рискованные свой скарб и с малыми детьми на телегах месяцами тащились в неведомые края, ночуя под звездами и луной.

В 1873 г. Кауфман наконец подписанием генерального плана крестьянской колонизации для всего генерал-губернаторства, в котором учитывались интересы и коренного населения, и переселенцев, и самой русской администрации. Крестьянская колонизация должна была способствовать укреплению позиций русской власти. Новосоздаваемые русские поселения предполагалось размещать вдоль крупных рек и почтовых трактов от Оренбурга до Ташкента и от Ташкента через Верный до Семипалатинска. На этих направлениях кроме крестьян селили и отставных солдат.

Идея такого размещения русских сел возникла в первые годы крестьянской колонизации. В 1867 г. Н.А. Маев писал: «Из этих солдатских поселений образуется по реке Сырдарье непрерывный ряд слобод наподобие казачьих станиц, которые могут принести большую пользу в случае,

если в Туркестанской области возникнут какие-либо беспорядки»¹²⁸. Военный губернатор Сырдарьинской области Н.И. Гродеков любил повторять: «Каждый новый русский поселок в Туркестане равносителен батальону русских войск»¹²⁹. В 1888 г. генерал Гродеков обратился к генерал-губернатору Туркестана с просьбой выделить средства для приобретения оружия для переселенцев. По его идее, вооруженные поселки должны были заменять воинские гарнизоны. После долгих бюрократических согласований вооружение русских колонистов началось в 1892 г., но в начале XX в. в центре восторжествовала идея противоположного свойства — поселенцев разоружили¹³⁰.

Сильную конкуренцию русским переселенцам составили местные уроженцы — узбеки и таджики. Водворение в Средней Азии спокойствия и мира поощрило жителей из перенаселенных местностей покидать насиженные места и самовольно захватывать пустующие земли, чего они никогда бы не сделали в годы ханского беспредела. Это была еще одна головная боль для Кауфмана. Всего же за 14 лет русская и «инородческая» колонизация составила 600 тыс. душ, причем подавляющее большинство этих душ были «инородческие»¹³¹.

Вооруженные или разоруженные, русские поселенцы в короткие сроки освоили целинные и заброшенные земли, превратившись и в крепких хозяев, и в реальную опору Российского государства. Недаром они удостоились внимания человека, всю жизнь посвятившего одной цели — разрушению основ этого государства. Готовя 22 июня 1920 г. проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о задачах РКП(б) в Туркестане, Ленин приказывал: «...разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом»¹³². Приказ был выполнен исправно.

За 14 лет управления Туркестанским краем К.П. Кауфман был организатором и участником многих предприятий военного и гражданского характера, которые принесли ему славу, награды, благодарность государя; были, правда, многочисленные критические нападки, оскорбления и обвинения, связанные с теми же деяниями, за которые он бывал награжден, — нормальная обстановка для государственного

мужа. События 1878–1880 гг. в Афганистане и вокруг него, активным участником которых ему пришлось стать, не принесли славы практически никому, кто к ним оказался причастен. Касательно тех событий никто Кауфмана публично не позорил, однако, по его собственному ощущению, они стали его тяжелейшим позором. Таково было состояние его души, и никто не мог его разубедить.

ДРАМА НА ВОСТОКЕ

К. П. фон Кауфман 1-й был назначен губернаторствовать в край, чрезвычайно отдаленный от столиц, окраинный и захолустный, но вместе с тем много значивший в европейских международных делах, куда больше, чем расположенные в Европе некогда «его» Виленская и Ковенская губернии. Дело в том, что в Европе Россия и Англия были отделены друг от друга двумя тысячами верст, и эта дистанция уже тысячу лет оставалась неизменной; в Азии же две державы, будто намагниченные, неудержимо географически сближались. К концу 60-х годов XIX в. они сошлись настолько, что потребовались длительные дипломатические переговоры, чтобы разграничить сферы их военно-политического влияния и определить буферную зону, которая могла бы предотвратить между ними вооруженное столкновение. После Крымской войны ни Россия, ни Англия воевать друг с другом больше не стремились.

Переговоры заинтересованных сторон длились около четырех лет, с 1869 по 1873 г. Наконец, накануне Хивинского похода согласие было достигнуто; сферы влияния той и другой империй теперь лежали по сторонам — к северу и югу — реки Амударья в ее верхнем и среднем течении. Буфером был определен служить Афганистан, который Россия признавала независимым нейтральным государством, находящимся вне сферы ее политических интересов. После такого урегулирования дипломатически обеспеченными стали поход в Хиву и даже аннексия Кокандского ханства в 1876 г.

Серьезных дипломатических столкновений между Россией и Англией после этого не было вплоть до 1877 г., когда началась русско-турецкая война. Британия, как известно, встала тогда на сторону Турции и помогала ей материально, оружием в том числе. С огромным напряжением сил и большими людскими потерями русские дивизии одолели врага и вышли к вожделенным проливам и Стамбулу; был заключен выгодный стране-победительнице, а также балканским народам Сан-Стефанский мир, который заметно усиливал позиции России в Европе. Что служило пользе России, было нетерпимо для Британии, оттого владычица морей прибегла к откровенной угрозе: ее военные корабли вошли в Мраморное море, а переброшенные из Индии войска высадились на Мальте; Великобритания опасалась за свои морские коммуникации. Продемонстрировав свое могущество, Англия, при поддержке примкнувшей к ней Австро-Венгрии, потребовала пересмотра русско-турецких договоренностей. Оказавшись в изоляции, Россия вынужденно согласилась на унижение: не воевавшие европейские государства присвоили себе право распорядиться победой, завоеванной русскими солдатами.

13 июня 1878 г. в Берлине открылся международный конгресс, который должен был установить, что России положено как победительнице, а что не положено, а заодно решить и судьбу балканских народов. В конечном счете Берлинский конгресс собрался для того, чтобы сбалансировать силы европейских держав, усреднить их влияние на европейские дела. В то же время, когда эта проблема решалась в центре Европы, англо-русские противоречия, отнюдь не исчезнувшие, готовы были вырваться на поверхность факелом вооруженной схватки в центре Азии.

Здесь следует вернуться на несколько лет назад. Демонстрация британской силы в Средиземноморье весной 1878 г. вовсе не была неким спазматическим телодвижением кабинета ее величества — в правительство партии тори, как правило, людей слабонервных не набирали. В недрах партии консерваторов никогда не угасала идея «разобраться» с Россией всерьез и надолго. И вот в 1874 г. к власти приходит

именно эта партия, и формирование правительства королева вторично поручает Бенджамину Дизраэли. Лидеру консерваторов 70 лет, но он все еще боец и остается убежденным сторонником наступательной политики в отношении народов, не достигших в своем развитии европейского уровня, и тех европейских государств, которые своими действиями, или просто существованием, угрожают обширнейшей Британской империи. Дизраэли — откровенный империалист, боготворящий старую добрую Англию, ее славную историю и традиции.

В академическом издании — «Кеймбриджской истории британской внешней политики» — о Дизраэли сказано следующее: «Он был одержим идеей вернуть Великобританию роль, которую та играла в мире во времена Елизаветы I; он стремился к тому, чтобы британское влияние ощущалось в самых удаленных уголках Земли. Ни одно сколько-нибудь важное событие в Европе не должно было происходить без ведома и участия Англии, и Дизраэли был полон решимости отвоевать для своей страны то ведущее положение на континенте, которое при Бисмарке постепенно узурпировала Германия. Еще более определенным было его стремление вытеснить Россию с позиций имперского господства в странах Востока. Он всегда был убежден, что Россия в большей степени азиатская, нежели европейская держава»¹³³.

Короче, это был человек, одержимый манией величия своей страны, и Россия, похоже, была для него врагом номер один.

Дизраэли готовится померяться силой с ненавистой Россией. Он собирает команду единомышленников, расставляет верных людей на ключевые посты в Азии: послом в Турцию назначен Лэйярд, в Тегеран — Томсон, генерал-губернатором Индии (вице-королем) становится лорд Литтон. Россию эти люди не любят, презирают, боятся. К 1876 г. Дизраэли и его единомышленники разрабатывают в общих чертах план военных действий против России. «Проектировалось сделать попытку поднять Туркестан против нее, — сообщал 20 лет спустя английский публицист М. МакКолль, — подготовить

нападение из Индии, и я думаю, что британские войска должны были также высадиться в Трапезунде, и с этой стороны также предполагалось атаковать Россию»¹³⁴.

О неизбежности войны с Россией писали в 1876–1877 гг. британские газеты. В 1876 г. К.П. Кауфман сообщает Д.А. Милютину, что в Кабуле и Бухаре появились турецкие эмиссары с письмами от султана Абдул-Хамида, в которых предлагалось объединить силы мусульманских государств и при поддержке Англии вторгнуться в российские пределы. «Англичане, — писал Кауфман, — обязывались во время военных действий против России содержать 100-тысячное войско на свой счет и, кроме того, приготовили до 25 тысяч человек по ту сторону Пешавара в Джелалабаде, которые они будто бы хотят направить на Бухару с тем, чтобы город этот вместе с Самаркандом отдать афганцам, сами же намереваются завладеть Кашгаром»¹³⁵.

С началом русско-турецкой войны внимание британского кабинета сосредоточивается на балканском театре военных действий, где имеется возможность нанести новое (после Крымской кампании) поражение России, однако Дизраэли не хочет забыть свой план войны против русских в Средней Азии. 22 июля 1877 г. (в этот день русские войска форсировали Дунай) премьер-министр пишет своей королеве (о себе он говорит в третьем лице): «Лорд Биконсфилд* придерживается мнения, что в данном случае удар по России нужно нанести в Азии, что войска необходимо послать в Персидский залив, что Императрице Индии следовало бы приказать ее армиям очистить Центральную Азию от москвитов и сбросить их в Каспий. В лице лорда Литтона мы имеем орудие, пригодное для решения этой задачи, для того, собственно, он и был назначен на свою должность»¹³⁶.

Это — не безответственное заявление ищущего известности парламентского новичка, это — внешнеполитическая программа человека, искушенного в политике и облеченно-

---

* В 1876 г. премьер-министр и королева Виктория обменялись любезностями — он поднес ей от парламента титул «Императрицы Индии», а она пожаловала ему право именоваться графом Биконсфилдом, пэром Англии.

го реальной властью. Из этого письма выясняется, что Литтону отведена чрезвычайно важная роль — ему предстоит посрамить Россию.

Кто же такой лорд Литтон? Во-первых, потомственный аристократ, а не новоиспеченный; во-вторых, карьерный дипломат — перед назначением в Индию был британским послом в Португалии; в-третьих, сын литератора и сам литератор, поэт. К моменту назначения вице-королем Индии Эдуарду Роберту Литтону — 45 лет. Литтон разделяет пламенную веру Дизраэли в богоизбранность английской нации, ее особый дар покорять и наставлять на путь истинный другие народы, к тому же — они товарищи по «цеху»: граф Биконсфилд начинал как писатель, автор сатирических произведений. Острый, ироничный ум пожилого политика не мог не привлекать людей, привлекает и Литтона. Сам Литтон — человек импульсивный, с развитым воображением, жаждущий активного участия в определении судеб империи; видимо, он ощущал в себе и талант стратега.

Недаром Дизраэли выбрал поэта-дипломата орудием своей антирусской политики: у того были устоявшиеся представления об отношениях с Россией, о значении Индии и мерах по удержанию ее в составе Британской империи. В одном из частных писем в 1877 г. лорд Литтон пишет: «Какие общие интересы имеют Россия и Англия? Россия является представительницей политического деспотизма и религиозного фанатизма. Как таковые, ее силы повсюду приходят в антагонизм с цивилизованной свободой, естественной защитницей которой является Англия. Она есть, всегда была и будет нашей упорной соперницей на Востоке»¹³⁷.

Это — концепция, к тому же идеологически выдержанная. Пусть в России уже 20 лет идут либеральные реформы, освобождены крестьяне, выходят оппозиционные газеты и журналы, власти придерживаются принципа веротерпимости и даже на свой счет реставрируют мусульманские культовые здания, — тем не менее это — «политический деспотизм» и «религиозный фанатизм». Типичная идеология, для которой факты не имеют значения. Дизраэли — идеологу Британской империи нужны были идеологически убежден-

ные соратники. Если бы представления лорда Литтона о России были менее идеологизированными, будь он профессиональным дипломатом и большим прагматиком, он не стал бы отказываться от предложения канцлера А.М. Горчакова, переданного лорду Биконсфилду через русского посла в Лондоне П.А. Шувалова, — установить постоянную связь между Индией и Туркестаном, чтобы на месте разрешать местные конфликты.

Вместе с тем чрезмерное для государственного деятеля его ранга воображение рисовало перед умственным взором Литтона картину страшной угрозы, исходившей от европейских конкурентов для всей Британской империи и Индии, в частности. Письменно и устно он не уставал убеждать своих адресатов и слушателей в среде британского истеблишмента, что Англии угрожают две опасности: утрата морского превосходства или, по крайней мере, ослабление его на одном из океанов, а также потеря гарантированной связи с Индией или ослабление ее сухопутных границ. Устранить обе опасности не было в его силах, но отвести угрозу от Индии он считал даже не столько своим служебным долгом, сколько предназначением свыше. Сделать это можно было только одним способом: установить полный контроль над Афганистаном, через который только и могли прорваться в Индию злонамеренные русские. В одной из своих служебных записок Литтон писал: «...англичане просто наложили бы на себя руки, дав возможность России устроиться твердо, мирным путем в Кабуле и распространить свою власть до пределов наших границ и на проходы, ведущие в Индию. Она бы приобрела новый и почти неистощимый источник военной силы в лице диких воинов, обитающих вокруг Кабула и Герата»¹³⁸.

Из этого пассажа видно: с одной стороны, вице-король Индии мыслит стратегически верно — три прохода (Хайберский, Пейвар-Котальский и Боланский) через хребет Гиндукуш, по которому шла индо-афганская граница, имели жизненно важное значение для обороны Индии. В 1876 г. эти проходы принадлежали Афганистану. С другой стороны, богатое воображение подводит его к неверному заклю-

чению, будто «дикие войны», т.е. воинственные, никому, никогда не подчинявшиеся пуштунские племена могут стать «неистощимым источником военной силы» для какой-либо европейской державы. Однако не в правилах русских военачальников было полагаться на «диких воинов». В отличие от Англии, Россия в своих колониях в 70-е годы не имела так называемые туземные формирования, вся надежда была только на дисциплинированного, верного присяге русского солдата.

В апреле 1876 г. лорд Литтон занимает дворец вице-короля в Калькутте и приступает к исполнению инструкций, полученных от британского кабинета министров, полностью совпадавших с его собственным представлением о своей миссии. Он начинает подготовку похода против Афганистана. Сначала следует утвердиться в Афганистане, а тогда можно будет «сбросить москвитов в Каспий».

Литтон не теряет времени даром: не успев толком познаться со своим обширным «хозяйством», он сразу отдает приказ о начале наступательных операций против Афганистана. В 1876 г. английские войска занимают небольшое, вассально зависимое от афганского эмира владение Читрал на границе с Афганистаном, в состав которого входит горный перевал Дори; затем следует очередь другого афганского вассала — ханства Келат. С этим ханством подписан договор, по которому оно становится протекторатом Великобритании; под полный контроль англичан переходит Кветта — важный стратегический пункт на индо-афганской границе. В течение 1876—1877 гг. подготовлен плацдарм для продвижения в глубь Афганистана.

Литтон уже решил, как обойдется с Афганистаном; свой план он излагает в переписке за 1877 г. со статс-секретарем по делам Индии: «...Может наступить время (и в недалеком будущем), когда для укрепления британского господства в Индии будет абсолютно необходимо предпринять военную оккупацию Западного Афганистана (с согласия правителя этой страны или без него), включая важную Гератскую провинцию. Положение нынешнего эмира, очевидно, очень непрочное, и возможно, что ход событий приведет к расчлени-

нию его королевства и созданию отдельного ханства в Западном Афганистане, которое можно будет вполне реально поставить под британское влияние и протекторат»¹³⁹.

Та же мысль в другом письме: «Объявление войны предоставило бы возможность, которая, по-видимому, никогда не представится больше, если мы упустим ее, сделать для Индии безопасными все эти внешние укрепления, которые иначе должны рано или поздно оказаться под влиянием России или же попасть в ее руки»¹⁴⁰.

Та же самая навязчивая идея о фатальной неизбежности появления России у самых ворот Индии, а может быть, даже прямо у ворот резиденции вице-короля. Если бы он имел холодную голову, неизбежно возникли бы вопросы: может ли Россия «переварить» огромную (население — 270 млн. человек) Индию, имея ограниченные финансовые возможности, растянутые и плохо обеспеченные коммуникации, многочисленные социальные проблемы? Зачем России брать ответственность за многомиллионное голодающее население чужой страны, когда голод посещает ее внутренние губернии?

Кроме чисто военных приготовлений вице-король проводит политическую и дипломатическую подготовку вторжения в Афганистан. С эмиром Афганистана, согласно полученным в Лондоне инструкциям, он разговаривает жестко; его предшественник лорд Норткорт лишился своего поста потому, что, будучи самостоятельным разумным политиком, «либеральничал» с эмиром. Биконсфилду на этом месте требовалось «орудие». Эмир Шер Али-хан еще в 1876 г. получает предписание от вице-короля принять у себя при дворе постоянную британскую миссию, члены которой должны иметь доступ ко всем делам эмирата; допустить британских военных агентов для постоянного пребывания в городах Герат, Балх и других, особенно на границе с российскими владениями (включая Бухарский эмират); отказаться от приема в Кабуле русских агентов и не входить в сношения с какой-либо страной, находящейся в политической зависимости от Российской империи. В случае согласия выполнить эти требования эмир может рассчитывать на увеличение

денежного содержания от британского правительства и признание наследником престола в обход старшего сына своего самого младшего отпрыска. А еще Литтон усиленно пугает эмира российским вторжением в афганские пределы и обещает защиту Великобритании.

Вице-король понимает, что Шер Али-хан не примет его условия, хотя бы из-за неминуемого возмущения афганцев, помнивших английскую агрессию 1838–1842 гг., но отрицательный результат — тоже результат, и неплохой.

Шер Али-хан — еще один участник драмы на Востоке в конце 70-х годов XIX в. Этот эмир несколько лет вел традиционную междоусобную войну со своими родственниками — претендентами на афганский престол и наконец окончательно утвердился на нем в 1868 г. С этого времени эмир получал от британского правительства регулярное денежное содержание, а также помощь в обучении его армии и оружие. К продвижению русских войск к его владениям он относился с беспокойством, о чем неоднократно сообщал английским друзьям, но те его, как могли, успокаивали. Так было, пока вице-королем не стал лорд Литтон — для нового вице-короля опасения Шер Али-хана представляли огромную ценность. Короче, к России афганский эмир относился с большим подозрением, но при этом чтил царя Петра Великого и даже держал его портрет в своем дворце.

С 1870 г. начинается переписка Кауфмана с афганским правителем. Первым отправляет письмо туркестанский генерал-губернатор. Поводом для этого послания послужили два важных события: К.П. Кауфману становится известно, что представители Шер Али-хана в Бухаре предлагали бухарскому эмиру совместно «идти войной против русских», просили у него разрешения построить на Амударье крепость, обещали Бухаре помощь деньгами и войсками. Вторым событием было появление в Самарканде племянника афганского эмира по имени Абдурахман-хан, который еще совсем недавно оспаривал у Шер Али афганский престол, проиграл междоусобицу и бежал в Туркестан.

В своем первом послании Кауфман сообщает, что Абдурахман будет жить в Самарканде, но ему не будет разре-

но как-либо вредить дяде-победителю. Самым важным для начальника края было предупредить Шер Али от недружелюбных поползновений: «Владения Белого царя и земли, ныне вам подчиненные, не имеют общей границы — нас разделяет Бухарское ханство, правитель которого, эмир Сеид-Музаффар, заключив мир с Россией, состоит в дружбе и под покровительством великого Императора Всероссийского. Поэтому между нами не может быть никаких столкновений, и мы, хотя и дальние соседи, можем и должны жить в мире и согласии. Я не намерен вмешиваться во внутренние дела Афганистана как потому, что вы состоите под покровительством английского правительства, которое, как вам, вероятно, известно, находится в дружбе и согласии с правительством Белого царя, так и потому, что не вижу с вашей стороны никакого вмешательства в дела бухарские. Афганистан и Бухара не должны иметь ничего общего между собой, и каждое из этих государств должно жить своей собственной жизнью, не заботясь о том, что делается у соседа»¹⁴¹.

В других письмах Кауфман поздравляет Шер Али с различными праздниками и объясняет ему смысл походов русских войск против Хивы и Коканда. Прежде чем прочитать очередное послание от туркестанского генерал-губернатора, Шер Али дает его для изучения представителю вице-короля Индии (мусульманину), тот снимает с письма копию и пересылает ее в Калькутту. Ни у одного из индийских генерал-губернаторов до Литтона содержание этой переписки беспокойства не вызывало. С появлением Литтона ситуация меняется: теперь письма Кауфмана приобретают подрывной характер, тем более что Шер Али-хан отвергает требование Литтона принять британских резидентов.

Лорд Литтон считает, что афганский эмир замышляет нечто очень опасное для Индии. В одной из служебных записок вице-короля читаем: «Я не допущу, чтобы он стал орудием в руках России. Мой долг — разрушить это орудие до того, как оно будет пущено в дело»¹⁴². При этом заметим, что индийская администрация никогда не испытывала недостатка в информации из Афганистана. Представитель Калькутты при дворе эмира имел доступ на все заседания эмирского

совета, читал всю переписку афганского государя, получал самые подробные сведения от многочисленных шпионов, которые умели добывать агентурные данные даже из гарема Шер Али-хана.

Литтон угрожает эмиру лишить его денежного содержания, а затем и вовсе «сломать, как тростинку»¹⁴³, короче, активно старается, чтобы тот сделал выбор в пользу русских. И действительно, уже в 1876 г. эмир пишет в Ташкент: «Дружба афганского владетеля с могущественной и сильной Россией никогда не разъединится»¹⁴⁴. А ведь еще недавно эмир выражал недовольство тем, что Кауфман втягивает его в переписку.

В многотомном издании «Кеймбриджская новейшая история», которое печаталось перед первой мировой войной, очень верно сказано: «Эмир не испытывал теплых чувств ни к одной из двух великих европейских держав, однако безрассудное поведение Литтона наводило его на мысль, что, если он не может избежать тесных отношений с той или другой державой, ему следует выбирать отнюдь не ту, которая в недалеком прошлом предприняла вооруженное вмешательство в дела его страны»¹⁴⁵.

По образному выражению самого Литтона, положение Шер Али-хана походило на состояние глиняного горшка, оказавшегося между двумя чугунными сосудами. Чем живут его «чугунные» соседи, что варится в их «чугунном» чреве, эмир толком не ведал и не понимал — он жил в другом историческом времени. Шер Али-хану было известно, что Россия и Англия — соперники, готовые вступить в вооруженное противоборство; вместе с тем до него дошли слухи о том, что член королевского дома Великобритании взял в жены одну из великих княжен из династии Романовых. Эмир знал, для чего заключаются династические браки: чтобы объединить усилия против третьей стороны. Вдруг такой третьей стороной избран он сам? До сих пор эмир существовал, играя на межимпериалистических противоречиях своих могучих соседей.

К весне 1878 г. отношения между Россией и Англией приблизились к той черте, за которой начинается война. Лорд

Биконсфилд демонстрирует силу в средиземноморских проливах и на острове Мальта. Строго говоря, сила эта не очень внушительна: 7 тыс. солдат из Индии и ненадежные орудия на броненосцах, стволы которых разрываются при интенсивной стрельбе, убивая орудийную прислугу. В цитированной выше «Кеймбриджской новейшей истории» по этому поводу сказано следующее: «В действительности Великобритания не была готова к войне: несколько тысяч солдат от индийских войск не смогли бы дать отпор хотя и измотанной в боях, однако победоносной русской армии. Тем не менее мы выжали из русских больше того, на что могли рассчитывать»¹⁴⁶.

Россия вызов принимает, но не решается меряться силами с Англией в Европе — еще свежа память о мощной антироссийской коалиции европейских государств и позорном поражении в Крыму. Противостоять решено в Средней Азии, куда ни Франция, ни Австро-Венгрия, ни Германия свои войска не пошлют.

В апреле 1878 г. в Санкт-Петербурге под председательством Александра II собирается Особое совещание, которое решает: «Оставаться нам совершенно пассивными на среднеазиатских границах решительно неудобно, напротив, для предупреждения возможных замыслов английского правительства относительно нас в Средней Азии и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии следует нам принять надлежащие меры как со стороны Туркестана, так и со стороны Каспийского моря»¹⁴⁷.

За полгода до этого совещания по представлению К.П. Кауфмана царь дал разрешение увеличить численность войск Туркестанского военного округа на 4 тыс. человек, отправить туда 5 тыс. новых винтовок системы Бердана и запас обмундирования. На совещании принимается решение собрать для похода к Амударье, а возможно и дальше, 20 тыс. солдат и офицеров, которые двинутся из разных пунктов тремя колоннами под общим командованием генерал-адъютанта фон Кауфмана 1-го.

Принимается и другое важное решение: для успокоения и привлечения на свою сторону эмира Афганистана снаря-

дять в Кабул посольство во главе со знающим персидский язык генерал-майором Н.Г. Столетовым.

В середине июня 1878 г. в Берлине собирается международный конгресс, чтобы распорядиться российской победой, а в центре Азии приводятся в движение военные и дипломатические силы. Назначенные в поход чины русской армии, прихватив новые сапоги и мундиры (предстоит встреча с иголки одетыми англичанами), выступают тремя колоннами. Войска воодушевлены — наконец-то представится случай померяться силами с достойным противником. Расчет фуража и продовольствия сделан по полной программе, с тем чтобы дойти до самой Индии. Ко всему прочему войска везут в обозах телеграфные столбы и провода.

Блеф ли это со стороны России? И да, и нет. Там, за Гиндукушем, силы вторжения тоже отобилизованы и ждут приказа, так что боевой контакт не исключается. Но в первую очередь предполагается демонстрация силы, не больше.

Шагают войска — впервые в Туркестане собрана такая сила, даже на Хиву наступали только 13 тыс. человек, — движется в заданном направлении посольство Столетова. Парадоксальным образом значение этой дипломатической миссии, сопровождаемой небольшим вооруженным эскортом, оказалось более важным, чем маневры 20-тысячной армии.

Столетов получает от Кауфмана четкие инструкции. Генералу поручено заключить с эмиром союз на случай вооруженного столкновения России с Англией. «Командирование Вашего превосходительства, — указывает Кауфман, — к эмиру афганскому имеет главной целью поддержание в эмире недоверия к действиям англичан и поощрение к дальнейшему сопротивлению попыткам их утвердиться в Афганистане». Кауфман гарантирует эмиру свою поддержку: «Само собой разумеется, что в мирное время поддержка эта может состоять в представлениях с нашей стороны лондонскому кабинету о необходимости сохранения независимости афганистанского владетеля, а в случае вооруженного столкновения нашего с Англией, мы можем оказать поддержку *фактически*. Вследствие сего эмир не должен смотреть на сосредоточение наших

войск на Амударье как на демонстрацию, враждебную Афганистану, а как на силу ему дружелюбную...»¹⁴⁸ Столетову разрешается давать эмиру советы, а в случае русско-английского вооруженного конфликта — возглавить афганскую армию. Самое же главное в инструкциях — это обязанность посольства разъяснить эмиру, что военную поддержку ему («фактическую») Россия окажет лишь при определенных условиях — в случае русско-английского вооруженного столкновения.

К 15 июня русская миссия добирается до афганской границы, где получает известие от наместника пограничной провинции о необходимости ждать в течение 10 дней разрешения на проезд до Кабула. Недавний герой Шипки, генерал Столетов ждать не привык, а потому пишет наместнику, что оставаться на берегу пограничной реки считает постыдным для имени русского и готов ехать ко двору эмира один, без помощников и конвоя, рискуя быть убитым, ограбленным или плененным. Настойчивость боевого генерала действует как надо, и уже 18 июня посольство получает разрешение ступить на афганскую землю. С большими задержками, в том числе из-за приступов малярии, почти месяц посольство медленно движется по дорогам и тропам Афганистана.

28 июля Столетова и его миссию на подступах к Кабулу встречает посланец эмира; на следующий день назначен торжественный — на трех слонах, присланных эмиром, их въезд в Кабул. В тот же день посольство догоняет курьер из Ташкента с письмом от Кауфмана, извещающем о благополучном завершении Берлинского конгресса и отмене военной демонстрации против англичан. В том же письме генерал-губернатор дает указание воздержаться от обещаний оказать эмиру «фактическую» помощь.

Встреча российского посольства обставлена помпезно: брат эмира выезжает навстречу на слоне с золочеными клыками, под золотым седлом. Высокую особу сопровождает полк латников. Столетов пересаживается на золоченого слона, и процессия движется к Кабулу. Перед городом выстроены все войска местного гарнизона: в центре — пехота, на флангах — кавалерия, а впереди фронта расставлены орудия для салюта. Слоны подходят ближе, 34 раза бьют пушки, пехота берет

на караул, знамена склоняются перед послем императора все-русского. Под звуки оркестра войска проходят церемониальным маршем. Кабульская толпа ликует.

К тому моменту, когда Столетов въезжал в город на золоченом слоне, афганский эмир сделал выбор в пользу русских, разочаровавшись в англичанах. Об этом он сообщал в одном из писем к турецкому султану: «Ваше величество... не одобряли сказанное в последнем моем письме, что дружба англичан — слово, написанное на льду, но теперь Ваше величество могли на собственном опыте убедиться, как мало надо верить в их дружбу, и Вы видите, что англичане постоянно оставляют своих друзей в их несчастье на произвол судьбы»¹⁴⁹. Так что теперь эмир и его подданные все надежды связывают с Россией.

1 августа Кабул снова ликует: город иллюминирован, пускают ракеты, жгут бенгальские огни, на окрестных холмах горят костры. Во дворце эмира идут переговоры с русской миссией, о чем Столетов сообщает в Ташкент.

Получив письмо Столетова, Кауфман телеграфирует государю в Ливадию: «Генерал Столетов 1 августа из Кабула доносит: Шер Али-хан просит телеграфировать Вашему императорскому величеству выражение чувств глубочайшей его к Вам преданности и признательности. Прием, оказанный Столетову и миссии, весьма торжественный и радушный. Беседы идут, по-видимому, искренние, полные уважения к Вашему могуществу и правдивости»¹⁵⁰.

Убедившись в ненадежности англичан, эмир уповает теперь на правдивость русских, Кауфман специально подчеркивает это в телеграмме, как бы заранее предупреждая своего адресата о необходимости вести честную игру. Кстати заметить, Столетов в своих донесениях термин «правдивость» не упоминает — эта прибавка от самого Константина Петровича.

В самый разгар переговоров в доме эмира происходит трагедия: умирает его младший сын Абдулла-джан, назначенный отцом наследником престола вопреки правилам престолонаследия. Пользовавшийся больного наследника врач русской миссии доктор Яворский подозревает отравление, что очень правдоподобно, если учесть, что эмир поправил права своих старших сыновей. Переговоры ненадолго прерываются.

В это самое время поступает известие о появлении на индо-афганской границе английского посольства, которое тоже жаждет быть принятым эмиром. Это — многолюдная (около 1 тыс. человек, включая полтора десятка офицеров и несколько сот солдат) миссия генерала Чемберлена, направленная вице-королем Индии лордом Литтоном требовать от эмира все того же: за хорошее вознаграждение подчиниться во всех своих действиях английской администрации Индии. Шер Али-хан просит совета у Столетова, и тот рекомендует отказать англичанам во вступлении на афганскую территорию. Военный историк генерал Терентьев считает, что Столетов не желал, чтобы афганцы сравнивали богатую экипировку англичан со скромным оснащением русской миссии. К тому же, по его мнению, существовало старинное правило русских послов: не быть нигде вместе с другими послами¹⁵¹.

Следуя совету Столетова, эмир отвечает Литтону: «После кончины сына я пребываю в горе и печали. Вы должны соблюдать приличия во время траура и понять мое тяжелое состояние. Я, как и прежде, являюсь Вашим другом, у меня нет никаких плохих намерений... Вы не должны беспокоиться. Принятие русского посольства было обычным делом. Оно прибыло только для выражения чувств дружбы и доброжелательства. Поскольку Вы силой заставляете меня принять вашего представителя, я не могу этого допустить. Пусть пройдет некоторое время, разрядится обстановка, тогда я сам приглашу его»¹⁵².

Появление у афганских границ Чемберлена с его экспедиционным отрядом заставляет Столетова нервничать и спешить, он хочет скорее добиться положительного результата переговоров.

8 августа он получает почту из Ташкента, из которой узнает, что отряды, отправленные «воевать Индию», не только остановлены на Амударье, но и подлежат расформированию, так как отныне у России нет причин конфликтовать с Великобританией. Тем не менее уже на следующий день Столетов заключает с эмиром договор, содержащий статью 5: «В случае, чего Боже избави, какое-либо иностранное государство с вооруженной силой войдет в Афганистан и завладеет его тер-

риторией, тогда, если эмир Афганистана обратится к императорскому правительству за вооруженной помощью, императорское правительство в случае невозможности посредством миролюбивых советов и внушений отклонить вооруженное столкновение, во внимание дружбы между государствами Россией и Афганистаном подаст вооруженную помощь»¹⁵³.

В своем самом главном пункте, таким образом, российско-афганский договор противоречит инструкциям, полученным Столетовым перед выходом из Ташкента: Россия берет на себя обязательство оказать Афганистану военную помощь независимо от того, в каких отношениях она находится с вооруженным недругом Афганистана. Самое интересное, что это — одностороннее обязательство, ничем похожим Афганистан по договору себя не обременяет*.

С этим странным документом, обязывающим Россию ввязываться практически в любой вооруженный конфликт на стороне Афганистана, 11 августа Столетов покидает Кабул, взяв с собой только часть состава миссии. Остальные во главе с полковником Генерального штаба А.К. Разгоновым неизвестно зачем остаются в городе.

Кауфман получает удивительный договор — он обескуражен. На его вопрос: почему Столетов не последовал его предписаниям, изложенным в соответствующих письмах, посол отвечает, что получал их слишком поздно, хотя тут же находятся живые свидетели (хотя бы доктор Яворский), готовые подтвердить обратное. Да и сам Столетов в свое вре-

---

* Существует, правда, документально не подтвержденная версия, — источником ее якобы является секретарь афганского эмира, — будто в российско-афганском соглашении содержались обязательства Афганистана не только обеспечить проход русской армии в Индию, но и участвовать в войне против англо-индийских войск; разрешить строительство на своей территории телеграфной линии, а также трех железнодорожных станций. Эту версию приводит в своем труде «Афганистан в XIX веке» афганский историк Риштия; однако он оговаривает, что она неправдоподобна хотя бы потому, что в то время Россия не имела в Туркестане ни одной железнодорожной ветки. Зная склонность Н.Г. Столетова к импровизациям, можно предположить, что в ходе переговоров подобный экзотический проект обсуждался. Интересно, что в стране гор — Афганистане поныне не построено ни одного километра железных дорог и соответственно ни одной станции.

мя писал, что получил первое послание генерал-губернатора еще до въезда в Кабул¹⁵⁴.

Н.Г. Столетов обманул своего начальника и совершил преступление, которое квалифицируется как «превышение должностных полномочий». Выбор этого боевого генерала для выполнения дипломатического поручения был крайне неудачен. Свою роль сыграли несколько обстоятельств, например, такие: личная известность императору, боевые заслуги, знание персидского языка; однако и государь, и военный министр проигнорировали его склонность к авантюризму и отсутствие дипломатического опыта. В его биографии был весьма характерный эпизод.

После высадки десанта в Муравьевской бухте Красноводского залива 5 ноября 1869 г., проведенной под командованием полковника Н.Г. Столетова, он и начальник кавалерии десантного отряда М.Д. Скобелев решили самостоятельно, силами небольшой, вверенной их командованию группы войск покорить Хивинское ханство и занять туркменские оазисы. О подготовке самостоятельной экспедиции стало известно начальнику штаба Кавказского военного округа генералу Свистунову. Тот немедленно отправился в только что основанное поселение Красноводск для инспекции. Столетов и Скобелев пытались помешать начальнику штаба провести инспекцию, но Свистунов все же установил факт подготовки несанкционированного похода и запретил какие-либо передвижения отряда. Дело дошло до Петербурга, получился скандал. Столетов был отстранен от командования отрядом и едва не попал под суд, а Скобелев отчислен из состава лиц, прикомандированных к ставке главнокомандующего Кавказской армией¹⁵⁵. После участия в обороне Шипкинского перевала былые провинности Столетову были прощены.

Итак, Столетов преподносит Кауфману неравноправный, чреватый для страны непредсказуемыми последствиями договор. Кауфман понимает, что такое соглашение неприемлемо для России и что оно не только будет отвергнуто российским МИДом, но может вызвать справедливый гнев государя. Что ему остается делать? Возложить всю

вину на Столетова и отправить вместе с его дипломатическим «шедевром» в Петербург — пусть там разбираются? Соглашение будет аннулировано, вне всяких сомнений, и тогда он, начальник всего Туркестана, останется один на один с афганским эмиром и с другими эмирами и ханами, со всем среднеазиатским миром, по просторам которого мгновенно разнесется слух: ярым-падшо — лжец, нельзя верить ни ему, ни тем офицерам, которых он посылает ко дворам местных владетелей как своих полномочных представителей!

Надо спасать репутацию государства, которому он служит, да и свою собственную, а для этого остается один путь, тот, что проложил через Кабул горе-дипломат Столетов; остается идти по нему до конца.

Вполне возможно, Столетов признался Кауфману, что обещал Шер Али-хану вернуться в Кабул с большой подмогой, ибо спустя какое-то время после отъезда генерала из Кабула эмир спрашивал ничего не ведавшего об этом предмете Разгонова, когда же вернется Столетов с обещанным войском?¹⁵⁶ Кауфман, таким образом, понял, что эмир согласен принять у себя большой русский экспедиционный корпус, что означало бы и его согласие на всестороннее покровительство со стороны России.

Кауфман приходит к мысли о возможности установления русского протектората над Афганистаном, а потому принимает без возражений заведомо несостоятельную версию Столетова, будто письма из Ташкента тот получал с опозданием.

9 сентября, т.е. через три дня после прибытия в Ташкент, Столетов отправляется в Петербург с посланием к Д.А. Милютину. Кауфман просит «передвинуть в округ не менее двух пехотных дивизий и четыре полка казаков, начав это передвижение нынешней же зимой». Далее он обосновывает свою просьбу тем, что «уклониться от этого проекта — значит отдать Афганистан не только английскому влиянию, но, может быть, и полному подчинению... Все это покажет населению Афганистана и Индии английскую силу и могущество и наше сравнительное бессилие. Мы сами себе закроем в этом

случае среднеазиатский театр действий при разрыве с Англией, а этот театр действий, по моему убеждению, для нанесения решительного удара Англии возможен только при условии союза с Афганистаном. Едва ли мы можем быть опасны для Англии иначе как при условии мирного пути от р.Аму до границ Индии; при этом условии среднеазиатский театр действий приобретает важность первостепенную. Обеспечить себе возможность действовать на этом театре нам необходимо в виду будущего окончательного решения восточного вопроса»¹⁵⁷.

Из этого текста явствует, что в правительстве России решения Берлинского конгресса относительно границ балканских государств и принадлежности проливов («восточный вопрос») не считали окончательными — Кауфман хорошо информирован. С этой точки зрения его рассуждения вполне разумны, хотя и оставляют за скобками международные договоренности — соглашения 1873 г. между Россией и Англией о разграничении сфер влияния.

Кауфман, однако, плохо информирован о том, что происходит во владениях лорда Литтона. Вице-король готовит армию вторжения. «Война с Афганистаном, — пишет в своей книге, изданной в 1882 г., начальник Азиатского отдела Главного штаба России Л.Н. Соболев, — решена была летом 1878 г.»¹⁵⁸ Поэтому передвигать дополнительные войсковые соединения в Туркестанский округ следовало немедленно, а не «нынешней же зимой».

Пока Столетов едет в Петербург, а затем в Ливадию, где в бархатный сезон, как обычно, отдыхает Александр II, русское посольство во главе с генерал-майором (произведен 30 августа) Разгоновым остается в Кабуле — такова высочайшая воля; мотив: «удерживать занятую вами позицию». Сидение русской миссии в Кабуле — суший подарок для лорда Литтона. Это — замечательный предлог, чтобы обвинить эмира в сговоре с русскими и подготовке агрессии против Индии.

В конце октября в Кабуле получают ультиматум из Индии: отказ допустить в Кабул посольство Чемберлена Литтон называет враждебным поступком и оскорблением импе-

ратрицы Индии. Вице-король угрожает: «Вследствие этого враждебного поступка Вашего Высочества я стянул силы Ее Величества на Вашей границе»¹⁵⁹. Но все же Литтон дает эмиру последний шанс исправиться: Шер Али-хану предписывается выслать письменное объяснение его поступка и принять в Кабуле постоянную британскую миссию. Срок ультиматума — 8 (20 по европейскому календарю) ноября 1878 г. Подпись под этим недружественным посланием выглядит так: «Вашего Высочества искренний друг Литтон, вице-король и генерал-губернатор Индии». Довольно смешно, но эмиру не до смеха; теперь у него одна надежда — Столетов и обещанные им 30 тыс. русских солдат. Эмир еще не знает, что судьба его уже решена, хотя Кауфман еще борется за его спасение, а заодно и за спасение своего авторитета.

Кроме письма, отправленного со Столетовым, второе письмо военному министру схожего содержания увозит доверенный курьер. Во втором письме Константин Петрович пытался убедить Милютина: «Я боюсь во всем этом одного: если результатом всего, что теперь совершается здесь, будет подчинение Афганистана влиянию Англии, то мы потеряем безграничную веру в нас народов и правительств, нас здесь окружающих. А подобное уважение и доверие приобретаются медленной и выдержанной, всегда ровной, всегда честной работой и политикой; но раз пошатнув это доверие и уважение, нелегко его поправить, да и никогда уже не достигнет оно той высоты, на которой стояло»¹⁶⁰.

Наконец, в те же дни, когда эмир получает ультиматум Литтона, правительственный курьер привозит в Ташкент ответ от Милютина. Как и следовало ожидать, император и его министры отвергли договор с Шер Али-ханом как не соответствующий интересам России. В этом письме инициатором договора почему-то назван эмир, хотя предложение исходило от русской миссии — вероятно, Столетов, по своему обыкновению, ввел в заблуждение совещавшихся в Ливадии, которые, зная истину, могли бы решить по-другому.

В этом письме, называемом «Запиской по афганскому вопросу», Милютин объясняет причины, по которым Осо-

бое совещание в присутствии императора отклонило инициативу Кауфмана. Это — удаленность Афганистана от центра России, отчего невозможно быстро сосредоточить на его границах значительные силы с необходимым запасом оружия и боеприпасов; огромные финансовые затраты; политические затруднения России в Европе. «Совещание пришло к заключению, — сообщает Милютин, — что нам никак не следует прямо идти на войну с Англией из-за настоящего столкновения ее с Афганистаном... На основании всего вышеизложенного государю императору благоугодно было повелеть дать туркестанскому генерал-губернатору по телеграфу приказание, чтобы он посоветовал эмиру во избежание несвоевременной войны идти на примирение»¹⁶¹.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, однако, Кауфман еще пытается уговорить военного министра, а через него — царя. В его ответном послании в Петербург сквозит отчаяние: «У Шер Али-хана есть свои шансы на успех... мы могли бы отсюда рискнуть поддержать его с меньшими средствами, чем те, которые исчислены были мною в записке, представленной по этому вопросу с генералом Столетовым... Позволяю себе думать, что все существующие и могущие еще быть новые затруднения в делах наших в Европе идут от Англии и все они разрешались здесь. Будь мы вовремя сильны в Средней Азии, мы могли бы достигнуть и на Балканском полуострове, и в Малой Азии всего, что нам нужно... Само собою разумеется, что я во всей точности исполню все то, что мне Высочайше указано... рассуждаю же я потому только, что уж очень наболело у меня сердце за все это последнее время»¹⁶².

Переменчивый в своих настроениях и мнениях император в этом случае остается непоколебимым, потому что непоколебимы и единодушны Милютин и Горчаков. В виде слабого утешения военный министр сообщает Константину Петровичу, что государь и они, высшие сановники государства, признают правоту его суждений, «тем не менее государь император не изменил твердого своего намеренья поддерживать европейский мир до последней крайности и не допустит, чтобы повод к решительному разрыву с Англией

был подан с нашей стороны. Столкновение наше с этой державой в Азии было бы сигналом общей и упорной войны при обстоятельствах и обстановке, крайне для нас невыгодных»¹⁶³.

Скорее всего, решительная поддержка эмира Афганистана со стороны России охладила бы даже такого горячего «джигита» как лорд Литтон, и новую антирусскую коалицию графу Биконсфилду сколотить не удалось бы, более того, континентальные державы с большим злорадством наблюдали бы посрамление их высокомерной соперницы в делах колониального раздела мира, но в Петербурге не желают рисковать. Кстати, активную подготовку к вторжению Литтон начал после отхода русских войск от Амударьи.

Судя до всему, Петербург уверен, что эмир сам накликал на себя беду и напрасно рассчитывает на российскую военную помощь, поскольку, по мнению Милютина, да и царя, «не мы и не посольство наше в Кабуле ввели его в это заблуждение»¹⁶⁴. Против этих слов Кауфман ставит большой вопросительный знак, хотя понимает истоки заблуждения царя и его министров. Впрочем, разоблачать Столетова уже поздно.

Тем временем газеты в Англии и Индии пишут о коварстве русских, заславших в Кабул свою миссию, подстрекающую эмира к войне с Индией. Понимая, каким раздражителем является русское посольство для Литтона, Разгонов просит как можно скорее отозвать его из Кабула. «Наша позиция, — пишет он в Ташкент, — останется за нами, но только до тех пор, пока власть эмира не пошатнется. Она наверное пошатнется, если только англичане разовьют свои действия с достаточной энергией... Наше же пребывание в г. Кабуле есть один из сильнейших стимулов, двигающих англичанами»¹⁶⁵. Не имея распоряжения из Петербурга, Кауфман не смеет отозвать миссию, он может только давать советы эмиру закончить дело миром, т.е. принять условия лорда Литтона. Правда, теперь, когда вот-вот состоится вторжение англо-индийских сил, сам эмир не хочет отпускать русских, решает держать их заложниками. Он еще верит, что Столетов придет с войском хотя бы для того, чтобы выру-

чить своих. Столетов, кстати, возвращаться в Кабул никогда не собирался. Пока же он отдыхает на одном из европейских курортов.

Литтон с максимальной выгодой для себя использует пребывание горстки больных малярией и тифом русских людей в Кабуле. («Болото около нашего дворца замерзло, и заболевания лихорадкой стали реже, но не прекратились. Зато вода мерзнет по ночам у нас в комнатах; жить в квартире можно в шубе: белье и платье все просырело»¹⁶⁶, — так Разгонов описывает быт своей миссии.) Ко всему прочему, уезжая из Кабула с трактатом о дружбе и военной помощи, Н.Г. Столетов забрал большую часть посольской кассы и не оставил своему заместителю никаких инструкций: «Как велики были полномочия г.-м. Столетова, — пишет Разгонов, — какие он имел права и основания для действий, это осталось для меня тайной... Только после отъезда г.-м. Столетова визирь неоднократно говорил мне, что генерал обещал им очень много, но что именно — мне не известно до сих пор». Так Разгонов становится «полномочным представителем»¹⁶⁷.

Если Литтон и его сотрудники специально раздувают якобы зловещую роль русского посольства, то сам вдохновитель британской наступательной политики лорд Биконсфилд трезво оценивает эту беспомощную и бесполезную миссию... правда, только в служебной переписке. В одном из внутриправительственных документов того времени он признает, что пребывание в Афганистане русских представителей не следует считать чем-то серьезным и что сенсация, вызванная их появлением в Кабуле, скоро будет забыта, так как это, а равно и другие российские мероприятия были вызваны «вероятностью войны с Англией, которая ныне сведена к нулю»¹⁶⁸. В публичных же выступлениях премьер-министр вторит вице-королю Индии.

Итак, приближается срок выполнения требований, выдвинутых Литтоном. Еще до получения этого ультиматума Шер Али-хан по совету Разгонова обращается с просьбой о помощи непосредственно к Александру II. Отвечать поручено Кауфману. Для Константина Петровича — это тяжкое испытание. Человеку, загнанному в угол, он может дать толь-

ко один совет: не сопротивляйся. И это после прежних разглагольствований о могуществе Белого царя. Вот как вынужден Кауфман откликнуться на крик о помощи из Кабула: «Считаю нужным затем уведомить Ваше высочество, что англичане, как мне точно известно, намерены сделать новую попытку примириться с Вами. С своей стороны, я, как друг Ваш, думая о будущем, советую Вашему высочеству, если англичане, как я уверен, сделают шаг к примирению, дать им ветвь мира»¹⁶⁹.

Под «новой попыткой примириться» Кауфман имеет в виду ультиматум Литтона, а за изящной метафорой («ветвь мира») — скрывается расписка в собственном бессилии.

Совет смириться приходит в Кабул 6 ноября, т.е. за два дня до истечения срока ультиматума. По свидетельству Разгонова, то был удар для эмира, который сказал: «Это письмо разбило мое сердце... хоть бы одно слово утешения и одобрения, хоть бы мне сказали — надейтесь, мы озабочены этим делом, мы сделаем что можем... Я целую жизнь борюсь с англичанами за независимость своего народа и до вашего прихода знал, что мне делать. Я всегда был вашим заочным другом, хотя и не искал вашей дружбы, не звал вас; но великий император могущественной державы сам предложил мне дружбу, которую я поспешил принять с сердечной радостью, и с гордостью возвестил своему народу, что имею великого, вполне надежного союзника. Быть после этого опозоренным в глазах моего народа, стать посмешищем врагов — вот чего я боюсь! — А как Вы думаете, — спросил он меня, — этот позор падет также на Россию или нет? Как смотрит на это русский император?»¹⁷⁰. Горькие слова.

Эмир разочарован в своем союзнике, но все же продолжает советоваться с малосведущим и растерянным российским послом. Совместными усилиями русских и афганцев сочиняется текст ответа на ультиматум: эмир согласен принять временную британскую миссию с небольшим конвоем — человек 20–30. Это вовсе не то, чего добивается Литтон. Бесполезное письмо попадает в руки англичан спустя 11 дней по истечении срока ультиматума, когда военные действия идут полным ходом; в этом случае виноват неради-

вый посланец, но попади письмо эмира в руки Литтона своевременно, оно не изменило бы его решимости усмирить строптивного владетеля.

9 ноября англо-индийская армия численностью 35 тыс. человек — в ее состав входят несколько чисто британских и набранных из местного азиатского населения («туземных») частей — тремя колоннами под командованием трех британских генералов — Брауна, Робертса, Стюарта — через горные перевалы и тропы вступает на землю независимого Афганистана. Одновременно осуществляется пропагандистская акция: тайные агенты разносят по афганским городам прокламацию на языке дари, в которой перечислены все вины эмира перед правительством и народом Великобритании. В прокламации объясняется, насколько неблагодарен Шер Али-хан, возведенный на афганский престол с помощью денег, оружия и дипломатии Англии десять лет назад. Он не только укрепился в своей власти, но и получил при содействии британцев обширные районы Вахан и Бадахшан. «За все это, — говорится в прокламации, — эмир отплатил черной неблагодарностью: запретил въезд в Афганистан английским подданным; отнимал у купцов — подданных Великобритании их товары; старался возбудить в Индии ненависть против англичан и вызвать восстание; выслал из Афганистана британских офицеров и резидента; отказался принять британское посольство, зная, что между Россией и Англией отношения натянуты и что Афганистан изъят из-под влияния России...»¹⁷¹ Это — самые главные прегрешения, всего же их двенадцать. В прокламации говорится, что войну спровоцировал сам эмир, народ же ни в чем не провинился, а потому ему следует сохранять спокойствие. Весьма схоже трактовал события в своих воззваниях во время похода на Хиву К. П. Кауфман, но Литтону не было нужды знать об этом — в колониальных делах первенство принадлежало англичанам.

Эмир поступает по принятому в мусульманском мире шаблону: объявляет священную войну, раздает на базаре жителям Кабула оружие, выпускает из тюрем узников, выплачивает пособия бедным, приказывает отправить семьи го-

рожан в горы, свою семью на девяти слонах и на двух тысячах лошадей эвакуирует на север в Мазари-Шариф, ближе к российским владениям. В Ташкент снова спешит гонец с настоятельной просьбой к туркестанскому генерал-губернатору выполнить русско-афганский договор и прислать в Афганистан столько войск, сколько имеется в наличии. Еще один удар по чести, достоинству, престижу Кауфмана и новый повод помянуть недобрым словом Столетова.

Английские и туземные части хорошо вооружены и экипированы, однако время операции выбрано неудачно: зима, холода, бескормица. Начинается массовый падеж верблюдов, которые не могут дождаться фуража — его приходится везти из Индии. По дороге обозы грабят воинственные племена и созданные по рекомендациям Разгонова партизанские отряды, в результате голодают не только животные, но и люди — случается, солдаты шагают без пищи по двое суток. 7 тыс. человек из-за нехватки провизии отправлены назад, в Индию. Военачальники пробуют испытанные средства всех колониальных войн — сначала кнут, потом пряник, и наоборот. С одной стороны, местных жителей именем ее британского величества освобождают от податей на целых три года, с другой — тех же жителей уничтожают в ходе карательных рейдов; во время одной такой экспедиции сожжено 11 кишлаков, убито 90 пленных, 400 женщин и детей¹⁷².

Голодные англо-индийские войска тем не менее продолжают двигаться на Кандагар и Кабул, одерживая верх над не умеющими координировать свои действия афганскими отрядами. Шер Али-хан собирается дать решительное сражение на подступах к Кабулу, где построены большой укрепленный лагерь и несколько фортов: их готовы удерживать верные войска — 14 батальонов пехоты. У эмира много шансов на победу, но он продолжает прислушиваться к советам российского посла — все-таки генерал! «Я употреблю все усилия отклонить эмира от этого гибельного намеренья, — пишет Разгонов в донесении в Ташкент, — не скрою, что имею мало надежды на успех»¹⁷³.

Увы, Разгонов красноречив, и эмир верит, что военного счастья ему не видать, отчего ему следует покинуть свою

резиденцию и двигаться напрямик в Петербург, чтобы просить помощи непосредственно у императора, а также собрать международный конгресс для пресечения и осуждения британской агрессии. Не сразу, но все же эмир воспринимает эту идею. А еще, — то было главным для Разгонова, — эмир соглашается взять с собой русскую миссию, которую с началом британской интервенции считают в Афганистане виновницей иноземного нашествия и могут, если бы русские не сидели взаперти и под охраной, растерзать, как это случилось в 1829 г. с миссией А.С. Грибоедова в Тегеране.

Как все изменилось на этой сцене! С какой помпой русских посланцев встречали в Кабуле летом, теперь же приходится готовиться к уходу настолько тайно, что лошадей для перековки ночью заводят в помещение миссии. В 3 часа ночи 1 декабря 1878 г., стараясь не производить шума, крадучась, по боковым улицам, под охраной двух рот пехоты и эскадрона кавалерии посольство императора всероссийского покидает Кабул, готовый к сдаче англичанам. При свете того же дня уходит из города сам эмир. Предварительно он все объясняет народу и на время своего отсутствия назначает правителем своего сына, Якуб-хана.

Сообщение о движении афганского правителя в сторону Петербурга вызывает на берегах Невы переполох; в Ташкент и из Ташкента летят правительственные шифровки: Горчаков требует задержать эмира, не разрешить ему переход на российскую территорию. Кауфман, в свою очередь, вразумляет 80-летнего канцлера: «Если Шер Али-хану будет отказано в почетном гостеприимстве и в выслушании его доводов против английских деяний, то мы потеряем возможность угрожать Англии с этой стороны, ибо угроза эта возможна исключительно тогда, когда Афганистан на нашей стороне, а отказом этим мы навсегда испортим наши с ним отношения»¹⁷⁴.

Столько раз он приводил этот довод, развивая и дополняя его. Кауфман сочиняет обширное послание с пространными рассуждениями о всех выгодах и невыгодах сохранения и потери позиций в Афганистане и отправляет его в конце декабря с личным адъютантом майором Колесниковым. Этот верный своему шефу и долгу службы офицер ле-

тит в Петербург со скоростью, которая и сегодня впечатляет, — всего 13 дней и большую часть пути по очень плохим дорогам. Назад с письмами от Горчакова и Милютин он мчится с той же скоростью.

Новой информации письма не содержат, однако лаконичное письмо Милютина более содержательно. Он понимает душевные муки генерал-губернатора, бушевавшее его чувство стыда и сострадания к обманутому и брошенному в беде эмиру. «По общему положению дел, нам следует во что бы то ни стало избегать на некоторое время всякого повода к открытому разрыву с Англией. Перед этой общей целью все вопросы частные, как бы ни были важны сами по себе, отходят на задний план»¹⁷⁵, — пишет Милютин, обращаясь к холодному разуму государственного мужа, не имеющего права давать волю чувствам.

Военный министр говорит о некоем «общем положении дел», не вдаваясь в детали, дабы сохранить государственную тайну, а также по той причине, что обращается к осведомленному, широко мыслящему политику. Что же скрывается за его формулой? Прежде всего, подготовка экспедиции против туркмен Ахал-Текинского оазиса силами войск Кавказского военного округа. Британская агрессия против Афганистана, нарушение англо-русских договоренностей 1873 г. об уважении независимости и нейтралитета этой страны развязывают Петербургу руки, т.е. позволяют поступить похожим образом в Средней Азии. Операция в Закаспийском крае задумана была давно, и вот момент настал. Второе обстоятельство — секретные антирусские соглашения между Германией и Австро-Венгрией; уже в конце 70-х годов правительству России становится понятна призрачность союза трех императоров. В таких условиях очень рискованно начинать где-либо какую-либо антибританскую акцию. Поэтому Милютин подчеркивает в своем письме слова: «Нам следует... избегать на некоторое время...» и т.д. Проще сказать: сейчас не до Афганистана вместе с его эмиром!

В процессе исследования документов архива туркестанского генерал-губернатора историк М.А. Терентьев прихо-

дит к справедливому выводу: «Очевидно, что афганское дело Кауфман принимал так близко к сердцу, что даже не отделял себя от Шер Али-хана»¹⁷⁶. Несмотря на это, именно Кауфману приходится наносить эмиру новые и новые душевные раны. Сначала он отказывается прислать к Амударье свои войска, затем не соглашается на его приезд даже в Ташкент.

Эмир добирается до Мазари-Шарифа, последнего крупного населенного пункта на территории Афганистана — дальше на север лежит Бухарский эмират, а там уже и Русский Туркестан. В Мазари-Шарифе собираются все — эмир, его семья, незадачливый посол России, его страдающая почти всеми местными болезнями миссия. Из Ташкента приходит отказ за отказом. Эмир пребывает в горе и отчаянии, он обвиняет Россию и русских, и все упреки падают на голову Разгонова: «У меня было 20 миллионов дохода, государство имело для своей защиты 60 тысяч войск, и мы жили мирно, не желая ничего больше. Но вот пришел русский посол, надавал кучу обещаний... Я со своей стороны отдал ключи от ворот Индии в руки России и подверг вследствие этого свое государство разорению. А вы... вы сами отказываетесь теперь от обладания этими ключами!»

Если Россия не может помочь мне войсками, не хочет ссориться с Англией, то пусть бы для виду прислала на Амударью хоть один батальон. Тогда я сам отказался бы от помощи и объявил бы о том народу. Я бы вышел из этого дела с честью, не уронив себя в глазах своих подданных, которые бы знали, что я отказался, а не мне отказали!»¹⁷⁷.

Все эти сетования Разгонов исправно фиксирует и пересылает в Ташкент, что подстегивает Константина Петровича, заставляя быть настойчивее и красноречивее в своих обращениях к канцлеру и военному министру, тем более что англо-индийские войска продолжают наступать и брать один за другим афганские города. Наконец, за три дня до окончания такого тяжелого, насыщенного драматическими событиями 1878 года, в этот год Кауфману исполнилось 60 лет, — в Ташкент поступает короткая шифрованная телеграмма от канцлера А.М. Горчакова: «Государю угодно,

чтобы Вы пригласили эмира временно оставаться в Ташкенте».

Для того чтобы верхи приняли такое решение, одной только настойчивости и убедительности туркестанского генерал-губернатора было бы недостаточно. В Петербурге начинают сознавать цену невмешательства в англо-афганский конфликт — и главным образом вследствие успехов Брауна, Робертса, Стюарта: захват и подчинение Афганистана означали бы ликвидацию буферной зоны между британскими и российскими владениями, превращение в такую зону Бухары, скорое «освоение» Англией и этого ханства при чрезвычайной уязвимости Туркестанского края, удаленного от остальной России, без надежных путей сообщения (в пределах Британской империи железные дороги строятся повсеместно и быстро). Наступает час российской дипломатии.

В решениях Особого совещания в Ливадии, которое собиралось незадолго до английского вторжения, имеется поручение: «Генерал-адъютанту гр. Шувалову высочайше повелено... воспользоваться удобным случаем, чтобы заявить, что мы искренне желаем уладить мирным путем настоящее столкновение британского правительства с Шер Али-ханом, но что русские интересы в Азии безусловно связаны с сохранением независимости Афганистана»¹⁷⁸. Однако посол России в Лондоне граф Шувалов, прозванный в петербургских салонах «другом Англии», не торопится исполнить высочайшее повеление. Во-первых, он знает, что император не придает серьезного значения событиям в центре Азии; во-вторых, он вполне доволен, что в результате безответственных действий Столетова его (графа Шувалова) давнишние недруги Д.А. Милютин и К.П. Кауфман попали в затруднительное положение; в-третьих, он в большей степени сочувствует Англии, чем стране, которую представляет в качестве посла. Оттого только в конце ноября, когда британские войска продвинулись довольно далеко в глубь Афганистана, Шувалов заводит с британским министром иностранных дел маркизом Солсбери разговор о войне, подчеркивая при этом свое равнодушие к судьбе Афганистана и его правителя. Получив туманные заверения, он передает их в Петербург.

Но старейший государственный деятель России уже обеспокоен не на шутку и пытается вразумить «друга Англии», требуя, чтобы он добивался гарантии независимости Афганистана. Горчаков вдалбливает Шувалову: «Не мы будем угрожать Англии, а она будет иметь возможность поставить под угрозу спокойствие и безопасность наших среднеазиатских владений»¹⁷⁹. Это сказано в письме в Лондон от 11 января 1879 г.; через 20 дней та же мысль повторяется в другом письме канцлера: «Теперь же Англия приближается к нам. Мы находимся перед лицом могущественного врага. Нашей обязанностью является серьезно приняться за оборону»¹⁸⁰.

Шувалов ведет себя возмутительно: он вовсе не собирается требовать от правительства Дизраэли выполнения русско-английских договоренностей 1873 г. В своих доносениях в Петербург граф страстно защищает внешнеполитический курс правительства Биконсфилда, уверяет, что Англия не собирается завоевывать и расчленять Афганистан, что война не была подготовлена заранее, а вызвана появлением в Кабуле российского посольства и отказом со стороны эмира принять посольство Великобритании; обвиняет во всем случившемся Милютина, Кауфмана, самого Горчакова и, конечно же, Шер Али-хана, которого считает обанкротившимся политиком, потерявшим поддержку своего народа.

Посол обязан при любых обстоятельствах отстаивать интересы своей страны; если же делать это не позволяет ему совесть, он уходит в отставку, если же он остается на своем посту и вредит стране, которую представляет, он совершает должностное преступление, — этот путь выбирает Шувалов. Поэтому не случайно в своей переписке с афганским эмиром Кауфман ни разу не обнадежил его дипломатическим заступничеством российского посла в Лондоне.

Снова Мазари-Шариф: здесь в середине января 1879 г. эмир получает приглашение прибыть в Ташкент. Двор эмира-беглеца ликует, но сам властитель печален, поскольку русские лишились его доверия: он не уверен, что его не задержат в Ташкенте надолго. Если такое произойдет, гово-

рит он Разгонову, ему ничего не останется, как лишить себя жизни. К тому же эмир смертельно болен — закупорка артерии левой ноги. 18 января эмир заявляет официально, что сам в Ташкент не едет, вместо себя в столицу Русского Туркестана отправляет четырех высших сановников, а посольство А.К. Разгонова отпускает с миром домой. Состояние эмира ухудшается до такой степени, что оставшийся при нем врач русской миссии Яворский считает необходимой ампутацию ноги; но приближенные эмира активно противятся, и владетель Афганистана в ночь на 9 февраля 1879 г. погибает от гангрены. Заканчивается первый акт драмы.

Мир между двумя великими империями важнее, чем человеческие судьбы, в том числе и судьба самого генерал-губернатора Туркестана, — именно это имел в виду военный министр, когда писал о «частных вопросах». В 1873 г. таким частным вопросом была судьба Хивинского хана, теперь настала очередь Шер Али-хана и К.П. Кауфмана.

После кончины эмира Афганистана Константин Петрович перестал интересоваться афганскими делами и не писал больше о них ни Горчакову, ни Милютину. Внешне он стал другим человеком, резко постарел. Один из его ближайших сотрудников, Г.П. Федоров, свидетельствует: «Кауфман... отказал эмиру в поддержке. Рыцарь своего слова, он на этот раз изменил своему обычаю. Кауфман после этого потух... Все ему стало безразличным»¹⁸¹.

Афганская драма продолжала развиваться. 26 мая 1879 г. эмир Якуб-хан подписал в местечке Гандамак под Кабулом англо-афганский договор, по которому Афганистан терял независимость и превращался в вассальное государственное образование, внешнеполитическая деятельность которого отныне контролировалась британским резидентом. Правда Кауфмана подтвердилась.

Гандамакский договор вызвал возмущение среди кабульцев, 3 сентября вспыхнул мятеж в афганской армии, британский резидент майор Каваньяри и все члены его миссии были убиты. Подавляя восстание генерал Робертс. Казнь зачинщиков мятежа вызвала вовсе не тот эффект, на который рассчитывал Робертс: восстала вся страна. Вторая англо-афганская

война продолжалась и в следующем году. 15 июля 1880 г. у селения Майванд близ Кандагара афганские повстанцы разбили британские войска — из 2446 английских военнослужащих было убито и ранено 1109 человек, в том числе 29 офицеров, 338 человек попали в плен¹⁸².

Англия была в шоке. Британские газеты писали, что разгром регулярных частей стал возможен якобы потому, что повстанцами руководили некие «сартские» офицеры, получившие подготовку в Русском Туркестане. Кауфман категорически отверг это утверждение: «Не только офицеров, но и нижних чинов из сартов я не принял ни одного в наши войска. Сарты мало способны к военному делу, и не я стану учить их этому...», — писал он Гирсу, сменившему Горчакова на посту министра иностранных дел¹⁸³.

Честь британской нации спас все тот же генерал Робертс — он разбил повстанцев под Кандагаром и завершил войну, которая продолжалась два с половиной года и обошлась Англии в 2,5 млн. ф. ст. Королева пожаловала Робертсу титул баронета, награды посыпались на его подчиненных.

Правительство графа Биконсфилда не дожило до окончания войны. Военные неудачи в Афганистане и в Южной Африке, начавшийся в Англии экономический спад стали совокупной причиной падения этого правительства в апреле 1880 г., а весной следующего года последовала кончина самого графа. Лишился своего поста и лорд Литтон — именно потому, что был «орудием» войны; подобрали более миролюбивого вице-короля. Пришлось уехать из Лондона и «другу Англии», его сменил более лояльный своему государю князь Лобанов-Ростовский.

Долгосрочная, кровавая и дорогостоящая англо-афганская война обернулась пользой, пожалуй, только для Абдурахман-хана, того самого, который вместе с семьей и свитой десять лет провел в гостях у Кауфмана; на его содержание Россия затратила около 300 тыс. руб. Судя по собственным воспоминаниям хана, жилось ему в Самарканде и Ташкенте недурно: две недели он охотился, затем еще две недели отдыхал от охоты, потом снова охотился. На все праздничные

мероприятия генерал-губернатор исправно его приглашал и дарил подарки. Все эти годы он ждал своего часа и дождался. После заключения Гандамакского договора, когда в Петербурге поняли, что Биконсфилд перенял Шувалова, а вместе с ним и его престарелого шефа, когда там почувствовали угрозу от соединения границ двух империй, в сферах было решено сделать ставку на Абдурахмана как на законного претендента на афганский престол. Ему выдали 200 винтовок Бердана (на отряд в 250 человек), некоторую сумму денег и позволили «бежать» в родной Афганистан (декабрь 1879 г.), надеясь на его популярность в северной части страны, населенной узбеками и таджиками. Сам Абдурахман был узбеком по материнской линии. Надеялись на его удачу и благодарность за «приют и ласку».

К своему сожалению, Константин Петрович снова оказался прав. Абдурахман объединил вокруг себя так называемый Афганский Туркестан, т.е. укрепился в северных провинциях, а затем при поддержке англичан стал эмиром всего Афганистана. Как и предупреждал в свое время Кауфман, предательство, совершенное правительством России по отношению к Шер Али-хану, аукнулось очень скоро: став эмиром, Абдурахман не захотел иметь никакой связи с русской администрацией Туркестана; более того, он не раз демонстрировал ей свою враждебность. Эмир Абдурахман заключил с представителями Великобритании новый мирный договор (прежний утратил силу после отречения Якуб-хана), менее жесткий, чем Гандамакский, сохранил известную долю независимости и получил приличное содержание. За Англией остались горные проходы.

Наступил роковой 1881 год. Трагедия 1 марта выбила Константина Петровича из колеи. Он был искренне предан покойному государю и любил его, о чем писал в письмах к Милютину. Можно говорить, что Кауфман был близким соратником царя-освободителя, одним из немногих, кому тот мог верить. В отличие от таких сановников, как П.А. Шувалов, Кауфман никогда не вел собственной игры. Он был инициативен и одновременно исполнителен. В дневнике Милютина за 1880 г. есть запись: «В Петербург съезжаются все власти 19 февраля.

Из всех генерал-губернаторов и командующих войсками в округах останутся на своих местах только двое: Казаков — в Омске и Кауфман — в Ташкенте»¹⁸⁴. Многозначительная записка. После новых покушений на Александра II решено было провести большую «чистку» в губерниях, где власти плохо противостояли напору революционеров. Доверие царя сохранили только двое, один из них — Кауфман.

Кауфман понимал, что с восшествием на престол Александра III отношение к нему будет иным уже хотя бы потому, что он был не только человеком прошлого царствования, но и близким сотрудником Милютина, нововведениям которого в военной области противился цесаревич; да и у самого Константина Петровича недоброжелателей в Петербурге было предостаточно: огромные расходы на военные экспедиции, содержание войск и туркестанской администрации давно вызывали возмущение. Он мог ожидать, что теперь без поддержки императора каждое лыко будет ему поставлено в строку. 25 марта 1881 г. у него случился инсульт, отнялся язык; в парализованном состоянии, нетранспортабельный, он находился до 3 мая 1882 г. Он скончался в Ташкенте, в созданном его усилиями новом русском городе, где и завещал себя похоронить: «Прошу похоронить меня в Ташкенте, чтобы каждый знал, что здесь настоящая русская земля, в которой не стыдно лежать русскому»¹⁸⁵. Воля его была исполнена.

Получив известие о кончине Кауфмана, Милютин записал в дневнике: «Константин Петрович был человек деловой, работающий, благонамеренный»¹⁸⁶.

Вдова Кауфмана, Юлия Маврикиевна, могла теперь навсегда покинуть край, хотя и созданный трудами ее мужа, но все еще неуютный. Сбережений у могущественного ярым-падшо не оказалось, и ей пришлось занимать деньги на дальнюю дорогу.

В 1913 г. на собранные «господами ташкентцами» средства в столице Русского Туркестана был сооружен памятник покорителю и устройтелю края Константину Петровичу фон Кауфману 1-му. Верные своей доктрине, большевистские власти советского Ташкента его уничтожили.

Примечания

- ¹ Семенов А. Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К.П. фон Кауфман 1-й. — «Кауфманский сборник». М., 1910, с. XVIII.
- ² О мерах к облегчению и ускорению прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временно-обязанными крестьянами посредством выкупа сими последними земель их надела содействием правительства, по губерниям Виленской, Гродненской, Ковенской, Мннской, а также в Динабургском, Дризенском, Люцинском и Режицком уездах Витебской губернии. 1 марта 1863 г., — Полное собрание законов, 2-е собр., т.38, отд.1, № 39337.
- ³ Цит. по: *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, с. 374.
- ⁴ Там же
- ⁵ Цит. по: там же, с. 376.
- ⁶ Цит. по: *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1891, с. 154.
- ⁷ Цит. по: *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь..., с. 381.
- ⁸ [Милютин Д.А.] Дневник Д.А. Милюткина. Т.1. М., 1947, с. 119.
- ⁹ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в., М., 1978, с. 182.
- ¹⁰ Там же, с. 210.
- ¹¹ *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь..., с. 401.
- ¹² Там же, с. 381.
- ¹³ *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. с. 340.
- ¹⁴ *Чижов Б.И.* Генерал-адъютант фон Кауфман. Пг., 1915, с. 13.
- ¹⁵ Цит. по: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965, с. 225.
- ¹⁶ *Остроумов Н.П.* Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края, Таш., 1899, с. 102.
- ¹⁷ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т.1. СПб., 1906, с. 384.
- ¹⁸ *Маев Н.* Путеводитель от С.-Петербурга до Ташкента. СПб., 1870, с. 28.
- ¹⁹ Там же, с. 30.
- ²⁰ *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые записки П.И. Пашино. СПб., 1868, с. 3.
- ²¹ *Полторацкий В.А.* Воспоминания. — Исторический вестник. 1895, № 1, с. 117.

- ²² Там же, с. 120.
- ²³ *Пашино П.И.* Туркестанский край..., с. 81.
- ²⁴ *Колокольцев.* Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцева. М., 1887, с. 18.
- ²⁵ Там же, с. 20.
- ²⁶ *Пашино П.И.* Туркестанский край..., с. 92.
- ²⁷ *Миев Н.* Путеводитель..., с. 50.
- ²⁸ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т.1, с. 409.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же, с. 416.
- ³¹ Цит. по: *Раджабов З.Ш.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. Душанбе, 1957, с. 175.
- ³² *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т.1, с. 428.
- ³³ *Верецагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М., 1898, с. 3.
- ³⁴ *Эвальд А.В.* Воспоминания о К.П. фон Кауфмане. — Исторический вестник. 1897, № 10, с. 194.
- ³⁵ *Семенов А.* Покоритель..., с. 26.
- ³⁶ *Верецагин В.В.* Указ.соч., с. 17.
- ³⁷ Там же, с. 24.
- ³⁸ Там же, с. 41.
- ³⁹ Там же, с. 43.
- ⁴⁰ Там же, с. 36.
- ⁴¹ Там же, с. 12.
- ⁴² Там же, с. 57.
- ⁴³ Там же, с. 58.
- ⁴⁴ *Толбухов Е.* Устроитель Туркестанского края. — Исторический вестник. 1913, № 6, с. 906–907.
- ⁴⁵ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 году с научной целью по поручению Венгерской академии в Пеште, членом ее А.Вамбери. СПб., 1865, с. 127.
- ⁴⁶ *Львов И.* Завоевание Туркестана. — Русский вестник. 1868. № 7, с. 152.
- ⁴⁷ Вестник Европы. 1869, т. III, май, с. 375.
- ⁴⁸ Там же, с. 378, 381.
- ⁴⁹ Цит. по: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии..., с. 296.
- ⁵⁰ Там же, с. 297.
- ⁵¹ Цит. по: *Лобысевич Ф.И.* Описание Хивинского похода 1873 года. СПб., 1898, с. 4.
- ⁵² *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т.II, с. 71.

- ³³ См. *Семенов А. Покоритель...*, с. 49.
- ³⁴ *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. II*, с. 68.
- ³⁵ См.: *Попов А.Л. Из истории завоевания Средней Азии. – Исторические записки. 1940. № 9*, с. 231.
- ³⁶ См.: *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. II*, с. 156–157.
- ³⁷ Там же, с. 233.
- ³⁸ *Лобысевич Ф.И. Описание Хивинского похода...*, с. 150.
- ³⁹ См.: там же, с. 172–173.
- ⁴⁰ Там же, с. 205.
- ⁴¹ Там же, с. 202.
- ⁴² *Макгахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Пер. с англ. М., 1875*, с. 133.
- ⁴³ См.: *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. II*, с. 258.
- ⁴⁴ См.: там же, с. 259.
- ⁴⁵ *Макгахан. Военные действия на Оксусе...*, с. 128.
- ⁴⁶ Там же, с. 202–203.
- ⁴⁷ *Вамбери А. Путешествие по Средней Азии...*, с. 111.
- ⁴⁸ *Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии...*, с. 307.
- ⁴⁹ См.: *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. II*, с. 269.
- ⁵⁰ *Лобысевич Ф.И. Описание Хивинского похода...*, с. 253.
- ⁵¹ См.: *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. II*, с. 269.
- ⁵² *Макгахан. Военные действия на Оксусе...*, с. 271.
- ⁵³ См.: *Лобысевич Ф.И. Описание Хивинского похода...*, с. 250.
- ⁵⁴ *Макгахан. Военные действия на Оксусе...*, с. 280.
- ⁵⁵ См.: *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. II*, с. 280.
- ⁵⁶ *Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии...*, с. 268–271.
- ⁵⁷ См.: *Лобысевич Ф.И. Описание Хивинского похода...*, с. 268–271.
- ⁵⁸ *Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-стратегического обозрения Туркестанского военного округа. СПб., 1880*, с. 292.
- ⁵⁹ *Семенов А. Покоритель...*, с. XIX.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *фон Кауфман К.П. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 гг. СПб., 1885*, с. 228–229.

- ⁸³ Материалы для статистического описания Ферганской области. Таш., 1897, с. 21–22.
- ⁸⁴ Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Таш., 1969, с. 28.
- ⁸⁵ Ходоров И. К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане. — Историк-марксист. 1928, № 10, с. 141.
- ⁸⁶ Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края. М., 1980, с. 43.
- ⁸⁷ См.: фон Кауфман К.П. Проект..., с. 255.
- ⁸⁸ Цит. по: Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане..., с. 50.
- ⁸⁹ Венюков М.И. Россия и Восток. СПб., 1877, с. 166.
- ⁹⁰ См.: Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане..., с. 50.
- ⁹¹ См.: Семенов А. Покоритель..., с. 75.
- ⁹² Гирс Ф.К. Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край т.с. Гирса Ф.К. [Б.м., б.г.], с. 366.
- ⁹³ Венюков М.И. Россия и Восток..., с. 170.
- ⁹⁴ Гирс Ф.К. Отчет..., с. 119.
- ⁹⁵ Там же, с. 17.
- ⁹⁶ Там же, с. 153.
- ⁹⁷ Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае. — Исторический вестник. 1913, № 11, с. 38.
- ⁹⁸ Гирс Ф.К. Отчет..., с. 215.
- ⁹⁹ Шишов А.П. Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России. М., 1858, с. 49–50.
- ¹⁰⁰ См.: Материалы по истории Узбекистана. Таш., 1973, с. 51; Костенко Л.Ф. Туркестанский край..., с. 43; Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае..., с. 40.
- ¹⁰¹ Федоров М.П. Хлопководство в Средней Азии. СПб., 1898, с. 100.
- ¹⁰² Хидоятов Г.А. Моя родная история. Таш., 1990, с. 288.
- ¹⁰³ Костенко А.Ф. Туркестанский край..., с. 68.
- ¹⁰⁴ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Таш., 1912, с. 397.
- ¹⁰⁵ Лукин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Таш., 1962, с. 20.
- ¹⁰⁶ Венюков М.И. Россия и Восток, с. 63.
- ¹⁰⁷ Щедрин Н. (М.Е. Салтыков). Собрание сочинений. Т.5. М., 1951, с. 24.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 24.
- ¹¹⁰ Там же, с. 29.
- ¹¹¹ «Русский Туркестан». М., 1872, вып. 1, с. 9.
- ¹¹² Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX века. Таш., с. 149–150.

- ¹¹³ *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем.... с. 201, 205, 231.
- ¹¹⁴ Там же, с. 274.
- ¹¹⁵ Там же, с. 302.
- ¹¹⁶ Там же, с. 425.
- ¹¹⁷ *фон Кауфман К.П.* Проект..., с. 205.
- ¹¹⁸ Там же, с. 208.
- ¹¹⁹ Там же, с. 213.
- ¹²⁰ *Остроумов Н.П.* Отчет Туркестанской учительской семинарии за XXV лет ее существования (30 августа 1879 г. — 30 августа 1904 г.). Таш., 1904, с. 12.
- ¹²¹ Статистический ежегодник 1917–1923 гг. Т.1, ч.3. Таш., 1924, с. 80–81.
- ¹²² *Curzon G.* Russia in Central Asia. L., 1889, с. 389–393.
- ¹²³ Там же, с. 401.
- ¹²⁴ См.: там же, с. 384.
- ¹²⁵ *фон Кауфман К.П.* Проект..., с. 151.
- ¹²⁶ История Казахской ССР. М., 1943, с. 289.
- ¹²⁷ *Pierce R.A.* Russian Central Asia. 1867–1917. Berkley, 1960, с. 112.
- ¹²⁸ Цит. по: *Галузо П.Г.* Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Таш., 1926, с. 8.
- ¹²⁹ Там же, с. 5.
- ¹³⁰ Там же, с. 13.
- ¹³¹ *фон Кауфман К.П.* Проект..., с. 13.
- ¹³² *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т.41, с. 53.
- ¹³³ The Cambridge History of British Foreign Policy. Vol.III. 1783–1919, Cambridge, 1923, с. 78.
- ¹³⁴ *Мак-Колль М.* Султан и державы. СПб., 1897, с. 79.
- ¹³⁵ РГВИА, ф. ВУА, д.6903, л.44. О положении дел на азиатских окраинах во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
- ¹³⁶ *Monypenny W.T. and Buckle G.E.* Life of Benjamin Disraeli, earl of Beaconsfield. Vol. VI. N.-Y. 1913, с. 155.
- ¹³⁷ Цит. по: *Хидояттов Г.А.* Моя родная история, с. 229.
- ¹³⁸ РГВИА, ф. ВУА, 445, д.14. Материалы по Афганистану и Индии. Выдержки из переписки иностранных представителей.
- ¹³⁹ *Bisheshwar Prasad.* The Foundations of India's Foreign Policy. Vol. I. 1860–1882. Bombay, 1955, с. 202–203.
- ¹⁴⁰ *Balfour B.* The History of Lord Lytton's Indian Administration. N.-Y. — Bombay, 1899, с. 246.
- ¹⁴¹ См.: *Соболев Л.Н.* Страница из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря (очерк войны 1879–1880 гг.). СПб., 1882, с. 447.

- ¹⁴² *Balfour B.* The History..., с. 162.
- ¹⁴³ *Trotter.* The History of India under Queen Victoria. L., 1886, с. 357.
- ¹⁴⁴ См.: *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане. М., 1959, с. 85.
- ¹⁴⁵ The Cambridge Modern History. Vol. XII. Cambridge, 1910, с. 468.
- ¹⁴⁶ Там же, с. 33.
- ¹⁴⁷ Присоединение Туркмени к России. Сборник документов. Аш., 1960, док.177, с. 334.
- ¹⁴⁸ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 428–429.
- ¹⁴⁹ См.: *Соболев Л.Н.* Страница..., с. VII.
- ¹⁵⁰ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 450.
- ¹⁵¹ Там же, с. 451.
- ¹⁵² См.: *Риштия Сеид Касем.* Афганистан в XIX веке. М., 1958, с. 401–402.
- ¹⁵³ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 452.
- ¹⁵⁴ См.: там же, с. 456.
- ¹⁵⁵ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии..., с. 305–306.
- ¹⁵⁶ *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–79 гг., Т. II, СПб., 1882, с. 83.
- ¹⁵⁷ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 459.
- ¹⁵⁸ *Соболев Л.Н.* Страница..., с. VIII.
- ¹⁵⁹ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 479.
- ¹⁶⁰ Там же, с. 460.
- ¹⁶¹ Там же, с. 462.
- ¹⁶² Там же, с. 463–465.
- ¹⁶³ Там же, с. 465–466.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Там же, с. 468.
- ¹⁶⁶ Там же, с. 469.
- ¹⁶⁷ Там же, с. 471.
- ¹⁶⁸ *Monypenny W.T. and Buckle G.E.* Life of Benjamin Disraeli... Vol. VI, с. 380–381.
- ¹⁶⁹ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 490.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 492.
- ¹⁷¹ Там же, с. 499.

- ¹⁷² Там же, с. 500.
- ¹⁷³ Там же, с. 501.
- ¹⁷⁴ Там же, с. 504.
- ¹⁷⁵ Там же, с. 515.
- ¹⁷⁶ Там же, с. 504.
- ¹⁷⁷ Там же, с. 509.
- ¹⁷⁸ Там же, с. 462.
- ¹⁷⁹ См.: *Хидоятов Г.А.* Моя родная история, с. 308.
- ¹⁸⁰ Там же, с. 311.
- ¹⁸¹ *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае, с. 42.
- ¹⁸² Там же, с. 131.
- ¹⁸³ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 522.
- ¹⁸⁴ [*Милютин Д.А.*]. Дневник Д.А. Милютина. Т.3. М., 1950, с. 210.
- ¹⁸⁵ *Чижов Б.* Генерал-адъютант фон Кауфман, с. 19.
- ¹⁸⁶ [*Милютин Д.А.*]. Дневник Д.А. Милютина. Т.3, с. 132.

БЕЛЫЙ ВСАДНИК НА БЕЛОМ КОНЕ

«Казалось, русская природа
Его из меди отлила
И в руки меч ему дала
Во славу русского народа»
Я.П. Полонский. 25 июня 1882 г.

СНОВА И СНОВА В ТУРКЕСТАНЕ

Сотня сибирских казаков, которой командовал 26-летний штаб-ротмистр Михаил Скобелев, стояла в Самарканде, занятом русскими в 1868 г. Шел 1869 год. Туркестанское генерал-губернаторство было образовано два года назад и край не только еще не был обустроен, но и не был достаточно замирен. Только-только началось строительство русских пригородов в захваченных в 1865–1868 гг. среднеазиатских городах. Солдаты и офицеры русских войск жили в палаточных лагерях среди чуждого во всех отношениях — по языку, обычаям, религии — населения. Офицерское общество самаркандского гарнизона едва начинало складываться. В основном это были армейские офицеры, приехавшие в азиатскую глушь не по своей воле (провинившиеся), или чтобы получить жалование уси-

ленного оклада и льготную выслугу лет. Они готовы были терпеть яростный летний зной, пить плохую воду, рисковать здоровьем, поскольку неведомые жестокие болезни подстерегали их на каждом шагу, только ради того, чтобы иметь возможность посылать женам или родителям сколько-нибудь значительные деньги, каких никогда не получили бы в России. Они знали зачем они в этой дыре... Но что тут делать Скобелеву?

Он обратил на себя внимание с первых дней своего появления в Туркестане. Бывший начальник штаба Туркестанского военного округа генерал В.Д. Дандевилль через 14 лет вспоминал: «В декабре 1868 г. в Ташкенте представлялся своему начальнику (Дандевиллю. — *Е.Г.*) штаб-ротмистр лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Скобелев. Щегольски, но строго по форме одетый, светло-русый молодой человек, стройный, с голубыми глазами и твердым взглядом, стоял вытянувшись в трех шагах от входа в приемную. Не вдруг он оставил свои короткие, ясные и вежливые ответы на расспросы начальника о его службе, держась строго официального разговора»¹. Почувствовав, что начальник проявляет к нему искренний интерес, он стал рассказывать о себе более подробно.

Все, что он рассказал о себе в штабе округа, а также сведения из его послужного списка, конечно же, стали известны малочисленному туркестанскому обществу. Туркестанцы были заинтригованы.

Михаил Дмитриевич Скобелев родился 17 сентября 1843 г. в Петербурге. Он был сыном генерал-лейтенанта Дмитрия Ивановича Скобелева, начальника императорского конвоя, человека, не только лично известного государю, но и весьма ему близкого. Скобелевы состояли в свойстве с несколькими аристократическими фамилиями России — графами Барановыми, князьями Белосельскими-Белозерскими, герцогами Лейхтенбергскими. Самым «ценным» свояком был министр императорского двора и уделов граф Александр Владимирович Адлерберг, друг детства императора Александра II. С сыном А.В. Адлерберга в доме Адлербергов Михаил Скобелев получал домашнее образование. При этом сами Скобелевы были совсем незнатного происхождения.

Прадед М.Д. Скобелева, однодворец Самарской губернии Никита Скобелев в царствование Екатерины Великой был поверстан в солдаты и дослужился до чина сержанта. Зато его сын Иван Никитич (1778–1849) был произведен в офицеры и получил дворянство, а в 1812 г. служил при М.И. Кутузове адъютантом, прошел Бородино, Малоярославец, Красное, брал Париж и сопровождал в 1813 г. тело своего главнокомандующего из Бунцлау в Петербург. В конце концов он стал генералом от инфантерии и комендантом Петропавловской крепости, где и родился его внук Михаил. Искалеченный воин (не было левой руки) писал рассказы из солдатской жизни, прославляя мужество, стойкость, преданность Отечеству русского солдата, каким сам он оставался даже в генеральских чинах, о чем говорил с гордостью. Став литератором, он так и не научился толком грамоте, писал с орфографическими ошибками. Его редактором был Н.И. Греч.

Сын старого служаки Дмитрий Иванович Скобелев (1821–1879) тоже стал генералом, участвовал в Венгерской, Кавказской, Крымской и Турецкой кампаниях; как и его отец, имел Георгиевские кресты IV и III степеней, однако в большей мере, чем Иван Никитич, был придворным.

Однорукий герой 1812 г. оставил сыну немалое наследство, которое начальник императорского конвоя, женившийся на богатой невесте О.Н. Полтавцевой, удачно приумножил. Скобелевы имели в собственности 40 тыс. десятин земли (средний пореформенный крестьянский надел составлял 4,5 десятины). Отец Михаила Скобелева был рачительным хозяином, с большой неохотой оплачивал расходы жены и детей; своему единственному сыну, когда тот стал офицером, ежемесячно выплачивал «жалованье» в 1250 рублей — очень даже немало в сравнении с жалованьем армейского офицера (усиленный оклад штаб-ротмистра составлял 555 рублей), но и не очень много, учитывая, что сын служил в гвардейских полках. Не за деньгами приехал молодой Скобелев в Туркестан.

Карьера молодого Скобелева складывалась неровно.

Сын и внук гвардейских генералов, в отрочестве не казался пригодным к военной службе ни сложением, ни нра-

вом, весьма вспыльчивым и обидчивым. Поэтому он был отправлен в Париж, в пансион Д. Жирарде, где за пять лет обучения не только приобрел навыки светского человека и нравственные устои европейца XIX века, но и получил хорошие познания в мировой истории и литературе. Впоследствии Скобелев говорил на восьми европейских языках (на французском, как на родном) и мог читать наизусть большие отрывки из произведений Бальзака, Шеридана, Спенсера, Байрона, Шелли. Из русских авторов любил Лермонтова, Хомякова, Киреевского. Играл на фортепьяно и пел приятным баритоном.

По возвращении из Парижа Михаил Скобелев и Владимир Адлерберг в течение двух лет под руководством профессора Т.И. Модзалевского (отца известного пушкиноведа) готовились к поступлению в Петербургский университет. После успешной сдачи вступительных экзаменов 18-летний Михаил Скобелев 1 августа 1861 г. был зачислен студентом математического факультета. Однако учиться в университете ему не было суждено: осенью начались студенческие беспорядки, и власти закрыли университет на неопределенное время. То был знак судьбы. Скобелев не стал дожидаться открытия университета. Он был рад такому повороту событий, поскольку, поступив в высшее гражданское учебное заведение, выполнял волю родителей, сам же мечтал об офицерских погонах. Той же осенью он стал юнкером самого аристократического среди гвардейских полков — Кавалергардского полка, где когда-то служил его отец Дмитрий Иванович. В его аттестации уже через год появилась запись: «Служит ретиво, не щадя себя».

Можно представить, как нелегко давалась ему служба в тяжелой гвардейской кавалерии: его не готовили к военной карьере, однако среди его человеческих качеств главным было стремление лидировать. Не для того он пошел в гвардию, чтобы тренироваться в верховой езде, участвовать в разводах и парадах — ему нужна была война. В марте 1864 г. он переводится в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк и отправляется в Польшу, где гродненские гусары гонялись за повстанцами. С одной стороны, этот поступок свидетельствовал о его твердом намерении приобрести боевой опыт, а

с другой — о несочувствии полякам, восставшим против России. Ему удается побывать в деле несколько раз (восстание шло на убыль), и в августе 1864 г. корнет Скобелев становится поручиком и получает свою первую награду — анненский темляк на саблю. В том же году он умудряется побывать еще на одном театре военных действий, на этот раз наблюдателем, в Датской войне. Так он использует свой отпуск. Однополчане Скобелева любили. О нем говорили: «Чудак. Отличный малый, лихой, берет сумасшедшие барьеры».

Молодость Скобелева пришлась на замечательную, уникальную для России эпоху: это было время великих реформ. За крестьянской реформой последовали судебная, земская, военная. Михаил Скобелев был дитя этого удивительного времени. В те годы в российском просвещенном обществе большую ценность приобрело высшее образование. Отказавшись от университета, Михаил Скобелев не мог отказаться от продолжения образования. В 1866 г. он поступает в Николаевскую академию генерального штаба.

Академия была основана в 1832 г. по именному указу Николая I в качестве «центральной стратегической школы» для подготовки высшего командного состава российской армии. В начале 60-х годов стараниями военного министра Д.А. Милютина преподавание в военных академиях, в Николаевской в том числе, резко было улучшено, на ее кафедры пришли видные военные теоретики Г.А. Леер, М.И. Драгомиров, А.К. Пузыревский. Эти люди своим долгом считали обучение слушателей тому, что им понадобится на войне. Среди основных дисциплин были тактика, стратегия, военная история, военная администрация, геодезия с картографией. Академический курс наук Скобелева не удовлетворял, и он часто пропускал занятия, одно время даже хотел бросить академию, но поддался уговорам профессоров и завершил обучение. На выпускных экзаменах высокие оценки он получил по тем предметам, которые его интересовали по настоящему, — по стратегии и военной истории. Из академии он был выпущен по второму разряду, т.е. с весьма скромными оценками. Тем не менее благодаря влиятельному заступничеству он был причислен к корпусу офицеров ге-

нерального штаба (обычно «второразрядники» бывали лишены такой чести). 20 мая 1868 г. Скобелев получает очередное воинское звание штаб-ротмистра. Он усиленно хлопочет о назначении в Туркестан, и, наконец, в ноябре выходит приказ о его откомандировании в распоряжение штаба Туркестанского военного округа.

Сослуживцам Скобелева были известны вехи его биографии, его обширные петербургские связи. И конечно же, они недоумевали, почему при таких связях этот гвардейский офицер не смог устроиться лучше в том же Петербурге или еще где-нибудь в западных губерниях империи. В далекий азиатский край дошли слухи о его «подвигах» в мирной жизни. Стала известна его репутация, сложившаяся в академии: «шалопай и авантюрист, и никакого прока из него не выйдет». Охотно рассказывали про его гусарские проделки, например, о его кутежах в обществе великих князей, о том, как он на пари выпрыгнул из окна второго этажа, о том, как во время ледохода на коне переплыл Вислу.

Отношение к гродненскому гусару было сложное: завидовали легкости, с которой ему давалась карьера при всех его «художествах», и в то же время восхищались его умением ездить верхом. Эти же навыки он сумел передать казакам своей сотни — они стали прекрасными наездниками. Скобелев научил их пробираться верхами через среднеазиатские сады, окруженные глинобитными дувалами, для чего следовало поднять коня на дыбы, тогда передними копытами он разбивал верхнюю часть стены; потом нужно было бросить его брюхом на разбитую часть ограды и заставить перебраться на другую сторону². Офицеры и солдаты туркестанских войск могли по достоинству оценить способность кавалериста продвигаться через кишлаки, за глинобитными стенами которых противник чувствовал себя в безопасности. Не умея преодолевать дувалы, кавалерист оказывался в ловушке на узких улочках городков и кишлаков. Этот столичный фат удивлял офицеров самаркандского гарнизона обилием книг, которые он привез с собою, и тем, что он их постоянно читал.

Сослуживцы, казалось, знали о нем все, но они не могли знать, что «шалопай» напросился в Туркестан не только в погоне за чинами и наградами — он, спору нет, был честолюбив (человек должен быть честолюбивым, но не тщеславным), — но потому, что здесь велись боевые действия, без участия в которых офицер не может стать профессионалом. Скобелев имел в характере немало неприятных черт: был резок, вспыльчив, даже вздорен, искал острых ощущений, но вместе с тем обладал великим упорством, которому, по его словам, он научился у паука, умеющего восстанавливать свою паутину столько раз, сколько она будет разорвана. Поступив юнкером в полк кавалергардов, Скобелев сделал выбор в пользу военной карьеры и собирался пройти все ее ступени в сжатые сроки. Уезжая в Туркестан, он сказал товарищам: «Или убьют, или вернусь генералом». Он словно знал свое предназначение, ведал о кратковременности своего земного пути и не собирался высиживать чины выслугой лет.

Не могли знать офицеры самаркандского гарнизона и движений его души, которые он воплощал в поступки незаметные, вдали от посторонних глаз. Он никому не рассказывал, как в бытность слушателем академии был послан за 30 верст от Петербурга на берег Финского залива производить съемку местности. Он остановился в небольшой деревушке, где прожил месяц или два. Его так поразила бедность местных крестьян, что он истратил свое жалованье, чтобы купить одежду деревенским детям, не имевших штанов и обуви. Он помогал знакомому крестьянину Никите покрыть избу соломой, для чего поехал на крестьянской лошади в лес за жердями и на обратном пути застрял в болоте. Захудалая сивка спасла будущего героя Плевны и Шипки: «Я ее налево забираю, а она меня направо тянет, — говорил Скобелев Никите, — если где придется мне на лошади ездить, так чтобы твою сивку помнить, всегда буду белую выбирать»³. Так выглядел этот случай в наивном изложении Никиты. Возможно, с того долгого сидения в болоте (Скобелеву помогли выбраться из трясины Никита и два солдата) возникло его мистическое пристрастие к лошадям белой масти; белый

мундир во время боя был продолжением и завершением белизны коня.

Только через несколько лет станет всем известна абсолютная щедрость и готовность незамедлительно прийти на помощь своим боевым товарищам молодого генерала Михаила Дмитриевича Скобелева.

В 1870 г. после одной полицейской экспедиции на границе с Бухарским эмиратом с ним случился скандал. Эмир, всего лишь год назад признавший себя вассалом российского императора, обратился к генерал-губернатору Туркестанского края К.П. фон Кауфману с просьбой поймать и обезвредить шайку разбойников, перед которой эмирское воинство было бессильно. Генерал Абрамов, начальник Самаркандского гарнизона, поручил операцию двум казачьим сотням — штаб-ротмистра Скобелева и корнета Герштенцвейга. Как старший по званию командование операцией взял на себя Скобелев. Казакам удалось настичь банду, ночью беззвучно проникнуть в кишлак, где ночевали бандиты, застать их врасплох, частью перебить, частью арестовать. Взятые живыми вскоре попали в руки эмира и были наказаны позорной смертью по обычаям Благородной Бухары. Отряд без потерь вернулся в Самарканд, а его командир написал рапорт с изложением событий.

Однако, вскоре в среде офицеров и гражданских служащих распространился слух, будто Скобелев не только приукрасил подвиги свои и своей сотни, заметно преувеличив число поверженных врагов, но и проявил трусость. В том все еще рыцарственном веке ни один офицер не мог и не имел права стерпеть такую обиду. Тем более не мог стерпеть ее гвардейский офицер. Скобелев написал рапорт на имя Кауфмана с просьбой создать комиссию для установления истины и реабилитации его доброго имени.

Комиссия установила, что слух о преувеличении числа побитых разбойников распространил обиженный Скобелевым казак, а обвинения в трусости исходят от сосланного в Туркестан «для исправления» корнета Герштенцвейга и адъютанта Кауфмана, подполковника Принца. Основанием для клеветы у корнета могло быть резкое с ним обращение Ско-

белева, а также общая для двух офицеров немецкого происхождения причина — нелюбовь штаб-ротмистра к немцам, которую он вынес из детского общения с грубым губернатором-немцем и о которой по несдержанности языка заявлял, не задумываясь о последствиях.

Дело разбиралось в кабинете генерал-губернатора. Докладывали члены комиссии, рассказывали свидетели, — все показания были в пользу Скобелева, что позволило Кауфману сделать заключение: «Я не сомневался, что человек, носящий мундир русского офицера, не может быть трусом». Когда оклеветанный и клеветники вышли из кабинета, Скобелев спросил двух немцев, признают ли они себя неправыми? Ответ был отрицательным. Оба остались о нем прежнего мнения. Скобелеву не оставалось ничего иного, как вызвать их на дуэль.

Стрелялись в пять часов утра в ташкентских садах. Скобелев пришел щегольски одетый, в белых перчатках, был спокоен и безукоризненно вежлив. Дуэль с Принцем окончилась безрезультатно: подполковник промахнулся, а пистолет Скобелева дал осечку. Поединок с Герштенцвейгом закончился не столь благополучно. Корнет был ранен в ногу: превосходный стрелок, Скобелев не собирался убивать противника. Оба клеветника извинились и признали, что штаб-ротмистр — человек мужественный. Казалось бы, инцидент завершился в пользу Скобелева, однако, общественное мнение Ташкента встало на сторону «болтунов» и осудило гвардейца-дуэлянта. Его правота, его мужество странным образом не повлияли на людей — его просто невзлюбили. Факты и рациональные соображения бессильны изменить иррациональные ощущения. Генерал-губернатор тоже не мог одобрить его поведение — дуэли были запрещены.

В знак, видимо, опалы командира девятая казачья сотня вскоре была переведена в захудалый городишко Чиназ в 80 верстах от Ташкента: недоброжелатели его не забывали. Делать там положительно было нечего, и Скобелев начинает хлопотать о переводе из Туркестана. В самом конце 1870 г. из Петербурга пришел приказ о командировании его в распоряжение командующего Кавказской армией. И то правда,

можно ли было любить такого человека: захотел добраться за тысячи верст в новый край и — пожалуйте; надоело, написал кому надо и получил новое назначение. Многие ли могли себе такое позволить?

Так закончился его «первый Туркестан» — без награды, с испорченной репутацией, поэтому в Тифлисе, куда он прибыл в начале 1871 г., его приняли без энтузиазма.

В Кавказский округ он просился не ради красот и целебных вод Кавказа, там назревало дело. В 1869 г. силами частей Кавказской армии под командованием полковника генерального штаба Н.Г. Столетова была произведена высадка на берегу Красноводского залива Каспийского моря, основан город Красноводск. Это было сделано как ради прокладки нового торгового пути к Амударье, так и ради того, чтобы припугнуть хивинского хана, сделать его более сговорчивым (гордый хан не отвечал на письма Кауфмана и не переставал вредить России). Предполагалось что Красноводск станет базой для наступления на враждебную Хиву. Скобелев хорошо разбирался в среднеазиатских делах и точно знал, что участь Хивинского ханства в Петербурге решена. Окончательный план экспедиции еще не был готов, но то, что ближайший путь в Хиву лежал из Красноводска, не подлежало сомнению. Оттого-то надо было перебираться в Кавказский военный округ.

Уже 5 марта 1871 г. Скобелев подает на имя главнокомандующего Кавказской армией «Записку о взятии Хивы». Он предлагает с самого начала решить, что покоренная Хива не будет включена в состав империи, т.е. станет вассальным государством (протекторатом). Он рекомендует занять на Амударье какой-либо опорный пункт, который позволил бы удерживать Хиву; при этом упоминается Шурхан, (будущий Петровоалександровск), который позволял бы России угрожать Хиве, вводя понемногу ханство в русло российской политики. В записке определены силы и средства, необходимые для успеха экспедиции; предполагается провести предварительную тщательную разведку путей приближения к Хивинскому оазису, защищенному от внешнего вторжения огромными пустынями. Скобелев пишет: «Не захвата-

ми достигнем мы прочного положения в Средней Азии, а основательным изучением страны». Это пишет уже не лихой гусар, а вдумчивый офицер генерального штаба. Так как «условия степной войны в Средней Азии, где природа страшнее неприятеля, требуют прежде всего возможно всестороннего знакомства со страной, в которой предстоит воевать», Скобелев предлагает поручить ему идти из Туркестана в Хиву с торговым караваном в качестве купеческого приказчика, чтобы изучить маршруты до Хивы, а также от Хивы до Красноводского залива. «Купеческий приказчик» должен собрать сведения о воде (ручьи, ямы, колодцы), об оазисах и их населении, о растительности, кормах, топливе и т.д. и т.п. Он понимает опасность предприятия, поскольку делать записи и сохранять их предстоит с величайшей осторожностью. Такой поход был бы сродни путешествию А.Вамбери в 1863 г.⁴

В штабе Кавказской армии «Записка» легла под сукно, автор же не дождался ответа, так как 12 марта его направили в Красноводск в качестве начальника кавалерии столетовского отряда.

Столетов и Скобелев! Соединились два схожих характера. Две очень инициативные личности, оба — предприимчивые, даже авантюрные. Если бы начальство знало их лучше, то, наверное, не впрягло бы в одну упряжку.

Перед отрядом Столетова стояли задачи укрепиться на восточном берегу Каспийского моря и разведать насколько возможно пути в сторону Амударьи и Хивинского оазиса. Эту последнюю задачу выполнил Скобелев — со своими кавалеристами он совершил глубокую (410 верст) рекогносцировку к Сарыкамышскому озеру. По маршруту, пройденному его отрядом, много позже была проложена регулярная дорога, соединившая Красноводск с Нукусом.

Рекогносцировка к большому пустынному озеру была частью дерзкого плана, разработанного двумя генштабистами. «Петербург едва не был поставлен перед свершившимся фактом вторжения в Хиву красноводского отряда, — пишет советский исследователь Н.А. Халфин. — Его командир Н.Г. Столетов и начальник кавалерии отряда М.Д. Скобелев

решили по былому примеру М.Г. Черняева предпринять «самодетельное» наступление на Хивинское ханство, учитывая его военную слабость»⁵.

В штабе Кавказского военного округа заподозрили неладное, главным образом из-за невнятных, содержащих глухие намеки, донесений Столетова. В то время начальником штаба в Тифлисе состоял генерал А.П. Свистунов, убежденный противник расширения владений Российской империи в Средней Азии. Подозрительные рапорты Столетова его обеспокоили, и он решил проинспектировать красноводский отряд, тем более что появился повод — высокая заболеваемость среди солдат, посланных осваивать нездоровые места. Опасения начальника штаба подтвердились. «Предположений же своих, — по словам историка М.А. Терентьева, — Столетов Свистуну сообщить не пожелал, пока ему не объявят категорически: будет ли вскорости предпринят поход на Хиву со стороны Красноводска. Сам Столетов настаивал, что поход не следует откладывать позже осени этого, т.е. 1871 года, уверяя, что справится с Хивой с отрядом в 1100 человек, 300 коней и шесть горных орудий»⁶.

Весьма странно вел себя и Скобелев. Он пытался помешать Свистуну добраться до передового поста Таш-Арваткала, настойчиво отговаривал его от этой поездки, отказывался предоставить конвой. Начальник штаба в конце концов достиг этого пункта и обнаружил там активную подготовку к дальнему походу. Налицо был заговор двух офицеров с целью дезориентировать начальство, что предполагало строжайшее служебное разбирательство, а затем и суд. Столетов был отстранен от командования отрядом, но суда избежал; Скобелев — отчислен из состава лиц, состоявших при главнокомандующем Кавказской армией⁷. И снова его имя оказалось связанным со скандалом, вторично ему суждено было стать изгоем. В штабе ему отказали в самом скромном назначении, его фактически выбросили за пределы округа. Самолюбивый талантливый человек был намеренно унижен. В тот момент ему не оставалось ничего другого, как взять годовой отпуск, который начался 23 июня 1871 г.

Он был не у дел на месяц меньше запрошенного срока. Появилась возможность обдумать и пережить случившееся, разобраться в хитросплетениях международной политики, отдохнуть в родовом селе Спасское Рязанской губернии, прочитать много книг. Поразительное дело: скандалы и опалы не отражались на его весьма быстром чинопроизводстве, ибо была у него мощная поддержка. (Весьма симпатизировал и помогал Скобелеву-младшему фельдмаршал князь А.И. Барятинский, знаменитый тем, что пленил Шамиля и завершил войну на Кавказе.) В течение четырех лет М.Д. Скобелев стал штаб-ротмистром, капитаном (офицеры генерального штаба имели общевоинские звания), подполковником. Такое быстрое производство, при явной протекции, естественно, вызывало зависть и раздражение сослуживцев.

С середины 1872 г. начинаются скитания Скобелева по России. Теперь он прикомандирован к Главному штабу*, т.е. направлен на штабную работу. В качестве штабного офицера он служит в Новгороде, Москве, наконец получает назначение на строевую должность — командиром батальона 74-го Ставропольского полка, который стоял в станице Крымской Кубанской области. Один из его биографов дает объяснение столь частым переменам мест службы: «При видимой общительности в эти годы Скобелев имел характер довольно неприятный, невыдержанный, запальчивый и заносчивый. Этим объясняются, вероятно, и его служебные блуждания по всей России»⁸. Дело, однако, не только в том, что у него был дурной характер, но и в том, что это был характер специфический, искавший повышенных нагрузок, жаждавший экстремальных условий самореализации. Армейская рутина ему была невыносима, он отчаянно скучал, томительно ждал настоящего дела, т.е. войны.

В конце 1872 — начале 1873 г. М.Д. Скобелев находился, как тогда говорили, в ажитации, т.е. в состоянии сильного возбуждения: он знал, что в Петербурге решается вопрос об

---

* Высший орган военного управления в 1815–1917 гг. Не путать с генеральным штабом, корпусом офицеров, имевших высшее военное образование и пригодных к штабной работе.

экспедиции против Хивы, и очень боялся не попасть в число ее участников. Два раза в течение этого времени он приезжал в Тифлис, чтобы навести справки об экспедиции; когда же ему точно стала известна дата начала похода, он выехал в Петербург.

Ситуация складывалась сложная. Осуществить экспедицию было решено силами трех военных округов — Туркестанского, Кавказского и Оренбургского, т.е. с огромным запасом надежности (Столетову нужно было всего 1100 человек!). В двух округах Скобелев служил и покинул их при скандальных обстоятельствах, так что получить согласие Кауфмана и главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича включить его в походные ряды шансов было немного. Можно было обратиться к оренбургскому начальству, но, видимо, Скобелев не надеялся, что оренбуржцы, которых ожидал самый протяженный маршрут, дойдут до Хивы к назначенному сроку. Оставалось просить все тех же: Кауфмана и великого князя. Это было унижением, но Скобелев, как говорят англичане, положил гордость в карман, и обратился с просьбой. Кауфман категорически отказал. Помог Барятинский. Ему удалось уговорить генерала Свистунова, который в то время находился в столице. Надо думать, Свистунов не очень сопротивлялся, сознавая ценность опыта офицера, прошедшего половину предстоявшего маршрута. Да и не мог Свистунов, начальник штаба Кавказского округа, отказать своему недавнему начальнику, человеку, победоносно завершившему почти полувековую Кавказскую войну.

Скобелев следовал примеру паука и добился своего. Покидая Ставропольский полк, он поклялся перед знаменем, что вернется со Св. Георгием.

Печальный опыт экспедиции генерала Перовского в 1839–1840 гг. подсказывал необходимость максимальной страховки. Мало того, что кампанию решено было осуществить силами трех военных округов, кавказское начальство решило двинуть на Хиву от себя два отряда — из Красноводска и с полуострова Мангышлак. Генерального штаба подполковник М.Д. Скобелев получил назначение в Ман-

гышлакский отряд полковника Н.П. Ломакина командовать авангардом — три роты пехоты, команда саперов, тридцать казаков и два орудия. Командование Кавказской армией страховалось не напрасно, посылая в пустыню два отряда по разным маршрутам. До цели дошел только отряд Ломакина; Красноводский отряд полковника В.И. Маркозова сошел с дистанции на половине пути, когда попал в совершенно безводный район. Двигаться дальше наобум означало погубить отряд, и Маркозов повернул назад.

Отряд Ломакина преодолел свои 700 верст с огромными трудностями, главным образом из-за незнакомства с пустынными условиями Средней Азии. Несмотря на раннее время года (выступили 14 апреля), жара достигала 40 градусов, воздух был сухим, дули раскаленные ветры. Знакомый с Туркестаном молодой начальник авангарда вел свою колонну с большим умением. Для движения выбиралось самое прохладное время суток — солдаты успевали отдохнуть, верблюды насытиться. Впрочем, строго говоря, кавказский отряд Ломакина был подготовлен к походу плохо — не сравнить с оренбуржцами. «У нас не только не было ни одной лазаретной фуры, — вспоминал близкий Скобелеву (его родственник) А.Н. Маслов, — но даже не было кибиток и палаток... Ежедневная дача продовольствия и фуража была уменьшена более чем наполовину, и солдаты, а равно и офицеры шли впроголодь, кроме сухарей и баранины решительно ничего не было: ни овощей, ни приправ. Все изорвались и изнасились, и одежда к концу похода обратилась в лохмотья. Зато настроение войск было превосходное...

Несмотря на лишения и нищенскую обстановку, в авангарде было весело; Скобелев, несмотря на то, что тогда уже страдал геморроем, всегда шутил и был неизменно приветлив со всеми подчиненными»⁹.

То был его первый долгий переход по безлюдной, труднопроходимой местности, и он тогда уяснил, как не надо готовить походы. В душе он, несомненно, проклинал бездарных начальников и интендантское ворье, но шутил, приветливостью компенсируя «нищенскую обстановку».

В других своих экспедициях, где у него будет больше полномочий, он предусмотрит и специальную одежду для подчиненных, и витаминизированные продукты, даже заставит каждого солдата, как это было при переходе через Балканы, нести с собой по сухому полену для костра.

В этом походе он получил пять ран, нанесенных пикой и саблей. В медицинском свидетельстве записано: «Первые две раны тяжелые, последние легкие»¹⁰. Поскольку в отряде не было даже лазаретной фуры, раненый ехал в единственной отрядной арбе. Он был молод и через несколько дней смог сесть на коня и снова участвовать в стычках с неприятелем.

26 мая два отряда — Кавказский полковника Ломакина и Оренбургский генерал-лейтенанта Веревкина — подошли к Хиве и через день попытались взять окруженный крепостной стеной город с ходу. Войска бросились на штурм без подготовки, без разведки, не имея даже штурмовых лестниц. Защитники города, среди которых были отличные воины-туркмены, отбили приступ. В этом деле русские войска потеряли без всякой пользы убитыми и ранеными 56 человек. Скобелев в штурме не участвовал, но понял, что не следует презирать и слабого противника, что необходима подготовка, даже если штурмовать предстоит крепость, которую обороняют азиатские «халатники». Полковник Ломакин вскоре станет генералом, но останется столь же плохим военачальником, каким проявил себя под Хивой. Так же самонадеянно он поведет себя через шесть лет, когда будет без всякой подготовки, «с колес» штурмовать куда более укрепленную туркменскую крепость Денгиль-тепе (Геок-тепе). В конце мая 1873 г. под Хивой он ничего не понял и ничему не научился, а потому в Закаспии потери его войск будут в десять раз больше.

Веревкин и Ломакин спешили опередить К.П. Кауфмана с его Туркестанским отрядом, который подходил к Хиве с другой стороны. Они мечтали первыми войти в город и доложить командующему всей экспедицией о его взятии. Тогда можно было бы рассчитывать на серьезные награды. Поэтому Веревкин, имевший приказ Кауфмана прекратить боевые действия ввиду согласия ханских властей на капи-

туляцию, позволил тем не менее подполковнику Скобелеву возобновить бомбардировку города, ворваться внутрь и захватить ханский дворец. Поводом послужило обнаружение в день капитуляции под стенами города тел трех русских солдат, страшно изуродованных хивинцами.

Такое «молодецкое дело» могло принести Михаилу Дмитриевичу желанный Георгиевский крест, однако Кауфман был разгневан. «Второй Туркестан» имел шансы обернуться для М.Д. Скобелева третьим скандалом: был нарушен приказ командующего; «к этому надо еще прибавить, — сообщает очевидец, — что в многочисленном штабе командующего войсками было немало лиц, недоброжелательно относившихся к Скобелеву»¹¹.

В течение полутора веков (если считать с попытки трагически погибшего князя Бековича-Черкасского) недоступная для русского оружия Хива была покорена на удивление легко. Бежавший было в пустыню хивинский хан вернулся в родные пределы и не только выразил полную покорность императору России, но и признал свое неблагоприятное положение. Победители тем не менее были очень недовольны исходом тяжелейшего хивинского похода. Командующий экспедиционными силами генерал-адъютант К.П. Кауфман, как уже говорилось, гневался на Веревкина и подчиненных ему офицеров; Веревкин был обижен на командующего, считая, видимо, что Хиву взял именно он, Веревкин. В дневнике военного министра Д.А. Милютина имеется любопытная запись: «От ген. Кауфмана приехал сегодня (6 июля 1873 г.) курьером адъютант его кап. Фан-дер-Флит с письменной реляцией о занятии Хивы и донесением о сделанных распоряжениях после прибытия хана с повинной. Словесные рассказы адъютанта открывают некоторые закулисные подробности, довольно прискорбные. Оказывается, что ген.-лейт. Веревкину хотелось увенчаться лаврами победы, и потому он повел на город атаку в то время, когда ген. Кауфман собирался вступить в него с другой стороны церемониальным маршем. Недовольный чем-то (понятно чем! — Е.Г.), ген. Веревкин немедленно уехал из отряда под предлогом полученной им совершенно незначительной раны»¹².

Начальник Кавказского отряда Ломакин, в свою очередь, обрушил свой гнев на Скобелева, считая его виновным в неудаче штурма 28 мая. Командир авангарда был обвинен в том, что не провел своевременно рекогносцировку объекта штурма и что оттого вся операция потерпела неудачу. Обвинение было совершенно несправедливым, поскольку, во-первых, весь день 27 мая авангард отряда был занят в стычках с неприятелем и не имел возможности разведать толком все подступы к крепости; во-вторых, Скобелев не был извещен о планируемом на 28 число штурме; в-третьих, сам бесславный штурм 28 мая в реляциях Веревкина-Ломакина был назван рекогносцировкой. Так было принято у плохих военачальников: если наступательная операция удавалась, ее называли штурмом, атакой, приступом, наступлением и т. п., если же проваливалась, то она объявлялась рекогносцировкой — скромно, без претензии на награды. Что же касалось русского солдата, то ему полагалось гибнуть в любом деле, независимо от его наименования.

По свидетельству А.Н. Маслова, Скобелев «был страшно огорчен и считал себя крутом обиженным. И действительно: если он не заслуживал Георгиевского креста за дело 29-го мая (взятие ханского дворца. — *Е.Г.*), то служба его за всю экспедицию во всяком случае являлась выдающейся; за это время он сумел обратить на себя внимание не только начальства, но и всех офицеров отряда»¹³. Человек сильных чувств, глубоко оскорбленный, он даже не захотел жить в расположении отряда — поселился в стороне, в кишлаке возле Хивы.

Экспедиция закончилась победой русского оружия, однако сам Скобелев себя победителем не ощущал: ему предстояло вернуться в свой 74-й Ставропольский полк, не выполнив клятвы — без Георгиевского креста.

Получить белый эмалированный крестик мечтал всякий уважающий себя, свою службу русский офицер. Орден Св. Георгия стоял особняком среди российских орденов. По значимости он был четвертым в ряду наград, но в офицерской среде ценился превыше других. Его девизом были слова «За службу и храбрость», что уже без дополнительных примет (мечи, банты) говорило о нем, как о чисто военном знаке

отличия. Знаками ордена Св.Георгия награждались только офицеры и только за боевые подвиги. Была еще одна особенность: награжденный мог носить знаки ордена всех четырех степеней одновременно, что не допускалось статутами других орденов. Например, при получении знака ордена Св.Владимира 3-й степени награжденный снимал с мундира Владимирский крест 4-й степени; получив Владимира 2-й степени, снимал 3-ю.

Скобелев знал, что должен стать георгиевским кавалером, и он им стал, даже вопреки логике событий: какие могут быть подвиги после победоносного завершения экспедиции!

Справедливости ради надо сказать, что идея предприятия пришла в голову не исполнителю; ее предложил сын военного министра Алексей Дмитриевич Милютин, состоявший офицером для особых поручений при том самом командире второго отряда Кавказского округа В.И. Маркозове, который с полпути повернул назад. Как представителю Кавказского округа, А.Д. Милютину очень важно было получить подтверждение, что красноводский отряд повернул назад вынужденно — иначе его ждала бы гибель. Зная любовь Скобелева к рекогносцировкам (недаром он был офицером генерального штаба), Милютин предложил ему пройти не пройденный Маркозовым путь (около 600 верст), но в обратную сторону — из Хивы.

Не расположенный к Скобелеву командующий хивинской экспедицией долго не соглашался, но Милютин все же его уломал. Согласие Кауфмана удалось получить утром 4 августа 1873 г., а уже вечером того же дня Скобелев отправился в путь. «В ту же ночь, — вспоминал участник Хивинского похода В.А. Полторацкий, — во время нашего ужина послышался топот коня. Я вышел и в темноте не мог разобрать, кто остановился у нашей палатки, и только по голосу узнал всадника. Скобелев в туркестанском костюме, высокой шапке и вооруженный с головы до ног, стоял перед нами и просил благословения на дальний путь, опасный путь... Мы вынесли ему стакан красного вина, чокнулись, он толкнул коня и был таков. Дай ему Бог успеха, но увидимся ли с ним? — подумали, вероятно, все»¹⁴.

Ему не удалось путешествовать в Хиву с караваном под видом русского приказчика, тогда он придумал предприятие еще более опасное. Из Хивы в ночь выехали верхами шестеро, все в среднеазиатских халатах и шапках. Один из шести — подполковник Скобелев, с ним: бывалый, видимо, знающий один из местных языков казак, бывший крепостной конюх из имения Скобелевых Спасское, а потом его вольнонаемный слуга и неизменный спутник в труднейших походах по имени Михайло, да три верных туркмена, известные Скобелеву давно, еще со времен рекогносцировки к Сарыкамышу. Ехали от колодца к колодцу, преимущественно ночью. Скобелев измерял расстояние быстротой хода лошади и на всем пути заносил на план все, что встречал по дороге или видел по сторонам на горизонте, как учили в академии. На кроках обозначались кряжи, возвышенности и барханы с указанием приблизительного расстояния до них.

Три дня прошли спокойно, без встреч с враждебными туркменами-иомудами, на четвертый такая встреча состоялась. Когда на привале возле колодца разведчики издали заметили приближавшихся всадников, туркмены-проводники уложили Скобелева на землю и накрыли кошмами. К колодцу подъехали иомуды — человек тридцать. Они напоили своих лошадей и, как требует обычай, уселись вокруг колодца и начали расспросы. Проводники бойко изложили заранее придуманную легенду и объяснили, что под кошмами лежит их караван-баши, у которого случился жесточайший приступ малярии. Как полагается в Азии, беседовали неторопливо, и все это время Скобелева бросало то в жар, то в холод, как при настоящем малярийном приступе, тем более что он не понимал, о чем говорят туркмены. Испытание длилось долго, однако пронесло. Еще два дня прошли без приключений, а на шестой день, с трудом — очень плохая вода в колодцах и глубокие пески — добравшись до конца маршрута, разведчики хорошо выпалились возле колодца Имды-Кудук, а проснувшись, стали весело обсуждать опасности пройденного пути. Говорили по-русски и не заметили, что их внимательно слушает мальчик-пастух, подошедший напоить своих овец. Спихватились, когда увидели мальчишку,

убегавшего в степь с пронзительными криками. Вскочили на коней и поскакали в обратный путь очень вовремя, так как пастух уже добежал до кочевья иомудов и поднял тревогу. Ушли от преследователей — их было более сотни — только благодаря резвости своих коней¹⁵.

Кауфман и его начальник штаба генерал В.Н. Троицкий получили подробное описание маршрута, который не удалось пройти отряду Маркозова. Скобелев доказал, что тяжело груженные животные и артиллерия не смогли бы преодолеть глубокие пески. «Из этой рекогносцировки, — рассказывал Скобелев, — я вынес убеждение, что Маркозов поступил вполне правильно, повернув обратно свой отряд от Ортаку; иначе при дальнейшем движении до Змукшира он легко мог совсем погибнуть от безводья и зноя. Водой этот путь очень беден, колодцы находятся на большом расстоянии, вода большей частью отвратительная, да и к тому же ее немного»¹⁶.

На этот раз К.П. Кауфман не только представил Скобелева к награждению Георгием 4-й степени, но и ходатайствовал за него перед Георгиевской думой экспедиции, которая долго затягивала решение из-за весьма настороженного отношения к кандидату. В конце концов дума, собравшись в 25 верстах от Хивы, вынесла положительное решение; к своему полку Скобелев вернулся с Георгиевским крестом 4-й степени, а уже в начале следующего 1874 г. он был произведен в полковники и пожалован государем во флигель-адъютанты, т.е. приближен ко двору. Немалую роль в этом продвижении сыграло мнение Константина Петровича Кауфмана, к которому Александр II относился с доверием и уважением. В лице туркестанского генерал-губернатора Скобелев приобрел не просто еще одного высокого покровителя, но прежде всего человека, понявшего его активную натуру и оценившего по достоинству его деловые качества.

На этот раз его отпуск зимой 1873/74 г. был вполне заслуженным. Надо думать, он был доволен собой. Он уехал отдыхать в свою любимую Францию, но, поскольку пассивный отдых ему претил, он придумал для себя занятие.

В то время рядом, в Испании, шла война между сторонниками претендента на испанский престол дона Карлоса Младшего и правительственными войсками. Пропустить возможность изучить очередную военную кампанию, тем более в горах, Скобелев не мог. Он приехал в Испанию с рекомендательным письмом, был арестован и с завязанными глазами доставлен в штаб карлистов, где подвергся допросу. Смысл своего появления в испанских горах он объяснил откровенно: «Во-первых, я люблю войну, это моя стихия, а во-вторых, нигде в целом мире теперь нет такой гениальной обороны гор, как у вас. По вашим действиям я вижу, что каждый военный должен учиться у вас, как со слабыми силами, сплошь почти состоящими из мужиков, бороться в горах против дисциплинированной регулярной армии и побеждать ее»¹⁷.

Русский полковник (в гражданском платье, естественно) не участвовал в боях — он сидел в стороне, но открытый выстрелам (по нему стреляли залпами), и хладнокровно записывал свои наблюдения в книжку. Он появлялся в самых опасных местах. Истинный профессионал, он продолжал учиться войне на войне, а не на маневрах.

К тому времени полковник Скобелев стал в военных кругах фигурой заметной. Офицеры обсуждали его экстравагантные поступки, например, отпуск, проведенный под пулями, и не могли его понять. Ближе других к пониманию этого загадочного характера подошел человек умный, образованный, к Скобелеву относившийся более чем сдержанно, В.А. Полторацкий: «Ненасытная натура его начинает снова (после получения Георгиевского креста) работать, и он для удовлетворения чудовищного честолюбия лбом пробьет стену, чтобы изобрести путь к дальнейшему ходу своей карьеры»¹⁸.

Все здесь почти верно: «чудовищное честолюбие», «лбом пробить стену» ради карьеры, но ведь и готовность рисковать жизнью, что он многожды докажет впоследствии. Как могут сочетаться карьеризм и готовность погибнуть в любую секунду? Да и нужно ли было при его придворных связях так рисковать собой? Только ради карьеры? Стремитель-

ное чиновничество и «повышенная награждаемость» не были неким уникальным скобелевским феноменом — так же быстро росли в чинах и украшались регалиями практически все люди его круга, т.е. сколько-нибудь приближенные к особе государя, но при этом им вовсе не нужно было (такое и в голову им прийти не могло) проводить отпуск на театре военных действий под пулями. Значит, у этого чрезвычайно талантливого, страстного человека были кроме карьеризма еще иные побудительные мотивы. Об этом позже: его героическая биография только начала складываться.

К 1874 г., таким образом, достигнут важный промежуточный этап: полковник генерального штаба, флигель-адъютант, георгиевский кавалер в 30 лет. Огромное большинство офицеров могли только мечтать так завершить свою карьеру, но для Скобелева этого было мало.

Из высокого местного начальства свое отношение к Скобелеву изменил только К.П. Кауфман. В Тифлисе его стойко не любили и не отказались от своего недоброжелательства даже после того, когда он, рискуя жизнью, реабилитировал Маркозова. Как видно, немало «поработал» Ломакин, убежденный, что Скобелев помешал ему первым войти в Хиву, поэтому главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич не согласился оставить новонагражденного георгиевского кавалера в своих войсках. Тот возвращается в Главный штаб и получает военно-административное поручение — ввести в действие новый воинский устав и осуществить рекрутский набор в Пермской губернии. И снова в путь.

Неприкаянность и неуживчивость единственного сына разрывали сердца обоих его родителей. Они пытаются утешать своего непутевого Мишу: «Если бы я мог полагать, — пишет отец Дмитрий Иванович из Спасского, — что слова мои принесут плоды, я бы кой-что поговорил с тобой. Но в настоящую минуту скажу одно — успокойся, живи себе тихо, — ажитация к делу не приведет, не скрывай от меня ничего — один в поле не воин, ум хорошо, два много лучше»¹⁹. Легко сказать: «живи тихо», а если нет в душе мира и покоя, если душу постоянно смущает неясный, но настойчивый зов?!

В XIX веке разумные, благонамеренные родители не знали иного способа умиротворить и остепенить мятушуюся натуру сына, как только женить его на достойной, нравственной барышне. За дело берется матушка (дама властная и настойчивая) Ольга Николаевна. Невесту для Миши выбирает она. Это — фрейлина императрицы княжна Мария Николаевна Гагарина, племянница князя Меншикова. Более аристократической невесты, пожалуй, было не сыскать в Петербурге. Ольга Николаевна, судя по всему, имела тяготение к титулам, да и не в том только было дело: Маша Гагарина, не будучи красавицей, отличалась благоразумием, твердыми правилами, терпимостью, была очень неглупа. Для Гагариных вряд ли было большим почетом породниться со Скобелевыми, но Дмитрий Иванович был богат и уже состоял в свойстве с лучшими фамилиями России.

Независимый и своенравный, Михаил Дмитриевич неожиданно согласился с выбором матушки — ему уже перевалило за 30, да и холостое состояние стало в тягость. Молодые не пылали страстью к друг другу, но симпатизировали и, вероятно, надеялись на добрые, уважительные отношения. Венчание состоялось в начале января 1875 г. Молодожены переехали в собственную квартиру на Большой Морской. На молодого мужа снизошло умиротворение. В эти дни общего счастья Скобелев-отец пишет Скобелеву-сыну: «Радуюсь твоему настоящему степенству, невольно думаешь какие нелегкие заставляют иногда человека не пользоваться теми талантами, которыми природа наградила. В тебе столько хорошего, что позавидовать другому не грех — и сердце, и ум, теперь ты переродился, готовясь на дело, останься таковым всегда — ты всех полюбишь, и тебя любить будут — опять земное спокойствие и счастье. Говорить тебе, как жить и быть тебе вдали нечего — чем дальше, тем смотрят на твои вензеля более осторожно. Целую и милую тебя, мое сердце. Твой отец»²⁶.

Зиму и весну 1875 г. Михаил Дмитриевич проводит в Петербурге. Молодые никуда не поехали, свадебное путешествие не состоялось. Молодой муж, хоть и обрел семейный уют, жил в ожидании новых свершений (недаром отец писал: «готовясь на дело»). Жили открытым домом — каж-

дый день за обеденным столом сидели гости: граф П.П. Шувалов, князь Имеретинский, герцог Е.М. Лейхтенбергский, князь Д. Голицын, казацкие офицеры — старые туркестанские товарищи. Говорили о войне, о политике.

В общем-то он скучал и развлекался как капризный барчук. Ему прислуживали двое — денщик Ян, недавний рекрут из Перми, и отставной английский кирасир Джон — «высокий и стройный молодец с довольно наглым взглядом, всегда во фраке и в перчатках»; Михаил Дмитриевич про него говорил иногда с улыбкой: «За деньги этот негодяй на все способен...» «От скуки Михаил Дмитриевич мазал опрятного Джона мокрой губкой по голове или пускал ему на фрак струю воды из резиновой трубки, через которую наливалась свежая вода в аквариум. Англичанин морщился и говорил: «Фрак стоит 80 рублей, полковник». Иногда он стравливал Джона с Яном и покатывался со смеху, когда они сначала шутя, а потом серьезно начинали колотить друг друга»²¹. Так рассказывает А.Н. Маслов.

Несмотря на то, что Скобелев был человеком нового времени, он любил стародедовские забавы и шутки. Другой близкий человек, его ординарец времен войны 1877–1878 гг. П.А. Дукмасов, сообщает, как в первый день нового 1882 года он и генерал ехали в санях в село Спасское. Из-за метели кучер сбился с дороги, тогда Скобелев не то в шутку, не то всерьез пригрозил: «Ах ты скотина этакая! Я вот ради нового года прикажу отодрать тебя на конюшне... не будешь тогда ворон ловить»²².

А пока в первые месяцы 1875 г. он скучал, хотя, казалось, причин для этого не было: только что женился, они с женой были приняты в лучших домах Петербурга, можно было ходить в театры, верхом совершать прогулки по петербургским окрестностям, да мало ли чем могли занять и занимали себя светские люди. Ему же было скучно.

«Ранней весной, — пишет Маслов, — из Ташкента приехал один генерал и привез известие, что в недалеком будущем можно ожидать поход в Коканд. Хотя Коканд и не подавал тогда ещё повода к войне, но положение дел в этой стране было ужасно»²³.

В один год с Бухарой Кокандское ханство вошло в состав Российской империи на правах протектората. Ханство, частью которого был густонаселенный плодородный Ферганский оазис, превратилось в гарантированный рынок сбыта для российских товаров и источник сырья для российской промышленности; оттого туркестанские власти дорожили добрыми отношениями с ханством и были заинтересованы в его внутренней стабильности. На кокандском престоле в то время сидел Худояр, правитель недалекий и редкостно алчный. Заключив соглашение с Россией о протекторате, Худояр, видимо, решил, что теперь ему сам черт не страшен и стал выдавливать из своих подданных последние соки. В своей непомерной жажде обогащения Худояр утратил чувство меры. С жителями городов и кишлаков он обращался как с рабами, заставляя их работать на себя без вознаграждения. Люди хана отбирали у населения лес, продовольствие, любые необходимые хану товары. Ослушников жестоко карали. Когда около 30 дехкан, занятых уборкой своего урожая, не явились на рытье ханского арыка, их зарыли по шею в землю и оставили в таком положении умирать. Один за другим вводились новые налоги, рождаемые буйной фантазией ханских приближенных. Подданные были в отчаянии от ханского произвола и время от времени бунтовали.

Ташкентская администрация была обеспокоена обстановкой в ханстве, понимая ее взрывоопасность и не желая потерять лояльного вассала. Кауфман слал хану послания, предупреждал опомниться пока не поздно: «Лучшие люди идут против Вас, и народ не спокоен... Если Вы не перемените образа вашего управления народом и будете неласково обращаться с русскими, то я Вам предсказываю дурной конец»²⁴.

Отдельные выступления в 1875 г. слились в мощное антиханское движение, которое возглавили близкие хану люди, его родственники. Даже сын Худояра, наследник престола Насреддин, присоединился к недовольным. Русские власти могли бы не реагировать на смуту в этом «независимом» ханстве, если бы не изменение ее характера. Как это всегда бы-

вает на мусульманском Востоке, социальный протест приобрел религиозную окраску, поскольку во главе движения (тоже как всегда) оказались фанатичные исламские богословы и священнослужители. Во всех трудностях кокандского населения были объявлены виновными русские, которые подчинили своей воле Худояра и ради выгоды которых он якобы и творил свои беззакония. Такого рода версии всегда доходчивы и с легкостью поднимают «ярость масс». Исламские авторитеты звали правоверных на священную войну против «гяуров».

Предвидя неизбежность нового вооруженного столкновения в Средней Азии, Михаил Дмитриевич начал хлопоты о переводе его в Туркестанский военный округ. При этом он был настолько уверен в успехе, что уверял знакомых, что будет назначен начальником экспедиции, о которой ничего еще не было известно. Кауфман согласился на приезд Скобелева, удалось преодолеть возражения других влиятельных лиц.

Покинув Петербург, чета Скобелевых с комфортом доехала до Нижнего Новгорода, где предстояло пересаживаться на пароход, и тут Мария Николаевна попросила сделать остановку для отдыха. Михаил Дмитриевич требовал отправляться в путь вниз по Волге незамедлительно. Вышла семейная ссора, в которой Скобелев не стал уступать (менее одержимый человек обязательно бы уступил), бросил молодую жену в Нижнем, а сам уплыл на пароходе. Гагарина-Скобелева вернулась в Петербург.

Начался «третий Туркестан» М.Д. Скобелева, о котором он попытался рассказать в неоконченной автобиографии. Вот что он пишет: «В мае 1875 г. я прибыл в Ташкент, в распоряжение генерал-адъютанта Кауфмана, в чине полковника и флигель-адъютанта. Возвращение в Туркестанский край после неприятностей в 70-м году, вынудивших меня два раза драться на дуэли, не могло быть названо ни легким, ни приятным. Боевое братство под стенами Хивы войск трех округов, можно предполагать, должно было ослабить присущую Туркестанскому военному округу зависть и вражду ко всему прибывающему в край, в особенности в

таком положении, в каком я был, но на деле все оставалось по-старому...»²⁵

К моменту появления Скобелева в Туркестане (в ташкентском обществе шутили: появилась комета, предвещающая войну) антиханские выступления еще не превратились в угрозу для российских владений в Средней Азии, так что о карательной экспедиции пока разговора не было, и Скобелев затосковал. «Лично я, — сообщает он в автобиографии, — томимый жаждой деятельности, отчаиваясь на скорое начало военных действий, решился предложить генерал-губернатору двинуться в Кашгар, через все ханство Кокандское и представить ему военно-стратегическое описание Ферганы и Кашгара. Генерал-губернатор сначала колебался, но, как часто бывает, неожиданный случай помог нам: на Чаткале, в верховьях р. Ангрена, на самой границе русско-кокандских владений, поднял знамя бунта против хана родной его племянник Абдулкерим-бек. Разбитый ханскими войсками, Абдулкерим бежал в русские пределы, где и был схвачен. Генерал-губернатор, стремясь к сохранению мирных отношений, которые настоятельно требовались от Петербурга, решился выдать Абдулкерим-бека Худояр-хану и воспользоваться этим случаем, чтобы вновь посоветовать хану изменить свое отношение к народу, а также доставить нам возможность изучить ханство Кокандское и доступы в Кашгар через Алайский Тянь-Шань. Посланником к Якуб-хану (кашгарскому. — Е.Г.) был назначен я, а посланником к Худояр-хану — покойный статский советник Вейлберг. Генерал-губернатор снабдил нас письмами и богатыми подарками на сумму более 20 000 р.; посольство до Коканда должно было следовать вместе. Простившись с генерал-губернатором, мы двинулись в путь 10-го июля 1875 г., оставив Ташкент во всем блеске его беззаботной, даже роскошной полуазиатской, полуевропейской жизни; войска округа стояли в лагере по садам, состоялось распоряжение о предстоящем отпуске бессрочно отпускных, которых, помнится, в этом году впервые хотели отправить не пешком, а на верблюдах. Словом, ничто не предвещало близость грозы...

В Ходжете присоединился к нашей миссии Абдулкерим-бек и при нем конвой в 22 сибирских казака, и мы торжественно двинулись, везде встречаемые властями и провожаемые с большим почетом.

Абдулкерима везли в арбе, и бедный мальчик грустно смотрел кругом, убежденный, что дядя немедленно прикажет его зарезать. То обстоятельство, что у Вейнберга в кармане было письмо, в котором генерал-губернатор именем государя требовал помилования Абдулкерима, было ему неизвестно. Въехали в Коканд мы вечером и остановились в доме мирзы Хакима — парваначи (кокандский посол в Ташкенте, сочувствовал русским. — Е.Г.), который встретил нас крайне радушно и гостеприимно. Правда, кормили сальным азиатским пловом и изюмом, но в шампанском недостатка не было.

Город Коканд произвел на меня волшебное впечатление: дворцы, сады, мечети, богатейший базар, — все это ставит Коканд наряду лучших азиатских городов. Коканд не уступает Самарканду. Разумеется, аудиенция у хана не могла состояться очень скоро, тому препятствовал азиатский этикет. Принимал он нас, кажется, 17-го числа, окруженный двором более чем в 5000 человек. Все окружающее хана представляло вид азиатской пышности, и только сам повелитель встретил нас скромно, сидя в уголку одной из великолепных арабских зал дворца. Хан сидел даже не на ковре, а на старой истрепанной кошме, одет он был в зеленый халат, на голове громадная белая чалма. Когда мы вошли, Худояр играл четками и, не спуская глаз с Корана, шептал молитву. Как было установлено, мы с Вейнбергом сели, не ожидая приглашения хана, что, видимо, было ему неприятно, засим Вейнберг, передав хану письмо генерал-губернатора, объяснил ему, что мы привели на двор Абдулкерима-бека и что отныне его племянник находится в его руках. Хан молча кивнул головой и приказал ввести Абдулкерима-бека; бледный, как смерть, вошел юноша и, не доходя до хана сажень пятнадцать, повалился в ноги и громко стал кричать: «Девлет зарет бу сын!» («О великий государы!») Хан несколько минут равнодушно на него смотрел и совершенно спокойно

при нас отдал приказание отвести его к палачам и казнить на дворе. Этого только и дожидался Вейнберг; спокойно попросил он обождать хана исполнением приказа, пока не прочтет второе письмо генерал-губернатора. Хан молча прочел письмо, изменился в лице, но тут же с редким самообладанием сказал нам, что просьба его друга для него закон и приказал отпустить Абдулкерима на все четыре стороны. Во время движения от Ходжента к Коканду, мы очень полюбили Абдулкерим-бека, а потому, во избежание случайностей, предложили ему оставаться при посольстве...* 17-го июля в Коканде все казалось спокойным. Правда, наш домохозяин мирза Хаким казался особенно задумчивым, но, по азиатскому обычаю, он ни слова не проронил при нас о событиях дня...

Вечером 19-го июля мирза Хаким, наконец, решился нам сообщить, что вся восточная часть ханства восстала против правительства, насильно завладела наследником престола, бывшим тогда андижанским беком; что собищем восставших командует ближайший любимец хана Худояра, Абдулрахман-автобачи**, что бек маргеланский и некоторые другие объявили себя также против хана и что в данную минуту около 30 тыс. инсургентов с артиллерией, находятся в двух переходах от столицы. «Хану всей правды сказать никто не смеет, — заметил при этом парваначи, — но события идут так быстро, что развязки надо ожидать очень скоро»...

Все продолжавшиеся более и более тревожные слухи из города и с базара заставили меня... предложить начальнику миссии поехать на базар и посмотреть, что там делается.

Г. Вейнберг согласился.

Какую перемену нашел я в городе! На всех улицах густые массы, очевидно пришлого вооруженного пешего и конного народа; все указывало на близость кровопролития. Толпы дервишей и мулл виднелись на всех перекрестках людных улиц; все они при виде гяуров (я ехал с казаком) отплевывались и брэнча четками громко напевали, обращаясь к толпе,

---

* Впоследствии Абдулкерим предал русских.

** Автобачи — придворный титул, буквально «податель воды для рук».

стихи из Корана. Все кофейни были переполнены, и массы пьяных от курения опиума и хашиша шатались по улицам. Я заехал в оружейный ряд большого базара, но тут пробраться я не мог, так как толпа была сплошная и, как мне показалось, еще более возбужденная; в лавках недоставало рук точить оружие. В эти дни оружейники, как говорили, очень нажились.

Вернувшись домой, я доложил начальнику миссии обо всем, что видел; со своей стороны он узнал, что вертящиеся дервиши в одной из главных мечетей уговаривали народ сделать угодное Богу и избежать бедствия избиением русских, находившихся в Коканде. Возможность подобного исхода подтверждалась еще: а) прибытием к нам, с просьбой о защите, всех русских купцов и поверенных купцов; б) бегством со двора ханского конвоя; с) народными массами, со всех сторон окружившими наш дворец; даже ночью с 20 на 21 июля напролет слышны были дикие голоса, напевающие стихи из Корана об избииении неверных. Колебаться было более нельзя, решено было привести несколько комнат в оборонительное положение и, если придется, возможно дорого продать свою жизнь. Большим утешением служила уверенность, что наши войска, мстя за нас, камня на камне не оставят в Коканде...»²⁶

Рукопись обрывается на самом интересном месте. (Цитата получилась длинная, но ведь это — рассказ самого Скобелева; не служебная записка или официальный отчет, а свободный рассказ для заинтересованного читателя). Русское посольство оказалось в том отчаянном положении, в каком много раз оказывались европейские посольства, направленные ко дворам афро-азиатских владетелей. Как правило, европейцы погибали. Посольство Вейнберга-Скобелева не погибло.

Положение в Коканде становилось серьезнее с каждым часом. Вооруженное восстание, охватившее Ош и Маргелан, быстро распространялось в сторону столицы ханства. Ханская армия и ханская гвардия покинули Худояра; в ханской цитадели осталось около 500 человек конвоя. Пятитысячная армия при 72 орудиях находилась в городе, но уже не

подчинялась приказам хана и его военачальников, ожидая прихода восставших.

Худояр растерялся, плакал и не выходил из дворца, куда тоже проникла измена. Придворные-изменники пытались выманить хана из его покоев, зазывая в гарем, где якобы без него страдают его жены. Планировалось зарезать Худояра именно там. Хан не поддался на уговоры и тем спасся. Руководители мятежа хотели сделать дело тихо, т.е. убить хана и забрать его казну, не делаясь с «рядовыми революционерами».

Скобелев в это время оставался верен себе: ездил по городу с несколькими казаками и успел набросать кроки города — он еще собирался сюда вернуться. Русские послы приняли решение уходить из Коканда и взять с собой совсем раскисшего Худояра. По совету хитрого мирзы Хакима хан раздал немало денег солдатам, остававшимся в цитадели. Кроме того, все тот же Хаким распустил слух, что хан собирается взять свою армию и двинуться в Маргелан, чтобы наказать мятежников. Начальникам войск, находившихся в городе, было объявлено повеление хана выходить на маргеланскую дорогу и там дожидаться своего повелителя. При этом Хаким многозначительно подмигивал: «Вы ведь меня понимаете?!» Ханские «генералы» поняли, что там будет легче ограбить их владыку.

Рано утром 22 июля русское посольство направилось к ханскому дворцу. Ехали сквозь враждебно гудящую толпу. Казаки держали винтовки наперевес; близ дворца кто-то ударил палкой лошадь Скобелева, и та от неожиданной боли скакнула в сторону и чуть не сбросила всадника. Скобелев вспыхнул, но вовремя сдержался и остановил казаков, готовых стрелять в толпу.

Из цитадели выступила походная колонна. Впереди шли щедро одаренные накануне конвойцы — они били в барабаны и дудели в длинные медные трубы, издававшие утробные звуки. За конвоем двинулись хан на 80 арбах, в которых находились 70 жен и наложниц, и казна, а затем посольство.

По узким городским улочкам прошли благополучно, однако в нескольких верстах от города беглецов ожидал сюр-

приз: вся ханская рать, высланная на маргеланскую дорогу, дожидалась Худояра на развилке ходжентской и маргеланской дорог — обмануть «генералов» не удалось. Представить чувства трусливого правителя не составляет труда, не лучше себя чувствовали и русские. Нестройными рядами кокандское войнство двинулось за своим главнокомандующим по ходжентской дороге. Очень скоро сарбазы и их начальники все поняли: начался грабеж ханского и посольского имущества. Скобелев хотел ответить залпами, но Хаким уговорил его не горячиться. Он якобы сказал: «Бросим эти арбы, полковник! Пускай грабят; если милость Божья будет, найдем втрое больше этого добра... Свою голову уносить надо...»²⁷

Отступали медленно, отстреливаясь. Выручала большая дальноточность русских винтовок и меткость стрелков. Да и сарбазы, награбившие много ханского добра, не очень наседали, видимо, догадывались, что русских трогать опасно. Мирза Хаким объяснил им ситуацию очень доходчиво: «Что вы делаете, дураки? Разве можно стрелять в русских? Если вы нам сделаете вред, то придут русские войска и вы не узнаете места, где был Кокан...»²⁸ В ту пору это не было преувеличением.

Возле крепости Махрам посольство и хана встретил высланный навстречу русский отряд. Хан потерял несколько своих людей и половину казны, среди русских убитых не было. Хоть и наполовину обедневший, но спасший своих жен, наложниц, и себя, а потому счастливый, хан Худояр просил о покровительстве России. В письме к Кауфману хан очень точно оценил случившееся: «Дорогие мои гости г.Вейнберг и полк. Скобелев... выехали вместе со мной и, несмотря на несколько раз повторявшиеся преследования бунтовщиков и перестрелку, не отставали от меня. На подобный поступок способны лишь русские. Когда мои собственные приближенные изменили и бежали, они стойко следовали за мной, и, не будь их, может быть, я не добрался до русской границы»²⁹.

И хотя спасенный хан никому не был нужен, тем не менее действия Скобелева были оценены как они того заслу-

живали: по представлению Кауфмана он был награжден «за геройское, достойное русского имени поведение» золотой саблей с надписью «За храбрость».

Уже через несколько дней после возвращения посольства в Ташкент пришло известие о вторжении кокандских повстанцев в пределы Туркестанского края. Руководители восстания ставили целью восстановить Кокандское ханство в его прежних границах, т.е. отбить у русских Ташкент и другие бывшие ранее кокандскими города. Это уже была прямая угроза русской власти.

Вторжение участников «газавата» (главным образом это были кипчаки и киргизы-кочевники) началось 5 августа. «5 и 6 августа, — пишет историк М.А. Терентьев, — несколько сильных партий кокандцев спустились с гор и наводнили ближайшие волости Кураминского уезда... Множество мелких партий, в общем, однако, до 10 000 человек, разбрелись по селениям долины р. Ангрена, чтобы поднять полукочевых киргизов, известных под именем Курамы, и прервать почтовые сообщения Ходжента с Ташкентом и Самаркандом»³⁰.

Судя по всему, у руководителей «газавата» имелся продуманный план: расчленив и отрезать Туркестанский край с его ограниченными военными силами от России, нарушив не только почтовое сообщение, но и телеграфную связь. Нападения на почтовые станции были синхронизированы. 6–8 августа произошло несколько налетов на станции. Там были захвачены и зарезаны несколько русских офицеров и военных чиновников, которые, как они уже давно привыкли, путешествовали по почтовым трактам без охраны. К 1875 г. движение по туркестанским дорогам стало настолько безопасным, что родители даже брали с собой детей. 8 августа военный врач Петров ехал со своей шестилетней дочерью в Ходжент; повстанцы убили его на глазах у ребенка³¹.

Днем раньше станционный смотритель, бывший солдат стрелкового батальона Степан Яковлев (из крестьян Псковской губернии) около суток защищал в одиночку свою станцию, укрепленную как маленький форт. Прежде чем погибнуть, он сразил из двух гладкоствольных ружей и винтовки

несколько десятков нападавших. В 1877 г. на месте его гибели была положена памятная плита: «Бессрочно отпускнуой 3-го Туркестанского стрелкового батальона стрелок Степан Яковлев. Убит шайкой кокандцев, защищая Мурза-Рабатскую почтовую станцию 6 августа 1875 года. Доблестному туркестанскому воину на память, пожертвованиями проезжающих. 1877».

Так началась Кокандская война, продлившаяся полгода. Из городов русского Туркестана первым подвергся нападению Ходжент. Гарнизон его был малочислен, а потому оружие было выдано всем гражданским лицам мужского пола; но отбиваться долго им не пришлось — подошло подкрепление. Готовился к осаде и Ташкент, вернее его русская часть. Оружие получили все канцеляристы, все отставники, готовившиеся к отправке по домам, но до Ташкента борцы за веру не дошли.

М.Д. Скобелев не ошибался, когда в Петербурге уверял друзей, что будет командовать кавалерией в походе против кокандцев. Так и случилось: ему были подчинены восемь казачьих сотен, сведенных по две в четыре дивизиона. Отрядом вторжения в составе 16 рот пехоты, 20 орудий, восьми ракетных станков и восьми казачьих сотен командовал сам генерал-губернатор. Сравнительно с 50 или 60 тыс. повстанцев русские силы были весьма малочисленны.

Первую и самую значительную в этой войне победу русские войска одержали 22 августа: стремительным штурмом (с фланговыми обходами) была взята кокандская крепость Махрам. Скобелевские казаки на протяжении десяти верст преследовали бежавших из крепости ее недавних защитников и рубили без пощады, как требовала традиция туркестанских походов. В качестве трофеев было взято 39 орудий, 1500 ружей, склады пороха, свинца, большие запасы продовольствия, 224 лошади. В этом деле с русской стороны погибло шесть человек, в том числе подполковник Уральского казачьего войска, автор многочисленных статей о Туркестанском крае Александр Павлович Хорошихин. Он оторвался от своих казаков и был изрублен неприятелем³². М.Д. Скобелев получил сабельное ранение ноги. Потери

кокандцев точно неизвестны, больше всего — более тысячи человек — погибло от казачьих шашек. «Словом, погром вышел жестокий в возмездие за дерзкое нарушение нашей граицы, за вторжение в наши пределы и беспокойство наших подданных»³³. Так сказапо в официальном отчете.

Традиционно по-марксистски объясняет разгром повстанцев в Махраме советский ученый Н.А. Халфин: «Исход сражения был определен нежеланием кокандских народных масс проливать свою кровь за чуждые им цели восстания, выдвинутые клерикально-феодальной верхушкой»³⁴. Во-первых, крови эти массы пролили изрядно, а во-вторых, если бы цели были им чужды, они не собрались бы в таком количестве и не двинулись бы в русские пределы. Цели были весьма привлекательные: уничтожение захватчиков-иноверцев, восстановление родного ханства в прежних границах, возможность обогатиться за счет тех же «гяуров». Были массовые фанатизм и экзальтированность, стремление к наживе, но не было адекватной организации, выучки, вооружения.

Поражение в Махраме на большую часть кокандцев подействовало отрезвляюще: борцы за веру стали возвращаться в родные кишлаки и города; делегации от торгового сословия с дарами зачастили в ставку командующего экспедиционными силами; срочно вернули захваченных на почтовых станциях русских людей, в том числе несколько женщин с детьми. Среди детей — бывших пленников была и шестилетняя дочь доктора Петрова.

Прибыли гонцы и от кокандского хана Насреддина, сына Худояра, которого возвели на престол Абдуррахман-автобачи и Пулат-хан, т.е. истинные лидеры «газавата». Молодой хан просил извинения и выражал покорность.

После нескольких дней вынужденной стоянки — ждали обоза — войска двинулись к Коканду. Несмотря на выраженную Насреддином покорность, можно было ожидать сопротивления, и тут оказались бесценными разведывательные сведения, собранные Скобелевым. Командующему войсками теперь были досконально известны все детали оборонительных сооружений столицы ханства.

В то время, когда Кауфман двигался со своим отрядом к Коканду, он уже имел принципиальное согласие императора на занятие всего ханства. В дневнике Д.А. Милютинина имеется запись, датированная 18 августа 1875 г. На пути из Петербурга в Москву во время остановки в Клину в царский поезд, где находился и военный министр, поступила телеграмма от К.П. Кауфмана об отражении кокандского вторжения и о необходимости оккупации всего ханства, для чего он просил прислать воинские подкрепления. Милютинин был озадачен: «Дело довольно серьезное, — новое усложнение в нашей азиатской политике, новые против нас крики в Англии!

Государь принял это известие совершенно равнодушно, как последствие, которого он ожидал, и, не колеблясь, разрешил готовить войска для отправления в Туркестанский край. Таким образом, в пять минут, без всяких рассуждений решился вопрос о присоединении к империи новой области — ханства Кокандского»³⁵.

Между тем от Милютинина поступило сообщение, что дополнительные части смогут прибыть только в новом, 1876 году. Предстояло обойтись своими силами. К счастью, сам город Коканд не оказал сопротивления. Выяснилось, что власть хана не распространяется дальше городских стен, за которыми повстанцы, хоть и в меньшем числе, не собирались складывать оружие.

И снова ключевой фигурой экспедиции становится полковник Скобелев. Он гоняется за вдохновителем «газавата» Абдуррахманом, занимает без боя город Ош, налагает на его жителей контрибуцию: 6600 снопов клевера, 4700 лепешек, 60 батманов ячменя, три быка, 114 лошадей. Все это он получает. Но зачинщик мятежа уходит от погони. Восстание как будто затухает, и Кауфман считает возможным заключить с ханом Насреддином мирный договор: северная часть ханства по правому берегу р. Нарын с центром в Намангане отходит к России под названием Наманганского отдела; кокандский правитель ставится в зависимое положение от генерал-губернатора подобно владетелям Бухары и Хивы. Начальником Наманганского отдела назначен произведен-

ный в начале октября 1875 г. в звание генерал-майора и включенный в свиту его величества Михаил Дмитриевич Скобелев.

Не успели русские войска уйти за Сырдарью, как мятеж вспыхнул вновь. Основной силой движения были не оседлые узбеки и таджики, а полукочевые кипчаки, племя, родственное давно исчезнувшему половцам. Вожаки остались прежние.

В последние месяцы 1875 г. Скобелеву пришлось метаться из конца в конец Кокандского ханства, где один за другим вспыхивали мятежи; без него не обходилась практически ни одна карательная экспедиция, что позволило историку М.А. Терентьеву назвать его «неизбежный Скобелев». Он участвовал в «наказании» Андижана, Намангана, громил ночью большой лагерь спящих кипчаков. Скобелев и его казаки жалости не ведали, кипчаки, со своей стороны, своим изуверством по отношению к русским пленным возбуждали ответную жестокость казаков. Кауфман был настолько доволен деятельностью своего «выдвиженца», что прислал ему в подарок породистого жеребца. Скобелев отвечал благодарственным письмом: «Пока я буду настолько счастлив, что Вы будете высказывать мне, Вашему ученику, то, что думаете, я буду силен духом и буду надеяться оправдать Ваше высокое ко мне доверие»³⁶.

После вторичного занятия Андижана и разгрома мятежных кипчаков их вожак Абдурахман-автобачи сдался Скобелеву, который гарантировал неприкосновенность ему и его семье. Находившийся в начале 1876 г. в Петербурге К.П. Кауфман откликнулся на это событие телеграммой: «По докладу государю Императору дела Ассакке и сдаче афтобачи Его Величество изволил остаться очень доволен. Передайте большое спасибо генералу Скобелеву и славному отряду... Абдурахмана-афтобачи с семейством и с движимым имуществом отправить, когда возможно, Ташкента Россию, где по воле государя будет жить спокойно»³⁷.

Кокандская война приближалась к завершению. Русской администрации Туркестана было ясно, что не только Насреддин-хан, который прятался за русские штыки, но и любой

другой член ханской фамилии не сможет удержать в подчинении своих склонных к мятежу кочевых и полукочевых подданных. Прежде чем приехать в Петербург, Кауфман направил военному министру с курьером «Записку о средствах и действиях против Коканда в 1876 г.», в которой высказывался вполне определенно: «Настоящее ненормальное хаотическое состояние в Кокандском ханстве, несомненно, отражается на всем экономическом быте и строе русского Туркестана... Непрекращение с нашей стороны такого состояния в Кокандском ханстве, подрывая наш престиж в Средней Азии, дискредитирует веру всего здешнего населения в нашу силу»³⁸. Предложение ликвидировать Кокандское ханство как независимое государство было принято царем очень быстро (он давно на это решился), о чем Кауфман известил замещавшего его в должности генерал-губернатора генерала Г.А. Колпаковского. Занять ханство и установить в нем российскую власть было приказано Колпаковскому и Скобелеву. Телеграмма заканчивается так: «Бывшее Кокандское ханство переименовать в Ферганскую область. Начальником области — Скобелев. Насредина пока Ташкент. Кауфман»³⁹.

Далее произошла история, подобная той, что случилась в конце Хивинского похода 1873 г. Колпаковский телеграфирует Скобелеву о высочайшем решении 4 февраля и приказывает ему подойти со своим отрядом к Коканду не ранее 19 февраля, т.е. хочет приурочить взятие столицы ханства ко дню восшествия на престол Александра II. Иными словами, Колпаковский предлагает порывистому человеку, человеку вечного движения неторопливый триумфальный марш по в сущности замиренному (железом и кровью) ханству, с тем чтобы подойти к Коканду одновременно и одновременно же войти в город с двух сторон, а потом поделить лавры. Для любого военачальника это был бы беспроигрышный шанс возвыситься в чине и получить орден высокой степени. Но только не для Скобелева. Если бы он поступил, как предписывал Колпаковский, он не был бы Скобелевым. Неизвестно, кстати, получил ли он телеграмму Колпаковского вовремя.

Скобелев знал нравы российских генералов, считавших, что в Туркестане победы достаются легко, а потому не следует осторожничать и можно пренебречь правилом взаимодействия частей и подразделений. У него не было оснований верить, что Колпаковский войдет в Коканд точно 19 февраля, а не раньше (был опыт Хивы). Кроме того, начальником новообразованной области был назначен именно он — значит, ему и карты в руки.

Как всегда, Михаил Дмитриевич был хорошо информирован: верные люди сразу же оповестили его, что император дал «добро» (в одной из дружеских телеграмм была даже фраза: «Миша, не зевай!»); наконец, Кауфман направил ему телеграмму одновременно с той, что пошла в Ташкент Колпаковскому. Оттого Скобелев с небольшими силами постарался в самом начале февраля оказаться недалеко от Коканда — в Намангане. Получив телеграмму из Петербурга, он во весь дух помчался к Коканду. Его конный отряд (две казачьи сотни, две с половиной роты конных стрелков, два орудия и два ракетных станка) прошел за сутки 80 верст и в 11 часов утра 7 февраля находился рядом с Кокандом.

9 февраля Колпаковский получил в Ташкенте от Скобелева депешу: «Имел честь почтительно доносить Вашему превосходительству пятого февраля образованию двух отрядов, согласно воле генерала Кауфмана, и движению Коканду. Депешу Вашу четвертого февраля получил седьмого, к сожалению шестнадцати верстах Коканда, когда узнал, что хан выезжает ко мне навстречу. Свидание произошло в кишлаке Акмулла. Бывший хан, пораженный нашим неожиданным появлением, повиновался объявленной ему воле Государя. Вчера доставил Коканда 29 орудий, остальные во власти войск в Коканде.

При движении отряда жителям кишлаков объявлялось о принятии в подданство Великого государя. Принимали объявление с восторгом...

Окончательное умиротворение ханства произойдет лишь тогда, когда Ваше превосходительство, высший представитель русской власти в Средней Азии, прибудет в Коканд.

Прибытия Вашего жду с нетерпением, дабы получить указания для введения прочного порядка в Ферганской области...»⁴⁰

Слова «Окончательное умиротворение...» и «Прибытия Вашего жду» свидетельствуют, что Скобелев-дипломат хотел подсластить горькую пилюлю для Колпаковского, потерявшего свою долю триумфа, и приглашал его к шапочному разбору, чтобы хоть как-то вознаградить за потерю. Сделать однозначный вывод, будто Скобелев ослушался своего прямого начальника, скрыв получение от него распоряжения, нет достаточных оснований, хотя это было в его стиле — он все еще был авантюристом.

Существует другая, весьма правдоподобная версия, рассказанная некими участниками событий. Скобелев гнал своего коня что было силы, и мало кто мог за ним поспеть — он был великолепным наездником. В Коканд вместе с ним прискакали всего сотня казаков, полурота конных стрелков и два ракетных станка — силы совсем малые, учитывая, что в городе находились враждебные русским тысячи вооруженных кипчаков и киргизов. Поэтому на вопрос ханских посланцев: чем они обязаны столь неожиданному появлению начальника Наманганского отдела, генерал ответил, что запросто, по-соседски, заехал в гости к хану. Никаких кокандских пушек он не брал, и свой отряд из-за его немногочисленности в город ввести не решился. На другой день, 8 февраля, он получил известие, что основные его силы с артиллерией находятся в 22 верстах от Коканда. Тогда он отправился к хану, и тот устроил ему прием с традиционным сладким угощением. Хан вел со Скобелевым светскую беседу в лучших традициях восточного политеса, и во время этого обмена любезностями ординарцы постоянно приносили своему генералу записочки, которые тот читал и прятал в карман. Это были донесения о расстояниях, оставшихся пройти пехоте и артиллерии. Заинтригованный хозяин не выдержал и, нарушив этикет, поинтересовался, какие сведения сообщают «дорогому гостю» его порученцы? Скобелев отвечал, что ждет прибытия обоза с подарками для хана, и об этом его уведомляют гонцы.

Когда же «подарки» прибыли, т.е. когда пехота и артиллерия подошли к городским воротам, Скобелев встал и громовым голосом объявил о ликвидации Кокандского ханства. Услышав перевод, хан зарыдал. В это время русские стрелки уже рассыпались по всему городу, заняв командные позиции на крепостных стенах. Вот тогда-то были взяты под контроль 62 орудия и большие запасы пороха⁴¹. А.Н. Маслов тоже пишет, что Скобелев «прибегнул к хитрости»⁴².

Колпаковский рвал и метал, но все же не побрезговал собрать крохи со стола триумфатора: 15 февраля, т.е. через неделю после занятия Коканда войсками Скобелева, он прибыл в город и официально объявил волю императора Всероссийского. Торговый люд и земледельцы искренне приветствовали такое завершение многолетней смуты. И Колпаковский получил возможность связать свое имя с историческим событием: в «Военной энциклопедии» 1913 г. имеется фраза: «В 1876 г. Колпаковский содействовал со своей стороны экспедиции в Коканд, который и был присоединен к Империи»⁴³. Все-таки причастен!

Хивинская история повторилась. Скобелев «утащил» Коканд из-под носа не у одного Колпаковского; многие ташкентские воители, в том числе титулованные, «светлости», как называл их Скобелев, пылали благородным гневом, даже высказывали мнение, что подобное преступление должно караться смертью. (Никак иначе! Ведь он лишил их наград, которые можно было получить с легкостью необыкновенной). Кауфман защитил молодого генерала очень решительно: «Скобелев одновременно с Вами, — писал он Колпаковскому, — получил мою телеграмму и, как знакомый с положением дел в крае, тотчас же поторопился исполнить план сосредоточения войск под Кокандом, предполагая, вероятно, что и Вы не станете терять времени. Я был прав, посылая телеграмму в Ташкент и к Скобелеву: этим я обеспечивал успех дела. Если бы Вы, придя десятью днями позже, встретили сопротивление в Коканде, всем пришлось бы вести осаду, терять людей и проч., и Бог знает, чем бы это кончилось, а Скобелев понял в чем дело, занял Коканд без потери одного

человека и сделал хорошо. Ясно, что Вы опоздали, а не он упредил Вас»⁴⁴.

Непонятливым было дано разъяснение, что игра велась честно, шансы были равны и им следует пенять только на себя. Отныне в лице умудренного огромным военным и административным опытом генерал-губернатора Михаил Дмитриевич приобрел верного сторонника и заступника. За кокандские, андижанские, намаганские и другие дела 1875–1876 гг. М.Д. Скобелев был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», знаками орденов Св.Георгия 3-й степени и Св.Владимира 3-й степени с мечами. Желая показать свое особое расположение. Константин Петрович Кауфман обменялся с ним Георгиевскими крестами — был такой неофициальный ритуал.

Чуть больше года свиты его величества генерал-майор М.Д. Скобелев занимал пост военного губернатора Ферганской области, расположенной на территории самой плодородной и густонаселенной долины Средней Азии. За это время ему пришлось стать гражданским администратором, одновременно оставаясь военачальником. Предстояло завершить подчинение кочевых киргизских племен в восточной части бывшего ханства, которых кокандские правители считали своими данниками. Дело было не только в том, чтобы привести к покорности несколько десятков тысяч кочевников, но и установить удобную и выгодную («научную», по выражению Б.Дизраэли) границу с китайскими владениями, т.е. с Восточным Туркестаном.

Скобелев начал готовить новую «военно-научно-дипломатическую» экспедицию в Алайскую долину и на Памир, приурочив ее к июлю–августу, когда все киргизы-кочевники собирались на горных пастбищах. Крупных сражений в горных районах не предполагалось, поэтому экспедиция должна была оказать психологическое воздействие — продемонстрировать местному населению возможность русских солдат проникнуть в любой самый труднодоступный район горной страны. Экспедиционные силы были значительны: восемь рот, четыре казачьи сотни, три горных орудия, ракетная батарея. Поскольку путь

предстоял через неизученные районы, в состав экспедиции были включены люди науки: В.Ф. Ошанин — «для сбора естественно-исторических коллекций», А.Р. Бонсдорф и Михельсон — «для астрономических и барометрических наблюдений», а также военный географ Л.Ф. Костенко, которому поручалось собирать статистические и географические сведения.

Выступили 15 июля, двигались тремя колоннами, одну из них возглавлял губернатор Ферганской области. Шли высоко в горах, где температура падала до минусовой, на себе тащили вьюки, вытягивали на крутых подъемах орудия и тем не менее не переставали восхищаться красотой гор и альпийских лугов. Для будущего покорителя Балкан то была замечательная репетиция, научившая его проводить войска по горным тропам. Другой важный опыт — самостоятельная подготовка снабжения экспедиции провиантом, боеприпасами, фуражом, вьючными животными.

Будучи человеком образованным, Скобелев разобрался в этническом и клановом составе населения, в связях, симпатиях и антипатиях местных племен. То обстоятельство, что он отнесся к горскому населению со вниманием, без высокомерия, помогло ему достичь целей экспедиции мирным путем, путем переговоров. Киргизские племена согласились признать власть России. Ученые, входившие в состав экспедиции, собрали прекрасные коллекции минералов, растений, провели важные наблюдения. Была размечена восточная граница Туркестанского края.

Очень странным казалось многим в Ташкенте, да и не только в Ташкенте, назначение сугубо военного человека на должность почетную, но и весьма непростую, требовавшую немалого административного опыта. В Петербурге и Ташкенте имелось немало претендентов на этот пост, оттого число скобелевских недоброжелателей возросло. С большим подозрением к нему относились чины канцелярии генерал-губернатора и прежде всего ее правитель генерал А.И. Гомзин, откровенно заявивший Кауфману о своих сомнениях: «Не рискованно ли было назначать на ответственный пост слишком ретивого кавалериста?». Начальник края беззабот-

но ответил: «Сделаем опыт, авось этот кавалерист нас не осрамит». К этому времени он уже понял «кавалериста».

Губернаторство М.Д. Скобелева началось с того же, с чего начал девять лет назад Кауфман, — с введения военно-народного управления. Уже в мае 1876 г. область была разделена на уезды, из среды строевых офицеров назначены уездные начальники, начались выборы должностных лиц из числа местных уважаемых людей. Письма Кауфману полны заботами о порядке управления, сборе налогов, санитарном обустройстве городов и сел, многочисленными мелкими хозяйственными делами. Чувствуется, что роль просвещенного правителя, непохожего на прежних — Худояра или Насреддина, — его захватила. «Из наиболее выдающихся вопросов, требующих разрешения, — писал он в Ташкент, — является необходимость дать начальникам уездов положительные указания: предоставлять ли серкерам* взysкивать херадж** каждому в своем районе или поручить сбор подати волостным, состоящим на сравнительно значительном государственном содержании.

Я еще не высказываюсь ни в том, ни в другом смысле; казалось бы, а ргіогі, желательным возложить сбор на волостных, отстранив от него и серкеров, и мирз, и вообще, по возможности, все элементы, заинтересованные в составлении хераджных списков, где так трудно избежать злоупотреблений.

Весьма трудно с успехом уследить за этим делом; ханское правительство как бы намеренно воспитывало и своих агентов и народ во лжи»^{44а}. То была проблема, общая для всех европейских колонизаторов, практиковавших в своих колониях косвенное управление.

Губернатор попытался максимально приблизить свою администрацию к народу. Возле своего небольшого дома в Коканде (в ханский дворец он не стал въезжать), а также на базаре он вывесил объявления о часах приема посетителей и довольно аккуратно следовал расписанию.

---

* Серкер — сборщик податей.

** Херадж (точнее — харадж) — натуральный налог.

Сделана была попытка исправить местные нравы. Новый «хан» отменил традиционные подношения властям предрержащим. Такое подношение называлось «достархан», в переводе с узбекского — «скатерть»; при въезде в город «большого начальника» ему подносили на скатерти разные местные яства: баранину с шафраном и без шафрана, кур, приготовленных тем же способом, шурпу, дыни, фисташки, изюм и т.п. Такой «достархан» был недорог, и, естественно, не против угощения возражал Скобелев: он возмутился, когда в Андигане ему поднесли меха, ковры, дорогие ремесленные изделия. Губернатор приказал продать «несъедобный достархан» с аукциона и на вырученные 3 тысячи рублей купил землю, провел на участок воду и построил кишлак (назван именем Кауфмана), в котором поселил несколько семей, наиболее пострадавших в ходе обстрела Андигана скобелевской артиллерией в 1875 г. Искоренить «достархан» ему, конечно, не удалось, тогда он стал расплачиваться за угощения.

Губернатор был сторонник жестокого подавления вооруженных выступлений против русской власти; вместе с тем он требовал от своих подчиненных самого внимательного отношения к мирным жителям. Вот образцы его распоряжений о порядке управления: «Областная администрация обязана весьма чутко следить за всякими попытками взбунтовать кипчакское население, — это народ честный, воинственный, способный наделать нам в будущем много хлопот. С ним необходимо обращаться твердо, но с сердцем... Кипчаков, как всякий воинственный народ, можно привлечь к себе честным управлением и вниманием к ним в обширном смысле этого слова...»⁴⁵

Или еще: «По доставленным мне сведениям... при езде по улицам казаки бьют жителей нагайками, сбивают с голов продавцов корзины с лепешками и фруктами, пьянствуют и после зари производят в помещениях своих шум...

Командира предписываю арестовать на гауптвахте на пять суток. Предваряю его, что если замеченные мною беспорядки не будут немедленно исправлены, то он будет отрешен от командования частью.

Людам сотни стыдно вести себя так, как они вели себя до сих пор. Кто может забыть, что лежачего не бьют, что честный солдат должен быть грозен только перед неприятелем на войне, а не стоя на квартирах в мирном городе; тот, я в том твердо уверен, вряд ли молодецки выполнит долг свой в бою пред Государем и Отечеством, когда к тому представится случай»⁴⁶.

«Милость к падшим» будет его лозунгом и жестким требованием на всю оставшуюся жизнь (жить ему оставалось менее шести лет).

Теперь у него были свои войска, постоянно дислоцированные в области. Несмотря на молодость (32 года), он был уже генералом и потому обязан был быть «отцом солдатам». Его войска, конечно, были его первой заботой. Строились новые казармы, госпиталь, чайные, столовые. В Коканде солдат селили в домах, принадлежавших бывшим ханам. Солдатам, имевшим семьи, Скобелев выхлопотал разрешение привезти тех в Фергану, из областной казны солдаты получали деньги на строительство домов, обзаведение. Русские должны были здесь прочно укорениться. Одно время он сам, видимо, думал осесть в Ферганской области и служить здесь долго. С Марией Николаевной они поссорились в Нижнем, но он был готов забыть ссору и просил А.В. Адлерберга быть посредником-примирителем: «Совершенно был бы счастлив и еще более уверен в себе, если бы моя жена приехала ко мне, на зиму, немедленно. Теперь в октябре месяце лучшее время для приезда из России в здешний край... Уже в Оренбурге Мария Николаевна встретила бы от меня посланных людей и все удобства ей возможно спокойного переезда к месту назначения. Не откажи, добрый дядя, сказать все это тете Кате, которая питает большую симпатию к моей жене; откажи ей также добавить, что я никого насиловать не хочу и не буду — сумею обойтись и один и, что, конечно, пока я имею счастье носить мундир, служба, и по возможности боевая служба, будет всегда безусловно руководить моими действиями. Из этого можно, казалось бы, сделать одно правильное заключение: быть или не быть для меня семейному счастью — не в моих руках.

Жить моей жизнью, сознаюсь, для женщины не лестно, но я честно предупредил, что так будет, и до свадьбы, а теперь, конечно, не изменюсь. Особенно важно для Марии Николаевны долго не колебаться, если не выехать из России в октябре с расчетом быть в Ташкенте к концу ноября, то и думать нечего до будущей весны ехать в Туркестанский край»⁴⁷.

Неизвестно, колебалась или не колебалась Мария Николаевна, но что в Туркестан она не приехала — это известно. В 1877 г., в самый разгар боев в Болгарии, она прислала Михаилу Дмитриевичу в действующую армию требование о разводе, на который он согласился, взяв вину на себя, тем самым лишив себя права (затруднив, по крайней мере) вступления в повторный брак.

Свой семейный дом не получился, тем острее он воспринимал одиночество других, таких же как он, молодых офицеров. Он пытается помочь им хотя бы материально, о чем просит К.П. Кауфмана: «Вашему высокопревосходительству в особенности вполне понятно, как тяжела для двух молодых офицеров жизнь в зимнее время а таком отдаленном пункте, как Гульга, в недоконченных сырых помещениях, в такой обстановке, что даже поездка в Ош представляется воображению чем-то недостижимым, особенно желанным»⁴⁸.

Молодые люди в золотых погонах терпели жару и холод, рисковали жизнью и здоровьем, чтобы расширить границы империи, умножить число ее подданных, но сами в новозавоеванных землях и среди новых подданных оказывались в положении Робинзона Крузо.

За год губернаторства Скобелев сделал не так уж мало. Достаточно сказать, что при нем было начато строительство телеграфной линии от Ходжента до Коканда. На расстоянии в 120 верст были поставлены столбы без проволоки всего за 7 тысяч рублей, а всего на линию предполагалось затратить 21 тысячу. Ферганский губернатор умел экономить казенные деньги. Важным делом был выбор места для нового русского города. Вскоре после оккупации Коканда выяснилось, что город стоит в нездоровой местности с плохой водой. В войсках стали частыми случаи заболевания зобом,

что заставило областную администрацию озаботиться переносом областного центра на другое место. Строительство русского города Новый Маргелан началось уже по отъезде Скобелева из Туркестана, но в память о нем этот город в 1910 г. был назван «Скобелев».

Губернаторский день начинался в семь утра. Напившись очень крепкого чая, Скобелев принимал доклады председателя областного управления, начальника штаба и других должностных лиц. Доклады иногда прерывал, садился на коня и, проскакав возле дома четверть часа, возвращался и опять садился за работу. Трудился весь день. Объезжал гарнизон, распекал нерадивых, воевал с интендантами, потом делал записи на память.

Его постоянной заботой была разносторонняя подготовка войск, так как небольшие русские гарнизоны находились во враждебном окружении воинственных племен. Он сам писал приказы, касавшиеся обучения солдат, в том числе такие: «Прошу в особенности хлопотать, чтобы люди в ответах не были деревянными и чтобы задолбленных ответов не было. Пусть лучше скажет бессвязно, да свое, да чтобы видно было понимание, чем будет хорошие слова болтать как попугай...

Всех офицеров прошу побольше читать, что до нашего дела относится»⁴⁹.

Сам он читал очень много по ночам, когда спали все, кроме часовых. В эти часы он забывал о недобросовестных интендантах и подрядчиках, о строительстве бань и нужников и размышлял о делах глобальных. В ночные часы создавалась «Записка о походе в Индию», которую он завершил в конце 1876 г.

Только что завоеванная Средняя Азия требовала новых и новых затрат, давая взамен очень мало. Хозяйственное освоение края лишь начиналось, причем многие начинания очень скоро оказывались либо неудачными, либо убыточными. Расходы на содержание войск и администрации, на создание инфраструктуры, как говорят ныне, каждый год заметно превышали доходы. Поэтому Скобелев, да и не только он, не мог верно оценить экономический потенциал края и

рассматривал его только как стратегический плацдарм для решения геополитических проблем, самой важной из которых считался так называемый восточный вопрос. В одном из своих писем он писал: «Знакомство с краем и его средствами приводит к заключению, что присутствие наше здесь, во имя русских интересов, может быть лишь оправдано стремлением способствовать отсюда разрешению в нашу пользу восточного вопроса; иначе овчинка не стоит выделки, и затраты на Туркестан будут непроизводительны»⁵⁰. Исходя из такого заключения, он составлял свою записку на имя К.П. Кауфмана.

В записке приведены разнообразные цифры и факты, что свидетельствует о проделанной автором большой подготовительной исследовательской работе. Он пишет: «Общий годовой оборот Англии с Востоком доходит до громадной цифры 942 967 000 рублей серебром. Вот ключ к разгадке восточного вопроса»⁵¹. Восток для Англии очень важен, а потому удар давнему сопернику, даже врагу, стоит нанести на Востоке, точнее в Индии, к границам которой приблизились азиатские владения России. «Надо помнить только, что при удаче предприятия мы можем разрушить Британскую империю в Индии, последствия чего в самой Англии заранее исчислить трудно»⁵². Автор допускает даже, что на Британских островах может вспыхнуть социальная революция. Это предположение он относит к разряду весьма гадательных, в другое верит больше: считалось (таково было распространенное мнение в русской публицистике 60–80-х годов прошлого века), что стоит российским войскам войти в Индию, как тут же массы индийцев поднимутся на восстание против англичан, т.е. повторится мятеж сипаев 1857 г. Это было большим заблуждением, поскольку Россию в Индии знали мало, да и чем, с точки зрения индусов, русские колонизаторы могли быть лучше английских?

Скобелев допускал, что антианглийское выступление может не случиться, допускал также неуспех русского вторжения: «Одним словом, падение британского могущества в Индии будет началом падения Англии. При неполном успе-

хе со стороны нашей, т.е. когда в Индии не произойдет восстания и мы не в состоянии будем вторгнуться в ее пределы, мы прикуем всю индийскую армию к Индостану и лишим ее возможности выделить какую-либо часть ее в Европу, даже заставим часть войск из Европы перевести в Индию. Одним словом, можем в значительной степени парализовать сухопутные силы Англии для войны в Европе или же для создания нового театра войны от Персидского залива на Тавриз, к Тифлису...»⁵³

Предусматривался и наихудший вариант — полное поражение русских войск: «При необходимости заключить несчастный мир России предстоит, быть может, откупиться ценою Туркестана, поднявшегося в цене.

Не может быть сравнения между тем, чем мы рискуем, решаясь демонстрировать против англичан в Индии, и теми мировыми последствиями, которые будут достоянием в случае успеха нашей демонстрации...»⁵⁴

В записке приводятся план кампании, ее этапы, расчеты необходимых сил и средств, — все это очень подробно. Работу, которая обычно бывает по плечу группе штабных офицеров, выполнил один человек, да и то сидевший не на берегах Невы, а в азиатской глуши, даже без телеграфа.

План Скобелева был реализован частично в 1878 г. К.П. Кауфманом, но только именно как демонстрация и только к границам Афганистана.

После ахалтекинской экспедиции 1880–1881 г. Скобелев понял нереалистичность идеи похода в Индию. «Я не желал бы командовать такой экспедицией, — говорил он британскому корреспонденту Марвину в 1882 г., — трудности были бы огромны. Чтобы победить Ахал-Теке, нужно было 5000 человек и 20 000 верблюдов. Чтобы получить этот транспорт, мы должны были послать за верблюдами в Оренбург, Хиву, Бухару и Мангышлак. Чтобы занять Индию, мы должны были бы иметь 150 000 человек, 60 000 человек — чтобы войти в Индию, 90 000 — чтобы охранять сообщения. Если для 5000 человек потребовалось 20 000 верблюдов, то сколько нужно было для 150 000. Где бы мы достали перевозочные средства, так как Афганистан

страна бедная, и нам пришлось бы воевать с афганцами, как и вам»⁵⁵.

Этим, очевидно, дискуссию о русской угрозе Индии следовало закрыть.

В 1876 г., однако, Скобелев не только разрабатывал план наступления на Индию, но, видимо, собирался в нем активно участвовать. Он даже распределил роли: командовать экспедицией будет К.П. Кауфман, а начальником штаба будет М.Д. Скобелев, о чем он просил генерал-губернатора. Константин Петрович ответил, что «будет рад такому начальнику штаба, если ген. Троицкий, находящийся в Петербурге, не возвратится к своей должности»⁵⁶.

Приближение большой европейской войны поменяло его намерения. Он охладел к своим губернаторским обязанностям, и мысль его устремилась к Балканам, где уже гремели пушки. Да тут еще отец Дмитрий Иванович, дразнивший издалека: «Вот мы сидели сложа руки, пока вы воевали в Коканде, а теперь нам удастся попасть на войну... а вам нет»⁵⁷. Перенести такое Скобелев-младший не мог и начал хлопотать по привычным каналам. Кауфман его хорошо понимал. Он писал Троицкому в Петербург: «Михаил Дмитриевич трудится и вникает во все, но любит он только военное дело. Он весь проникнут мыслью полететь в армию, которая, по-видимому, на берегах Дуная. Если война будет в Европе, его нельзя будет удерживать»⁵⁸.

Он пишет в Петербург по самым разным адресам. Перед военным министром Д.А. Милютиным (который к молодому генералу относился настороженно) хлопочет и сам Константин Петрович, убеждая воспользоваться этим талантом. В ответ шифровка: «Государь не соблаговолил на перевод Скобелева». Однако он, Скобелев-второй, — ученик паука, а потому не позволяет себе отчаяться и отступить. Он просит, объясняет, уговаривает: «Если я сознаю в честолюбии, то оно такого рода, что может найти себе удовлетворение лишь в буре военной. Такой службе я предан всецело, без мелких расчетов — скажу без расчета и нахожу, что, казалось бы, при приобретенном мною боевом опыте, здоровье, главное, готовности, без всякого себялю-

бивого расчета, жертвовать всем для славы наших знамен, я полагаю, что созрел... чтобы с наибольшей пользой служить в военное время»⁵⁹.

Эти сбивчивые слова адресованы А.В. Адлербергу, человеку, хорошо его знавшему; поэтому Скобелеву не было нужды перед ним рисоваться. Он просит всего лишь позволить участвовать в войне и вовсе не претендует на какую-либо высокую должность. Он очень волнуется.

Вода камень точит. Из Петербурга поступило долгожданное распоряжение: «Генералу Скобелеву высочайше повелено немедленно прибыть в Петербург для направления в действующую армию». Свершилось!

Он плакал. Потому, что добился своего. От Кауфмана он получил прекрасный прощальный приказ: в нем командующий округом вспоминал «ряд блестящих военных подвигов», отмечал «энергичное и точное исполнение указанного ему плана военных действий в 1875–1876 гг. и быстрые и полные успехи в гражданском устройстве покоренного края». Генерал-губернатор и губернатор Ферганы очень тепло простились в Ташкенте. Больше они никогда не встретятся.

Закончился «третий Туркестан» свиты его величества генерал-майора, кавалера ордена Св.Георгия 4-й и 3-й степени Михаила Дмитриевича Скобелева. Он сдержал слово: из Туркестана он возвращался в генеральском чине и при многих наградах.

С дороги, очень долгой и тяжелой, Скобелев написал Кауфману искреннее письмо: «Только что с большим трудом мне удалось добраться до Казалинска, но и то бросив на пути часть вещей, которые следуют сзади на верблюдах и, надеюсь, к утру будут в форте; впрочем, кто знает... Если бы Данте, до создания своего бессмертного труда, был знаком с дорогой по Дарье в конце февраля 77 года, то описание ужасов ада много бы выиграло...

Позвольте, Ваше высокопревосходительство, еще и еще выразить Вам мою глубокую сердечную признательность за все Вами для меня сделанное... Я должен никогда не забывать, каким человеком я прибыл во вверенный Вам край в

1869 г. и каким человеком я теперь еду от Вас в действующую армию. Я в полном смысле Ваше создание, сознаю это, всегда буду сознавать и горжусь этим».

Письмо длинное, с рассуждениями об отношениях с Англией и вероятном с ней военном столкновении. Под конец, как недавний губернатор, он просит за одного из своих офицеров: «Этот офицер более всех прочих одарен задатками отличного кавалерийского начальника. Как специалиста я ставлю его очень высоко. Это человек с большим самолюбием, а потому требует внимания...»⁶⁰ Он уже далеко, на пути к новой славе, но еще не оторвался от своих.

Он еще мучался на почтовом тракте Ташкент-Оренбург, а компрометирующие его материалы уже долетели до столицы и были доложены впечатлительному царю.

В Зимнем дворце Скобелев был встречен нелюбезно. Государь не подал ему руки, был сердит: «Благодарю тебя за молодецкую службу, к сожалению, не могу сказать того же об остальном... Я помню, я знал твоего деда, и я краснею за его славное имя». И никаких объяснений. Состояние Скобелева после этой встречи находившийся в то время (начало марта 1877 г.) в Петербурге генерал Троцкий характеризует так: «Находится в каком-то чаду». «Военный министр, — пишет Троцкий в Ташкент, — принял его очень сухо и, не объясняя ему и не указывая, в чем, собственно, он, Скобелев, провинился, говорил о беспорядках у нас в крае, об открытых злоупотреблениях»⁶¹. Если так вел себя умный Дмитрий Алексеевич Милютин, значит интрига была замешана круто. Казалось, дурная традиция завершать очередной «Туркестан» скандалом была преодолена, но традиции оттого и традиции, что имеют силу инерции.

Скобелев и Троцкий постепенно сумели выяснить пункты обвинения и установить авторов навета. «Обвинительные против Скобелева пункты, — из того же письма Троцкого, — распушенность войск, панибратство с офицерами, демократизация, умышленное непривлечение к себе помощников с громкими именами... Военный министр пополнил свои обвинения, что на государя произвели впечатление письма о Скобелеве из Коканда, что он фамильярничает с

офицерами, в штабе его слишком свободно критикуют правительство и что, наконец, Скобелев будто бы мечтал устроить поход на Кашгар»⁶². Самым же серьезным и постыдным было обвинение в финансовых злоупотреблениях. Человека, экономившего казенные средства, последний пункт должен был привести в потрясение. Скобелев вынужден был ходить по министерским кабинетам, оправдываться, предъявлять документы.

Теперь об авторах навета. Самое последнее из обвинений сочинили те самые казнокрады, с которыми ферганский губернатор боролся в Коканде. Они избрали проверенный способ — вор кричит: «Держи вора!» Легко удалось вычислить и других клеветников, хотя бы по одному из пунктов обвинения — «непривлечение к себе помощников с громкими именами». Офицеров с негромкими именами, которых было большинство, такая, якобы принципиальная, позиция Скобелева заботить не могла. Значит, возмущались «светлости» — эти были наперечет. У Скобелева, имевшего в друзьях и свойственниках многих титулованных особ, не могло быть против них предубеждения, просто князя Витгенштейн и Долгоруков не обладали профессиональными воинскими качествами, оттого губернатор не давал им хода. Эти ябедники получили возможность показать, на что они способны в 1879 г., во время первого штурма Геок-тепе, и провалили дело, погубив несколько сот своих подчиненных. Скобелев же знал об их непригодности еще раньше.

Все же остальные обвинения были справедливы. 32-летний генерал был человеком интеллигентным, европейски воспитанным и демократом по убеждениям. Став генералом и губернатором, он не изменился. Своих сослуживцев, независимо от звания, он считал товарищами, как и они его (обращение «товарищи», кстати, вошло в обиход в военной среде где-то в начале XIX в., в дни Отечественной войны). За его столом сидели и совсем юные прапорщики, и седые ветераны. Он просил называть его по имени-отчеству и не козырять по случаю и без. В туркестанских условиях, где войск было мало, где природа зачастую была страшнее неприятеля

ля, где солдату часто приходилось действовать самостоятельно, жесткая дисциплина, предполагающая бездумное выполнение приказаний, была непригодна. Генералу Скобелеву, человеку творческому, нужны были похожие на него соратники. Такими он хотел видеть не только офицеров, но и солдат. Его офицеры учили солдат грамоте, расширяли их кругозор, и солдаты были преданы своим командирам, Михаилу Дмитриевичу в первую голову.

За Скобелева, за свое «создание», заступился из далекого Ташкента Константин Петрович, и это возымело действие: в одну из встреч государь уже разговаривал с ним благосклоннее.

Далее была очень кровавая, с огромными потерями русско-турецкая война 1877–1878 гг., в ходе которой Михаил Дмитриевич Скобелев доказал свое право называться полководцем.

Как уже стало для него привычным, командование армии вторжения, все те же «светлости», отнеслись к нему настороженно и высокомерно. Его называли победителем «халатников», которому еще предстоит заслужить свои Георгиевские кресты, будто сами они победили Наполеона или хотя бы Мольтке. В начале кампании он не имел определенной должности и при переправе через Дунай добровольно стал ординарцем начальника 14-й пехотной дивизии, видного военного теоретика генерал-майора М.И. Драгомирова. Случай уникальный: один генерал-майор состоит при другом генерал-майоре порученцем. Однако это обстоятельство Скобелева не смущало — ему необходимо было участвовать в военных действиях. Этот поступок явно не соответствовал созданному его недоброжелателями образу карьериста, который ради карьеры «лбом пробьет стену».

За месяцы кровопролитной турецкой кампании офицеры и генералы, воевавшие рядом со Скобелевым, поняли его страстную, талантливую натуру. «Скобелев был поэтом войны, — пишет П.А. Дукмасов, сам отчаянно храбрый офицер, — и умел самый кровавый эпизод боя — атаку, штурм — облечь в красивую, поэтическую форму (распущенные знамена, музыка, барабанный бой), что действует так возбуж-

дающе на нервы сражающихся, так сильно на воображение массы»⁶³. Своим боевым поведением этот «поэт войны» подтверждал наблюдение Пушкина: «Есть упоение в бою и мрачной бездны на краю». Близко знавший Скобелева американский журналист Макгахан не раз видел его на передовой: «Это было олицетворение воинского иступления. Одетый в мундир, обрызганный кровью и грязью, со сломанной шашкой в руке и согнутым Георгиевским крестом, с лицом, почерневшим от дыма и пороха, глазами блуждающими и налитыми кровью, высохшими губами и хриплым голосом, — Скобелев отдавал приказания среди трупов и раненых... Вечером я видел его в палатке; он был спокоен, лицо его было свежо и без малейших признаков утомления»⁶⁴.

О Скобелеве говорили, что когда бывали исчерпаны резервы, он бросал в бой себя как последний резерв. В турецкую кампанию за ним окончательно закрепилось прозвище «белый генерал». Солдаты считали, что еще в Хиве какой-то колдун заговорил его от пуль и наказал носить в бою белый мундир. И действительно, при том, что он не покидал передовой в течение всей войны, он получил только контузию.

Умные генералы оценили его полководческий дар. «Будь Скобелев главнокомандующим, — писал М.И. Драгомиров, — охотно и не задумываясь пойду к нему под команду, невзирая на то, что он у меня в академии сидел на скамье; к Гурке, который старше меня и моим учеником не был, не пойду ни за что по воле. Скобелев... осмотрит место, если нужно — и несколько раз, и, разумеется, после этого идет наверняка. На мой глаз, Скобелев — человек с большой и вполне заслуженной будущностью. Солдаты Скобелева боготворят. Ум его заставляет любить себя, и этот ум подсказывает ему те приемы отношений, которые возбуждают любовь к нему»⁶⁵.

Война на Балканах убедила Александра II, что в лице М.Д. Скобелева он обрел первоклассного военного стратега. Правда, зная о неприязни к нему многих титулованных особ из своего окружения, царь благодарил его все же наедине.

Об участии и роли М.Д. Скобелева в русско-турецкой войне написано немало, и не стоит в этом очерке описывать

его громкие дела, о которых подробно рассказали другие авторы. Следует, пожалуй, сказать, что для Скобелева явилось потрясением и личным горем то, что русские войска не вошли в Константинополь. Он был уверен, что российские дипломаты на Берлинском конгрессе предали сотни тысяч погибших русских воинов. Неумение или нежелание правительства России закрепить победы русского оружия, по его мнению, вызвало отчуждение общества от власти, что породило трагедию 1 марта 1881 г.

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ

Державный промысел Петра Великого распространялся, как известно, на все четыре стороны света, и в то самое время, когда Северная война близилась к победоносному концу, по закаспийским степям и пустыням двигался отряд князя Бековича-Черкасского — царь Петр считал необходимым «стать твердой ногой на восточном берегу Каспийского моря», дабы проложить надежный путь в Индию — «страну чудес». Через восемь лет великого преобразователя не стало; на троне российском сменяли друг друга и случайные, и ничтожные фигуры, однако пружину государственного механизма Петр закрутил настолько туго, что этот механизм продолжал работать независимо от воли или безволия тогдашних российских властителей.

В 30–40-е годы XVIII в. на Каспийское море одна за другой посылались морские экспедиции для обследования акватории восточного побережья; их результаты рассматривались в коллегиях иностранных и внутренних дел, при этом обсуждались не только гидрографические данные, но и вопросы политические. Дело в том, что старшины туркменских племен и родов, кочевавших вдоль восточного берега Каспия, неоднократно обращались к российским властям с просьбой об оказании им покровительства и принятии в российское подданство. Петербург им отказывал и при Елизавете, и при Екатерине II, и при Павле. Только в

царствование императора Александра I в 1803 г. прибывшим в столицу империи депутатам от туркменских родов с полуострова Мангышлак была выдана грамота о принятии этих родов в подданство России, а их полномочным представителям назначено было жалованье. Вслед за тем русские военные инженеры получили приказ подыскать на восточном берегу место для строительства укрепления⁶⁶. Такое место было подыскано на берегу залива Кайдак. В 1834 г. там возвели укрепление Новоалександровское, вскоре, однако, заброшенное; вместо него на западной оконечности полуострова Мангышлак был сооружен форт Александровский.

На протяжении 70 лет XIX в. контакты русских с туркменами были постоянными — мирными и немирными: одни туркменские племена и роды снова и снова просили о российском подданстве, другие грабили русские караваны и суда, уводили русских людей в плен и рабство. Ради пресечения туркменских набегов в 40–60-е годы вдоль южного берега Каспийского моря стали крейсировать военные корабли. Самыми непримиримыми по отношению к русскому присутствию на восточном берегу Каспия были туркмены-теке, обитатели Ахал-текинского оазиса — текинцы. В 1870–1873 гг. эти бесстрашные воины нападали на русские суда, караваны, военные отряды и укрепления. Их активность инициировал и стимулировал хан хивинский.

В 1869 г. полковник Столетов закладывает на берегу Красноводского залива укрепление Красноводск, из которого в 1873 г. отправляется один из отрядов Хивинской экспедиции. В том же году К.П. Кауфман проводит карательный рейд против туркмен-иомудов.

Тот год, надо сказать, стал решающим в выработке отношения российских властей к туркменам, в частности к текинцам. В соответствии с заключенным в 1873 г. англо-русском соглашении область расселения и кочевок туркмен вошла в состав сферы интересов и влияния России, что вскоре было оформлено административным решением: вся территория к югу от низовьев р. Атрек и к востоку до пределов покоренного к тому времени Хивинского ханства была

объявлена Закаспийским военным отделом во главе с генерал-майором Ломакиным. Так туркмены превратились в подданных императора всероссийского. Часть текинцев склонялась к подчинению, другая не желала смириться с потерей независимости и не собиралась прекращать разбойные набеги на торговые караваны и мирное оседлое население.

До поры до времени российское правительство медлило с принятием решительных мер против вольных туркменских разбойников. «Нельзя ускорить по нашему произволу ход дел на азиатских окраинах, — предписывалось Ломакину из Петербурга, — необходимо дать известное время, чтобы установить наше нравственное влияние. Нет крайней необходимости в том, чтобы тотчас же давать административное устройство сопредельным племенам. Неопределенность нашей границы в Закаспийском крае не должна нас слишком озабочивать»⁶⁷.

В этом пассаже выразилась стратегическая установка российского МИДа на максимальную осторожность, переходящую в якобы оправданную безынициативность. После крымского поражения в МИДе сложилось убеждение, что Россия на своих внешних рубежах имеет право только реагировать на вызов. В Закаспии вызовом стала попытка текинцев перейти в 1876 г. в подданство Персии, сухопутная граница с которой не была четко определена. В Петербурге и Тифлисе, в чью юрисдикцию входил Закаспийский военный округ, на этот раз были вынуждены «озаботиться». Поверенный в делах России в Тегеране получил предписание предупредить шахское правительство о том, что Россия будет противодействовать этому всеми мерами. Генерал Ломакин в 1877 г. предпринял поход против текинцев, нанс им существенный урон, но в селении Кизыл-Арват, как было приказано, закрепиться не смог и отступил из-за нехватки продовольствия. Естественно, туркмены восприняли уход русских войск как свою победу. Столь же неудачной была экспедиция под командованием того же Ломакина в 1878 г.

Ретирады Ломакина не прибавили славы и авторитета России в глазах не только воинственных текинцев, но и пер-

сидского правительства, ставшего не только более настойчивым в своих территориальных притязаниях, но и заметно пренебрежительным в общении с российским посланником И.А. Зиновьевым, весьма, кстати, дельным, профессиональным дипломатом. Неудача ломакинских походов была особенно заметной на фоне успешного продвижения британских войск в Афганистане в конце 1877 — начале 1878 г.

Хорошо разбиравшийся в ситуации на Среднем Востоке и обладавший даром предвидения, Зиновьев предлагает отказаться от стратегии постепенного завоевания Ахалтекинского оазиса силами малых отрядов и нанести сильный удар в центр Ахал-теке. Эту смелую идею обсуждает 21 января 1879 г. особое совещание в составе командующего Кавказским военным округом великого князя Михаила Николаевича, военного министра Д.А. Милютина, исполняющего обязанности министра иностранных дел Н.К. Гирса и соглашается с ней. Решение совещания уже 23 января утверждает император. Центр оазиса — район Геок-тепе признается будущим театром военных действий.

Для похода были собраны внушительные силы — 7310 человек пехоты, 2900 — кавалерии и 400 — артиллерии при 34 орудиях. Начальником экспедиции был назначен участник русско-турецкой войны генерал-адъютант И.Д. Лазарев, скончавшийся до начала решительных действий. Его заменил (по старшинству) великий неудачник Ломакин, что и предопределило исход операции. Ломакин торопился, опасаясь, что вместо него командовать войсками назначат другого генерала, а потому пренебрег необходимой подготовкой; так, не собрали необходимого числа верблюдов, не заготовили достаточно провианта и фуража, не провели детальную разведку — даже не установили, что одна из стен крепости Геок-тепе, которую предстояло штурмовать, сооружена до половины запланированной высоты. Штурм был организован и проведен по-ломакински бездарно: артиллерия оказалась разбросанной по всему периметру укрепления, отчего не удалось провести полноценную артподготовку; крепость брали в лоб — солдаты пытались залезть на высокую стену, не имея штурмовых лестниц; по непонятной

причине в штурме против оборонявшихся, имевших десятикратное превосходство в численности, участвовало всего 3 тыс. человек, т.е. две трети отряда остались в тылу.

Случилось то, что должно было случиться. Защитники крепости оказались неробкого десятка. Они не только не дрогнули на стенах, но и сделали вылазку, рассчитывая окружить малочисленную группу штурмующих. И тогда в русских рядах началась паника. Раздались крики: «Назад!», и это сбило наступательный порыв, славившиеся своей дисциплиной русские солдаты превратились в неуправляемую толпу. Очевидец сообщал: «Говоря правду, наши просто бежали и вследствие паники кинулись прямо на свои же орудия... К стыду нашему, до 175 тел убитых офицеров и нижних чинов (может быть, и часть раненых) было нами оставлено под укреплением и не подобрано»⁶⁸. Дело спасла артиллерия, но немало картечных зарядов, предназначенных текинцам, досталось своим, оказавшимся перед самыми жерлами орудий. Текинцев удалось остановить с немалыми в их рядах потерями, но они имели все основания праздновать победу.

Торжествовали текинцы ночью: жгли костры, дикими голосами кричали, рубили пленных. С трупов русских солдат сняли сало, считая, что оно отлично залечивает раны. Потери русских войск были непривычно велики — 188 убитых и 276 раненых. Кроме того, в руки текинцев попало более 600 дальнобойных и скорострельных винтовок Бердана, т.е. почти на полтора раза больше, чем убитых и раненых — значит, не только раненые бросали оружие. То был позор!

Начатый к вечеру 28 августа штурм закончился к темноте и не мог быть возобновлен. Повторить его на следующий день Ломакин благоразумно не решился, а может быть, его отговорили более умные соратники. На следующий день началось отступление. Люди и животные уходили от стен крепости голодные, мучимые жаждой. Казалось, что прекрасными кавказскими войсками командовали не боевые офицеры, а капризные дамы. Будучи человеком неспособным по всем статьям, Ломакин, отмахав 100 верст, послал в текинскую крепость пленного туркмена с требованием о не-

медленной сдаче. Можно представить, насколько это письмо подняло и без того приподнятое настроение победителей, а также утвердило их в мысли, что они имеют дело с ничтожным противником.

Профессиональная несостоятельность Ломакина, как это зачастую бывает, компенсировалась наглой изворотливостью. Штурм туркменской цитадели в своем рапорте главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу он назвал «усиленной рекогносцировкой», т.е. операцией, не имеющей целью занятие крепости. Он писал: «В 5 часов началось общее наступление: войска смело бросились в штыки и заняли наружные фасы укрепления, но, встречая далее на каждом шагу непреодолимые препятствия, стали терять много людей и поэтому с наступлением вечера были отозваны, ночью неприятель большей частью бежал»⁶⁹.

Паническое бегство названо очень изящно: «войска... были отозваны». Далее всюду торчат ослиные уши: если «ночью неприятель большей частью бежал», то почему же утром вверенные генералу подразделения не заняли крепость, лишившуюся большей части своих защитников? Возникает также вопрос: о каких «непреодолимых препятствиях» идет речь? Ответ на него находим в следующем, более подробном донесении: «Колонна князя Долгорукова встретила ров очень глубокий, так что немногим удалось выбраться из него, а за валом второй ров, наполненный водой. Вследствие этого колонна эта даже не в состоянии была проникнуть далеко в аул, потеряла много людей во рву, куда текинцы сосредоточили самый сильный огонь»⁷⁰. Спрашивается: почему командование экспедицией начало штурм без элементарной подготовки, не разведав подступы к крепости? Не сознавая преступность своего поведения, Ломакин невозмутимо сообщает: «Немногим удалось выбраться». В том же донесении он просит представить к награде такого же, как он, преступно непрофессионального командира князя Долгорукова и еще двух начальников штурмовых колонн — князя Витгенштейна и графа Борха. Не за их ли «сиятельными» спинами Ломакин собирался спрятаться?

Завершается ломакинская «липа» бодрым выводом: неприятелю «внушен страх», «сильное нравственное потрясение и чувствительный урон, нанесенный текинцам, полагаю, значительно облегчат нашу задачу»⁷¹.

Воистину, во все времена умели на Руси втирать очки!

Получив первую реляцию Ломакина, великий князь легкомысленно слово в слово повторяет его победную версию в своем донесении царю, и только через месяц, когда до Тифлиса доходят подробности о деле под Геок-тепе из посторонних источников, Михаил Николаевич испытывает «сильное нравственное потрясение». Его телеграмма державному брату от 28 сентября 1879 г. выглядит как крик души: «Обратное движение ахалтекинского отряда я представить не в состоянии!»⁷² В таком же смятении пребывали государственные мужи в Петербурге. 21 сентября Д.А. Милютин записал в дневнике: «Неудача наша поднимет дух противника, уронит наш престиж в крае и будет радостью для наших европейских врагов»⁷³. Через несколько дней, находясь в том же меланхолическом расположении духа, военный министр сделал следующую запись: «Счастливее нас англичане: все невзгоды для них обращаются в выгоду. Есть известия уже о вступлении английских войск в Кабул»⁷⁴. Правда, если бы Дмитрий Алексеевич располагал в тот момент известием, что вслед за вступлением английской миссии в Кабул там вспыхнуло антианглийское восстание, охватившее всю страну, он бы не завидовал извечным конкурентам.

Как бы там ни было, российское правительство поражение русских войск рассматривало, главным образом, с позиций соперничества с Англией; в Петербурге не сомневались, что гибкие, энергичные и прекрасно информированные британские политики не станут мешкать и воспользуются военной неудачей России к своей выгоде. В связи с этим в течение осени 1879 — зимы 1880 г. ахалтекинский вопрос обсуждался в Петербурге в особых совещаниях различного состава. Мнения совещавшихся разделились: начальник Главного штаба Ф.Л. Гейден и министр финансов С.А. Грейд предлагали оставить попытки завоевать оазис

Ахал-теке, «совсем очистить Закаспийский край» и вместо дорогостоящих военных экспедиций заняться постройкой железной дороги Оренбург — Ташкент. Милютин, Гирс и генерал Н.Н. Обручев, талантливый военный, вскоре ставший начальником Главного штаба, настаивали на продолжении наступательных действий в Закаспии. Их коллективное мнение сводилось к тому, что «всякий шаг назад в Азии был бы губительным». «Без занятия этой позиции, — говорил Милютин, — Кавказ и Туркестан будут всегда разъединены, ибо остающийся между ними промежуток уже и теперь является театром английских происков, в будущем же может дать доступ английскому влиянию непосредственно к берегам Каспийского моря. Занятие англичанами Кветты и Кандагара, быстрая постройка ими к этому пункту железной дороги от Инда и стремление их быстро водвориться в Герате ясно означают тот кратчайший путь, на котором должно состояться русско-английское столкновение или примирение»⁷⁵. Сторонники повторения Ахалтекинской экспедиции считали необходимым поспешать с ней, пока англичане прочно увязли в Афганистане. Новая экспедиция к стенам Геоктепе была санкционирована Александром II ровно за год до его трагической гибели — 1 марта 1880 г.

Авантюризм Ломакина и его «сиятельных» помощников дорого обошелся их подчиненным, казне, престижу страны; еще раз после балканской кампании 1877–1878 гг., которую армия выиграла вопреки своим неумелым руководителям, император убедился в необходимости «продуманной кадровой политики». Нужен был абсолютно надежный военачальник, поскольку вторичного поражения от плохо организованного, плохо вооруженного и плохо обученного среднеазиатского противника Россия не могла себе позволить. Брат царя — наместник Кавказа предлагал своих людей, заслуженных генералов, однако командующего второй экспедицией в туркменские степи царь выбрал сам. Он выбрал М.Д. Скобелева, к которому долго относился настороженно, даже с подозрением, и в которого поверил только после Плевны, Шипки, Шеинова.

Жизнь, как известно, полна неожиданными поворотами судьбы. Те самые люди, которые по причине зависти и собственной мелкотравчатости наговорили о Скобелеве государю много дурного и по милости которых царь встретил его в 1877 г. весьма неласково, были князя Долгоруков и Витгенштейн, а также граф Борх. После провала ломакинской экспедиции Скобелев мог считать себя отомщенным. В письме из Минска, где стоял его корпус, к управляющему своим имением Спасское И.И. Маслову от 18 ноября 1879 г. он писал: «Что говорят в Москве об Ахалтекинской экспедиции под предводительством героев Петербургского яхт-клуба? Не возмутительно ли!? Неудача всегда на войне возможна: победу дает Бог, но грешно шутить войной, а коль дошутился, плати собственной кровью, а не кровью наших мучеников — солдатиков да молодцов армейских строевых офицериков!» Он возмущен, но не злорадствует и не дает волю чувствам, а переходит к изложению давно продуманных мыслей. «Вообще с Азией, — продолжает он, — надо обходиться умеючи. Она и ничтожна, и страшна... Средняя Азия до сих пор держалась скорее обаянием, соединенным с непрерывными славными успехами, чем силою наличного числа войска. Когда в 1866–1868 гг. войска наши ходили на «ура», то азиатам казалось, что они плюют огнем. Победу европейцы понимают по-своему и впредь будут понимать так же, Азия же понимает победу совершенно иначе, а потому на рассматриваемые вопросы того или другого неудачного дела в Азии следует прикидывать масштаб азиатский, а не европейский»⁷⁶.

Проходит два месяца, и Скобелева вызывают из Минска в Петербург. Император принимает его в Зимнем дворце, на этот раз более чем ласково, берет его под руку, они ходят по просторному кабинету, обсуждают новую экспедицию. Государь озабочен последствиями ломакинского поражения, оттого на этот раз вникает во все детали похода и предупреждает о пагубности недооценки среднеазиатского противника, просит не набирать лишних людей (намек на «сиятельных»?). Скобелев ставит три условия: полная самостоятельность в принятии решений; полевой

контроль, т.е. контроль силами скобелевских офицеров и чиновников за деятельностью интендантов; недопущение в отряд корреспондентов, которые, по мнению недоброжелателей, неоправданно прославляют его. Император соглашается.

Варианты планов экспедиции разрабатывались в Главном штабе и в штабе Кавказского военного округа — все желали быть причастными, но Скобелев готовил свой план. Он вчитывался в донесения Ломакина, собирал все доступные сведения об Ахалтекинском оазисе и его обитателях, изучал английскую карту района — своей не было, планировал расходы, рассчитывал необходимое количество перевозочных средств, предметов снаряжения.

К 1 марта 1880 г. штабы представили согласованный план второй экспедиции к аулу и крепости Геок-тепе, рассчитанной на два года — до 1 января 1882 г. — с общими затратами около 10 млн. руб. Одобрив план, император повелел: «Не отступать от раз принятого плана; не делать крайне опасного шага назад, который в глазах Европы и Азии был бы выражением нашей слабости, дал бы еще большую смелость нашим противникам и мог бы обойтись России еще несравненно дороже, чем предполагаемая экспедиция... Идти к цели систематично, ничем не рискуя... Начальником экспедиции назначить командира четвертого армейского корпуса генерал-адъютанта Скобелева». В той же высочайшей резолюции имелось поручение «приступить к подробным исследованиям для устройства постоянной железной дороги» от Красноводского залива к аулу Кизыл-Арват — предполагалось, что это будет исходная база отряда вторжения.

В самом начале мая Скобелев появился на восточном берегу Каспия, началась энергичная подготовка. Командующий решает не полагаться на железную дорогу, строительство которой будет сопряжено с огромными трудностями, — достаточно сказать, что шпалы, рельсы, телеграфные столбы и уголь, наконец, предстояло доставлять морем, с восточного берега, — а потому ставка делается, как и в прежние времена, на верблюдов — жертвенных животных, чья гибель в конце или в середине предприятия всегда неминуема.

Необходимо достать 20 тыс. вьючных верблюдов, и он обращается за помощью к русским подрядчикам, известным своей предприимчивостью, — верблюдов будут гнать из Хивы, Бухары, казахских степей.

Предстояло брать приступом глинобитное укрепление, сооруженное, однако, под руководством британских инженеров (одним из них был лейтенант Батлер), и Скобелев обращается за советом к российским авторитетам в области фортификации, — к полковнику Цезарю Кюи, генералам Э.И. Тотлебену и М.А. Зиновьеву. Он хочет знать в деталях, как лучшим способом вести траншейные и минные работы, пробивать бреши в глинобитных стенах, каким должен быть инженерный парк. В Красноводск фельдкурьеры доставляют чертежи крепостей и схемы осадных работ — Скобелев не доверяет чужому мнению и сам постигает основы военно-инженерного искусства.

Напутствуя, император сказал: «Не бери лишних людей», и Скобелев отбирает людей, проверенных в деле. В свою команду он приглашает в качестве полевого обер-контролера лично ему известного по Ташкенту действительного статского советника Череванского, превосходного офицера генерального штаба полковника Н.И. Гродекова и будущего прославленного адмирала, а тогда капитана второго ранга В.О. Макарова. Моряку поручалось исследовать мелководный Михайловский залив на предмет устройства грузового причала. Скобелев учитывал ошибку Ломакина, пустившего все свои войска одной походной колонной одним маршрутом по узкой караванной тропе, презрев правило: «Ходи врозь, дерись вместе». Батальоны мешали в походе друг другу, растянулись по всему маршруту и в результате не сумели сойтись в день «Х» на сборном пункте, отчего дрались врозь. Поэтому люди Скобелева направляются к месту сбора двумя маршрутами: от Михайловского залива, в котором Макаров отыщет судовой ход, и от Чекишляра в самой южной части Каспия.

Особая забота — снаряжение. Предстояло пользоваться соленой водой, потому были заказаны опреснители. Профессиональная любознательность молодого полководца приго-

дилась и на этот раз. Читая английские газеты с отчетами о войне в Афганистане 1878–1880 гг., он отметил для себя одну из операций англо-индийской армии, в которой решающую роль сыграл солнечный телеграф–гелиограф. С его помощью два отряда британцев сумели синхронизировать свои действия и одержали блестящую победу над афганцами, которые не умели читать сигналы по азбуке Морзе. Гелиограф отличали простота устройства и применения, портативность и отсутствие проводов, которые так легко перерезать. Несколько гелиографов были выписаны из Петербурга и даже из Лондона. В добавление к гелиографу — приспособлению, предназначенному для дневной службы, были заказаны сигнальные фонари с распылителями скипидара, дававшими огромное яркое пламя, что обеспечивало круглосуточную связь на сравнительно большом расстоянии в условиях безлесной равнины. В Чекишляр и Красноводск были доставлены 3 паровые машины для искусственного приготовления льда, 30 ручных ледоделов, более 2 тысяч водяных фильтров.

Скобелеву очень нравился афоризм лорда Биконсфилда: «Азию надо бить по загривку и по воображению», — он стал его девизом. Сам он выражался еще лаконичнее: «Удивить — значит победить», т.е. поразить воображение азиатского противника достижениями европейской техники, а для этого годилось все — и гелиограф, и электрические фонари Яблочкова, но главным образом — артиллерия, к которой обитатели тех мест относились с особым почтением. По опыту зная, какое огромное преимущество дает артиллерия малочисленным русским войскам в Средней Азии, он поставил целью, чтобы на каждую тысячу его солдат приходилось 10–12 орудий. Ему это удалось. Требовал артиллерию он очень настойчиво и не гнушался даже пушками устаревших образцов, давно снятыми с вооружения. Взял даже мортирки XVIII в. Кроме того, запаса 32 ракетными станками и многоствольными картечными, предшественницами пулемета. Хорошо разбираясь в современных ему средствах ведения боевых действий, Скобелев требовал предоставить ему морские пироксилиновые пакеты, которые своим треском

могли бы вызвать панику и рвать войлочные кибитки, требовал зажигательные гранаты со смесью бензина с керосином, только-только испытанные в Свеаборге и признанные непригодными. В бензиновых гранатах ему отказали.

Снабжение войск провиантом и обмундированием было предусмотрено по высшему разряду. Пароходы везли и везли самые разнообразные грузы. Каждый солдат имел по две пары сапог, три пары холщовых и одну пару суконных портянок, на зиму заготовлено было еще 17 тыс. пар сапог; кроме того, на непредвиденный случай в Красноводске и Чекишляре было припасено десять процентов необходимого обмундирования и обуви. Поскольку экспедиция была рассчитана на два года, заготовили зимние вещи — 25 тыс. полушубков, 10 тыс. вязанных фуфаяк, теплые сапоги, рукавицы из верблюжьей шерсти, теплые кибитки, печи, в том числе печи на нефти. Массу хороших вещей и продуктов, например теплые набрюшники, байковые одеяла, разнообразные консервы, лимоны, сгущенное молоко, портвейн и коньяк доставили представители Красного креста. Пожалуй, никогда еще русские войска не снабжались так роскошно. Учитывались, во-первых, негативный опыт недавней русско-турецкой кампании и, во-вторых, особое положение временнокомандующего Закаспийским отделом генерал-адъютанта М.Д. Скобелева, который имел право докладывать через головы всех промежуточных начальников не только военному министру, но и самому государю.

Скобелев стремился обеспечить в максимальной степени боеспособность своих войск, зная, что это качество зависит от многих причин, в том числе от настроения солдат в период между боями. В Закаспийском крае, в условиях скудной пустыни, солдатская служба была тяжелой, однообразной. Представление о жизни военных дает офицерское письмо того времени: «Пытка ужасная, жизнь непонятная, тоска, скука, апатия заедают человека своею мертвенной монотонностью и однообразием, словно вся ваша жизнь отрезана навсегда от остального мира, — особенно когда видишь пароходы на открытом рейде проходящими мимо, что бывает осенью и зимой, когда пароходы не могут приставать к бере-

гу. Тогда, кажется, и жизнь, и мысль, и все далекое родное и все заветное уносится с этими пароходами в неведомую даль, в чужие края, чтоб еще больше истеранить ваше нудное и заболевшее терпение. А там между тем ясными точками на горизонте носится на своих аргамаках неприятель, быстро и неожиданно нападает на наши транспорты и караваны и безнаказанно исчезает в своих степях, так как мы не всегда имеем возможность его преследовать с успехом»⁷⁷.

Для Скобелева, несколько лет прослужившего в Туркестане, все это было хорошо известно и оттого, помимо забот, о провианте, фураже, снарядах и минах он озабочен и душевным здоровьем подчиненных. Очень характерны для него замечания на полях доклада санитарного врача: «По опыту минувшей войны знаю все разрушающее действие на войско продолжительных сидений на одном месте. Война не война, мир не мир. В таком положении одно: неустанная сердечная заботливость непосредственного ближайшего начальства. Солдата нужно бодрить, веселить и не киснуть с ним вместе. Прошу сделать распоряжение теперь же, в счет экстраординарной суммы, выписать скорее игры для солдат по числу укреплений на обеих коммуникационных линиях и в оазисе. Полезными играми я признаю игру в мяч, причем необходимы мячи различных размеров, прочные и красивые. Кегли можно устроить почти везде на месте, и надо выписать лишь несколько деревянных или костяных шаров... У нас солдат молодой. Начальники частей, которые почти вдвое старше массы солдат, не должны этого забывать... Там, где по числу гарнизона это возможно, предписать устроить солдатский театр, для чего можно выписать несколько либретто из балаганных репертуаров.

Вопрос о публичных женщинах является очень важным. Необходимо иметь прачек и вообще практиканток в тыловых укреплениях для солдат. А для этого нужно их достаточное количество. Буду ожидать доклада начальника штаба»⁷⁸.

Получив предписание командующего, начальник Атрекской (от пристани Чикишляр по реке Атрек до Кизыл-Арвата) линии укреплений полковник А.Ф. Арцишевский обратился к подрядчикам, которые взялись на вербовать

«практиканток». По его отчету на это мероприятие им было истрачено 3 тыс. рублей. Сколько «практиканток» приехало в осваиваемый край, неизвестно, но, судя по затраченной сумме, немного.

Авторы, писавшие об Ахалтекинской экспедиции, единодушно восхваляли скобелевскую заботу о войсках, но стыдливо умалчивали о его распоряжении касательно «практиканток», хотя оно характеризует его как человека трезво мыслящего, свободного от ханжества.

До появления в Закаспийском крае прачек, «практиканток» и солдатского театра с балаганным репертуаром было еще далеко, однако войска заметно взбодрились при известии о назначении Скобелева командующим экспедицией, — к тому времени он уже был народным героем, — и еще более в связи с его прибытием. В солдатской среде появилась тема для обсуждений, а слухи о его активности разносились по гарнизонам очень быстро. Особенно согревали солдатские души рассказы о том, как он взял в оборот «вампирное ведомство» — ненавистное интендантство. Неожиданные и, надо сказать, регулярные проверки вещевых и провиантских складов проводили сам Скобелев, его адъютанты и оберконтролер Череванский со своими людьми. Скобелев ставил целью максимально возможно сократить ущерб от чиновничьих злоупотреблений до начала движения войск и грузов на исходные позиции. Обнаруживались в большом количестве негодные продукты и фураж, главным образом мука, сено, ячмень, овес; недoves и недолив в тюках и бочках; фальсифицированные гири и неверно сбалансированные весы. За торговлю казенным имуществом, за порчу и подделку вина, уксуса, спирта, за откровенное воровство были отданы под суд несколько чиновников и офицеров, в том числе бывших в немалых чинах.

Солдаты и офицеры с одобрением обсуждали действия командующего, решившего восстановить справедливость, их развлекали слухи о «нетрадиционных» способах дознания, которые применял один из наиболее доверенных людей Скобелева полковник Арцишевский. Участник экспедиции врач А.В. Щербак рассказывает об этом человеке и его методах

дознания: «Арцишевскому на вид лет 60; он невысокого роста и крепкого телосложения. Длинные, висячие седые усы и остроконечные пучки бровей, торчавшие над маленькими глазами его выбритого лица багрового оттенка, придавали полковнику очень внушительный вид. Надвинутая папаха еще более усиливала впечатление грозности. Одни только серые глаза, сквозившие лукавством и хитростью, подчас выдавали напускную свирепость полковника... Как бы то ни было, полковник был грозен и страшен. Его особенно боялись чикишлярские торговцы и аробщики, приходившие в трепет от одного только появления коменданта...

Воспитательная способность полковника была весьма своеобразна. Так, например, одного торговца, фабриковавшего тухлую сельтерскую воду, от которой у потреблявших ее переболели животы, он заставил выпить чуть ли не весь остаток сфабрикованной им эссенции. Рассказывали, что злополучный фабрикант, кое-как оправившись от продолжительной рвоты и рези в желудке после обильного питья своего произведения, долго еще бредил ненавистной ему сельтерской водой. Другой восточный человек, пойманный в какой-то мошеннической проделке, упорно не признавался в ней. Как средство дознания были пущены в ход хинные порошки... При сильной жаре и соленой воде для питья средство это оказалось весьма радикальным, т.к. провинившийся раскаялся на втором же порошке. В некоторых особых случаях производство дознания у полковника облекалось в более страшную форму. Так, какой-то армянин, пойманный, кажется, в воровстве муки или чего-то другого из интендантского склада, настойчиво отпирался, не называя сообщников, но когда его вывели за лагерь к свежевыкопанной могиле, у которой красовались несколько казаков с нагайками в руках, то признание последовало незамедлительно»⁷⁹.

Скобелев смотрел сквозь пальцы на патриархальные методы дознания грозного полковника, благо в той обстановке они были, пожалуй, самыми действенными.

По мере увеличения поставок с западного берега моря усиливался накал войны с расхитителями казенного добра. Недобросовестные интенданты были отправлены под суд, а

затем и дальше — на каторгу, что вселило страх божий в сердца остальных; мошенников из числа армянских и азербайджанских купцов вразумлял домашними средствами полковник Арцишевский, добываясь неплохих результатов, но против туркмен-верблюдовожатых ни тот, ни другой способы не годились. После поражения Ломакина под Геок-тепе «обаяние» России, т.е. ее авторитет, или престиж, резко пошло на убыль, что со стопроцентной уверенностью предсказывал Скобелев. Падение российского престижа стало заметно по поведению туркмен-верблюдовожатых, ставших слишком дерзкими. Они стали беззастенчиво грабить русские грузы, перевозимые их верблюдами, разворовывали до половины содержимого вьюков. Пользуясь малочисленностью и невнимательностью русских караульных, вожаки верблюдов крали из ящичков патроны и артиллерийские заряды, а пустые ящики набивали песком. Добычу зарывали в песок, чтобы потом сбыть. После нескольких поимок ночных грабителей Скобелев обратился к старшинам туркменского племени иомудов с прокламацией, в которой оповещал всех иомудов, что порча телеграфной линии и кража патронов «не будет наказываться иначе, как смертью». Скобелев слов на ветер не бросал.

Ряды контролеров по должности командующий экспедицией пополнил большим числом строевых офицеров, которые отлично понимали, что от их усердия будет зависеть успех операции, в которой предстояло участвовать им самим. «Загородив, таким образом, соблазнительные кули и мешки цепью из офицеров и контролеров от лакомых крыс, — пишет М.А. Терентьев, — Скобелев добился, наконец, некоторой скидки со стороны воров. Крали они уже не так жестоко...»⁸⁰

План подготовки экспедиции против текинцев предусматривал подстраховочный вариант — создание продовольственных и фуражных запасов на персидской территории. Российский посланник Зиновьев получил на это разрешение шаха, о чем известил Скобелева. Молодой командующий не доверял подрядчикам и потому поручил это чисто хозяйственное мероприятие своему начальнику штаба пол-

ковнику Н.И. Гродекову, хорошо знакомому с Персией. Гродеков подобрал команду в составе 4 офицеров, 3 переводчиков и 14 нижних чинов, о чем и было сообщено Зиновьеву по телеграфу. Посланник согласился принять военных, при этом добавил: «Но нахожу полезным, чтобы они были командированы в качестве коммерческих агентов». Телеграфист переврал эту фразу: вместо «но» поставил «не», получилось «не нахожу полезным», и т.д. Миссия прибыла в Персию в военной форме, что вызвало возмущение местных властей. Шах потребовал от Зиновьева объяснения, а британский посол Томпсон заявил, что немедленно пошлет по городам Персии своих офицеров. Скандал удалось замять, и далее Гродеков и его люди занимались своим делом в штатском платье.

Гродеков оказался превосходным подрядчиком. Он интриговал, подкупал местных начальников, устраивал для них богатые обеды с обильной выпивкой, противодействовал английским агентам, которые пытались вызвать народное возмущение, направленное против русских, наконец сумел богатыми подарками местным правителям нейтрализовать армянских купцов, решивших скупить весь хлеб в Хорасане и затем продать его ему же по высокой цене. Стараниями Гродекова местные власти изгнали армянских скупщиков из города. В конце концов миссия из переодетых офицеров заготовила за два месяца немалые запасы ячменя, муки, соли, масла, риса и гороха в пяти складах. Труд Гродекова М.Д. Скобелев назвал «нечеловеческим», а саму заготовительную операцию — «блестящей»: русские войска получили огромный продовольственный резерв. Ко всему прочему деятельность Гродекова дала казне экономию в полмиллиона рублей — так умело он научился торговаться с искусными восточными купцами.

По мере накопления экспедиционных грузов у причалов Чикишляра и Михайловского залива их отправляли на склады в аул Бами, отстоявший от Геок-тепе на 112 верст, т.е. к исходным позициям наступления. К началу ноября 1880 г. в Бами было сосредоточено до 106 тыс. пудов провианта,

20 тыс. пудов овса, два миллиона патронов, тройной комплект зарядов и снарядов⁸¹.

Аул Бами, который его жители покинули до прихода русских войск, за одно лето был превращен в хорошо обустроенный военный городок. Солдаты жали поспевшую пшеницу, молотили снопы и мололи зерно на покинутых туркменами водяных мельницах, пекли хлеб, вырыли бассейны, построили баню — обживались основательно, поскольку экспедиция была рассчитана на два года. Только частые набеги текинцев, покушавшихся на казенный скот и другое имущество, не давали войскам расслабиться и забыть о цели их пребывания в оазисе, да и Скобелев требовал проведения регулярных учебных стрельб и других воинских упражнений.

Занимаясь административно-хозяйственными делами, генерал постоянно следил за противником, который тоже не терял времени даром: с помощью нескольких британских инженеров достраивал свое укрепление. Доходили до Скобелева и тревожные слухи о том, будто текинские роды, собравшиеся в Геок-тепе, перессорились и в любой момент могут покинуть крепость. Если бы такое случилось, все его труды пошли бы прахом, экспедиция потеряла бы смысл: русским пришлось бы долго гоняться по пескам за неуловимыми всадниками; однако желание еще раз посрамить ненавистную Россию взяло верх над здравым смыслом: текинцы остались в Геок-тепе.

Время для главной операции против текинцев еще не наступило, хотя бы уже потому, что еще не было собрано необходимое число верблюдов. В самом начале подготовки экспедиции Скобелев сформулировал главную формулу успеха: «Верблюды, верблюды и еще раз верблюды», однако к середине года их все еще недоставало — из Оренбурга ждать верблюдов предстояло месяца два; к тому же задержка произошла и с верблюдами, которых напаял в Бухаре самый надежный из подрядчиков Громов: из-за угрозы со стороны большой массы текинских всадников, приготовившихся их отбить, он не решился отправить свой караван к Скобелеву. Если нельзя было начинать

главную операцию, то условия вполне созрели для небольшой вспомогательной.

1 июля в 9 часов вечера после молебна командующий выступил из Бами с небольшим отрядом в составе взвода саперов, трех рот пехоты с музыкантской командой («хором музыки»), конно-горного взвода, трех сотен казаков, ракетной сотни при 10 орудиях и 8 ракетных станках, всего же — 344 штыка, 311 шашек и 128 артиллеристов. За отрядом следовал небольшой обоз. Провианта взяли на шесть дней. Цель операции состояла в том, чтобы ближе познакомиться с противником, которого, как признавался сам Скобелев, он совсем не знал.

Через три дня отряд был в 12 верстах от Геок-тепе и занял небольшое селение с гордым названием Егян-Батыркала, где стал ожидать нападения текинцев. Так и не дождавшись, он двинулся к Геок-тепе. На подступах к аулу произошла встреча с конными текинцами. В этой стычке Скобелев продемонстрировал не знавшим его солдатам и офицерам свои качества солдатского кумира.

Русский отряд отражал атаку текинцев очень несовершенными в те годы ракетами. «Первая ракета, — по словам очевидца, — не пошла вовсе, засела в станке и шипит, станок упал... окружающие пригнулись... Скобелев был тут же и, дав шпоры лошади, храпевшей и бившейся от страха, заставил ее сделать прыжок и стать над станком. Грянул взрыв, окутавший Скобелева дымом. Когда дым рассеялся, он предстал перед глазами пораженных свидетелей целым и невредимым с самым спокойным выражением лица... по бокам и брюху его белого коня струилась кровь из трех или четырех ран... в нескольких шагах по земле катался в предсмертных судорогах казак с пробитой грудью и животом. Загремело «Ура!», полетели вверх фуражки. Первый номер второго станка, не медля ни минуты, приблизил левой рукой фитиль, сотворив правою крестное знамение. С шипением вылетела ракета и угодила как раз в толпу текинцев... Казак на месте же получил Геогриевский крест»⁸².

Демонстрация была эффектной, хотя, строго говоря, в той ситуации генерал поступил единственно правильным спо-

собом — прикрылся конем. Конь получил поверхностные ранения. Как бы то ни было, Скобелев продемонстрировал не только отменное мужество, но и точный расчет. Ничуть не умаляет его поступка и то, что он повторил Наполеона, который также заставил своего коня стать возле шипевшей гранаты, когда гренадеры попятились. Этот эпизод Скобелев хорошо знал — Наполеон был для него образцом для подражания.

После отражения атаки текинцев ракетным огнем скобелевский отряд продвинулся еще на 500 шагов и встал боевыми порядками перед небольшой глинобитной крепостью с башней. (Такие укрепленные дворы — «кала» до сих пор можно увидеть в Афганистане, а также в Пакистане в районе Пешавара). В крепостце засел противник. Завязалась ружейная перестрелка, в которой текинцы с их дальнобойными берданками, захваченными у Ломакина в деле 28 августа 1879 г., имели явное превосходство над русскими стрелками, вооруженными устарелыми винтовками Карле, пули из которых не долетали до врага. Как всегда, выручила артиллерия.

Когда солнце стало печь совсем нестерпимо, Скобелев, выпустив по засевающим в кала 120 снарядов, решил завершить рекогносцировку. Уходили организованно. Генерал построил отряд по отработанной и проверенной в условиях войны в Средней Азии схеме. Двигались так: впереди казаки в две линии с горными орудиями, за ними полурота стрелков с «хором музыки», т.е. песельники и музыканты, затем дальнобойные орудия, а позади всех еще две стрелковые роты и взвод саперов с картечницами. Весь отряд окружали две цепи походного охранения — пехота и казаки.

Как только начался отход, текинцы выскочили из садов, обошли русский отряд и стали на него наседать. Играла музыка, пел хор, солдаты шагали, равняясь, словно на церемониальном марше, лишь временами останавливались, чтобы сделать несколько залпов. Приходилось отстреливаться во все стороны: горная артиллерия была вперед, дальнобойная — вправо и влево, картечницы — назад. Верный своему правилу, Скобелев «бил врага по воображению», но текинцы все же

продолжали наседавать и однажды сумели войти в боевой контакт с казаками, ударили в шашки и зарубили казачьего урядника. До самого ночлега отряд шел под выстрелами текинцев, отвечая залповым огнем. Потери — трое убитых.

Рскогносцировка заняла неделю. Скобелев и его люди узнали противника — храброго и настойчивого, продемонстрировав ему, в свою очередь, стойкость и дисциплинированность русского войска. Солдаты усвоили тактику отражения нападения со стороны превосходящего числом, но неорганизованного врага. Сам же командующий сделал для себя важные выводы: 1) Геок-тепе — это целая страна селений и отдельных дворов, которую обложить нельзя; 2) штурм с ходу, какой попытался предпринять Ломакин, ни в коем случае не получится — надо вести полномасштабную, по всем правилам инженерной науки, осаду; 3) необходимо пополнить отрядную артиллерию мортирами — орудиями для навесной стрельбы; 4) наступать следует со стороны большого арыка, питающего крепость водой, с тем чтобы отвести воду в сторону; 5) необходимо предпринять трудоемкие минные работы, в которых в Средней Азии до сих пор не было необходимости; 6) устаревшие винтовки Карле нужно заменить берданками.

Поход к стенам крепости достиг желаемого результата: текинцы не ушли из Геок-тепе. Они уверовали, что сильнее русских, которые и на этот раз постреляли, попели и убрались восвояси. Даже прославленный Скобелев, о чьих подвигах слух дошел и до туркменских степей, трусливо спасовал перед храбрейшими из храбрых — славными тскинцами. Провокация удалась. Сказать правду, на решение туркмен остаться в Геок-тепе повлияло не только очередное «бегство русских», но и настойчивые уговоры англичан «держаться до последней крайности в Геок-тепе и отнюдь не отступать в пески»⁸³. Текинцы надеялись на их военную помощь.

В аул Бами отряд возвратился 7 июля. Вернулись домой, ибо к лету основательно обжили это туркменское поселение. Хорошо укрепились со всех сторон, построили загоны для скота, пекарни, офицерский клуб, даже огороды развели. Перед палаткой командующего был его собственный огород с богатым ассортиментом овощей. В тот день праздновали удачу.

Каждый вечер в Бами приходила почта, в том числе телеграммы с последнего построенного в закаспийской степи телеграфного пункта в Кизыл-Арвате. Почту получал начальник штаба экспедиции полковник генерального штаба Н.И. Гродеков. Вечером 8 июля курьер прискакал как обычно. Николай Иванович принял почту и стал в своем штабном шатре читать депеши. Находившиеся с ним рядом были поражены: полковник вскрыл несколько пакетов, после чего упал лицом на походную койку и зарыдал. Деликатные офицеры вышли из шатра. Гродеков рыдал. В тот же вечер Скобелев послал своего денщика узнать, спит ли Николай Иванович Гродеков, и услышал, что спит. Начальник штаба заснул непривычно рано.

Гродеков не спал всю ночь. Полученная весть ошеломляла: в Болгарии неизвестные убили Ольгу Николаевну — 60-летнюю мать Михаила Дмитриевича Скобелева. Гродеков как мог оттягивал страшный момент, отчего и сказался спящим.

Утром Скобелев все узнал. Гродеков сказал, что его мать убили турки, поскольку не знал всех подробностей. Скобелев метался, угрожая поднять Балканы и сокрушить трижды проклятую Турцию. Из Петербурга пришли телеграммы соболезнования от военного министра и начальника Главного штаба, а также от Александра II. В тот же день, отвечая на телеграмму государя, Скобелев попросил разрешения приехать в Москву, чтобы похоронить мать. Часто колебавшийся, не уверенный в себе, но, безусловно, милосердный государь на этот раз был непреклонен: начальнику военной экспедиции против очень опасного противника было отказано в праве участвовать в погребении матери. Михаил Дмитриевич возмутился, но спустя несколько дней признал правоту государя. Возложенная на него миссия исключала его право на любые проявления чувств и слабостей, которые могли бы помешать исполнению долга перед Россией. В письмах он писал о своем малодушии и единственно верном решении императора.

Через некоторое время выяснились подробности. Еще во время войны 1877–1878 гг. О.Н. Скобелева одной из первых занялась формированием санитарных отрядов, отправ-

лявшихся в Болгарию. При ее содействии там открыты были приюты для сирот и инвалидов, несколько госпиталей. Российский Красный крест назначил ее начальницей Болгарского отдела Общества Красного креста. К своему делу она относилась также истово, как и ее сын к своему. Особым ее вниманием пользовался созданный частично на собственные средства приют в Пловдиве для 250 сирот, чьих родителей уничтожили турецкие башибузуки.

В Болгарии О.Н. Скобелева превратилась в заметную общественную и даже политическую деятельницу. «Когда она была в Софии, — писали в газетах, — болгары сделали ей оvation, какая едва ли где-нибудь выпадала на долю женщин. Г-жа Скобелева зашла в парламент в сопровождении г.Кумани — дипломатического агента. Президент палаты депутатов г.Икономов обратился к ней с приветственной речью, которую депутаты встретили стоя и аплодисментами. Г-жа Скобелева сказала несколько слов»⁸¹.

В 1880 г. Ольга Николаевна продолжала жить в Болгарии, где собиралась основать школу и заложить церковь. Она часто и много ездила. В одной из поездок ее спутником стал поручик русской службы Николай Узатис, бывший в военное время ординарцем у ее прославленного сына. М.Д. Скобелев прогнал Узатиса от себя за кражу бриллианта с наградного оружия, но под суд не отдал. Летом 1880 г. этот офицер с подмоченной репутацией непонятным образом становится провожатым Ольги Николаевны, которая везла с собой дорогие иконы, церковную утварь и около миллиона рублей. Ударом сабли Узатис убил О.Н. Скобелеву, его сообщники, напавшие из засады, расправились с остальными сопровождавшими, однако тяжело раненному унтер-офицеру Иванову удалось уйти от убийц и сообщить обо всем русскому коменданту Пловдива. Погоня настигла и уничтожила бандитов, поручик Узатис застрелился, но денег при нем не нашли.

В один год Скобелев потерял отца, который неожиданно скончался в начале года, и через несколько месяцев — мать. У него нет жены, нет детей, замужние сестры живут своей жизнью, близкими остались приехавший за ним в пекло За-

каспийского края из Парижа его воспитатель и друг верный старый Жирарде, да боевые товарищи. Это и есть его семья.

После случившегося командующий не мог оставаться на месте — он отправляется в долгую инспекционную поездку по Михайловской коммуникационной линии. Многие часы он проводит в седле, покрывает сотни верст. Проверяет солдатские кухни, лазареты, требует произвести дезинфекцию, распоряжается о покупке барж для доставки телеграфных столбов и железнодорожных платформ; переезжает на пароходе из Красноводска в Чекишляр и возвращается в Красноводск.

Все лето и осень шел интенсивный завоз военного снаряжения и продовольствия на промежуточные базы. Одновременно приходилось отражать нападения летучих текинских отрядов. В письме к дяде А.В. Адлербергу Скобелев писал: «Ты не можешь себе представить, до чего затруднительна эта экспедиция в хозяйственном отношении. Не говоря про стоимость, например, четверти овса в Бами — 24 руб., начальник ежеминутно чувствует, что он зависит от случайности, которая все может нарушить сразу и загубить все сделанное. Например, даже страшно вымолвить, пожар передовых складов, удачный набег неприятеля на наш тыл и т.д.»⁸⁵

Напряженное состояние ума и души командующего экспедицией нетрудно понять, если вспомнить, что все грузы перевозились небольшими партиями на верблюдах, которых, ко всему прочему, постоянно не хватало из-за падежа. Верблюды выбывали из строя и по болезни — до крови стирали спины плохо навьюченными грузами, сбивали ноги на каменистых тропах.

В ноябре резко похолодало; в горах уже лежал снег, хотя близ лагеря еще было тепло. Из-за частых дождей дороги превратились в грязное месиво, отчего верблюды выбывались из сил, падали и не поднимались.

13 ноября Скобелев издал один из своих самых вдохновенных приказов: «Объявляю войскам, что если бы даже шел необыкновенный дождь, то транспортов остановить нельзя: они все-таки пойдут: остановить исполнение высочайшей Государя Императора воли не могут ни невзгоды зимнего похода, ни усиленные болезни, ни кровопролитные столк-

новения с неприятелем... Еще есть время; пусть по честному убеждению все недостаточно сильные духом и телом оставят ряды наши: без них, слабых энергией, мы станем еще дружнее, еще крепче и вновь прославим отечественные знамена, вверенные Государем Императором нашей стальной выносливости, нашему русскому мужеству»⁸⁶.

Предложение слабодушным оставить ряды относилось, конечно же, к офицерам (о солдатах речи быть не могло), для которых в то время считалось честью участвовать в боевой экспедиции; многие попали в отряд Скобелева по собственному желанию в расчете на ускоренное чинопроизводство и награды, надеясь на легкое и быстрое одоление несерьезного противника. Действительность разрушила эти надежды. Надо думать, что то была последняя в русской военной истории кампания, когда не желавшим нести тяготы боевой службы предлагалось добровольно покинуть экспедиционные силы.

Через три дня, 16 ноября, за подписью Скобелева появился еще один приказ. Историк М.А. Терентьев не без пренебрежения писал: «В приказе 16 ноября № 479 даны наставления, отличавшиеся крайней мелочностью: тут был и осмотр перед походом сапог, одежды, оружия, шанцевого инструмента; полудка котлов и чайников; приказание заготовить деревянным маслом; смазывать портянки и чулки салом; осматривать на дневках сапоги и чинить немедленно, для чего люди должны иметь шило, дратву, нитки, иголки и прочее»⁸⁷.

«Мелочностью» названа забота военачальника о здоровье солдата, от чего напрямую зависит его боеспособность. В этих двух приказах — возвышенно одухотворенном и «мелочном» — проявился цельный характер истинного полководца, знающего цену победы. Российской армии пришлось заплатить морями крови своих солдат за пламенные призывы горе-полководцев, с презрением относившихся к солдатским портянкам, как к незначительным мелочам. Потому и побеждал молодой генерал Скобелев, что заботился о ногах и желудке своего солдата.

Наконец в Баи были собраны необходимые для решительного наступления на Ахал-текинский оазис силы и сред-

ства. С 26 ноября по 1 декабря отряд вторжения выступил из Бами тремя эшелонами и встал лагерем в 20 верстах от Геок-тепе. Был создан опорный пункт, названный «Самурское». К тому времени сведения о неприятеле были таковы: в укрепленном районе Геок-тепе и его сердцевине — крепости Денгиль-тепе собралось до 35 тыс. текинцев, включая женщин и детей. Около 10 тыс. воинов были на конях. Защитники Геок-тепе имели на вооружении медную пушку, 5 тыс. ружей, в том числе более 600 захваченных в деле 28 августа 1879 г. берданок. Шашки и пики — у всех защитников. Удалось также получить сведения о размерах цитадели и ее конструктивных особенностях от бежавшего из туркменского плена русского солдата — он даже вылепил из глины ее макет. Длина стен по периметру четырехугольной крепости составляла около трех верст.

Скобелев сделал то необходимое, что во все века определяло успех любой военной кампании и чем так легкомысленно пренебрег Ломакин, — он организовал разведку, которая и доставила ему необходимые сведения об основном укреплении текинцев. В скобелевском отряде состояло несколько офицеров разведки. В приказе № 216 от 21 августа 1880 г. дается поручение: «Штабс-капитан NN должен широко пользоваться лазутчиками для возможно полного ознакомления с намерениями противника и вообще положением дел в Геок-тепе и даже далее, насколько это возможно. Для уплаты лазутчикам и на покрытие других необходимых расходов штабс-капитану NN предписываю выдать из состоящей в моем распоряжении экстраординарной суммы пятьсот рублей банковским серебром»⁸⁸.

В целях конспирации имя офицера-разведчика не упоминается — оно было известно очень немногим. Надо отдать должное туркменам: завербовать лазутчиков в их среде безымянному штабс-капитану не удалось. Текинцы были неподкупны, а туркмены из других племен смертельно боялись беспощадных теке, так что сведения разведывательного свойства удалось получить от персов и курдов, смертельно ненавидевших текинцев за их хищничество. Весьма способным разведчиком оказался телеграфист

Вачнадзе. В разговорах с туркменами он притворялся подневольным инородцем, которого «проклятые русские» заставили служить на себя. Вачнадзе не распространялся о своем вероисповедании, а его собеседники не имели представления об особом положении православных кавказцев в Российской империи, о том, что офицеры-грузины верно служили российской короне. В войске Скобелева, кстати, находился отряд грузинских добровольцев, приехавших сразиться с прославленными текинскими разбойниками.

Сам начальник экспедиции обладал, кстати, незаурядными качествами разведчика. Тому причиной были и специальная подготовка в Академии генерального штаба, и богатый военный опыт, опыт службы в Туркестане в том числе, и, наконец, ум и талант прирожденного военачальника. В 1878 г. после заключения перемирия с турками, переодевшись в штатское платье, Скобелев днями бродил по улицам Стамбула — изучал его улицы, записывал наблюдения в книжку, готовясь к штурму турецкой столицы. Так же основательно он будет через три года собирать сведения о германской армии, используя не только свою отличную профессиональную подготовку, но и личное обаяние. Теперь же, накануне решительного наступления на Геок-тепе, он учил своих офицеров обращать внимание на самые незначительные мелочи. «Если торговцы заволновались и покидают наш лагерь, — наставлял Скобелев, — ждите ночного нападения неприятеля, он близко. Следите за их поведением».

В опорный пункт Самурское продолжали прибывать части отряда вторжения. Вновь прибывшие войска Скобелев несколько раз самолично выводил на рекогносцировки вблизи Геок-тепе, чтобы познакомиться с противником. И каждый раз из крепости Денгиль-тепе выскакивали туркменские всадники и пешие воины, но их порыв каждый раз гасили оружейные залпы. Отрабатывались боевое и походное построения, последовательность вступления в бой и взаимодействие родов оружия. В конце декабря Скобелев вывел на рекогносцировку командиров частей, что было весьма рис-

кованным предприятием. Казачье прикрытие взяли совсем небольшое (пять сотен), только четыре ракетных станка и ни одного орудия, так что если бы туркмены, привычно выскочившие навстречу, поняли, что перед ними практически все старшие офицеры отряда, включая четырех генералов — в том числе сам командующий и его начальник штаба, если бы эти превосходные наездники были настойчивее в своем порыве, то они одним ударом могли бы обезглавить русскую экспедицию. Свой шанс текинцы упустили: как всегда, не выдержали силы залпового огня.

В результате тщательного изучения подступов к туркменской твердыне, а также многих боевых тренировок Скобелев составил план действий на завершающем этапе и способы его воплощения. Готовился этот план не только в ходе разведок боем, но главным образом по ночам за рабочим столом. Заходившие в кибитку командующего офицеры заставляли его за столом, на котором стояли десять и более зажженных свечей, лежали груды книг и чертежей. Порою он не выдерживал напряженной умственной работы и засыпал. Во сне подавал команды, с кем-то спорил.

Как результат его долгих занятий и раздумий 18 декабря появилась «Инструкция г.г. офицерам действующих частей войск». Вот ее основные положения: «Бой за местные предметы предстоит ожесточенный. Неприятель храбр и искусен в одиночном бою; стреляет метко и снабжен хорошим холодным оружием, но он действует враспыленную, вразброд или отдельными кучами, мало послушными воле предводителя, а потому неспособен, несмотря на свою подавляющую многочисленность, к единству действий и маневрированию массами...

Современный европейский боевой порядок (рассыпной строй. — Е.Г.) при малочисленном составе наших отрядов здесь неуместен.

В открытом поле храбрая неприятельская конница на быстрых конях, ловко владеющая холодным оружием, будет постоянно действительно угрожать длинным и растянутым линиям; пехотные же из воодушевленных, сильных и ловко владеющих оружием людей, доведя дело до рукопашного боя, уравновешивают в свою пользу шансы борьбы.

Как основной принцип в Средней Азии всецелен сомкнутый строй...

Будем брать противника тем, чего у него нет. Воспользуемся дисциплиной и нашим скорострельным оружием. Будем бить противника сомкнутым, послушным, гибким боевым порядком, дружными меткими залпами и штыком, всегда страшным в руках людей, сбитых дисциплиной, чувством долга и круговой порукой в одно могучее тело — колонну.

Атаки неприятельской конницы встречать соответственной переменной фронта, если это окажется нужным, и залпами с близкого расстояния; рекомендую также строить каре...

Артиллерия должна забыть себя и отдаться всецело на поддержку товарищей. Не обращая внимания ни на что, она должна обгонять атакующие части и своим огнем, всегда особенно страшным с близкого расстояния, поколебать сердце противника... Позор потери орудий ложится не на артиллерию, а на войска...

Нашей кавалерии не следует вдаваться в одиночный бой с многочисленной конницей противника, имеющей прекрасных коней и с детства привыкших владеть холодным оружием. До тех пор, пока неприятельская конница не дрогнула, пока она не будет поставлена в невыгодные условия, приперта к какому-нибудь препятствию, к теснине и проч., наша кавалерия не должна вступать с ней в кавалерийский бой.

Кавалерии при атаках следует держаться сомкнутого строя, недоступного для прорыва... Преследование же бегущей туркменской конницы — бесполезно...

Напоминаю о необходимости принятия строгих мер охранения во время ночлегов у Геок-тепе...

Каждый начальник части должен изучить район местности, лежащий впереди его участка, обдумать ту помощь, которую он может оказать соседней части в случае нападения»⁸⁹.

Так в течение ночных бдений родилась партитура предстоящего генерального сражения. Основные идеи этого плана Скобелев повторял письменно — в приказах, и устно — в

разговорах с офицерами. Он не переставал убеждать: «Не надо делать того, что желает неприятель. Он желает рукопашной схватки, следовательно, нам доходить до нее не следует»⁹⁰.

К концу декабря большинство укрепленных дворов с башенками, окружавших крепость Денгиль-тепе, были заняты русскими стрелками, они контролировали пространство между своей крепостцей и туркменкой цитаделью. Но это вовсе не была блокада: с небольшими силами (около 7 тыс. человек) блокировать крепость было невозможно. В Денгиль-тепе свободно приходили новые группы ополченцев из других мест Ахал-текинского и Мервского оазисов, привозили продовольствие, в изобилии спрятанное в песках, т.е. никакого неудобства от соседства русских защитники крепости не испытывали. Более того, они перерезали пути сообщения экспедиционных войск с продовольственными базами в Персии и теперь русские сами оказались как бы в блокаде. Текинцы спокойно ждали, когда русские, как и год назад, полезут на их неприступные стены, и тогда они снова перебьют неверных в рукопашной схватке. Но русские вели себя совсем не как прежде — они закапывались в землю.

23 декабря начинаются правильные осадные работы перед южным фасом крепости. Саперы роют траншеи, строят редуты, укрепляют позиции батарей. Первоначально предполагалось все земляные работы завершить за пять ночей, но они заняли три недели.

К 28 декабря ночными трудами были вырыты две параллели, т.е. параллельные траншеи, соединенные ходами сообщения — войска неуклонно приближались к крепостной стене, на что защитники Денгиль-теке смотрели, казалось, совершенно равнодушно. Люди расслабились в убеждении, что враг «не посмеет», забыли требование командующего об усилении охраны позиций в темное время суток, и тогда текинцы напомнили, что они бойцы и смелые, и жестокие. 28-го под покровом темноты текинцы вышли из крепости и напали на солдат, готовившихся заняться рытьем траншеи. Офицеры обсуждали план работы, а служивые наслаждались последними минутами отдыха. Толпа текинцев застала рус-

ских врасплох. Вылазка была проведена организованно и явно по отработанной схеме. Участник Ахалтекинской экспедиции А.Н. Маслов рассказал, как это было: «Текинцы крадутся чрезвычайно быстро и тихо и затем сразу, как один, бросаются в шашки. Большинство из них идут на вылазку босыми, с засученными рукавами и подвернутыми халатами. При этом, несмотря на отсутствие строя, существует известная организация. Впереди идут собственно бойцы, отчаянный народ, которые с диким криком «Аллеман! Али! Магома!» бросаются в атаку. Большинство вооружены тяжелыми хоросанскими шашками; у кого их нет, тот идет с плохо выкованным копьём или штыком от отнятого у нас ружья; подле убитых находили простые овечьи ножницы, навязанные на кривую палку... Затем следуют санитары, которые быстро и с самоотвержением выносят из свалки убитых и раненых, так как у мусульман, а особенно у текинцев считается стыдом оставить товарища на поле брани без погребения. Сзади всех идут аламанщики (грабители), на обязанности которых лежит забирать оружие и что попадается от убитого неприятеля и скорее тащить в крепость; это обыкновенно молодежь — мальчики 14–15 лет, которые, впрочем, иногда увлекаются и лезут вперед, где и гибнут такими же героями, как и старики. Исполняют они свое дело с необыкновенной быстротой и ловкостью, и в несколько минут успевают ободрать все оружие и патроны, оставленные в траншеях, и раздеть почти догола убитых.

Текинцы сложены атлетами и рубят сильно и ловко. Раненные шашками имеют ужасный вид. У некоторых убитых от удара разлетались черепа, а у иных лица были до того исполосованы и изуродованы, что труп трудно было признать по лицу»⁹¹.

Отбивать нападение текинцев пришлось несколько часов. Толпы туркмен отходили от траншей и снова бросались в атаку — так повторялось четыре раза. Дело решило умелое командование самого Скобелева и начальника недавно прибывшего отряда туркестанских войск, соратника Скобелева по войне на Балканах, А.Н. Куропаткина. Наконец стрельба затихла, и к траншеям уже поскакали лазаретные повозки. Последствия

вылазки из крепости видел своими глазами военный врач А.В. Щербак: «Траншеи полны солдат. Прижавшись к насыпи, судорожно сжимая ружья, все напряженно вглядываются в черную мглу. Другие быстро двигаются на площади, между параллелями... На перевязочном пункте Красного креста, освещенном несколькими фонарями, лежат, покрытые серыми шинелями, не то убитые, не то раненые. Тут суетня...

Приближаясь к батарее и реду, спотыкаешься о трупы. Чем ближе, тем больше. Ноги шлепают в лужах крови.

Узкая траншея местами запружена телами. Пахнет порохом дымом. На банкете две сцепленные фигуры — у одной в груди штык, у другой разрублена голова: шашка и штык в тесном союзе с омертвелыми пальцами...

Слабый свет фонаря едва освещает молчаливую батарею: тут тихо. Изрубленные тела, сдвинутые орудия и несколько санитаров...»⁹²

Разбирательство причин случившегося Скобелев оставил до следующего дня, а пока не рассвело, приказал продолжать земляные работы. В два часа ночи Куропаткин получил от командующего предписание завершить намеченные работы до утра. Всю ночь артиллерия, главным образом мортиры, громила крепость. Утром подвели итоги. Убиты 5 офицеров и 91 солдат, ранены — 1 офицер и 30 солдат. Похищены знамя 4-го батальона Апшеронского полка и одно горное орудие с двумя зарядными ящиками. Головы убитых текинцы унесли с собой, воткнули на палки и выставили у своих кибиток.

Скобелев, однако, показал всем, что он остался Скобелевым. Несмотря на моральное потрясение для всего отряда и заметный урон (выбыла из строя значительная часть совсем небольшого войска), он перенес лагерь экспедиционных сил еще на 500 метров ближе к Денгиль-тепе. Сюда уже долетали пули защитников крепости. В тот же день, 29 декабря, полковник Куропаткин взял еще один укрепленный двор (кала) всего в 150 м от стен крепости, как бы сравнив счет с возможными о себе текинцами. С башни только что захваченного укрепления отлично было видно все, что творилось внутри крепости. На вершине башни был устроен наблюдательный пункт, где сидел корректировщик артиллерийского огня. Те-

кинцы усиленно обстреливали русских наблюдателей, несколько человек погибли.

Удивительное дело — русская беспечность: напрасно Скобелев предупреждал об особой бдительности ночью, только что текинцы вырезали до ста человек, преподав страшный урок, и все повторилось ночью 30 декабря.

О подготовке вылазки из крепости около 6 тыс. текинских бойцов заранее оповестил наблюдатель, сидевший на башне захваченного накануне укрепленного двора. Текинцы ловко обманули профессиональных военных: они имитировали нападение на правый фланг русских траншей, но основной удар нанесли по левому флангу. Вылазка была не менее дерзкой и почти столь же чувствительной по последствиям: погибли в основном артиллеристы, которые в отряде составляли немногочисленную группу ценных специалистов. Текинцы унесли с собою 53 головы убитых, много берданок, еще одно горное орудие и артиллерийские заряды.

Теперь защитники крепости обладали двумя современными артиллерийскими орудиями, запасом гранат к ним; кроме того, они взяли в плен русского бомбардира-наводчика Агафона Никитина, который, по их мысли, должен был научить их правильно вставлять в гранаты запальные трубки, чтобы гранаты разрывались (без трубки граната падает как монолитное ядро). Принудить Агафона выполнить вражескую волю они не смогли. Он был не только солдат, давший присягу, но и старообрядец, человек сильный духом. Текинцы привычно зверствовали: обрезали пленнику пальцы на ногах и на руках, уши, вырезали ремни со спины, но ничего не добились. Они убили Агафона. Герою артиллеристу впоследствии был поставлен памятник.

Как и после первой вылазки из крепости, Скобелев приказал продолжить рытье траншей к Денгиль-тепе, с удвоенной энергией укреплять батареи и активно обстреливать противника навесным огнем. Однако в душе он понимал, что текинцы вырвали у него инициативу. И они это тоже знали. Они увидели, как надо пользоваться своими преимуществами — превосходством в численности и умении драться врукопашную; перед ними появилась реальная возможность обескровить

небольшой русский отряд, не допустив его до генерального сражения на стенах крепости. Было им еще хорошо известно, что запасы продовольствия и фуража у русских ограничены. Текинские вожди уверовали, что нащупали верную тактику: бить русских в вырытых ими самими окопах по ночам, когда те совсем беспомощны. Аллах, казалось, вразумил своих воинов.

Скобелев обладал характером нелегким и неровным, мог вспылить без дела и не сдержаться, мог оскорбить и даже ударить человека во гневе (потом жалел и мучался); такой черной тучей он стал после двух ночных схваток, на этот раз вполне оправданно. Он как мог воспитывал своих подчиненных, учил их способам войны с иррегулярными частями, требовал отказаться от высокомерного отношения к «халатникам» и «дикарям», но не преуспел. Его малое войско таяло и, что было особенно опасным, исчезал его победный настрой. «Никто не может заподозрить меня в трусости, — говорил командующий своим соратникам, — *mais ces attaques nocturnes me font l'effet comme si j'avais bu de l'eau de Kissingen*»*. (Киссингенские воды были особо ненавистны Скобелеву по связи с именем Бисмарка)⁹³.

Если ночные атаки угнетали начальника экспедиции, человека, доказавшего неоднократно свою решимость в достижении цели, то на людей более слабых духом они оказывали разрушительное воздействие. «Когда начинается серьезная война, — писал впоследствии участник экспедиции А.Н. Маслов, — сопровождаемая частыми неудачами, то обыкновенно у большинства быстро составляется убеждение в необходимости отступления, которое, впрочем, не всеми высказывается, а только таится. Этим большинством руководят обыкновенно побуждения разные: одни хотят отступить просто от малодушия, другие вовсе не рассчитывали на серьезную войну, думали только стрелять, а не быть расстрелянными, за что и получить орден; у третьих отступление связывается со стратегическими и тактическими соображениями, потому что в этих случаях всякий считает себя

---

*...но эти ночные атаки действуют на меня так, будто я напился Киссингенской воды (фр.).

стратегом; наконец, четвертые желают отступления просто из недоброжелательства; это так называемые «серые» люди, как называл их Скобелев»⁹⁴.

Это глубокий анализ наблюдательного и бывалого человека. Следуя рекомендации государя, Скобелев старался не брать в поход случайных людей, тем не менее они прилепились к экспедиционному корпусу, немало оказалось «фазанов», т.е. представителей знатных фамилий, богатых щеголей, с помощью великосветских связей получивших назначение состоять при том или ином штабе, что означало реальную возможность получить без особого труда и чин, и награду. «Фазаны» появлялись помимо воли командующего и его начальника штаба; когда же возникла угроза их жизни, они стали «отлетать» подальше от опасных мест и верного, как им казалось, успеха. Стараниями «серых» людей по Тифлису и Петербургу скоро распространился слух о поражении Скобелева в степях Закаспия: недоброжелатели и завистники упоенно расписывали подробности разгрома скобелевских частей.

У начальника экспедиции, которую он первоначально собирался завершить весной 1881 г., появилось сразу несколько причин ускорить осадные работы и провести штурм в самое ближайшее время. Нельзя было позволить текинцам ослаблять своими атаками боевой дух вверенных ему войск; нельзя было допускать сокращения численности русского отряда; истощались припасы, в том числе снаряды и патроны; из-за неблагоприятных для русского отряда слухов, распространившихся в тылу, можно было ждать нападений осмелевших туркмен-иомудов на промежуточные базы на обеих коммуникационных линиях, имевших очень слабое армейское прикрытие. Было еще одно обстоятельство личного для Скобелева свойства: из Тифлиса поступила телеграмма о предстоящем прибытии в его отряд начальника штаба Кавказского военного округа генерала Павлова, что можно было расценить как недоверие к нему, а значит, следовало ждать вмешательства в его распоряжения.

Скобелев нервничал, торопил инженеров. К 1 января 1881 г. вырыто было траншей и ходов сообщений до пяти верст, устроены три редута и пять батарей, укреплены шесть

занятых вокруг крепости дворов. До стен туркменской цитадели правому флангу оставалось около 100 метров, левому — 150. Вся система траншей, ходов сообщения и земляных укреплений была далеко не доведена до приемлемого состояния, выполнена вчерне, однако Скобелев уже требовал начать рытье минной галереи. Стену крепости в выбранном месте должны были поднять на воздух 150 пудов пороха.

Пошатнувшуюся веру своих «детей», как он обычно называл офицеров и солдат, Скобелев пытается укрепить личным примером. Он постоянно находится в окопах, всегда отлично одетый, величественно-стройный, надушенный, с ласковой веселой улыбкой, хотя и заметно утомленный. Солдаты понимают, что идет их истинный вождь. «Скобелев идет!» — проносится по цепочке. Он зычно здоровается, «и точно электрический ток пробегает по измученным и запыленным рядам офицеров и солдат, и громкое лихое «здравия желаем» несется навстречу *настоящему* генералу; он идет по рядам, высокий, молодой, в белом романовском полушубке, с генеральскими погонами и белым крестом на шее, не сгибая головы под выстрелами; и по его приказанию русские безответные воины опять готовы не спать, не отдыхать, копать без усталы и умирать безропотно...»⁹⁵. Таким сго запомнил очевидец.

В своих приказах, распоряжениях и письмах он непреклонен: «Все мнения, клонящиеся к отсрочке осады, я отвергаю, и все действия, которые могут отклонить приближение штурма, я не допускаю. Вперед, вперед, вперед! С нами Бог. Никакой литературы, в бой!..

Осада ни в коем случае не будет снята; штурмы будут повторяться до последней крайности. Отступления же изпод Геок-тепе ни в коем случае не будет»⁹⁶.

Воодушевленные примером своего вождя, а также обещанием хорошего вознаграждения, солдаты саперных и пехотных частей, выбиваясь из сил, ведут протяженную минную галерею под крепостную стену. Защитники Деңгильтепе обескуражены: после двух поражений 28 и 30 декабря русские не только не прекратили осадные рабо-

ты, но стали заметно энергичнее. «Русский сердар, — говорили в крепости, — пристал к нам, как мокрая рубашка к телу». Тем не менее текинцы еще не сознают, насколько неблагоприятным может быть для них завершение земляных работ; они высовывают головы над стенами, дразнят и оскорбляют осаждающих: «Что роетесь как свиньи?! Нажретесь земли и убежите». Они еще верят, что так и будет. Им кажется, что русские собираются прорыть подземный ход, чтобы пробраться внутрь крепости, а это совсем неопасно — мужественные текинцы перебьют их по одному. В том месте крепости, где может выйти наружу подземный коридор, постоянно дежурят лучшие воины, готовые изрубить «гостей». Командиры осажденных знают, что Скобелев готовится взорвать стену, но им это тоже представляется бессмысленным, поскольку численный перевес на их стороне, а это значит, что штурмующие будут уничтожены тут же, на стене. Упорство русских для них непонятно.

Начальника экспедиции между тем заботят две проблемы: как предотвратить последствия возможных новых вылазок противника и каким образом не ошибиться — заложить мину точно под стеной. Скобелев отдает распоряжение: учредить кавалерийские ночные разъезды с трубачами, которые через каждые 15 минут должны подавать сигнал «Слушайте все»; для освещения местности пускать перед траншеями боевые ракеты (осветительных тогда еще не было), а также употребить в дело сигнальный фонарь Шпаковского. В сущности, это всего лишь полумера: текинцы умеют скрытно, используя складки местности, подбираться к траншеям и, как снег на голову, обрушиваться на российских солдат.

Каждую ночь после Нового года Скобелев проводит в окопах; здесь солдаты ему подсказывают решение первой проблемы. В черной тьме, изредка разрываемой слабым светом ракеты, он услышал мнение рядовых: зря начальники заставляют их сидеть ночами в траншеях, где текинец легко сверху, с вала, точно с коня, поражает их пикой или саблей; куда лучше было бы залечь цепью за канавой да бить по «чакинцам» залпами, когда те появляются на валу, заметные, как на ладони.

Впервые новая тактика была применена 3 января 1881 г., но в ту ночь «чакинцы» смирно сидели за глинобитными стенами. Весь день 4 января крепость молчала. В сгущавшихся сумерках наблюдатели заметили подготовку к вылазке. На этот раз собралось до 12 тыс. человек. Пользуясь темнотой до восхода луны, часов около семи вечера, текинцы приблизились к траншеям и с ревом бросились на левый и правый фланги русских позиций, чтобы, как и прежде, колоть и рубить ненавистных гяуров... но тех в траншеях не было. Стоя в рост, солдаты стреляли залпами. Очевидец рассказывает: «Все траншеи горят перекатным ружейным огнем; оглушительная пальба орудий, визг картечи и громкая дробь скорострельных пушек. Сквозь тьму и пороховой дым доносятся нервные, громкие возгласы командиров: «Ро-та, пли! Ро-та, пли!»; остервенелый крик текинцев, напоминающий вой зверей, и торжественный марш Ширванского полка, играющий где-то и как-то, оригинально звучащий среди всей этой дьявольской кутерьмы»⁹⁷.

На этот раз нападавшие понесли огромный урон. Первые ряды туркмен, не выдержав залпового огня, побежали назад, но столкнулись с массой своих же, продолжавших наступать сзади, — те и другие, сбившись в плотную толпу, оказались идеальной мишенью? Практически ни один выстрел не пропал даром. Войска Скобелева в ту ночь потеряли 11 человек убитыми.

Захлебнувшаяся атака в ночь на 4 января оказала деморализующее влияние на защитников Денгиль-теке. Начались споры и раздоры. Поняв безнадежность дальнейшего сопротивления, обитатели Мервского оазиса и других мест, прибывшие к ахалтекинцам на подмогу, откочевали в родные края. И предлог нашли благовидный: пора готовиться к севу. Скобелев нервничал: остальные тоже могли сбежать. Но они не сбежали, а даже предприняли еще две ночные вылазки, но уж совсем без надежды на успех — даже не подошли к окопам. Покричали и побежали назад. До самого штурма текинцы больше не пытались заставить русских врасплох. Эту проблему удалось решить. Теперь необходимо было не промахнуться с минной галереей.

«Минная галерея, — рассказывал участник кампании, — склоняясь, идет вперед с таким расчетом, чтобы пороховая камера пришлась под стеной на глубине двух сажен. Здесь очень тесно: из галереи постоянно передают мешки с землей; одни их подхватывают, другие относят назад, сыпают на брустверы и опять идут за мешками...

В галерее темно, и только в конце тускло светятся постоянно горящие свечи. Вдоль галереи сидят, с небольшими промежутками, рабочие, которые передают друг другу мешки с землей. Впереди раздаются глухие удары мотыги и поскребывание лопаты; здесь работают минеры. Жара и духота страшные; на лицо садится пар от дыхания и подземная сырость; свечи оплывают и горят тускло, и совсем бы потушили, если бы не приток свежего воздуха из вентиляционного рукава... С работающих пот льет градом, но отдыхать некогда...

В самом начале минных работ в направлении галереи произошла ошибка — она пошла чересчур влево, столкнулась с левой сапой*, и стена галереи, обвалившись, образовала окно. Потом направление исправили»⁹⁸.

Галерея могла пойти и вправо, и влево; могла не дойти до стены либо выйти за стены уже в пределах укрепления. Этого-то и опасался Скобелев. Несколько раз, рискуя жизнью, охотники пробирались к подножию крепостной стены с мерными веревками, на которых завязывали узелки. В распоряжении инженеров были данные топографической съемки, но командующий им не доверял и требовал новых и новых проверок. К собранным наблюдениям и промерам сведениям добавились совершенно неожиданно и очень кстати важные подробности, сообщенные персом, бежавшим из текинского плена. Он, между прочим, сообщил, что внутри крепостных стен никаких дополнительных инженерных сооружений не существует, что и подтвердилось впоследствии. Взяв крепость, Скобелев изумлялся этой непредусмотрительности, тем более что в строительстве Денгиль-тепе участвовали британские специалисты.

---

* Сапа (*фр. sape*) — траншея, применявшаяся в XVI-XIX вв. при осаде крепостей для постепенного приближения под огнем противника к его укреплениям (отсюда — саперы).

В ночь с 7 на 8 января был произведен массированный артиллерийский обстрел крепости, принесший ее обитателям большие страдания. По мысли командующего, то была мера, способная деморализовать противника.

8 января Скобелев был в отличном расположении духа. (Близкие к нему люди, впрочем, предпочитали, чтобы командующий начинал день в дурном настроении, так как очень скоро оно у него улучшалось, и он становился весел и приветлив. Это был человек переменчивого настроения.) По его и его инженеров расчетам, минирование стены могло быть закончено к утру 10 января; на этот день Скобелев собрался назначить штурм. Однако план пришлось менять. От излишнего усердия солдат, крутивших ручку вентилятора (электровентиляторов еще не было), несовершенный, да и старый аппарат сломался. Генерал стал упрекать саперов в невнимании и непонимании дела и даже заявил, что теперь в их мину не верит, чем сильно уязвил их профессиональное самолюбие. Весть о том, что сам Скобелев разочаровался в mine, разнеслась по войскам и повлияла на людей совсем плохо. Все уже давно ждали окончания осады, а тут...

Заявление о неверии в мину вовсе не было наигрышем, просто резко изменилось настроение Скобелева, а с ним и его представление о способах штурма. Прекрасно знавший военную историю, генерал стал доказывать руководителю всех инженерных и минных работ полковнику Рутковскому, что великому теоретику и практику фортификационного и минного дела маршалу Вобану, осаждавшему в течение своей жизни несколько десятков крепостей, только в нескольких случаях удалось довести минирование до успешного завершения. Отсюда был вывод: дело это ненадежное. Сегодня мы сказали бы, что такое суждение некорректно: Вобан вел свои осады и минные работы в Европе, где уже к XVII в. была разработана технология контрминирования, о чем текинцы не имели ни малейшего представления.

Командующий потребовал от Рутковского представить соображения на случай, если придется штурмовать 10 января без минного взрыва. Скобелев теперь очень спешил со штурмом, не желал слушать разговоров о его отсрочке. Ре-

зоны были те же, плюс еще одна причина: переносить штурм следовало дня на два — на три, а это значило, что пришлось бы брать крепость либо в понедельник 12-го числа, либо во вторник 13-го. Скобелев был суеверен: понедельник, как известно, день несчастливый, а 13-е число и подавно.

Взамен мины Рутковский мог предложить только одно средство — пробить брешь артиллерией и очень настаивал на переносе срока штурма на два дня.

Пока командиры обсуждали исторические сюжеты и спорили о преимуществах минной войны, русские умельцы с помощью подручных средств починили заморское сооружение; вентилятор находился в простое всего шесть часов. К этому времени офицерам удалось уговорить своего командующего назначить штурм на 12 января. Последним для генерала аргументом стало: 12 января — Татьянин день, в этот день был основан Московский университет — в какой-то степени *alma mater* М. Д. Скобелева. Такой понедельник не мог быть несчастливым.

«Томительно долго текут последние дни осады. Отбыв свой караул в траншеях, офицеры стараются как-нибудь убить время — играют в шахматы, читают старые газеты, по рукам ходят даже романы, вроде «Старость Лекока», «Дело под № 113», «Нана» и т.п. Все это перечитывалось по многу раз»⁹⁹. Сам Скобелев выписал в походный лагерь более десятка петербургских и московских газет и журналов — приходят с большим опозданием, — но читать их ему недосуг. Если что он и читает, то все того же многоопытного Вобана (построил и перестроил 300 крепостей): ему нужно знать в деталях, как пробиваются бреши в крепостных стенах.

Один раз русские пушки уже пробили брешь в юго-западной стене, но текинцы ее тут же, под огнем, заделали, продемонстрировав мужество и стойкость. 10 января Скобелев устраивает репетицию штурма. Матросы-минеры под командованием гардемарина Майера и солдаты железнодорожного батальона с подпоручиком Остолоповым во главе подкрались в темноте к крепостной стене и, заложив в nasкоро вырытые каморы динамитные и пироксилиновые заряды, поочередно их взорвали. После каждого взрыва из

русских траншей гремело «ура», а текинцы метались от одной пробоины к другой, решив, что русские пошли на приступ. Еще в одном месте артиллерия пробивала третью брешь. Эту пробоину специальная брешь-батарея поддерживала открытой более суток, вплоть до настоящего штурма.

В полночь на 12-е адъютанты передали командирам колонн диспозицию к штурму. Диспозиция начиналась словами: «Завтра 12-го января имеет быть взят штурмом главный вал неприятельской крепости у юго-восточного угла ее»¹⁰⁰. Задача ставилась скромная: захватить пробоины в стене и часть крепости, ограниченную двумя стенами, сходящимися на угол. Скобелев предполагал, что сопротивление туркмен будет ожесточенным, а потому занятие всего укрепления Денгиль-тепе могло растянуться на несколько дней. Во главе двух штурмовых колонн были поставлены известные в войсках офицеры — полковники Куропаткин и Козелков, отвлекающий маневр был поручен колонне подполковника Гайдарова. Большой резерв оставался в распоряжении самого Скобелева.

Команда минеров, руководимая гардемаринном Майером, провозилась с закладкой минного заряда до 12 января. К шести часам утра в понедельник все подразделения были на местах, но матросы все еще продолжали работать в минной галерее в полной темноте, поскольку огонь зажигать было нельзя. В семь часов началась артиллерийская подготовка: одни орудия расширяли брешь в стене, другие бомбардировали внутреннее пространство крепости гранатами. Наконец в 10 часов 30 минут полковник Рутковский доложил командующему о завершении минных работ. Взрыв, а с ним и начало штурма были назначены на 11 часов 20 минут.

Части были выведены на исходные позиции совсем близко от крепости. Существовал риск, что куски стены в момент взрыва могли упасть в траншею, где находились штурмующие, но иначе было нельзя — необходимо было воспользоваться замешательством противника после взрыва, которое должно было продлиться недолго; несколько минут промедления могли оказаться решающими.

Напряжение нарастает. Скобелев сидит в походном кресле перед траншеей. Его просят уйти, не рисковать; он не слышит. Офицеры смотрят на часы. Поручик Черняк, бледный от волнения, держит в руках концы проводов. Раздается негромкая команда: «Поручик Черняк, приготовьтесь. 30 секунд осталось...» На стенах крепости никого нет — текинцы, видимо, взрыва не ждут. И вот: «Взрывайте!»

Земля дрогнула... глухой подземный гул... Черная густая масса камней, земли и пыли высоко поднялась над стеной... и с грохотом рухнула на землю.

Как и предполагалось, многих солдат штурмового отряда засыпало и контузило, но те, что остались невредимы, с нарастающим «ура!» ринулись в огромный пролом. Одновременно в артиллерийскую брешь бросились солдаты Апшеронского батальона, того самого, который две недели назад лишился знамени. Текинцы довольно быстро оправались от первого потрясения. Слово участнику штурма А.Н. Маслову: «Кучка удалцов, текинцев, теснясь во внутреннем рву, бросились очертя голову отбивать обвал, и между обеими сторонами завязалась перестрелка в упор и рубка шашками... В это время охотники Воропанова уже взобрались за правый парапет и, то перестреливаясь, то схватываясь холодным оружием, наступали по стене. На позиции музыка играла марш и стройно, с барабанным боем подступали резервы... В толпе солдат и офицеров, теснившихся на вершине и по скату обвала, раздалось громкое, бешеное «ура!», сверкали штыки и сабли, в облаке дыма и пыли развевалось ширванское (ширванского полка — Е.Г.) знамя. Раздавались крики: «Туров* сюда подавай! Орудие, орудие сюда!», — и саперы с лихорадочной быстротой, бросая в толпу землей, расчищали лопатами въезд и площадку для орудия. Поднесли туры и мешки. Артиллеристы, перетащив на руках горные пушки через высокую плотину, тянули их к обвалу... Во рву располагался перевязочный пункт. Наконец-то войска увидели внутренность Денгиль-тепе!»¹⁰¹.

---

* Туры — бездонные цилиндрические корзины из кольев, оплетенных хвостом; широко применялись при осадных работах для устройства блиндажей и ниш для снарядов.

Поскольку все защитники Денгиль-тепе бросились к двум брешам, колонна подполковника Гайдарова взобралась в крепость по штурмовым лестницам, не встретив никакого сопротивления. Эти свежие силы напали на текинцев с тыла. «Подавленные наступлением со всех сторон, — продолжает Маслов, — не зная, куда идти на помощь, текинцы наконец дрогнули, и массы их бросились бежать, увлекая за собой храбрых...

Главное направление бегущего неприятеля было на север, но многие бросались и в другие стороны, через все выходы, куда попало... Видно было только, как эти могучие, широкоплечие фигуры повернулись почти разом, и по спинам в разноцветных халатах с самого близкого расстояния была открыта учащенная пальба на выбор, от которой они целыми кучами, как скошенные, падали между кибитками. Это была победная, торжествующая пальба, и что-то сухое, не допускающее пощады слышалось в этих перекатных залпах»¹⁰².

Скобелев внимательно следил за боем, и был момент, когда он собрался сам вести резерв на помощь колонне полковника Козелкова, встретившей сильное сопротивление возле артиллерийской брешы — в этом месте текинцы ожидали штурмующих. Его удержали, чуть ли не силой, адъютант Баранок и командир колонны Козелков.

Победа была полная, хотя солдатам до самой темноты пришлось заниматься так называемой зачисткой крепости. Не все защитники ее убежали, часть спряталась в ямах и кибитках, откуда то и дело раздавались выстрелы. Найденных в тайниках уничтожали. В одной из кибиток было обнаружено и знамя Апшеронского батальона. Вся боевая операция заняла два часа.

Вслед за убежавшими Скобелев послал казаков и драгун, которые преследовали беглецов верст 15, расстреливали их и рубили шашками. Женщин и детей вернули в Денгиль-тепе.

Потери текинцев были огромны. Из 30–35 тыс. человек, находившихся в крепости в начале осады, погибло, по данным Скобелева, около 8 тыс. Среди погибших немало было

женщин и детей. Русские потеряли убитыми 4 офицеров и 55 солдат и унтер-офицеров. Среди погибших был и молодой гардемарин Майер, превосходно выполнивший минирование стены и доказавший Скобелеву надежность этого способа взятия крепостей. Всего, включая раненых, выбыло из строя 398 человек.

Желая как можно чувствительнее наказать непокорный народ, Скобелев разрешил своим солдатам три дня брать в кибитках все, что им понравится, за исключением продовольствия и фуража. Веря в несокрушимость своей крепости, за стенами которой они уже однажды отбились от русских, текинцы собрали здесь жен, детей, часть скота, весь свой домашний скарб и большие богатства, награбленные в Персии и Бухаре. Самой большой популярностью у солдат пользовались ковры превосходной ручной работы.

Через три дня Скобелев отправил отряд Куропаткина в сторону Ашхабада и других кишлаков оазиса, чтобы привести их к покорности, используя в полной мере деморализующий эффект падения такой неприступной крепости, какой казалась туркменам их Денгиль-тепе. Кроме того, в населенные пункты Ахалтекинского оазиса было послано воззвание: «Объявляю всему ахалтекинскому населению, что силою войск великого моего государя крепость ваша Геок-тепе взята и защитники ее перебиты... Войска могущественного белого царя пришли сюда не разорять жителей Ахалтекинского оазиса, а, напротив, умирить и водворить в них полное спокойствие с пожеланием добра и богатства»¹⁰³.

Вместо двух лет, предусмотренных планом, экспедиция продлилась девять месяцев; было выпущено 5604 снаряда, 224 ракеты, использовано около 300 тыс. патронов; территория империи увеличилась на 28 тыс. кв. верст.

На следующий день после штурма на самом высоком месте, на холме в центре крепости, была отслужена панихида по погибшим в двух штурмах и во время осады.

В день штурма начальник штаба Кавказской армии генерал Павлов высадился в Красноводске — не зря Скобелев так торопил своих инженеров и минеров.

16 января из Тифлиса пришла депеша великого князя Михаила Николаевича с текстом телеграммы государя: «Благодарю Бога за дарованную нам полную победу. Ты поймешь мою радость. Спасибо тебе за все твои распоряжения, увенчавшиеся столь важным для нас результатом. Передай мое сердечное спасибо всем нашим молодцам. Генерал-адъютанта Скобелева произвожу в полные генералы и даю Георгия 2-й степени. Прикажи поспешить представлением к наградам. Александр»¹⁰⁴.

Не ошибся император в своем Мише. А Миша торопился со взятием туркменской крепости, будто знал, как мало времени оставалось жить его государю.

Покончив с Геок-тепе, Скобелев направил свои мысли в сторону Герата и Мерва, но 20 января получил предписание от военного министра Д.А. Милютина: «Необходимо строго держаться двух условий: 1) не допускать ни под каким предлогом движения войск к востоку за пределы Текинского оазиса и 2) отнюдь не нарушать неприкосновенности персидской территории»¹⁰⁵. Для Скобелева это был неприятный сюрприз. Следующий сюрприз преподнес генерал Павлов, сообщивший 2 февраля о расформировании скобелевского отряда. Тут уже чувствовалась рука великого князя Михаила, не любившего молодого генерала от инфантерии. Больше в кавказских владениях его терпеть не хотели. А дальше была трагедия 1 марта, и уже 28 марта Скобелев сдал командование войсками новому начальнику Закаспийской области генералу Рербергу.

ВОЗМУТИТЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СПОКОЙСТВИЯ

После гибели Александра II Скобелев снова ощутил недоброжелательство со стороны кавказского начальства и официального Петербурга. Возвращаясь из Закаспийского края, он не стал заезжать в Тифлис, хорошо представив прием, который там его ожидал. Великий князь — главноко-

мандующий Кавказским военным округом был к нему не расположен, особенно теперь, после победы над текинцами, которая так упорно не давалась в руки подчиненным великому князю генералам. Нетрудно было предположить, какие слухи и сплетни уже ходят о победителе в тифлисском обществе. Ехать в Тифлис не было и формальной необходимости: с завершением закаспийской экспедиции Скобелев автоматически перестал числиться временно командующим экспедиционным отрядом и снова становился командиром своего 4-го корпуса, дислоцированного в Минске, так что он имел право не ехать в Тифлис.

Масштабы своей популярности и народной признательности он смог оценить уже в Астрахани: его встречали восторженные толпы. В Москве его повсюду окружали тысячи почитателей; их было так много, что сам московский генерал-губернатор князь Долгоруков с великим трудом пробился на Николаевском вокзале к поезду, которым он вместе со Скобелевым должен был отбыть в столицу. Петербург остался верен себе — «свод небес зелено-бледный, скука, холод и гранит», — резкий контраст по сравнению с теплотой и любовью Центральной России. Известный публицист, один из активных недоброжелателей «белого генерала» Г.К. Градовский, свидетельствовал: «Самое возвращение победителя текинцев не сопровождалось какими-нибудь обедами, овациями и возвеличиваниями. Все, кто имел случай видеться в то время со Скобелевым, могут засвидетельствовать, что он поспешил взять заграничный отпуск и уехал раздосадованный и недовольный тем холодным приемом, который он встретил в «благодарном отечестве»¹⁰⁶.

Публицист не совсем прав: холодно и недружелюбно встретил Скобелева только чиновный Петербург. Поклонившись надгробию царю-освободителю в Петропавловской крепости, Скобелев отправился на аудиенцию к новому императору, который встретил его вопросом, содержащим вызов: «Какова была дисциплина в вашем отряде?» Это вместо поздравления и благодарности, словно царь не был приемником своего отца. Нового императора совсем не интересовала закаспийская операция, аудиенцию он, видимо,

считал чисто протокольной и даже не предложил Скобелеву сесть. Не было похвал, зато был сделан выговор за то, что временно командующий Ахалтекинской экспедицией не уберег от роковой пули молодого графа Орлова. Говорили недолго и холодно. Император дал понять, что ничем не обязан человеку, спасающему честь страны.

Бывший наследник престола и победитель текинцев не любили друг друга с той турецкой кампании, когда не обладавший военным талантом цесаревич весьма неудачно командовал вверенным ему Руцукским отрядом, чем возмущался Скобелев. К тому же появление Скобелева в столице было подготовлено его многочисленными недоброжелателями, людьми высшего света. В придворном кругу его называли «Бонапартом, вернувшимся из Египта», «славянским Гарибальди», что делало неприязнь к нему Александра III еще острее, возбуждало подозрения. В петербургских салонах обсуждали непомерные амбиции молодого генерала, который якобы собирался совершить дворцовый переворот и захватить российский престол.

В начале 80-х годов XIX в. в российском обществе еще жива была память о гвардейских дворцовых переворотах, последним из которых было неудачное выступление 14 декабря 1825 г. Такая традиция существовала, и почему бы очень популярному в войсках генералу ее не продолжить, тем более что новый царь еще ничем не успел прославить свое царствование?

Скобелев был раздосадован несправедливостью и неблагодарностью Александра III, но не личные обиды восстановили его против нового самодержца, а отказ последнего от конституционного проекта М.Т. Лорис-Меликова, который подписал, но не успел реализовать покойный император. П.А. Кропоткин высказывался по поводу тогдашних настроений генерала весьма определенно: «Из посмертных бумаг Лорис-Меликова, часть которых обнародована в Лондоне другом покойного, видно, что, когда Александр III вступил на престол и не решился созвать земских выборов, Скобелев предлагал даже Лорис-Меликову и графу Игнатьеву... арестовать Александра III и заставить его подписать мани-

фест о конституции. Как говорят, Игнатъев донес об этом царю и, таким образом, добился назначения министром внутренних дел»¹⁰⁷. О таком разговоре, не договаривая по природной осторожности до конца, сам Лорис-Меликов сообщил своему хорошему знакомому А. Ф. Кони: «Летом 1881 г. он (Скобелев. — *Е.Г.*) телеграфировал мне в Эмс о желании видеть меня. Я назначил местом свидания Кельн, по пути в Париж. Там он меня встретил роскошным обедом, экстренным вагоном-салонном и т.д. Когда мы остались одни в вагоне вдвоем, я ему говорю: «Что, Миша? Что тебе?» Он стал волноваться, плакать, негодовать... Затем пошел, пошел нести какую-то нервную ахинею, которую совершенно неожиданно окончил словами: «Дальше так идти нельзя... Все, что Вы прикажете, я буду делать беспрекословно и пойду на все. Я не сдам корпуса, — а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду. Я ему устрою так, что если он придет смотреть 4 корпус, то на его «здорово, ребята!» будет ответом гробовое молчание. Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте...» Я отвечал ему, что он дурит... Внушал ему, что он напрасно рассчитывает на меня, но он горячился, плакал и развивал свои планы крайне неопределенно очень долго... Это мог быть роковой человек, для России — умный, хитрый и отважный до безумия, но совершенно без убеждений»¹⁰⁸.

Михаил Тариелович Лорис-Меликов выражался так, чтобы не попасть в «историю» и одновременно остаться в Истории. Ко времени их встречи Михаил Дмитриевич Скобелев имел как раз определенные убеждения, те самые, от которых вполне спокойно после гибели государя-реформатора отказался Лорис-Меликов: не получилось с конституцией, да и Бог с ней, — поехал на воды. Лорис-Меликов не мог и не хотел понять натуру мятежную, недюжинную, но, интуитивно ощущая ее недюжинность, стремился опустить ниже своего нравственного уровня.

В сущности, все ясно: Скобелев обратился к человеку, которого считал убежденным реформатором, для которого, как он думал, был трагедией поворот от курса реформ в сторону давно изжившего себя прошлого. Скобелев ошибся в

том, кто не был убежденным борцом за идею, в то время как он — Скобелев — был им.

Если верить Лорис-Меликову, то генерал от инфантерии М.Д. Скобелев был готов на тягчайшее должностное преступление: «Я не сдам корлуca», а значит, и на дальнейшие мятежные действия. В письме И.С. Аксакову, написанному все тем же летом 1881 г., готовый к мятежу генерал писал: «Для Вас, конечно, не осталось незамеченным, что я оставил все, более чем когда-либо проникнутый сознанием необходимости служить активно нашему общему святому делу, которое для меня, как и для Вас, тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания»¹⁰⁹.

В те летние месяцы поворотного в судьбах России 1881 года генерал Скобелев, обладавший проверенными в деле качествами — целеустремленностью, личным мужеством, предусмотрительностью, огромным организаторским талантом, мог стать ключевой фигурой, лидером реформаторского крыла российского общества. Это хорошо понимали в окружении нового императора. Вскоре после краткой и нелюбезной аудиенции император получил от своего наставника К.П. Победоносцева проникнутое тревогой письмо: «Теперь в городе говорят, что Скобелев был огорчен и сконфужен тем, что Вы не выказали желанья знать подробности о действиях его отряда и об экспедиции, на которую было обращено внимание и которая была последним главным военным делом минувшего царствования. Об этом теперь говорят, и на эту тему поют все недовольные последними переменами... Смею повторить слова, что Вашему величеству необходимо привлечь к себе Скобелева *сердечно*... Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, т.е. *люди ему верят и за ним следуют*. Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь»¹¹⁰.

Видно, что Победоносцев правильно оценивает масштаб личности Скобелева, его потенциал лидера, однако видно и то, что он совершенно не знает и не понимает духовной сущности этого человека. Он предлагает царю «привлечь к себе Скобелева *сердечно*», но не понимает, что у царя нет таких

возможностей. После смерти отца Скобелев получил наследство, он богат — деньгами его не купишь; можно дать ему высшее воинское звание — генерал-фельдмаршала, но этим, во-первых, его не привлечешь на свою сторону, поскольку при всем своем честолюбии он умен, а во-вторых, сделать это не разрешает статут самого этого чина — Скобелев только-только стал полным генералом. Самое же главное: Скобелева никак нельзя было привлечь реакционным курсом контрреформ, который уже начат и будет продолжен вплоть до полной катастрофы.

Все здравомыслящие люди того времени понимали, что, затормозив либеральные реформы, которые в конечном счете должны были превратить Россию в конституционную монархию, русский самодержец и его сподвижники роют могилу самодержавию. Сохранились свидетельства, что это отлично сознавал и Скобелев. В кругу военных своего ранга он говорил откровенно: «В конце концов вся их лавочка полетит тормашками вверх... Полетит, и скатертью дорога. Я, по крайней мере, ничего против этого лично иметь не буду»¹¹¹. В 1881 г., конечно, трудно было представить размеры катастрофы 1917 г. Однако, судя по письмам своему постоянному адресату графу А.В. Адлербергу, Скобелев ощущал ее приближение и мысль о ней не покидала его: «Крайне разнородны виды нигилизма — только цель единая. Тем хуже для тех, которые того не сознают... Мы живем в такое время, что люди склонны к крайностям. Если не с нравственной, то с психологической точки зрения это вполне объяснимо»¹¹².

Скобелеву был несимпатичен новый государь, но он не сочувствовал и революционерам; он признавал, что непатриотичная внешняя политика российского самодержавия лишает его народной поддержки. Огромной ошибкой русского правительства Скобелев считал заключение Берлинского трактата. Управляющему своего имения, своему «второму отцу» И.И. Маслову он писал: «Печальное решение было бы ввиду грозных внешних и внутренних врагов отказаться от самого исторического призвания, от пролитой реками православной крови, от нашего природного права бытия во всем его размере... В монархической политике стояние

на запятках враждебной Европы, как показал Берлинский трактат, особенно опасно. Невольно вспоминается столь резкий, но, увы, верный ответ Наполеона I кн. Меттерниху на дрезденские предложения: «L'honneur peut conserver une souppes, mais l'infamie jamais»*. Спасибо за все графу Шувалову-Берлинскому»¹¹³. Так что скобелевский прогноз в отношении будущего династии Романовых был неутешительным.

Не только царь не признал его заслуг, не признали их и в петербургском обществе. Говорили о его раздутом авторитете, о незначительности победы над необученным и плохо вооруженным противником. Недоброжелательные критики называли Ахалтекинскую операцию «ничтожной экспедицией подобные которой выпадают на долю Англии чуть не ежегодно»¹¹⁴. Светские лицемеры упрекали солдатского кумира в безжалостном отношении как к русским солдатам, так и к туркменам.

Тезис о чрезвычайной жестокости Скобелева возник еще при его жизни и затем устоялся в советской исторической литературе, в целом негативно оценивавшей деятельность «белого генерала». Так в работе «Присоединение Туркмении к России», изданной в Ашхабаде в 1972 г., сказано: «Ради своей военной карьеры, ради достижения эффекта Скобелев готов был на все: кровь, лишения, жизнь сотен и тысяч людей не имели для него никакого значения на этом пути... В день занятия Геок-тепе, как никогда раньше, проявились самые характерные черты этого хваленого царского генерала — его страшная жестокость»¹¹⁵.

Это всего лишь один пример, таких упреков Скобелеву было сделано немало при жизни и особенно после кончины. Как приведенное, так и другие суждения подобного рода поверхностны, а потому неверны. Скобелев был жесток не ради карьеры или эффекта, он был жесток профессионально; он был высокого класса профессионалом жестокого военного дела. Его отличало глубокое проникновение в суть своей профессии, что он неоднократно демонстрировал в

---

* «Корону может сохранить только честь, но не бесчестие» (фр.)

беседах, письмах, приказах. Вот что он писал, например, о войне вообще: «Подло и постыдно начинать войну так себе, с ветру, без крайней необходимости... Раз начав войну, нечего уже толковать о гуманности... Война и гуманность не имеют ничего общего между собой... Вождь не имеет права милловать врага, если он еще опасен... Нерешительные люди не должны надевать на себя военного мундира. В сущности нет ничего вреднее, и даже более — никто не может быть так жесток, как вредны и жестоки по результатам своих действий сентиментальные люди. Человек, любящий своих ближних, человек, ненавидящий войну, — должен добить врага, чтобы вслед за одной войной тотчас не начиналась другая»¹¹⁶.

А вот мысли Скобелева о войне в Азии, где прошла его молодость: «Азия всегда по-своему понимала победу и поражение. С победой должен быть непременно связан материальный ущерб для противника; здесь нужно действовать наверняка и окончательно доконать после успеха»¹¹⁷.

Та же мысль была развита в интервью английскому журналисту Марвину в 1882 г.: «Я того мнения, что в Азии продолжительность мира — в прямой зависимости от жестокости удара, нанесенного в бою неприятелю... Если вы победите их силой в бою и нанесете жестокий удар — они этому подчиняются как воле Божьей. Моя система — сразу сильно ударить и наносить затем удар за ударом, пока не сломлено сопротивление. С наступлением этого момента вводится строжайшая дисциплина, кровь перестает литься и с побежденными обходятся мягко и гуманно»¹¹⁸.

Эту систему Скобелев воспринял от К.П. Кауфмана, и она себя оправдала на годы вперед. Удар по текинцам был настолько мощным, что принуждать к покорности силой не менее воинственных обитателей Мервского оазиса не представлялось нужным: в 1884 г. Мерв мирно вошел в состав империи. Вплоть до восстания 1916 г. Туркестан и Степной край были совершенно спокойными регионами, где русское население чувствовало себя в не меньшей безопасности, чем в центральных губерниях.

Эффективность скобелевского метода ведения военных действий была доказана неоднократно в течение прошедших

с той поры ста лет. Сталин требовал «добить зверя в его логове», и борьба с фашизмом была доведена до конца вопреки попыткам американских спецслужб заключить сепаратный мир с Германией ценой устранения с политической арены Гитлера. Вместе с тем непоследовательная и нерешительная военная политика в Чечне в 1994–1996 гг. привела к падению престижа России и позволила чеченским сепаратистам считать себя победителями. Поставленные в начале военных действий задачи не были решены, хотя жестокости было в избытке с обеих сторон.

В советское время историки следовали партийным установкам, которые время от времени менялись. Одной из неизменных или, по крайней мере, «долгоиграющей» была такая: крупные царские военачальники и администраторы были плохи, хороши были трудовые массы. Дж. Давлетов и А. Ильясов — авторы книги «Присоединение Туркмении к России», обличавшие Скобелева в страшной жестокости, отмечали великодушие и человечность русских солдат по отношению к женщинам и детям, оставшимся в Геок-тепе после штурма. «Все почти источники, — продолжают авторы, — сообщают о заботе и внимании русских солдат к осиротевшим детям и ко всем пережившим ужасы штурма»¹¹⁹. Не приходится сомневаться в душевной доброте русских людей XIX в., однако следует учитывать естественную озлобленность солдат против изуверски жестокого врага, а также их жажду мести за многочисленные потери.

Солдаты, получившие крепость на разграбление, наверняка вели бы себя куда более жестоко, если бы не строгое наблюдение за ними офицеров, выполнявших приказ командующего. Отбыв из Геок-тепе после штурма, Скобелев каждый день в промежутке между 19 и 25 января 1881 г. отправляет с пути коменданту крепости А.Ф. Арцишевскому и А.Н. Куропаткину предписания; он требует самого гуманного обращения с мирным населением: «Что с семействами? Как ни тяжело, а их кормить надо (свои запасы на исходе. — Е.Г.). Ничто не должно помрачить во вверенном нам деле блеск имени русского государя... Надо не допускать войска до насилия... Надо сделать все возможное для облегчения

участи несчастного населения... Русские лежачего бить не умеют»¹²⁰.

Это к вопросу о «страшной жестокости хваленного царского генерала», который признавался близким ему людям, что его одолевает отчаяние при мысли о десятках тысяч погубленных по его приказам солдатских жизней; он плачет и не может обрести покоя.

После штурма туркменской крепости тема жестокости русских по отношению к текинцам на все лады обсуждалась в британских газетах, имя Скобелева появлялось на газетных полосах чуть ли не каждодневно. Шокированная его победой в исключительно близком к британским владениям регионе британская пресса не только упрекала «белого генерала» в жестокости, но и пыталась умалить его полководческий талант. Не зная толком существа дела, поскольку не присутствовали при осаде и штурме укреплений Ахал-теке, «специалисты» указывали, например, на неумелое и недостаточное использование им артиллерии, что привело к большим потерям русских войск. Поразительно, что этот упрек через два года после смерти Скобелева повторил российский публицист, якобы разбиравшийся в военных делах, Г.К. Градовский. К тому времени уже было хорошо известно, что, во-первых, Скобелев берег оружейные припасы для возможных повторных штурмов, а во-вторых, обстрелы крепости наносили ущерб прежде всего текинским семьям.

Единственной, пожалуй, защитницей Скобелева на британской земле была его хорошая приятельница, русская журналистка, публиковавшаяся в английских газетах, Ольга Алексеевна Новикова — псевдоним О.К. В книге «Скобелев и славянский вопрос», изданной в Англии на английском языке в 1883 г., Новикова сказала то, о чем упорно молчали скобелевские критики. «Война ужасна сама по себе, — писала автор, — однако текинцы, из поколения в поколение промышлявшие разбоем, массовыми убийствами и работоторговлей, вряд ли имеют право сетовать на то, что в конце концов их настигло страшное возмездие»¹²¹.

Мировоззрение М.Д. Скобелева сформировалось за последние три—четыре года его жизни. Уже в конце войны 1877—1878 гг. он уверенно говорил: «Мой символ краток: любовь к Отечеству, наука и славянство. На этих китах мы построим такую политическую силу, что нам не будут страшны ни враги, ни друзья! И нечего думать о брюхе, ради этих великих целей принесем все жертвы». Именно в последние годы жизни Скобелев сблизился со славянофилами, главным образом с И.С. Аксаковым. Последний оказал на него немалое влияние, что было замечено современниками: «Бедовый человек Иван Сергеевич, — говорил Н.Н. Обручев, — бывало, покойного Михаила Дмитриевича Скобелева убеждаешь, урезониваешь. Ну, вот, кажется, человек совсем успокоился. А он поедет в Москву, к Аксакову, и возвращается оттуда бешеный»¹²².

И все же нельзя говорить о полном подчинении Скобелева интеллектуальному давлению Аксакова и других теоретиков славянофильства. «Белый генерал» был по воспитанию, по всем воззрениям европейцем. Он не разделял отрицательного отношения Аксакова к петровским реформам, западноевропейскому парламентаризму. Он был сторонником конституционного проекта Лорис-Меликова — к нему он обратился в период тяжелых раздумий после оскорбительной аудиенции в Зимнем дворце. С Аксаковым и славянофилами его сближали общие взгляды на внешнюю политику России, которую все они считали непатриотической, зависимой от внешнего влияния. Это убеждение сложилось у Скобелева после Берлинского конгресса, где России—победительнице государственные мужи не воевавших европейских держав продиктовали свои условия. Скобелев был горячим сторонником освобождения и объединения славянских народов, но вовсе без жесткого диктата со стороны России. Его отношение к славянству было романтически-альтруистическим, схожим с позицией Ф.М. Достоевского. Скобелев не мог не читать его «Дневник писателя», хотя бы уж потому, что там была статья, посвященная взятию Геок-тепе: «Да здравствует победа у

Геок-тепе! Да здравствует Скобелев и его солдатики, и вечная память «выбывшим из списка» богатырям! Мы в наши списки их занесем»¹²³.

Такая оценка Достоевского была для Скобелева немалой ценностью. Не менее ценным, созвучным с его мироощущением, представлялось предвидение писателя относительно роли России в мире. Так ее увидел пророк: «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников и клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!... Даже о турках станут говорить с большим уважением, чем о России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее... Особенно приятно для освобожденных славян высказываться и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чисто славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации...

Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью...

России надолго достанется тоска и забота мирить их, взвешивать их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае. Разумеется сейчас же представляется вопрос: в чем же тут выгода России, из-за чего Россия билась за них сто лет, жертвовала кровью своей, силами, деньгами? Неужто из-за того, чтобы пожать столько маленькой, смешной ненависти и неблагодарности? ... Для того, чтоб жить высшей жизнью, великой жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать, в конце концов, великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести, наконец, всех малых сих до себя и до понятия ими материн-

ского ее призвания — вот цель России, вот и выгода ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окаменеют, обессилят и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое»¹²⁴.

Замечательное пророчество сбылось не один раз во всех своих частях за исключением последнего — не случилось нравственного воссоединения в великое целое. «Она (т.е. Россия) спасет их друг от друга и будет стоять на страже их свободы»¹²⁵. Это еще впереди?!

Можно говорить, что после возвращения в Петербург из Закаспийского края Скобелев переориентирует себя с проблем военных на политические.

Завершение русско-турецкой войны, мирные переговоры летом 1878 г. изменили расстановку сил в Европе. Доминирующее положение теперь явно занимала Германия. Это понимали не только в России и во Франции, но и в Англии. «Союз трех императоров» (России, Германии, Австро-Венгрии) все более лишался содержания, превращаясь в союз Германии и Австро-Венгрии. В многочисленных международных комиссиях по устройству балканских территорий австрийские комиссары, заодно с англичанами, вступали в пререкания с русскими представителями, отстаивая интересы турок против христиан; при этом германские комиссары неизменно поддерживали австрийцев. В высшей степени недружественным поступком явились крайне стеснительные для русской торговли меры, принятые сообща Германией и Австро-Венгрией вдоль российской границы под предлогом появившейся на Нижней Волге чумы, о которых ни одна из этих держав не сочла нужным предупредить русское правительство. Такое поведение «союзников» производило на Александра II удручающее впечатление.

Как ни был стар канцлер А.М. Горчаков, а ему исполнилось восемьдесят, он оставался профессионалом. Междуна-

родное положение России он оценивал вполне трезво, что следует из его писем к русскому послу в Вене. Он констатировал, что центральные державы, т.е. Германия и Австро-Венгрия, стремятся изолировать окраины — Францию и Россию, теснее соединяются, чтобы отнять у России плоды ее победы в войне 1877–1878 гг. Англия также враждебна России. «При этих обстоятельствах мне нечего Вам и говорить, — писал канцлер, — что, на наш взгляд, соглашение «трех императоров» расторгнуто фактическим поведением наших двух союзников в отношении к нам. В настоящее время наша главная задача — закончить ликвидацию прошлого и впредь искать опоры лишь в самих себе»¹²⁶. Эти идеи проникли в печать, которая стала упрекать Германию за «измену» России. Таким образом, настроение русского общества становилось все более антигерманским.

Характерно, что в ответ на российские упреки германское правительство ответило контрупреком: увеличение российской армии на 50 тыс. человек означало якобы желание России напасть на Германию. Многолетние доверительные отношения между Россией и Германией сменились подозрительностью и взаимной настороженностью. Бисмарк запугивал престарелого германского императора Вильгельма I агрессивностью России и предлагал создание против нее европейской коалиции с участием не только Англии, но и Франции, а до поры, по мнению германского канцлера, с русским двором следовало поддерживать внешне дружественные отношения. Бисмарка пугала перспектива франко-русского союза, идея которого напрашивалась сама собою, учитывая географическое положение двух государств, отсутствие спорных вопросов и наличие общих угроз. Отвечая на тревожные размышления Бисмарка, австрийский министр иностранных дел Андраши сообщил из Вены: «Против русско-французского союза единственный ответный ход — союз австро-германский»¹²⁷. Бисмарк услышал то, что хотел услышать.

Объединитель Германии стремился к объединению всех немецких земель под властью прусских королей, но это было явно неприемлемо для австрийских Габсбургов. Берлин и

Вена сошлись в 1879 г. на тайном договоре, направленном против России, и назвали свое новое состояние «союзом мира и взаимной защиты». Естественно, что тайным договор оставался очень недолго; когда же он стал известен российским газетам, то еще более настроил русское общество против Германии и Австрии. Под влиянием своей семьи, откровенно германофильской, Александр III договорился с «братскими» монархиями в 1881 г. о восстановлении «союза трех императоров», однако в измененном виде — теперь речь шла не о взаимопомощи в случае войны, а всего лишь о благожелательном нейтралитете.

Таков был фон, на котором одна за другой прозвучали две речи М.Д. Скобелева. Первую речь генерал готовил совместно с И.С. Аксаковым 9 января 1882 г. и произнес ее через три дня, 12-го, на банкете по случаю годовщины взятия Геок-тепе. Эту свою знаменитую речь он разделил на две части. Первая касалась предмета банкетного собрания. Воздав должное героизму войск, которыми он командовал в степях и городах Туркмении, Скобелев отодвинул вино и поднял стакан с водой, что должно было означать начало трезвого разговора, сообщение «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Этот жест был продуман заранее. Далее было сказано: «Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, именуют разбойниками и поступают с ними как с таковыми!.. Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единовверные нам груди...

Я не договариваю, господа... Сердце болезненно щемит. Но великое утешение для нас — вера и сила исторического призвания России»¹²⁸.

Договаривать «белому генералу» не было необходимости. Собравшиеся за столом хорошо знали, о чем идет речь. В то время в Южной Далмации австрийцы подавляли славянское восстание, однако из-за возобновленного «союза трех императоров» русские войска не могли прийти на помощь восставшим. Для Скобелева, страстного поборника славянского освобождения, то было тяжелейшим личным горем.

Получился международный скандал. Случилось именно так, как сказал Скобелев за банкетным столом в первой части своего выступления: «Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он, благодаря своей истории, все-таки принадлежит к народу великому и сильному; если, Боже сохрани, тот же русский человек случайно, скромно заявит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне презиаемым, попираемым, тогда в среде доморожденных и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования»¹²⁹. Как только скобелевское заявление растиражировали петербургские газеты, «вопли негодования» издали австрийские «иноплеменники»: была нота протеста от австро-венгерского посла, и «Правительственный вестник» отмежевался от генерала, которого «никто не уполномочивал». Ничего подобного не случилось бы, если бы это сдержанное заявление, отнюдь не подстрекательское, лишь констатирующее печальное событие, сделал некий «рядовой» генерал. Просто Михаил Дмитриевич Скобелев имел не только всероссийскую, но всевропейскую известность.

Начальство негодовало. Скобелеву было предложено взять заграничный отпуск.

Через несколько дней возмутитель европейского спокойствия был уже в Париже, где имел собственный дом на ул. Пентъери, 2. Начальство не догадалось, что Париж — самое неподходящее (для него, для начальства) место скобелевского отпуска.

Скобелев вступил на стезю политики. Он предполагал говорить с французскими общественными и государственными деятелями о возможном франко-русском союзе. Эта идея занимала его давно. Получивший воспитание во Франции, поклонник Наполеона, он считал величайшей ошибкой России и Франции их военные столкновения в 1812 и 1854–1856 гг. Вину за кампанию 1812 г. он, кстати, возлагал на Александра I. Союз России и Франции, двух великих европейских «маргиналов» выглядел для него естественным и жизненно необходимым.

Генерал от инфантерии в гражданском платье, любитель саморекламы, на этот раз рассчитывал на доверительные

беседы с заинтересованными лицами, не более. Были у него и частные денежные дела. Скобелев приехал в Париж во второй половине января 1882 г., когда ушло в отставку правительство Гамбетты, с которым он собирался беседовать. Это нарушало его планы. 2 февраля он пишет И.И. Маслову, что, «не будь крайняя необходимость окончательно выяснить счета покойной матушки, думал было о возвращении в четвертый корпус... Невмоготу бездействовать, а с последними правительственными переменами во Франции круг доступного для меня стал уже... Падение министерства произвело переполох, но значение Гамбетты как передового деятеля в государстве не поколеблено, и думаю, что было бы близоруко нам, русским теперь в особенности, от него отворачиваться»¹³⁰.

Это — суждение дальновидного политика, хорошо знающего расстановку сил во Франции. Одним из элементов его «символа веры» была наука, и он неоднократно демонстрировал, что умеет изучать предмет, будь то минное дело или внутреннее положение государства. Во Францию он ехал подготовленным.

Несмотря на горечь политического поражения, Гамбетта встретился со Скобелевым. Нет сомнения, что французский политик хотел использовать русского генерала в своих целях. Гамбетта постоянно боролся против страха перед Германией, присущего большинству французов после разгрома 1870 г. Этот страх сковывал общество и мешал проведению независимой внешней политики. Русский генерал, с его авторитетом блестящего полководца, мог помочь Гамбетте разрушить веру французов в непобедимость германцев. Не следует считать (немало авторов именно такого мнения), что Скобелев был чуть ли не марионеткой Гамбетты, — просто их позиции и интересы совпадали.

Скобелев собирался выяснить возможности формирования союзнических отношений с республиканской Францией, что было стратегически желательно, но вместе с тем трудно осуществимо, учитывая самодержавный характер русской власти. Никаких демонстраций он не планировал, однако о его приезде стало известно славянским студентам, обучав-

шимся в Сорбонне; они пришли к нему на квартиру с благодарственным адресом, и получилась демонстрация.

То, что говорил русский генерал, не предназначалось для печати, тем не менее на другой день газета «La France» опубликовала текст его «речи». Скобелев хотел официально отказать от этого текста, но французские друзья уговорили его не менять ничего. «Этим воспользовались с целью доброй, — писал он впоследствии И.С. Аксакову, — и как мне теперь ни трудно, мне не жаль случившегося»¹³¹.

Напечатанное во французской газете стало европейской сенсацией. Скобелев заявил: «Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду. Во всем его рука... Мы настолько подчинены и парализованы его бесконечным, гибельным влиянием, что, если когда-нибудь рано или поздно мы освободимся от него, — на что я надеюсь, — мы сможем это сделать не иначе, как с оружием в руках.

Если вы хотите, чтобы я назвал вам этого чужака, этого самозванца, этого интригана, этого врага, столь опасного для России и для славян... я назову вам его. Это — автор «Натиска на Восток», — он всем вам знаком, — это — Германия... Борьба между славянами и тевтонами неизбежна... Она даже очень близка. Она будет длинна, кровава, ужасна, но я верю, что она завершится победой славян»¹³².

Казалось, гром прогремел над всей Европой. Российский посол в Париже князь Орлов пришел в ужас и немедленно отправил в МИД телеграмму, в которой Михаила Дмитриевича назвал Гарибальди. Официальный Петербург был в шоке. Все знали о немецком засилье при дворе, объяснявшемся этнической принадлежностью царской фамилии, поэтому обещание Скобелева: «Мы освободимся от него... не иначе, как с оружием в руках», было воспринято как угроза военного переворота. Как призыв к войне с Германией и Австро-Венгрией оценивались и другие высказывания генерала. Через Орлова Скобелев получил повеление императора

немедленно возвратиться в Россию, но только не через Берлин.

В Париже ликовали и подливали масла в огонь. В комментарии к скобелевской «речи» в той же «La France» было сказано: «Если бы это заявление исходило от какого-нибудь непризнанного панслависта, от искателя приключений, его можно было бы рассматривать как плод работы, ведущейся славянским комитетом, но генерал Скобелев является одним из наиболее популярных людей в России... Сама Россия, сам славянский мир говорит его устами; он — великий воплоитель национальных требований: русская власть — русским, славянская земля — славянам»¹³³. Газета «Le Voltaire» восхищалась его глубоким пониманием внутриполитической обстановки во Франции, его многообразными познаниями. Поразила журналистов и внешняя привлекательность генерала: «Он носит неподстриженную бороду, тонкую, белокурую в форме веера. Глаза голубые, кроткие, голос звучный, вибрирующий. Генерал говорит по-французски почти без всякого акцента, произношение у него на редкость чистое»¹³⁴. Благодарный Гамбетта признавался ему, что его речь оказала французам великую пользу, воспламенив сердца патриотическим жаром и возбудив надежду на союз с Россией»¹³⁵.

Многочисленные критики при жизни Скобелева и после его кончины упрекали его в желании со скуки и по врожденной воинственности втянуть Россию в новую войну, однако История оправдала его. Ни одна из двух его политических речей не была экспромтом, неожиданным прозрением. Обе были результатом по-скобелевски тщательного анализа. В 1877 г. Скобелев присутствовал на военных маневрах в Пруссии, в ходе которых у него составилось впечатление, что эта армия готовится для агрессии. Он почувствовал милитаристский настрой общества, откровенную враждебность не только к России, но и ко всему славянскому миру. Германские газеты, проникнутые духом шовинизма, планомерно возбуждали презрение и ненависть к русским. Из-за кулис умело дирижировал неутомимый Бисмарк.

В отчете о прусских маневрах Скобелев отмечал поразительную способность германских войск «быстро и отчетли-

во маневрировать большими массами»; «умение начальников всех степеней привести к данному часу и к назначенному месту свою часть»; способность командиров самостоятельно оценивать обстановку; строгую дисциплину, которая «соответствует складу народных понятий и симпатиям общества»; высокий патриотизм всего общества¹³⁶. Своим отчетом он хотел рассеять доверчивое благодушие высших сфер, не ожидающих враждебных действий со стороны родственников; вложить в их сознание чувство опасности и ответственность за безопасность страны. И речи свои он произносил не ради подстрекательства к войне. Уже после парижского успеха, на пути домой, он писал И.С. Аксакову: «Моя совесть мне, однако, подсказывает, что Господь избрал меня в данном случае орудием мира, а не войны»¹³⁷.

Строго говоря, сказанное Скобелевым в Париже не было столь уж большим откровением для дальновидных людей в России: к началу 80-х годов образ будущего врага стал прорисовываться достаточно определено. Родственные сговоры трех императоров немецкой крови, однако, служили как бы официальным опровержением тревожных предположений, о которых небезопасно было говорить вслух.

Во второй половине 70-х — начале 80-х годов германские газеты серьезно обсуждали тему войны против России, с тем чтобы захватить Прибалтику, Финляндию, Польшу, Кавказ и Армению. Еще подробнее эта идея рассматривалась в книге «Война Германии против России», выдержавшей до 1882 г. три издания, — настолько милитаристские настроения владели немецкой публикой. И в России об этом было хорошо известно, даже на массовом уровне. Демонстрируя картинки на злобу дня в своем райке, балаганный раешник сопровождал показ таким, например, текстом:

«А вот, извольте видеть, город Берлин!
Живет в нем Бисмарк — господин!
Его политика богата, только интригами таровата!
В Неметчине народ грубый, на все точит зубы.
Им давно хочется на Балтийский край броситься.
Да боятся, как бы сдуру не лишились бы сами шкуры»¹³⁸.

Скобелев сказал громко то, что обсуждали приватно. Он обладал не только боевым, но и гражданским мужеством.

Он выехал из Парижа незамедлительно и ехал маршрутом, исключавшим проезд через Германию, как его просил российский посол. Возвращаться через Берлин для него было опасно, о чем свидетельствовал выехавший вдогонку за ним из Парижа английский публицист Марвин: «По всему пути в разговорах только и слышалось имя Скобелева. В Берлине имя его повторялось в речах и беседах всех словес общества. Я остановился перед витриной магазина, в которой висела карта России. К витрине подбежала группа школьников: «Вот дорога, по которой мы дойдем до Петербурга и проучим Скобелева!» — говорил один. «А если они придут в Берлин?» — возразил другой. «Это невозможно, — ответил первый. — Русские умеют восвать только с дикарями, да и сам Скобелев просто хвастливый варвар». После мальчишек к карте подошли несколько пожилых людей, которые весьма эмоционально выражали свою ненависть к славянам и Скобелеву. Возле казармы на Унтер ден Линден солдаты вели воинственные разговоры о России...»¹³⁹

Скобелев подстегнул русофобские чувства, которые были присущи многим немцам. О такой реакции он мог догадываться, ему вовсе не обязательно было находиться возле той витрины берлинского магазина. С дороги, из Варшавы, он отсылает грустное письмо И.С. Аксакову: «Я Петербург знаю — в 1877 г., по окончании ферганской войны, потратив на нее не более 500 000, захватив более ста орудий, с отрядом, никогда не превышавшим 3 тыс. человек, я был принят хуже последнего негодяя; теперь ожидаю худшего, ибо ныне «немец изволит быть недоволен». Спокойно вглядываясь в положение дел, я предвижу отставку. Пруссаки давно этого добиваются...»¹⁴⁰

Он ехал на родину, а в России в официальных кабинетах, в светских гостиных, в скромных домах городских обывателей обсуждали его судьбу. Учитывая его огромную популярность, еще более возросшую после двух столь необычных для русской общественной жизни выступлений,

власти не решались отправить его в отставку. Военный министр П.С. Ванновский считал необходимым отставить Скобелева от должности командира корпуса, дислоцированного на западной границе империи, поскольку он мог якобы спровоцировать войну с Германией. Самым подходящим для генерала-политика многим казалось назначение на должность туркестанского генерал-губернатора вместо безнадежно больного К.П. Кауфмана (скончался 16 мая 1882 г.). В Ташкенте Скобелева ожидали с искренним энтузиазмом, но для него теперь это было бы почетной ссылкой: героический период освоения среднеазиатских пространств подошел к завершению. Сам же Михаил Дмитриевич, как явствует из письма, вполне свыкся с мыслью об отставке. У него были, однако, в избытке не только недоброжелатели, но и очень хорошие и влиятельные друзья, они готовили его появление в Зимнем. Так, Катков в передовых статьях в «Московских ведомостях» постарался в выгодном для генерала свете истолковать его парижскую речь и сгладить ее острые места. При дворе все еще оставался постоянный заступник граф А.В. Адлерберг.

Высочайшая аудиенция состоялась 7 марта 1882 г. и продолжалась целых два часа. Не мог же император, как бы возмущен он ни был, корить излишне независимого генерала все эти два часа? Свидетели уверяют, что из кабинета государя Скобелев вышел явно довольный. «Очевидно, — размышлял один из биографов Скобелева, — талантливый честолюбец успел заразить миролюбивого государя своими взглядами на нашу политику в отношении Германии и других соседей»¹⁴¹.

Весьма наивное суждение. Дело было не в таланте «честолюбца», а в объективной реальности международных отношений, которую знал и трезво оценивал Александр III; к тому же императрица происходила из датского королевского дома, где активно не любили Пруссию. Скобелеву не было необходимости открывать царю глаза или уговаривать: «миролюбивый государь», заключивший впоследствии, в 1893 г., оборонительный союз с республиканской Францией, уже в 1882 г. понимал, что, несмот-

ря на тесные родственные связи двух императорских дворов, Германия превратилась в потенциального противника России. Скобелев не оказался в опале, более того, его включили в состав доверенных лиц, разрабатывавших принципы реформы военно-окружных управлений, но при этом он взял на себя тягостную обязанность больше не делать политических заявлений. Запрещение на политические выступления император распространил, впрочем, на всех офицеров российской армии, которые в это время были буквально наэлектризованы петербургской и парижской речами М.Д. Скобелева. Офицеры гвардейских и армейских полков наперебой приглашали его в свои собрания, просили прислать его портреты. Так же возбуждена была и штатская публика. В Могилеве, где стояла лагерь 16-я дивизия, которой он командовал в Болгарии, ему была устроена торжественная встреча. Он въехал в город поздно вечером при свете многочисленных факелов; на всем его пути войска стояли шпалерами. Выйдя из экипажа, генерал шел с непокрытой головой по запруженным обывателями улицам; гремела музыка, не смолкали крики «ура».

В правительстве понимали, что Скобелев обрел всенародную популярность, и пытались ограничить его контакты, прежде всего с офицерством, которое готово было пойти за ним когда и куда угодно. Военный министр просил генерала не участвовать в офицерских обедах в его честь. Очень враждебно относились к нему министр иностранных дел Н.К. Гирс и министр финансов Н.Х. Бунге, которые были уверены, что ради желания «стать фельдмаршалом» Скобелев стремится втянуть Россию в новую войну, что было бы губельно для страны с расстроенной экономикой и финансами. Николай Карлович и Николай Христианович были бы совершенно правы, если бы выбор между войной и миром зависел только от России.

21 апреля 1882 г. царь дал Скобелеву в Зимнем дворце еще одну аудиенцию — то было официальное представление, а на другой день Михаил Дмитриевич отбыл к своему корпусу в Минск. Вслед пошла телеграмма от сестры На-

дежды, в замужестве княгини Белосельской-Белозерской: «Его Величество говорил о тебе с большим уважением... Император сказал более чем ясно, что он рад всегда тебя видеть, когда ты этого захочешь»¹⁴². Казалось, его вмешательство в европейскую политику не должно было иметь неблагоприятных последствий.

Жить ему оставалось чуть больше двух месяцев. Это время было наполнено драматическими, порою таинственными событиями. В Минске, куда он вернулся командовать корпусом, закончилась его серьезная связь с женщиной, которая имела шансы стать его женой. Происходившая из небогатой семьи Екатерина Александровна Головкина была учительницей. Именно такую жену хотел найти для себя Скобелев. Еще в Болгарии он говорил своему приятелю В.В. Верецагину, что готов жениться хотя бы на учительнице. Такая учительница наплась в Минске, и связь их, судя по письмам, зашла далеко. В сентябре 1881 г. Екатерина Головкина писала Скобелеву как «самому дорогому другу», вверяя ему «свою будущность», за которую «она не боится». Иными словами, это было согласие стать женой генерала. То же письмо дает представление о барышне, у которой в голове изрядный ералаш, которая видит себя героиней произведений Чернышевского или других народофильских писателей.

Очень интересное письмо. Оно показывает, насколько сильно было влияние народнических идей на образованную российскую молодежь. Его стоит привести: «Они (ее родители. — Е.Г.) не поймут, что я стремлюсь всеми силами души моей к более деятельной жизни, что мне душно и тесно в той сфере, которая окружала меня, мне хочется страшной борьбы, жестокой и смертельной, за свое существование, тогда я скажу, что я отвоёвала себе права жить, жить для вас. Да, Михаил Дмитриевич, в вас я встретила сильную, мощную натуру, она меня к вам приковывает; я сознаю, что, идя рука об руку с вами, я могу быть полезным человеком, а не слабым существом».

Это первая часть, из которой можно заключить: во-первых, барышня «жаждет бури», что вполне в духе времени, а

во-вторых, она готова жить для «сильной, мощной натуры», т.е. подчиниться воле мужчины. Однако не тут-то было! Далее идет такой текст: «Дайте мне право над вами, полное, бесконечное, я дам вам счастье, но счастье, которого вы не имели до сих пор; одно не забывайте, если все преклоняются перед вами, я — ни за что! Мое место подле вас, а часто и выше вас; моя цель оправдать ваши надежды, раз я достигну этого, я буду счастлива»¹⁴³.

Теперь уже ничего не понятно: то ли она будет всему голова, то ли «сделает все», что он от нее ждет. Одно ясно — она его не любит, а испытывает всего лишь «симпатию». Это главное, остальное же, как любил говорить сам Скобелев, литература. Она — вовсе не Екатерина Головкина, а некий литературный персонаж.

Несмотря на то, что барышня мечтала о «страшной борьбе» за свое существование, она идет по стезе наименьшего сопротивления — обращается к генералу с просьбой о материальной помощи, которую получает незамедлительно. Скобелев дает распоряжение И.И. Маслову выслать в Смоленск, куда к своим родителям уехала Головкина, тысячу рублей.

Ничего путного из этого романа не получилось. Можно предположить, что Скобелева насторожили поползновения барышни Головкиной получить «право» над ним, равно и ее горячее желание «страшной борьбы, жестокой и смертельной». Он уже побывал в роли главнокомандующего, вернулся в состояние одного из корпусных командиров, и перспектива увеличить свою подчиненность его не могла прельщать. Из властной барышни могла выйти мать-командирша — бич многих гарнизонов. Ему нужен был семейный дом, тихое мирное гнездо, где не могло быть и намека на «страшную борьбу». Этой самой борьбы ему хватало в избытке на многих его войнах, при дворе, в официальных кабинетах. Дома, т.е. в тылу, ничего подобного быть не должно. Видимо, у двух этих людей были разные представления о семейном быте. Впрочем, все эти рационалистические соображения ничего бы не стоили, когда бы Михаил Дмитриевич любил Катю. Он ее не любил. 13 июня 1882 г.

он поставил точку: «Мы слишком мало знаем друг друга, чтобы, в особенности я, мог со спокойной совестью взять на себя ответственность за ваше будущее счастье. Мне в этом отношении ошибаться еще раз не приходится... Говорю прямо — трудность решений заключается во мне самом, в моем недоверии к своим силам...»¹⁴⁴

Тем же, последним в жизни Скобелева летом, случилась загадочная история. Генерал просит своего управляющего И.И. Маслова продать ценные бумаги и драгоценности, что тот делает и сообщает своему хозяину и другу, что выручил миллион рублей. Своим знакомым Скобелев говорит, что деньги ему нужны для поездки в Болгарию, где предвиделось новое вооруженное столкновение болгар с турками. Некоторые биографы «белого генерала» полагают, что поездкой в Болгарию Скобелев маскировал некое другое таинственное предприятие, однако ни одного доказательства не приводят. Разумнее, наверное, считать, что Скобелев, в душе так и не примирившийся с Александром III и реакционерами из его окружения, собирался уйти в отставку и вернуться к болгарам, чью свободу он защищал в 1877–1878 гг. В Болгарии его искренне любили и ценили; к тому же болгарский король три года назад звал его к себе военным министром.

Ему не суждено было вернуться на Балканы, и не только из-за того, что не хватило собственной жизни, — первым препятствием стало таинственное исчезновение миллиона рублей. Обескураженный, он рассказывает друзьям, что Маслов неожиданно сошел с ума, ничего не знает, ничего не помнит и на вопрос о миллионе забирается под стол и лает оттуда по-собачьи. После добровольного отказа от невесты, он теряет, казалось, надежного доверенного человека и очень большие деньги. Вся «ферганская война» обошлась в полмиллиона.

В последние месяцы его жизни интерес к Скобелеву за рубежом не ослабевает. Журналисты, особенно английские, охотятся за ним; он подолгу беседует с ними, но уже не делает категорических заявлений, подобных парижскому. Его самолюбию не могли не льстить восторженные

о нем отзывы: «Он обладает интуицией, мощным интеллектом и темпераментом крестоносца»¹⁴⁵. Или: «Я никогда не встречал человека, который производил бы такое чарующее впечатление... Если бы Теккерей был знаком со Скобелевым, он наверняка бы сделал его героем одного из своих произведений в образе безупречного джентльмена»¹⁴⁶.

Он оживлялся во время бесед с журналистами, друзьями, но настроение его очень скоро ухудшалось. Он часто говорит о смерти, «так как свое дело выполнил и дальше двигаться ему некуда»; уверяет, что «... они не дадут ему жить». Кто эти «они», до сих пор не выяснено. Его мучают вопросы: будет ли он отвечать за погубленные по его приказу жизни, имеет ли он право наслаждаться славой полководца, добытой ценой гибели тысяч его соратников?

22 июня 1882 г., получив месячный отпуск, Скобелев выезжает из Минска в Москву, навстречу своей скоропостижной, загадочной кончине. В Москве он не собирается задерживаться; ему хочется только повидаться с друзьями, а затем отправиться в родное Спасское, что в Рязанской губернии. Там, в Спасском, он надеется на общество самых близких людей, с которыми побеждал врагов на Балканах и в Средней Азии. 23-го он уже в Москве и пишет из гостиницы «Дюссо» Николаю Ивановичу Гродекову: «Через два дня еду в Спасское, где пробуду до больших маневров... Сообрази и приезжай. А в Египте будет пифпафочка!!! Пусть бульдоги познают, как вкусно брать траншеи»¹⁴⁷. При всех дурных предчувствиях и думах о смерти, он собирается отдыхать и подолгу беседовать с умным другом о «пифпафочке» в Египте, о международном положении и положении России, которая «теперь вся на Мамаевом кургане» (так он говорил друзьям). Из этого плана реализуется только начало: с небольшим запозданием он выедет в Спасское, но, увы, в гробу.

День 25 июня был насыщен общением с близкими и весьма неблизкими людьми. Утром Скобелев зашел к И.С. Аксакову и оставил у него некие бумаги, которые якобы могли у него украсть. Дурные предчувствия усиливались?

Потом был обед, устроенный бароном Розеном. Кроме Скобелева и Розена за столом сидели скобелевский адъютант Эрдели и бывший его адъютант подполковник Баранок, а также военный врач Бернатович. К концу обеда за Скобелевым пришел штаб-ротмистр Марченко, человек сомнительной репутации, и увез его в гостиницу «Англетер» в Столешникове переулке. Там, в номере у имевшей всемогущую известность кокотки Шарлотты Альтенроз (национальность неизвестна, откликалась на другие имена, в том числе на Ванду), уже был накрыт ужин. Веселый кутеж затянулся за полночь. Среди ночи перепуганная Шарлотта-Ванда прибежала к дворнику и попросила вызвать полицию, потому что в ее номере скончался офицер. Его узнали сразу.

В протоколе вскрытия, произведенного прозектором Московского университета профессором Нейдингом, сказано: «Скончался от паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно»¹⁴⁸. Бывший при вскрытии муж тетки Скобелева граф А.П. Баранов впоследствии говорил, что сердце было в очень плохом состоянии. Тем не менее сразу же в обществе и народе родилось убеждение, что М.Д. Скобелева отравили. Рассказывали, что лицо покойного было покрыто черными пятнами. Кому нужна была его гибель? Конечно, немцам, да и Ванда была немкой — такой ее сделала молва. Люди, информированные лучше, знали, что смерть народного кумира была выгодна еще и императору, который опасался генерала как возможного организатора военного переворота. Свою книгу воспоминаний о Скобелеве, изданную в 1883 г., Вас.И. Немирович-Данченко закончил словами: «Обстоятельства его смерти таковы, что тут конца нет вопросительным знакам. О них потом, в лучшие времена»¹⁴⁹.

«Лучшие времена» наступили через 34 года, т.е. после большевистского переворота 1917 г. Спасаясь от революционного насилия, Немирович-Данченко уехал в эмиграцию и в 1921 г. опубликовал мемуары «На кладбищах», в которых сообщает версию гибели генерала Скобелева. По его убеждению, Скобелева убили члены «Священной дру-

жины», тайной организации великих князей и других аристократов, созданной после убийства народовольцами Александра II. «Дружинники» ставили целью физическое уничтожение врагов самодержавия, одним из которых, и очень опасным, они могли считать героя Шипки и Геок-Тепе¹⁵⁰. Версия эта не была достоянием одного только писателя — ее обсуждали в свете сразу же после гибели Скобелева. Менее правдоподобным было предположение, что его устранили масоны, из подчинения которым он якобы стремился выйти.

Его кончина по сей день остается тайной.

Смерть 38-летнего генерала от инфантерии М.Д. Скобелева без преувеличения превратилась в горе всей России; его похороны имели характер национальных похорон. В родовую усыпальницу в село Спасское тело сопровождали солдаты, офицеры и генералы 4-го корпуса и других соединений. Траурный поезд из 15 вагонов с провожавшими 29 июня прибыл на станцию Раненбург, где его встретили крестьяне села Спасское. Они разобрали венки, и печальное шествие двинулось среди зеленых полей. Проходили селами, крестьяне служили молебны даже под дождем. Дождь считается хорошей приметой для путешественников, но теперь он имел другой смысл. Возле Спасского, у моста через реку, крестьяне понесли гроб на руках: «С этого места мы и отца его, и мать носили на руках». Гроб пронесли перед небольшим домом, где владелец усадьбы надеялся принимать своих дорогих однополчан. Перед домом находилась клумба золотых цветов, изображавших девиз: «Честь и слава». В старой церкви, рядом с могилами родителей, лег последний из Скобелевых.

Весть о смерти талантливого русского военачальника телеграфные агентства разнесли по всему миру. Французские и английские газеты откликнулись сочувственными статьями; шовинистически настроенные органы печати Германии с бестактностью, обычной для шовинистов, писали, что им горевать не о чем, так как смерть этого русского генерала по значению равносильна для Германской империи выигранной военной кампании. Понимали это и в России. Я.П. Полонский в те дни написал:

«Не крепость пала, не сраженье
Проиграно, — пал Скобелев! Не стало
Той силы, что была страшней
Врагу десятка крепостей...»

Отчего же кончина этого молодого генерала такой болью отозвалась в сердцах русских людей разных классов, сословий и возрастов? И до него уходили из жизни отмеченные большими чинами и наградами военачальники, но их уход не превращался в общенациональную трагедию. Дело в том, что был он полководцем и победителем. Проиграв Крымскую войну, Россия испытала национальное унижение. Надо помнить, что на протяжении всего XVIII века и в начале XIX столетия Россия выходила победительницей почти из всех войн, которые вела; тем горше и унижительнее было поражение в Крыму: Европа продиктовала России свои условия. Командиры российских корпусов и дивизий вернули России самоуважение в ходе кампании 1877–1878 гг., но самым ярким, самым близким войскам, а значит и народу, был молодой Скобелев. Огромное значение имела его победа при Геок-тепе; он подтвердил непобедимость русского солдата, доказав, что в поражениях виноват не солдат, а бездарные военачальники. Этим он привлек на свою сторону сотни тысяч народных сердец.

Скобелев был необычайно популярен как среди офицеров, так и среди солдат, а значит, в крестьянской среде. Он был вождем для тех и для других. Иными словами, он мог бы стать лидером всей нации, расколотой на две части, на два мира — образованное (вестернизированное) общество и традиционный крестьянский мир. После неполноценного освобождения крестьян в 1861 г. эти два мира разошлись еще дальше. Возможно, мучимое расколом русское общество интуитивно угадывало в нем объединяющего лидера, а потому так было потрясено его гибелью. Умер не просто генерал, а облеченный высокой миссией белый всадник на белом коне.

Что же сам Скобелев? Потенциал общенационального лидера он чувствовал в себе несомненно и сделал попытку

(весьма неуклюжую) его реализовать, когда обратился к Лорис-Меликову в 1881 г. Обладавший превосходной научной интуицией академик Е. В. Тарле почти через полвека после гибели «белого генерала» напишет: «Его огромные успехи в Азии в 1877–78 гг., завоевание Ахал-Теке в 1880–81 гг., явное и постоянное (всегда на виду солдат и с рассчитанной целью произвести на них впечатление) бравирование смертельной опасностью — все это, как было вполне очевидно для современников, должно было по мысли Скобелева служить лишь прологом к какому-то сложному и огромному будущему»¹⁵¹.

Еще более конкретное свидетельство приводит близко знавший покойного писатель Вас. И. Немирович-Данченко в книге «Скобелев», вышедшей вторым изданием в 1884 г.: «И Скобелев изложил целую программу, давно, очевидно, обдуманную, обработанную во всех ее деталях, охватывающую все стороны народной нашей жизни. К сожалению, она не может быть приведена здесь»¹⁵². Читай: «По цензурным соображениям», т. е. это была программа отнюдь не охранительного, контрреформаторского направления, набравшего силу в год выхода книги Немировича-Данченко. Каким образом покойный собирался ее реализовать, мы не знаем. Он не мог рассчитывать, что чуждый ему по духу и мировоззрению новый император призовет его в правительство, чтобы он мог осуществить свой замысел. Такое исключалось. Не мог он возвыситься до властных высот в ходе политической борьбы — в России не было политической жизни («Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес...»). Оставался путь военного переворота, но это было бы авантюрой, а Скобелев с годами переменялся, стал осмотрительным и предусмотрительным. Что же оставалось?

Можно было сидеть и ждать, когда придет новая военная страда, когда безопасность и честь России окажутся под угрозой. Однако ждать пришлось бы почти четверть века: так долго находиться в бездействии для Скобелева было невыносимым делом. Его военный гений мог быть востребован только в 1904 г., когда ему исполнилось бы 62 года —

вполне приемлемый возраст для полководца. Кстати, в 1905 г., когда поражение России на Дальнем Востоке стало неминуемым, его современники с горечью повторяли: «Если бы был жив Скобелев». Нужен был бы он и в 70 лет в 1914 г. Нет, он не смог бы ждать так долго!

Можно было уехать в Болгарию или еще куда-нибудь на Балканы, но это был бы не его масштаб, да и наверняка он испытал бы там горькое разочарование в братьях-славянах, о чем предупреждал Достоевский.

Он ушел из жизни, как уходили античные герои, выполнившие свой долг.

В России долго помнили «белого генерала». В начале русско-японской войны, в ноябре 1904 г. при академии генерального штаба был образован комитет им. М.Д. Скобелева. В его состав вошли известные военные деятели, в том числе сподвижники Скобелева и близкие к нему люди: А.Н. Куропаткин, А.Н. Маслов; председателем комитета стала его сестра Надежда Дмитриевна. Задачей комитета было определено собрание материалов самого Скобелева и о нем, пропаганда его наследия и меры по увековечению его памяти. Устав комитета разослали по частям, со всех концов России сразу же пошли пожертвования. В Тифлисе, где не раз бывал и служил Скобелев, редакция газеты «Кавказская армия» стала издавать «Скобелевские сборники».

С публикацией литературного наследия М.Д. Скобелеву не повезло. Вскоре после его смерти А.Н. Маслов издал сборник приказов Скобелева, но в него вошли далеко не все приказы полководца. Приказы, кстати, не исчерпывают всего им написанного: он много писал и вообще, как известно, много времени отдавал кабинетным занятиям. Скобелев вел большую переписку, некоторые его письма были рассчитаны на публикацию. Сразу после кончины «белого генерала» все материалы и документы из его квартиры в Минске, всего по описи 36 папок, пакетов, свертков, десять записных книжек, были опечатаны и отправлены в Петербург в Главный штаб. Предполагалось, что разбором этого архива займется специальная комиссия, однако, он исчез — следы его не обнаружены до сих пор.

Изучение жизни и деятельности Скобелева в дореволюционное время велось довольно активно. Скобелеву были посвящены публикации, мемуары, исследования, массовая литература в виде популярных брошюр и лубочных изданий; вышли в свет романы, повести, драматические произведения, опубликовано много стихов. Немалая литература о Скобелеве существует и на иностранных языках.

В годы Великой Отечественной войны люди старшего поколения, сохранившие о нем память, подготовили статьи и пьесы, но ни одно из этих произведений не было разрешено к публикации и постановке.

В 1910 г. его именем был назван город Новый Маргелан, а в 1912 г. в Москве напротив дворца генерал-губернатора — поставлен памятник (деньги собирали по подписке). Истребители российской истории в 1918 г. разрушили памятник Скобелеву, город Скобелев в 1924 г. переименовали в Фергану и память о нем затоптали... Как им казалось, навсегда.

Примечания

¹ См.: *Полянский М.И.* Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева. Биографический очерк. СПб., 1908, с. 24.

² Там же, с. 25.

³ *Глебов С.И.* Белый генерал. — *Исторический вестник*. 1893, № 3, с. 151.

⁴ *Скобелев М.Д.* Записка о занятии Хивы. — *Исторический вестник*, 1882, октябрь, с. 134–137.

⁵ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965, с. 305.

⁶ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II. СПб., 1906, с. 72.

⁷ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России, с. 305.

⁸ *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал. М., 1992, с. 24.

⁹ *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке. СПб., 1887, с. 229–230.

¹⁰ Там же, с. 232.

¹¹ Там же, с. 237.

¹² [*Милютин Д.А.*] Дневник Д.А. Милютина. Т. I. М., 1947, с. 89.

¹³ *Маслов А.Н.*, Завоевание Ахал-теке, с. 238.

- ¹⁴ *Полторацкий В.А.* Воспоминания. — Исторический вестник. 1895, июнь, с. 775.
- ¹⁵ Там же, с. 777.
- ¹⁶ *Дукмасов П.А.* Со Скобелевым в огне. СПб., 1895, с. 476.
- ¹⁷ *Немирович-Данченко Вас. И.* Скобелев. М., 1993, с. 275.
- ¹⁸ *Полторацкий В.А.* Воспоминания, с. 781.
- ¹⁹ См.: там же, с. 29.
- ²⁰ См.: там же.
- ²¹ *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 241.
- ²² *Дукмасов П.А.* Со Скобелевым в огне, с. 445.
- ²³ *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 245.
- ²⁴ Цит. по: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России, с. 316.
- ²⁵ См.: *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 249–250.
- ²⁶ См.: там же, с. 252–260.
- ²⁷ Там же, с. 268.
- ²⁸ Там же, с. 269.
- ²⁹ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 46–47.
- ³⁰ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 339.
- ³¹ Военные действия против кокандцев в 1875–1876 гг. (по официальным донесениям). СПб., 1876, с. 6.
- ³² Там же, с. 32.
- ³³ Там же, с. 33.
- ³⁴ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России, с. 320.
- ³⁵ [*Милютин Д.А.*] Дневник Д.А. Милютина, т. I, с. 216.
- ³⁶ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 387.
- ³⁷ См.: там же, с. 393.
- ³⁸ РГВИА, ВУА, д. 6886, л. 2–5.
- ³⁹ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 406.
- ⁴⁰ См.: там же, с. 408–409.
- ⁴¹ Там же, с. 410–411.
- ⁴² *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 280.
- ⁴³ Военная энциклопедия. Т. 13. СПб., 1913, с. 44.
- ⁴⁴ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 51.
- ⁴⁵ См.: Там же, с. 52.
- ⁴⁶ *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 292–293.
- ⁴⁷ Приказы генерала М.Д. Скобелева (1876–1882). СПб., 1913, с. 19–20.
- ⁴⁸ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 53.
- ⁴⁹ См.: *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 286.

- ⁴⁹ Приказы..., с. 24–25.
- ⁵⁰ Посмертные бумаги М.Д. Скобелева. — Исторический вестник. 1882, ноябрь, с. 294.
- ⁵¹ Военная энциклопедия. Т.10, СПб., 1912, с. 619.
- ⁵² Там же, с. 618.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Marvin Ch.* The Russian Advance towards India. L., 1882, с. 102.
- ⁵⁶ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 72.
- ⁵⁷ См.: *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 294.
- ⁵⁸ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 72.
- ⁵⁹ См.: там же, с. 73.
- ⁶⁰ См.: *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 295–298.
- ⁶¹ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 75.
- ⁶² См.: там же, с. 75.
- ⁶³ *Дукмасов П.А.* Со Скобелевым в огне, с. 263.
- ⁶⁴ См.: *Полянский М.И.* Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева..., с. 80.
- ⁶⁵ *Драгомирова С.А.* Скобелев. — Исторический вестник. 1915, №3, с. 799–803.
- ⁶⁶ *Попов А.Л.* Борьба за Среднеазиатский плацдарм. — Исторические записки, 1940, № 7, с. 188.
- ⁶⁷ См.: *Гродеков Н.И.* Война в Туркмени. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т.1. СПб., 1883, с. 123.
- ⁶⁸ *Демуров Г.З.* Бой при Денгиль-Тепе 28 августа 1879 г. — Исторический вестник, 1881, март, с. 620.
- ⁶⁹ Присоединение Туркмени к России. Сборник документов. Аш., 1960, с. 439.
- ⁷⁰ Там же, с. 452.
- ⁷¹ Там же, с. 439.
- ⁷² [Милютин Д.А.] Дневник Д.А. Милютин. Т.III, М., 1950, с. 156.
- ⁷³ Там же, с. 168.
- ⁷⁴ РГВИА, ф. ВУА, д.6862, л.42–43.
- ⁷⁵ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 153–154.
- ⁷⁶ См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т.III, с. 42.
- ⁷⁷ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 162.
- ⁷⁸ См.: *Гродеков Н.И.* Война в Туркмени... Т.II, с. 120.
- ⁷⁹ *Щербак А.В.* Ахал-текинская экспедиция генерала Скобелева. СПб., 1884, с. 9–10.
- ⁸⁰ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т.III, с. 68.
- ⁸¹ Там же, с. 87.

- ⁸² *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. II, с. 177–178.
- ⁸³ Присоединение Туркмении к России, с. 480.
- ⁸⁴ См.: *Костин Б.А.* Скобелев. М., 1990, с. 157.
- ⁸⁵ Там же, с. 167.
- ⁸⁶ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. III, с. 127.
- ⁸⁷ Там же, с. 128.
- ⁸⁸ Приказы... с. 115.
- ⁸⁹ Там же, с. 124–128.
- ⁹⁰ Там же, с. 124.
- ⁹¹ *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 59.
- ⁹² *Щербак А.В.* Ахал-текинская экспедиция..., с. 132–133.
- ⁹³ *Филиппов М.М.* М.Д. Скобелев. Его жизнь и деятельность, военная, административная и общественная. СПб., 1894, с. 70.
- ⁹⁴ *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 62.
- ⁹⁵ Там же, с. 66.
- ⁹⁶ *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. III, с. 248.
- ⁹⁷ *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 91.
- ⁹⁸ Там же, с. 99–100.
- ⁹⁹ *Щербак А.В.* Ахал-текинская экспедиция..., с. 150.
- ¹⁰⁰ Приказы..., с. 131.
- ¹⁰¹ *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке, с. 140–141.
- ¹⁰² Там же, с. 144–145.
- ¹⁰³ Там же, с. 178–179.
- ¹⁰⁴ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. III, с. 203.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 207.
- ¹⁰⁶ *Градовский Г.К.* М.Д. Скобелев. Этюд по характеристике нашего времени и его героев. СПб., 1884, с. 88.
- ¹⁰⁷ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990, с. 92.
- ¹⁰⁸ *Кони А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 5. М., 1968, с. 199–200.
- ¹⁰⁹ Цит. по: Герои и антигерои отечества. М., 1992, с. 172.
- ¹¹⁰ Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. М.–Пг., 1923, с. 234.
- ¹¹¹ *Врангель Н.Е.* Воспоминания. От крепостного права к большевикам. Б.м., 1924, с. 138.
- ¹¹² См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 192.
- ¹¹³ Там же, с. 195.
- ¹¹⁴ *Градовский Г.К.* М.Д. Скобелев..., с. 87.
- ¹¹⁵ *Давлетов Дж., Ильясов А.* Присоединение Туркмении к России. Аш., 1972, с. 171.
- ¹¹⁶ Цит. по: *Кашкаров Д.Д.* Взгляды на политику, войну, военное дело и военных Михаила Дмитриевича Скобелева. СПб., 1893, с. 2–3.
- ¹¹⁷ Россия и Туркмения в XIX веке. Аш., 1947, с. 140.

- ¹¹⁸ *Marvin Ch.* The Russian Advance towards India, с. 101.
- ¹¹⁹ *Давлетов Дж., Ильясов А.* Присоединение Туркмении к России, с. 171.
- ¹²⁰ *Чанцев И.А.* Скобелев как полководец. 1880–1881 гг. СПб., 1883, с. 35–44.
- ¹²¹ O.K.Skobelev and the Slavonic Cause. L., 1883, с. 215.
- ¹²² *Карцев Ю.* Семь лет на Ближнем Востоке. СПб., 1906, с. 258.
- ¹²³ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Т.27. М., 1984, с. 39.
- ¹²⁴ Там же, с. 78–82.
- ¹²⁵ Там же, с. 85.
- ¹²⁶ Цит. по: *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т.П. М., 1996, с. 502.
- ¹²⁷ Там же, с. 511.
- ¹²⁸ Русь. 1882, № 5, с. 75.
- ¹²⁹ Там же, с. 80.
- ¹³⁰ Цит. по: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 231, 236.
- ¹³¹ Цит. по: *Немирович-Данченко Вас. И.* Скобелев, с. 281.
- ¹³² Красный архив. 1928, № 2, с. 219.
- ¹³³ Цит. по: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 227–228.
- ¹³⁴ Там же, с. 233.
- ¹³⁵ Там же, с. 232.
- ¹³⁶ См.: *Апушкин В.А.* Скобелев о немцах. Его заветы славянству. Пг., 1914, с. 21–25.
- ¹³⁷ См.: *Немирович-Данченко Вас. И.* Скобелев, с. 283.
- ¹³⁸ Русская народная драма XVII–XX вв. М., 1953, с. 126–127.
- ¹³⁹ *Marvin Ch.* The Russian Advance towards India., с. 12.
- ¹⁴⁰ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 240.
- ¹⁴¹ *Витмер А.* Скобелев. Русская старина. Т.СXXXVI, 1908, с. 696.
- ¹⁴² См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 244.
- ¹⁴³ Там же, с. 260.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 264.
- ¹⁴⁵ *Marvin Ch.* The Russian Advance towards India, с. 310.
- ¹⁴⁶ Там же, с. 97.
- ¹⁴⁷ См.: *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-теке. Приложения.
- ¹⁴⁸ См.: *Кнорринг Н.Н.* Белый генерал, с. 267.
- ¹⁴⁹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Скобелев, с. 286.
- ¹⁵⁰ *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах. Воспоминания. Ревель, 1921, с. 69.
- ¹⁵¹ *Тарле Е.В.* Из записной книжки архивиста. — Красный архив. 1928, № 2, с. 216.
- ¹⁵² *Немирович-Данченко Вас. И.* Скобелев, с. 259.

ЕРМАК НОВОГО ВРЕМЕНИ

Колониальные империи создавались отнюдь не по каким-либо заранее продуманным и хорошо просчитанным планам — таких планов не имели не только умом непостижимая Россия, но и рассудочный Запад. Так было в древнеримские времена и точно также в XIX веке, весьма просвещенном и рациональном. Имперские границы в новое время раздвигали те конкистадоры, что находились вблизи этих границ, причем чаще всего без соизволения центральных властей; более того, власти, хорошо знавшие и свое международное положение, и свое финансовое состояние, категорически не желали расширения имперской территории, однако, бывали вынужденными принимать территориальные приращения.

Самым своевольным, самым неподконтрольным российским конкистадором был Михаил Григорьевич Черняев. Среди главных строителей поздней Российской империи он был самой неоднозначной, самой противоречивой и, пожалуй, самой одной фигурой. Известный военный публицист А.Е. Снесарев писал так: «Разницы между Ермаком и Черняевым нет никакой. Как и в более ранние времена правительство принимало или очень слабое, или очень запоздалое участие в событиях... Немалую роль в качестве повода (колониальной экспансии — Е.Г.) играли честолюбие Чер-

няевых, Скобелевых и т.д.»¹. Во второй половине XIX в. на просторах Средней Азии Михаил Григорьевич Черняев возродил традиции лихих новгородских ушкуйников и казацкой вольницы XVI–XVII вв. В одном из писем своему единомышленнику (на этот раз то был фельдмаршал А.И. Барятинский) М.Г. Черняев писал: «Замечательный факт в истории распространения нашего владычества... что все наше движение от Урала и Иртыша до подножия Гималаев и Тянь-Шаня сделано по инициативе местных ведомств при хроническом противодействии центрального правительства»².

На долю М.Г. Черняева выпало начать и завершить героический период (около двух десятилетий) завоевания и освоения Русского Туркестана. Самым же главным делом его жизни было взятие штурмом с очень небольшими силами самого большого города Средней Азии — Ташкента, ставшего столицей Русского Туркестана. Это случилось в 1865 г., когда Михаилу Григорьевичу было 37 лет. То была его самая большая и последняя победа, хотя он еще долго вел активную и очень разнообразную жизнь. Но по порядку.

Хотя торговля Руси — России с ханствами Средней Азии велась с незапамятных времен, этот регион до середины XIX в. привлекал лишь очень незначительное внимание российского правительства — русская внешняя политика, военная экспансия в том числе, была ориентирована, главным образом, на Запад, Юг, Восток, но не на Юго-Восток. Все границы Российской империи, кроме среднеазиатских, всегда бывали делимитированы, только на огромных просторах казахских степей государственная граница была весьма условной и определялась «не иначе, как умственной линией, которой направление будет описано самым неопределенным образом», так сообщал А. Левшин в своем сочинении «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей»³.

Отсутствие четко обозначенной границы везде и всегда бывало причиной территориальных споров и вооруженных столкновений, не могла быть исключением пограничная неопределенность между Российской империей и среднеазиатскими ханствами, задержавшимся в своем развитии, по крайней мере, на полтысячи лет. Наиболее антагонистическими

были у России отношения с Кокандским ханством, которое стремилось собирать дань с казахских племен, принятых в российское подданство. В течение первой половины XIX в. Россия и Коканд вели упорную борьбу за казахских данников и территории их кочевок. Кокандцы устраивали набеги не только на казахские кочевья, но и на русские поселения, нанося им ощутимый ущерб. Войска Коканда располагались в Ташкенте и нескольких укрепленных пунктах: Туркестане, Чимкенте, Аулие-Ата, Пишпеке, Токмаке, Мерке и др. Части и подразделения российской армии предпринимали ответные рейды из Оренбурга к Аральскому морю и Сыр-Дарье, а также от Семипалатинска к оз. Балхаш и р. Или. Важное значение для продвижения в глубь Средней Азии имел захват русскими отрядами низовьев Сыр-Дарьи: здесь в 1847 г. было основано Раимское (позже переименованное в Аральское) укрепление. В 1853 г. войска оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского заняли крупную кокандскую крепость на Сыр-Дарье Ак-Мечеть (переименована в форт Перовский, ныне г. Кызыл-Орда), которая стала административным и военным центром Сыр-Дарьинской линии укреплений, уходившей все дальше в юго-восточном направлении.

В те же годы в глубь казахской степи русские отряды продвигались и со стороны Западной Сибири. В 1847 г. часть казахов из Старшего Жуза (Большой Орды) переходит в подданство России, после чего среди их кочевьев у Семиреченского Улутая создается укрепление Копал. В начале 50-х годов войска русского царя движутся дальше, переходят р. Или и занимают почти весь Заилийский край. Здесь, возле селения Алма-Ата, в 1854 г. было основано укрепление Верное (ныне г. Алма-Ата), ставшее опорным пунктом военных экспедиций против кокандцев. В результате от Семипалатинска до Верного, почти параллельно Сыр-Дарьинской линии, протянулась цепь укреплений, нацеленная на самый центр Средней Азии — Сибирская линия. Можно сказать, что в это время Россия взяла Азию в клещи.

Клещи (на то они и клещи) рано или поздно смыкаются: то была пасущая необходимость. В 1854 г. в Петербурге на заседании Особого комитета, в котором участвовали первые лица

империи, включая оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов, было решено соединить две линии. В том самом году началась Восточная, т.е. Крымская война, которая на многие годы отложила решение важнейших внешнеполитических задач. Линии не были соединены: их разделяло около тысячи километров степей и пустынь, по которым кочевали казахские племена. «Пользуясь отсутствием определенной охраняемой границы, — свидетельствует самый авторитетный советский исследователь вопроса Н.А. Халфин, — кокандские отряды вторгались в кочевья этих племен, собирали с них дань, отбирали скот, подстрекали к выступлениям против Российской империи. Царские войска, в свою очередь, предпринимали эпизодические походы против кокандских укреплений, разрушали их и возвращались снова на свои базы — укрепление Верное и форт Перовский»⁴.

Судя по всему, кокандское «руководство» уверовало, что Россия в своем технико-экономическом развитии недалеко ушла от Коканда, тем более что до Коканда не могла не дойти информация о поражении России в Крымской войне, прежде всего, от Турции — одной из участниц антироссийской коалиции. Такое убеждение, наверняка, владело умами тех, кто принимал в Коканде ответственные решения, о чем говорит авторитетное заключение знатока проблемы: «Регулярной армии в Коканде не существует... Артиллерия у кокандцев есть, но она так дурна, что едва ли можно назвать ее этим именем»⁵.

Кокандских правителей и военачальников искушала также, видимо, малочисленность русских войск, размещенных в фортах укрепленных линий и, вместе с тем, вдохновляла многочисленность своего воинства. Идея «затоптать русских конями» была столь же «плодотворна», как и «шапкозакладательство» российских горе-полководцев проигранной Крымской кампании. Существовал еще один фактор, ослаблявший среднеазиатские ханства в их противостоянии России: не прекращавшиеся междоусобицы. Причем мусульманские владетели, считавшиеся хранителями истинной веры, уничтожали и разоряли правоверных мусульман в завоеванных городах и кишлаках, как если бы те были неверными. Неоправданная жестокость по отношению к врагам-одно-

верцам была характерной чертой вооруженных столкновений между ханствами.

Крымское поражение имело многочисленные и разнообразные последствия для российского общества; одно из них — горькое разочарование в просвещенной Европе, еще недавно бывшей такой близкой сердцу всякого цивилизованного россиянина. Объединившись с извечным врагом России Османской империей, великие европейские державы не только предали русских европейцев, но и указали России ее место в мире, которое они же ей отвели. Русское общество находилось в шоке и пыталось переосмыслить свое отношение к Западу. «Не в Европе будущее России: к Азии должна она обратить свои взоры, — утверждал генерал-майор генерального штаба Бларамберг в январе 1856 г. — Блистательное развитие (особенно в последние 30 лет) и постоянное с году на год увеличение числа отечественных фабрик и мануфактур, потребляющих наши же сырые произведения, требуют новых путей сбыту; а так как европейские рынки заперты для мануфактурных произведений России соперничеством всех государств этой части света, то она поневоле должна обратиться для продажи своих произведений к обширным странам Азии»⁶. Эту идею разделяли в то время многие крупные правительственные чиновники, ученые, промышленники и публицисты. Можно назвать имена Ю.А. Гагемейстера, Ф.Г. Тернера, А.Шипова, И. Березина, П.Небольсина и др. Все авторы исходили (чаще молчаливо) из положения: «В Европе нас не ждут».

Русофобия, генерируемая элитой Великобритании, во второй половине XIX в. стала чуть ли не европейской идеологией, что позволило Ф.М. Достоевскому сделать заключение: «Европа нас готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себя как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями... С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил...»⁷

В России, однако, отдавали себе отчет, что, во-первых, в Азии тоже никто не стоит в ожидании русских, широко рас-

пахнув объятия, а, во-вторых, в условиях бесконечного ханского произвола и насилия, в которых привыкли существовать местные жители, не может быть речи о выгодной и безопасной торговле в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах. Поэтому делался вывод (его сформулировал востоковед В.В. Григорьев) о необходимости перехода Средней Азии «под владычество какой-либо христианской державы, которая бы, водворив там порядок и безопасность, внушила обитателям Аму и Сыра желание воспользоваться их естественными средствами к улучшению собственного и соседей их благосостояния. Тогда может пойти речь и о торговле России со странами к юго-востоку от Внутренней Азии, — до тех пор, т.е. пока эта последняя будет оставаться тем же, что она есть, — всякое рассуждение об этом будет праздной, совершенно бесплодной болтовней»⁸.

В российской печати обсуждались также возможности выращивать в Средней Азии в промышленных масштабах хлопчатник, чтобы ослабить зависимость российской текстильной промышленности от ввоза американского хлопка. Это было заманчиво. И так, к концу 50-х годов XIX в. в российском обществе устоялось единое мнение: Средняя Азия — выгодный и перспективный рынок сбыта для русских товаров и источник сырья, важный для наиболее развитой отрасли промышленности — текстильной. Использование среднеазиатских потенциалов осложнялось, однако, плохими путями сообщения, а главное «необеспеченностью жизни и имущества предпринимателей». Теперь, когда произошло осмысление значения Средней Азии для России, предстояло решить военно-политические, финансовые и технические вопросы завоевания этого региона. Если востоковед Григорьев осторожно говорил о переходе Средней Азии «под владычество какой-либо христианской державы», то в правительственных, особенно военных кругах не было ни тени сомнения, что такой державой должна была стать только Россия. Оставалось найти наиболее эффективные способы подчинения и освоения обширного края.

Первым, еще в 1856 г., предложил свой проект проникновения в регион наместник Кавказа, завершивший полу-

вековую кавказскую войну, князь А.И. Барятинский. Князь предлагал построить железную дорогу от восточного берега Каспия через Устюрт к Аральскому морю. То был чрезвычайно смелый проект, если учесть, что в России первая протяженная «чугунка» между Москвой и Петербургом появилась в 1851 г., и в связи с Крымской войной дальнейшее железнодорожное строительство застопорилось. Большого опыта российские строители пока еще не имели, а тут предстояло класть рельсы через пески.

Барятинский приводил различные доводы в пользу своего проекта, в числе которых был и такой: «Россия, пользуясь одними преимуществами, дарованными ей природой, беспрепятственно упрочила бы свое влияние на местах, не доступных другим европейским державам, но предлагающих ей новые источники богатства и силы»⁹.

Кавказский наместник предостерегал царя и русское правительство в связи с захватом британскими войсками иранского порта Бушира, за чем могло последовать появление британских военных кораблей на Каспийском море. Он предлагал срочно усилить Каспийскую военную флотилию, укрепить Бакинский и Петровский порты, содействовать развитию торгового мореплавания, снарядить экспедицию для исследования путей от залива Мертвый Култук на Каспийском море до берегов Арала.

Император Александр II признал предложения Барятинского «весьма важными и полезными» и распорядился рассмотреть их в Особом комитете. Рассмотрение состоялось 27 января 1857 г. Самым активным оппонентом оказался министр иностранных дел А.М. Горчаков, который категорически возражал против каких-либо активных действий на восточном побережье Каспия из опасения возбудить неудовольствия Англии и спровоцировать ее на ответную силовую акцию. В результате комитет вынес решение отложить «до более благоприятных обстоятельств» снаряжение экспедиции на плато Устюрт, а значит и реализацию проекта Барятинского.

В то же время с похожими предложениями обращался к царю герой Севастопольской обороны генерал С.А. Хрулев.

Он предлагал создать торговые фактории в г. Туркестане, на восточном берегу Каспия и на границах Хивинского ханства, создать постоянное пароходство на Каспийском море и даже начать прокладку железнодорожного пути в направлении Хивы. Этот проект постигла та же участь — отложили до лучших времен.

Барятинский продолжал настаивать на своем и, в конце концов, добился снаряжения нескольких экспедиций. В 1858 г. в Иран, ханства Средней Азии и Кашгар отправились миссии Н.В. Ханькова, Н.П. Игнатъева и Г.С. Валиханова. Оформлены эти миссии были по-разному: Н.В. Ханьков возглавил научную экспедицию; полковник Игнатъев — официальное дипломатическое посольство, а поручик Валиханов (казах) отправился под видом мусульманского купца.

Самой важной была миссия в Хиву и Бухару; о важности говорил факт назначения ее главой Николая Павловича Игнатъева, сына петербургского генерал-губернатора, графа, флигель-адъютанта, недавнего военного агента в Лондоне, т.е. человека не только близкого ко двору, но и хорошо известного императору. Несмотря на молодость — 26 лет, — Игнатъев прекрасно ориентировался в международной обстановке, а находясь в Лондоне, «внимательно, — по его словам, — наблюдал за событиями в Азии и деятельностью там английских агентов»¹⁰. Тем и объяснялся выбор этого молодого дипломата в качестве главы миссии. В записке на имя министра иностранных дел Игнатъев-младший излагал свое понимание ситуации: «В случае разрыва с Англией только в Азии сможем мы вступить в борьбу с нею с некоторой вероятностью успеха и повредить существованию Турции. В мирное время затруднения, порожденные Англией в Азии, и увеличение значения нашего в странах, отделяющих Россию от британских владений, послужат самым лучшим ручательством сохранения мира с Англией»... «Азия — единственное поприще, оставленное для нашей торговой деятельности и развития нашей промышленности, слишком слабых, чтобы войти в успешное состязание с Англией, Францией, Бельгией, Америкой и другими государствами»¹¹. И то было не единичное, но весьма распространенное мнение.

В инструкции, полученной Игнатьевым от министерства иностранных дел, ставились три главных задачи: 1) изучить ситуацию в Средней Азии; 2) упрочить влияние России в ханствах Хивинском и Бухарском, дабы улучшить условия в них русской торговли; 3) уничтожить влияние англичан. «Открытие судоходства по этой реке (Аму-Дарье — Е.Г.), — говорилось в инструкции, — составляет важнейшее из всех поручаемых вам дел. О достижении его вы будете стараться всеми возможными средствами». Одним из таких средств был весьма громоздкий, но впечатляющий подарок — большой орган. Для человека, не посвященного в тайны военно-дипломатической кухни официального Петербурга, подарок мог показаться нелепым. И то верно: зачем нужен этот весьма специфический музыкальный инструмент непросвященному азиатскому князьку, чье ухо привыкло к утробному реву длинной трубы — карная. Официальный ответ мог быть: дабы улучшить музыкальный вкус хивинского владельца, однако нетрудно догадаться, что музыкальные пристрастия хана меньше всего волновали профессиональных политиков и разведчиков из Петербурга. Крупногабаритному подарку отводилась особая и очень важная роль — ему полагалось стать оправданием направления в верховья Аму-Дарьи судов (парохода в том числе) Аральской флотилии, на одном из которых только и можно было перевести орган. Флотилия и ее командир капитан I ранга А.И. Бутаков поступали в распоряжение руководителя миссии. Получив разрешение от хана, русские суда должны были подняться как можно выше по течению Аму-Дарьи для детального исследования судоходности реки. Если бы вопрос о русском судоходстве удалось решить положительно, Игнатьеву разрешалось не настаивать на уменьшении пошлины с русских товаров вдвое (с 10 до 5%).

В Хиве миссия Игнатьева успеха не добилась и прежде всего в главном пункте — хивинцы наотрез отказались пропустить суда флотилии выше по реке. Бутакову и командиру конвоя Черняеву удалось дойти до г. Кунграда, детально изучив дельту Аму-Дарьи; была составлена превосходная карта. «Пароход пытался пройти в различные устья, — пи-

сал Игнатьев в Петербург, — и наделал тревогу выстрелами и изысканиями, и с 22 по 29 июня не мог войти, так что я вынужден согласиться на настойчивые просьбы хана хивинского перегрузить подарок на хивинские барки...»¹²

Переговоры тянулись долго, и чем больше проходило дней, тем меньше оставалось надежды на их благополучное завершение. Под угрозой оказались жизни членов посольства и конвоя. За два месяца пребывания в ханстве русские посланцы сумели разобраться в местной обстановке, близко познакомиться с нравами. «Наша жизнь в Хиве незавидна, — писал в письме домой один из членов посольства, — подозревают во всем, хватают наших почтарей и трактата не подписывают. Некоторые из членов миссии, люди слабонервные, ходят с вытянутыми физиономиями, не спят ночи и ежеминутно ожидают нападения. Действительно, мы каждый день получаем сведения, что на ханских советах трактуют, как бы от нас отделаться: одни предлагают отравить, другие — поджечь, а третьи, чтобы снять ответственность с хана, советуют нанять шайку туркмен, которая передушила бы нас где-нибудь по дороге из Хивы»¹³.

Последняя угроза — «нанять шайку туркмен» — была более чем реальна. Нравы туркмен описывает в своем походном дневнике участник второй (1859 г.) экспедиции Бутакова подполковник Черняев: «Во время поездки нашей в Кунград, туркмены подъезжавшие рано утром к пароходу и отправившись на добычу за хивинцами, возвратились, отбив 8 человек пленных своих и поднесли капитану Бутакову голову, говоря, что Магомет-Фаны (правитель Кунграда — Е.Г.) платит им за голову 40 рублей серебром, а они слышали, что русские платят вдвое дороже. Голову эту они сняли со старухи и, чтобы сделать ее похожей на мужскую бритую, повывергали волосы. Им отвечали, что русские за головы ничего не дают. Они с неудовольствием отправились к Магомету-Фаны»¹⁴.

Общаясь с охотниками за головами, которые были фактическими хозяевами ханства, члены русской миссии все больше убеждались в том, насколько глубоко укоренилась в их сознании разбойничья психология. Судя по записям в его

дневнике, недавно прибывший в край М.Г. Черняев, был поражен безоговорочной ориентацией своих собеседников на криминальный образ существования: «Когда капитан Бутаков сказал, что русское правительство настаивает на этом (не грабить хивинские караваны, направляющиеся в Россию -- Е.Г.), потому что в этом деле замешаны выгоды русских, тогда они отвечали следующее: хорошо, мы будем пропускать караваны в Россию и грабить их на возвратном пути в Хиву»¹⁵.

Полковник Игнатъев ни с чем покинул Хиву и уже через месяц в конце сентября добрался до Бухары. Здесь он встретил такое же настроенное отношение к России, нежелание эмира идти на уступки и брать на себя какие-либо определенные обязательства; к тому же выяснилось, что, как и в Хиве, эмир не в состоянии контролировать своих вассалов. Практически все члены посольства пришли к единому мнению, что иметь нормальные дипломатические отношения со среднеазиатскими ханствами невозможно: правящая элита не имеет никакого представления о международном праве и не привыкла соблюдать договоренности.

В декабре 1858 г. после семимесячного отсутствия миссия Игнатъева вернулась в Оренбург. Оценивая итоги своего посольства, Игнатъев писал: «Главнейший и существеннейший результат посылки нашего агента в Среднюю Азию в 1858 г. заключается в том, что рассеялся туман, заслонявший ханства от глаз русского правительства, которое, наконец, прозрело и узнало настоящую цену "дипломатических сношений" с хивинскими ханствами и Бухарой. Сведения, добытые нашей миссией и добросовестное уничтожение прежнего "миража" вызвали крутой поворот в характере наших сношений с этими коварными и вероломными соседями, способствовали установлению более правильного взгляда на значение и основу их власти, на действительную их силу и, в особенности, на то положение, которое мы должны и можем занимать в Средней Азии...»¹⁶ Вывод был однозначный: «На трактаты полагаться нечего», необходимо «физическое воздействие» на хивинское правительство, «рано или поздно нам придется занять устье Аму-Дарьи построить там укреп-

ление для обеспечения плавания наших судов»¹⁷. Как бы продолжая эту мысль, Черняев в своем отчете писал: «Средства для этого у нас есть. Затем разве мы пришли сюда, чтобы здесь комфортабельно устраиваться и заводить хозяйство — для этого у нас много земли в России и более к тому удобной. Нам нужен этот край для распространения нашего влияния на Среднюю Азию...»¹⁸

В этом пассаже виден автор: человек и деятельный, и нетерпеливый, и имперски мыслящий. Как и Игнатьев, его вдохновлял пример Великобритании, которая, не стесняясь и не оглядываясь на соседей по «Европейскому дому», энергично расширяла свою экспансию на Восток.

С Игнатьевым и Черняевым соглашались многие влиятельные люди. Испытавшие на себе «путевые стеснения», т.е. разбойные нападения на караваны, и «прижимки в городах» русские купцы очень низко оценивали фиксированные на бумаге соглашения с среднеазиатскими ханами¹⁹. На проведении «твердой политики» настаивал оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин. Проведя в 1858 г. инспекционную поездку по вверенному краю, начальник края направил в Петербург несколько обширных донесений, в которых отмечал: «Не только путешественники, но даже торговцы наши не могут показаться в эти владения, не опасаясь насилия и даже смерти; самые справедливые требования наши принимаются с грубостью и высокомерием»²⁰.

Оренбургский генерал-губернатор считал основным недостатком политики России в Средней Азии непоследовательность и отсутствие определенного плана действий. Создали Аральскую флотилию, построили Кос-Аральский форт, что могло бы стать предпосылкой для открытия судоходства по морю и Аму-Дарье, но не стало. Построили укрепления Сыр-Дарьинской линии, однако идея не была доведена до логического завершения: Сыр-Дарьинскую линию не сомкнули с Сибирской. Будучи человеком властным и самостоятельным, А.А. Катенин решил обратить внимание российского правительства, сверх головы загруженного проблемами первостепенной важности (достаточно назвать тупик крепостничества), на вопросы сред-

неазиатские, которые, совсем очевидно, не значились среди первоочередных.

Катенин, как подобало большому, облеченному доверием государя начальнику, собрал специальную комиссию для выработки внешнеполитической программы. Дело в том, что губернаторы (они были генерал-губернаторами, т.е. имеющими особые полномочия) приграничных губерний обладали расширенными правами, в т.ч. правом сношения с сопредельными государствами. В состав комиссии были включены начальник штаба войск оренбургского военного округа генерал А.Л. Данзас, председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев, начальник Аральской флотилии А.И. Бутаков, — участники посольства Н.П. Игнатьев, Н.Г. Залесов и М.Н. Галкин, а также подполковник М.Г. Черняев, бывший в то время, начальником штаба Сыр-Дарьинской линии.

Комиссия, учитывая ее состав, высказалась однозначно за наступательную политику в отношении среднеазиатских ханств. На основании выводов своей комиссии Катенин предложил Петербургу в самом конце 1858 г. программу экспансии Российской империи в Азию. Наступать предлагалось, прежде всего, на Кокандское ханство; захватить кокандские крепости Джулек, Яны-Курган, Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата с последующим движением к Ташкенту — «средоточию всей торговли Средней Азии», соединить две укрепленные линии и поставить в угрожаемое положение ханства Хивинское и Бухарское. Практически все участники оренбургского совещания сошлись в необходимости овладеть Ташкентом, что позволило бы контролировать не только важнейший перекресток азиатских торговых путей, но и обширный плодородный оазис среди степей и пустынь. Надо признать, что необходимость захвата Ташкента и прилегающих сельскохозяйственных районов была осознана намного ранее российскими политиками и промышленниками.

Предложения Катенина и результаты миссии Н.П. Игнатьева обсуждались в Петербурге в начале января 1859 г. на «совещательном заседании», в котором участвовали министр иностранных дел А.М. Горчаков, военный министр

Н.О. Сухозанет, министр финансов А.Ф. Княжевич, оренбургский и западносибирский губернаторы А.А. Катенин и Г.Ф. Гасфорд, а также другие видные государственные деятели империи. Наступательные предложения оренбургских «ястребов» были отвергнуты на том основании, что «правительство в настоящее время не имеет в виду завоевательных действий для этой части Азии». Отказ от наступательных действий был мотивирован назревшей европейской войной Франции и Сардинии против Австро-Венгрии, в которую могла быть втянута Россия. Кроме того, военные силы страны все еще отвлекал Кавказ.

В конце 1859 г. стало ясно, что серьезные походы против кокандцев, хивинцев и бухарцев откладываются на неопределенное время, а потому (не только поэтому) М.Г. Черняев принял решение покинуть Среднюю Азию.

ПОДСТУПЫ К СЛАВЕ

М.Г. Черняев был воистину рожден для службы ратной, он был, что называется, военной косточкой — потомственным военным человеком. Род Черняевых не был ни знатен, ни знаменит — только в 1783 г. императрица Екатерина II пожаловала потомственное дворянство деду Михаила Григорьевича, Никите Исаевичу Черняеву, так что отец покорителя Ташкента — Григорий Никитич родился в 1788 г. уже потомственным дворянином. Ему довелось вместе с армией пройти всю кампанию 1812–1814 гг., участвовать в крупных сражениях, в Бородинском в том числе, быть раненым и награжденным. В 1818 г. русский комендант маленького городка Le Quesnoy на севере Франции майор Новоингерманландского полка Г.Н. Черняев взял в жены дочь мэра города девицу Эсфирь-Шарлоту Лекюйе, рождения 1798 г. Молодые женились по любви, прожили в браке 50 лет и имели 18 детей, из которых девять умерли в младенчестве. Одним из девяти выживших был хрупкий и болезненный сын Миша, появившийся на свет 22 октября 1828 г.

До 12 лет Миша жил в основном в имении отца, Тубышки Могилевской губернии, куда Черняев-старший привез свою французскую жену. В 20–30-е годы помещик Черняев владел 1500 десятинами земли, двумя мельницами, что обеспечивало семье сносное существование. После реформы 1861 г. земельные владения Черняевых сократились до 340 десятин.

Г.Н. Черняев имел характер беспокойный и неуживчивый, оттого он часто конфликтовал с начальством, уходил с военной службы, снова надевал офицерский мундир и снова оказывался в отставке, а потому семья часто переезжала с места на место. Миша родился в Бессарабии, в Бендерах, где Григорий Никитич служил под началом графа М.С. Воронцова, потом учился в Киевской гимназии, поскольку отец около года исполнял должность полицмейстера г. Киева; когда же глава семьи в очередной раз рассорился с начальством, Черняевы вернулись в Тубышки, а Миша стал ходить в Могилевскую гимназию. Он был способным учеником, с хорошей памятью, прекрасно учил латынь и греческий и даже в пожилом возрасте на память цитировал Цицерона большими отрывками. Почитателем классического образования он остался на всю жизнь. При этом, естественно, он прекрасно говорил по-французски: это был его второй родной язык.

Сын и внук русских офицеров, он тоже хотел стать офицером, хотя и не отличался физической крепостью. Того же хотел отец. Григорий Никитич брал сыновей на встречи ветеранов Бородинской битвы, где они не только знакомились с легендарными героями, но и проникались гордостью за свое отечество. На этих встречах закладывались основы его патриотических убеждений.

Когда Мише стало 12 лет, Григорий Никитич Черняев определил его в Дворянский полк, т.е. в кадетский корпус, находившийся в Петербурге, основанный в 1807 г. Во времена императора Николая I в этом сословном учебном заведении поддерживалась исключительно суровая дисциплина; воспитанники жили жизнью истых спартанцев: вставали в 5 ч. 30 мин. утра, молились, занимались наука-

ми до 11 ч. 30 мин. утра; полтора часа отводились для занятий специально военными и физическими упражнениями; после обеда следовали те же занятия. Программа включала русский язык и литературу, историю, математику, естественные и специальные военные науки. Как и многие военные люди России в то время кадет Миша Черняев обожал А.В. Суворова, изучал историю его побед и готовился в будущем действовать по-суворовски. Он проникнулся суворовской любовью к солдату, возненавидел телесные наказания (сам был порот за курение), несмотря на превалировавшие в николаевское время идеи муштры, принуждения и беспрекословного подчинения приказу, хорошо усвоил суворовское правило действовать и быстро, и инициативно.

Пришло время выпускных экзаменов, которые кадет Черняев сдал отлично, получив право выбирать часть для прохождения службы. Он выбрал лейб-гвардии Павловский полк. Действительная военная карьера подпоручика М.Г. Черняева началась 14 августа 1847 г. До начала службы он приехал в отпуск к родным в г. Бердянск, где в то время служил его отец. Домашних Миша поразил повышенной нервозностью, часто и без причины смеялся. Сказались, видимо, годы строгой муштры и напряженной учебы.

Уже в 1849 г., будучи 20 лет от роду, М.Г. Черняев был принят в Академию генерального штаба, которая тогда не пользовалась популярностью в офицерской среде — прием в тот год составил всего 13 человек. С 1845 г. в академии преподавал военную географию и статистику профессор Д.А. Милютин. Черняеву предметы и манера преподавания будущего военного министра казались скучными; за годы учебы в академии (курс был рассчитан на два года) у М.Г. Черняева сложилось отрицательное мнение об этом самом ярком и эффективном государственном деятеле эпохи Великих реформ. Сам же Милютин считал поручика Черняева одним из самых способных своих слушателей.

В аудиториях академии Михаил Григорьевич познакомился и сдружился с людьми, которые много помогали ему впоследствии — Н.П. Игнатьевым и В.А. Полторацким.

С началом военных действий на Дунае в 1853 г. штабс-капитан генерального штаба Михаил Черняев получает назначение в Маловалахский отряд, участвует в кровопролитном Инкерманском сражении, а также, в течение долгой, изнурительной обороны Севастополя, — в должности порученца героев Крымской кампании генерала Хрулева и адмирала Истомина. Ему приходится писать донесения на высочайшее имя, на одном из которых император Николай I начертил: «Заметить этого молодого офицера». Его дочь и биограф А.М. Черняева в начале XX в. писала: «М.Г. Черняев с удовольствием любил вспоминать об этом факте и до конца дней своих сохранил искреннее поклонение величавому образу государя Николая Павловича»²¹.

Если отец его Григорий Никитич гордился всю жизнь тем, что был участником Бородинского сражения, то сын имел не меньше оснований для гордости, поскольку восемь месяцев находился в самом центре севастопольской эпопеи. «Бойня на Малаховом кургане, — вспоминал М.Г. Черняев, — была страшная. Однажды во время обеда шальная бомба упала посреди нас и разнесла все деревянные переборки в башне. Однако я был очень счастлив, так как за все время осады отделался легкой контузией камнем от разрыва бомбы (отчего впоследствии жестоко страдал — Е.Г.)... Пробыв на Малаховом кургане восемь месяцев, я получил Владимира 4-й степени и золотую саблю...

Малахов курган был взят в одиннадцать часов утра, когда войска обедали... На Малаховом кургане мы оставили французам 15 тысяч снарядов. Мины подложены не были, иначе штурм мог бы быть отбит, и неприятель погиб бы в огромном количестве. Тотчас после занятия кургана французы поставили два орудия и давай провозжать нас картечью...

На мою долю пришлось ночью отводить войска с бастионов и траншей. Шепелев, присланный к нам вместо Хрулева, полковник генерального штаба Козлянинов, присланный также кн. Горчаковым, и я переправились из Севастополя последними, когда войск там не оставалось ни одного человека. Мосты были разобраны, и мы переправлялись на лодках»²².

Такой богатейший боевой опыт, как участие в обороне Севастополя, сопряженное с каждодневным смертельным риском, почти для любого, даже военного человека был бы более чем достаточным на всю оставшуюся жизнь. Повторять снова и снова встречи со смертью — охотников не много — Михаил Черняев был из этого меньшинства. Поскучав около двух лет на посту начальника штаба пехотной дивизии, дислоцированной в Польше, подполковник Черняев исхлопотал перевод в Оренбург, т.е. в казахские степи, где предвиделись военные действия. Весной 1858 г. он стал начальником штаба Сыр-Дарьинской пограничной линии.

Оказавшись в Средней Азии в первый раз, успел по-настоящему он только в двух предприятиях: исследовал дельту Аму-Дарьи и по принципиальному вопросу поссорился с начальником Сырдарьинской линии укреплений генерал-майором А.Л. Данзасом. Конфликт возник из-за степного разбойника Досчана.

Некто Досчан занимался обычным для многих кочевников промыслом: в компании с родичами грабил караваны, угонял скот, захватывал для выкупа людей, да и просто убивал пленных без особой необходимости. На его совести было немало злых дел, в том числе против казачьих станиц и русских властей. Одним из его «подвигов» был захват известного русского ученого Северцова, который охотился в степи вместе с несколькими спутниками. Северцова изранили, двумя ударами саблей ему пытались отрубить голову, но потом расчетливый разбойник решил взять за него выкуп²³. В конце концов, Северцов попал к своим, а Досчану и его «подельникам» от имени генерал-губернатора Оренбургского края А.А. Катенина была объявлена амнистия. Досчан доверился российским властям, сдался вместе с семьей-бандой, но был арестован по приказанию А.Л. Данзаса и предан военно-полевому суду. Суд приговорил Досчана к расстрелу.

Черняев вступился за доверчивого разбойника — написал Данзасу несколько писем с просьбой отменить приговор суда, но Данзаса эти письма раздражали, тем более что между двумя офицерами отношения уже были испорчены, о чем

говорит хотя бы такая записка командира Сырдарьинской линии к своему начальнику штаба: «Милостивый государь, Михаил Григорьевич, покорнейше прошу доставить Ваше мнение о порте в Сыры-Чаганаке. Если Вы опасаетесь, что исследования ваши я присвою себе, то не угодно ли будет составить отдельную записку, которую я отправлю в дополнение к моему рапорту об этом предмете»²⁴.

Отношения между начальником и подчиненным испортились давно, поэтому заступничество Черняева за степного разбойника было встречено Данзасом с раздражением, хотя аргументы Черняева звучали и веско, и убедительно: «Не одно сострадание, — писал Михаил Григорьевич, — заставляет меня говорить в пользу преступника, со всей семьей своей добровольно отдавшегося на великодушие русских властей, но и убеждение, что казнь его несовместима с достоинством нашего правительства и поведет к утрате доверия к нашим воззваниям, подобно тому как утратилась всякая вера к нашим угрозам»²⁴.

Данзас ответил Черняеву резко и приказал ему уехать в Оренбург, т.е. отставил от должности, а приговор военно-полевого суда был приведен в исполнение. Генерал-губернатор Катенин поддержал начальника Сырдарьинской линии, к тому же и ему не был симпатичен неуживчивый и несговорчивый офицер. С помощью петербургских друзей Н.П. Игнатьева и В.А. Полторацкого Черняеву удалось получить перевод на Кавказ, куда он отбыл в декабре 1859 г.

На Кавказе М.Г. Черняев прослужил около двух лет. Здесь он (вопреки своему обыкновению) сблизился со своим начальником князем Барятинским. У этих двух людей обнаружилась общность взглядов на многие проблемы развития России. Ведь то было время большого брожения умов, когда очень многие в образованном российском обществе поняли, что больше жить по-прежнему нельзя, что необходимы разнообразные реформы. К реформам и реформаторам Барятинский относился отрицательно, считая, что николаевские порядки хороши и нуждаются лишь в незначительной корректировке. Черняев думал так же. Кроме того, Барятинский, пленивший в 1859 г. вождя горцев има-

ма Шамиля, привлекал его способностью действовать целеустремленно и решительно. Справедливости ради надо заметить, что при всем своем консерватизме именно фельдмаршал Барятинский сумел завершить полувековую войну на Кавказе. В общении с Барятинским и служившим там же военным историком и публицистом Р.А. Фадеевым формировалось мировоззрение Михаила Григорьевича. Под их влиянием он сделался убежденным славянофилом; в общении с этими незаурядными людьми сложились его взгляды на военное искусство, армию, военную службу и военную реформу.

В 1861 г. военное ведомство возглавил новый министр Д.А. Милютин, призванный на эту должность именно для того, чтобы реформировать армию, потерпевшую поражение в Крыму. С этого времени различные варианты реформы обсуждались в армейских кругах; как водится, было много разномыслия, много критики, Черняев хорошо знал Милютина как человека организованного, рационального, несколько сухого и холодного. Он не симпатизировал бывшему профессору Академии генерального штаба. Притом, что он отлично учился и в кадетском корпусе и в академии, у него сложилось весьма своеобразное отношение к военным наукам. Наилучшим типом военно-учебных заведений он считал николаевские кадетские корпуса с их палочной дисциплиной. «С отличием пройдя всю умственную муштру высшего военно-учебного заведения, — писала его дочь, — изучив теорию военного искусства в Академии генерального штаба, Михаил Григорьевич, столкнувшись с боевой действительностью на полях Молдавии и Валахии во время кампании 53 г., убедился насколько теория расходится с практикой. Не колеблясь, он вскоре отбросил весь этот, по его выражению, ненужный хлам и впоследствии слову «академический» придавал значение нарицательное, обозначая этим термином теорию, противоречащую и расходящуюся с практикой»²⁶.

Исходя из своего военного опыта, Черняев считал возможным вовсе упразднить военные академии. Барятинский, а вместе с ним Фадеев и Черняев практически ни в чем не

сочувствовали реформаторским начинаниям Милютина, особенно негативно они относились к системе военных округов (сохранились поныне).

Пока Михаил Григорьевич совершенствовал свою анти-реформаторскую систему взглядов на Кавказе, в Петербурге, Оренбурге и Омске вызревала идея решительных действий в Средней Азии. Инициатива исходила из Оренбурга и Омска. Западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд сообщал правительству о намеченном им походе в верховья р. Чу и подготовке к захвату Пишпека. В письме военному министру оренбургский генерал-губернатор Катенин снова предлагал соединить Оренбургскую и Сибирскую линии южнее Ташкента, завоевать этот город и включить его в состав Российской империи, занять дельту Аму-Дарьи и юго-восточное побережье Каспийского моря, чтобы создать укрепление в Красноводском заливе. (В течение последующих десяти лет все это будет сделано.) Петербург пока еще не был готов к таким действиям.

После смерти А.А. Катенина в должность Оренбургского генерал-губернатора и командира корпуса вступил А.П. Безак — человек маленького роста, носивший тщательно расчесанный парик, т.е. явно с комплексами. Разобравшись в обстановке, Безак в 1861 г. направил в Петербург большую записку с предложением как можно скорее захватить Ташкент, поскольку на него и другие города и области Средней Азии покушаются англичане. По мнению Безака Англия предполагала усилить Афганистан присоединением к нему некоторых областей Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. «Если англичане успеют в этом прежде, нежели мы утвердимся в Ташкенте и обеспечим сообщение через Коканд с Китайским Туркестаном, — резюмировал Безак, — то они сделаются полновластными властителями Средней Азии, торговля которой, вместе с торговлей Китайского Туркестана, останется в их руках безвозвратно».

Оренбургский генерал-губернатор упорно бил в одну точку: «... к городу, находящемуся в 150 верстах от Коканда, сходятся все торговые пути из Бухары, Китая и России... Владея Ташкентом, мы получим не только решительное пре-

обладание на ханство Кокандское, но усилим наше влияние и на Бухару, что разовьет нашу торговлю с этими странами»²⁷.

Доводы были убедительными, угроза английского преобладания в регионе вполне реальной, однако правительство, занятое проведение крестьянской реформы, не могло отвлекаться на азиатские дела. В марте 1862 г. Милютин отдал распоряжение оренбургскому и западносибирскому генерал-губернаторам «в нынешнем году никаких приготовлений по экспедиции не принимать»²⁸.

В конце 1862 г. в Петербург поступили тревожные сообщения о выходе к берегам Аму-Дарьи отрядов афганского эмира Дост Мухаммада, заключившего военный союз с Англией, о действиях английской агентуры в среднеазиатских ханствах, и очень опасном для России намерении англичан завести на Аму-Дарье регулярное пароходное движение. На этот раз даже обычно безразличный к азиатским делам министр иностранных дел А. М. Горчаков всполошился, считая необходимым противодействовать «замыслам англичан». Точно также реагировал и Милютин. Казалось, планы двух генерал-губернаторов были близки к осуществлению. Дополнительное ускорение решению среднеазиатского вопроса придали события в Европе: в январе 1863 г. началось восстание в Польше, вызвавшее сочувствие в европейских странах. Россию клеймили в газетах Франции и Англии, особенно усердствовали англичане. В этих условиях решительные действия в Средней Азии могли бы стать надежной дымовой завесой, отвлекающим от Польши маневром. И вот тут нужный человек оказался в нужном месте и в нужное время. Подполковник Черняев вторично вернулся в Среднюю Азию летом 1862 г. в качестве начальника штаба Оренбургского корпуса, которым теперь командовал А. П. Безак. На Кавказе военные действия прекратились, Михаил Григорьевич вновь заскучал и с помощью Игнатьева и Полторацкого (первый к тому времени занимал должность директора Азиатского департамента МИДа, второй был начальником Азиатского отделения Главного штаба) получил назначение в Оренбургский край. На этот раз ему уда-

лось провести ряд самостоятельных операций, принесших ему известность не только в военных кругах, но и в обществе.

В начале марта 1863 г. генерал-губернатор Безак приказал начальнику своего штаба провести рекогносцировку района от Джулека до г. Туркестана. Осторожный Безак требовал от своего инициативного начальника штаба не присущей ему осторожности. Операция, проводившаяся исключительно с разведывательными целями, обернулась неожиданным результатом. Казачий отряд Черняева шел по заснеженной пустыне под густыми снегопадами, потом под палящим степным солнцем и к концу мая дошел до крепости Сузак. В это время там вспыхнуло восстание против кокандской власти — повсеместно жестокой и разорительной. Своей артиллерией Михаил Григорьевич поддержал восставших; кокандский гарнизон сложил оружие, а население Сузака попросилось в российское подданство. Примеру сузакских обывателей последовали казахи Биштамгалинского рода, кочевавшие в районе Чолак-Кургана и Сузака.

Безак, когда до него дошло донесение начальника его штаба, испугался и очень разозлился — он еще толком не знал, с кем имеет дело. Ведь он приказал действовать осторожно и миролюбиво! Из Петербурга можно было ожидать не только выговора за самовольство, но и отстранения от должности. Потому он поспешил строго выговорить слишком инициативному офицеру, а в донесении в Петербург — отмежеваться от его действий. Насколько были перепуганы в то время должностные лица в Оренбурге можно судить по письму Черняеву от начальника Сыр-Дарьинской линии полковника Н.А. Веревкина: «Разрушение Сузака... было бы дело прекрасное, но опасаясь я, чтобы оно не повело к каким-либо неприятным запросам из Петербурга и не подняло бы шума в политическом мире; теперь же, при натянутости наших отношений с Англией, у нас особенно боятся давать повод англичанам к опасениям и неудовольствиям»²⁹.

И Безак, и Веревкин ошибались. Как им было не ошибиться, если они жили в глуши, радио и телевидения тогда не было, центральные газеты приходили с большим опозда-

нием, да и гласность находилась на минимальной отметке. «Правительственные виды» им были недоступны. Именно ухудшение отношений с Англией из-за Польши вызвало в Петербурге весьма положительную оценку действий М.Г. Черняева. Хорошо информированный Полторацкий сообщал своему другу, что и Милютин и Игнатьев довольны «сузакским делом». Игнатьев, например, считал, что если бы России пришлось снова воевать с Англией в Европе, то можно было бы двинуть отряд Черняева по Аму-Дарье к Кабулу, а другие войска послать туда же с Кавказа ради создания угрозы Британской Индии. Полторацкий резюмировал: «Вообще Ваши акции здесь заметно повысились. Мы ждем, что Вас и других представят к наградам»³⁰.

«Сузакское дело» М.Г. Черняева стало образцом для проведения операций в Средней Азии: малыми силами и средствами, энергично и решительно, без долгого согласования с верхами, не дожидаясь одобрения и подхода резервов... Всю жизнь Михаил Григорьевич гордился своим пионерством.

После Сузака осмелели даже обычно робкие творцы российской внешней политики — в министерстве иностранных дел приступили к разработке плана «соединения линий». Было намечено провести новую границу империи по северному склону Каратауских гор: через Сузак-Чолан-Курган-Аулие-Ата. По плану российского МИДа, таким образом, не предполагалось завоевывать ни город Туркестан, ни Ташкент. В министерстве иностранных дел полагали, что в результате такой умеренности «мирные сношения с среднеазиатскими ханствами» сохранятся, а продовольственное обеспечение Сыр-Дарьинской линии улучшится. На первых порах военный министр согласился с Горчаковым. Оренбургский генерал-губернатор, тем не менее, продолжал настаивать на проведении новой границы по р. Арыси, что подразумевало захват г. Туркестана.

Пока российские государственные мужи спорили, строили планы, изменяли их, снова и снова спорили, из Средней Азии приходили сообщения о новых попытках Великобритании утвердить свое присутствие в Коканде и Бухаре, о прибытии туда английских агентов. В Петербург поступали

сведения, что британцы продолжают стремиться к освоению водных путей в Средней Азии и захвату рынков сбыта для своих товаров в сопредельных с Россией странах Востока. Известия эти были вполне достоверны. Так, российский военный агент в Лондоне полковник Новицкий переслал в свое министерство отпечатанный типографским способом (т.е. для достаточно широкого ознакомления) доклад губернатора Пенджаба Р.Монтгомери «Торговля и ресурсы стран на северо-западной границе Британской Индии». В докладе излагались пути и методы освоения среднеазиатских просторов.

Милютин понимал, что медлить больше нельзя: в недрах военного ведомства был срочно подготовлен доклад о действиях в Средней Азии, в котором было предусмотрено, что с весны 1864 г. войска Оренбургского корпуса окончательно займут Сузак, а части Сибирского корпуса овладеют г. Аулие-Атой, и так будет создана сплошная пограничная линия по хребту Каратау. Впоследствии границу предусматривалось перенести на р. Арысь с включением не только Туркестана, но и Чикмента в состав Российской империи.

20 декабря 1863 г. доклад получил высочайшее одобрение; с этого момента начинается новый наступательный этап российской политики в Средней Азии. К концу 1863 г. завершился этап разведывательных экспедиций, дипломатических переговоров, случайных военных походов. Местные власти на юго-восточных окраинах империи наконец получили программу действий.

ЗАВЕТНАЯ ЦЕЛЬ – ТАШКЕНТ

В то время, когда в Петербурге решалась судьба всего среднеазиатского региона и Ташкента, Михаил Григорьевич, поссорившись со своим непосредственным начальником А.П. Безаком из-за «сузакского дела», без чьего-либо разрешения отправился в столицу. Серьезных последствий его самовольство не имело. Милютин ему симпатизировал

и поддерживал, как мог, а уж в момент, когда готовился императорский указ о соединении линий неуживчивый офицер оказался очень кстати — он мог стать лучшим исполнителем монаршей воли. На черняевскую «самоволку» начальство закрыло глаза и порекомендовало государю назначить его начальником одного из двух отрядов, которым предстояло пройти по степи и горам многие версты — возможно с боями, — дабы сомкнуть две укрепленные линии. Назначить его командовать Оренбургским отрядом было невозможно — Безак на это не согласился бы, да и сам Черняев отказался бы от подчинения Безаку. Оставалась другая вакансия: Омск, Сибирский военный корпус, генерал-губернатор А.О. Дюгамель, тот самый, которого в своих воспоминаниях Милютин назовет «воплощением инерции» (т.е. инертности). Такому нужен был инициативный помощник.

План наступательных действий был утвержден царем в самом конце 1863 г.; прошли рождественские праздники и уже седьмого февраля Михаил Григорьевич получил от военного министра уведомление: «Государь император изволил принять полковника Черняева в понедельник около полудня»³¹. Аудиенция в Зимнем дворце состоялась, что было большой честью для молодого полковника и означала важность предстоящей ему миссии. После приема у государя в Омск пошла депеша от Д.А. Милютина: «... я счел необходимым предложить Вашему высокопревосходительству для начальствования экспедицией генерального штаба полковника Черняева как способного и опытного штаб-офицера, хорошо знакомого со степью и успешно выполнившего минувшим летом рекогносцировку кокандских владений со стороны Оренбургского края»³². На нужды экспедиции Черняев получил 149 812 руб. 16 коп., суточные для себя из расчета 4 руб. в сутки и уже 13 февраля отбыл в Омск.

Соединение линий предполагалось осуществить силами войск двух корпусов — Оренбургского и Сибирского, которым предстояло двигаться навстречу друг другу, покоряя кокандские крепости и возводя свои пограничные укрепления. Во исполнение этого плана почти одновременно выступили два отряда: Оренбургский под командованием пол-

ковника Н.А. Вережкина (около 1,5 тыс. человек) из форта Перовского, и Зачуйский полковника М.Г. Черняева (2,5 тыс. человек, 22 орудия) из укрепления Верное. Черняев со своим войском выступил в поход 1 мая 1864 г. Ему, как и Вережкину, вменялось в обязанность закладывать укрепления и подбирать места для строительства казачьих станиц.

Полковники не симпатизировали друг другу. Теперь они должны были взаимодействовать; будучи соперниками, каждый стремился опередить конкурента в быстроте продвижения и занятии большего числа кокандских укреплений. Вполне возможно, что, зная о их взаимной неприязни и соперничестве, начальство назначило их в пару для быстреего достижения цели. И они двинулись навстречу друг другу. После двухчасовой стычки 4 июня командиру Зачуйского отряда сдалась крепость Аулие-Ата; комендант крепости «с 400 конными, — доносил Черняев, — бежал из цитадели... Пешие сарбазы, бросив оружие, смешались с жителями»³³. Почти одновременно, а точнее, пять дней спустя, отряд Вережкина подошел к одному из священных городов ислама Туркестану, но встретил сильное сопротивление кокандского гарнизона и был вынужден начать осаду. Потеряв пять человек убитыми, 12 июня 1864 г. Вережкин занял город. То были плановые победы и за них оба полковника уже через месяц стали генерал-майорами.

«Госпожа Удача» повернулась к Михаилу Григорьевичу анфас. После занятия двух ключевых пунктов — Туркестана и Аулие-Аты — в Петербурге приняли решение создать третью пограничную линию — Новококандскую, и назначить ее начальником М.Г. Черняева. Однако Черняев еще не знал о своем назначении, когда, решив развить успех, пошел воевать Чимкент. Захват Чимкента не предусматривался планом военных действий на 1864 г., тем не менее: Черняев справедливо полагал, что без этого дорожного узла новая российская граница была бы неполноценной. Он попросил поддержки у Вережкина, который стоял в нескольких переходах от Чимкента, но «получил от Вережкина грубое письмо от 2 июля, в котором тот уведомлял, что отряда не вышлет, потому что нужно строить помещения на зиму и косить сено»³⁴.

Формально Веревкин был прав — поход на Чимкент был явной импровизацией новоиспеченного генерала, к тому же до Веревкина еще не дошло приказание военного министра: «Высочайше повелено для единства распоряжения на новой кокандской линии подчинить генерал-майору Черняеву всю эту линию от долины Чу до Яны-Кургаца со включением и войск, составляющих отряд генерала Веревкина»³⁵. То был удар по самолюбию не только Веревкина, но и Безака. В самом деле: большая часть территории завоеванной Веревкиным, включая Туркестан, отходила под командование несносного Черняева, да еще и отряд Веревкина в придачу. Естественно, что Безак поспешил послать донос в Петербург, раскрыв планы Черняева захватить Чимкент. Между Петербургом, Оренбургом и Омском летели курьеры и телеграммы; военный министр просил Дюгамеля вразумить Черняева, «чтобы отнюдь не увлекался далес того, что было предположено»³⁶.

Министр и генерал-губернаторы, однако, не понимали, что имеют дело с «Ермаком Тимофеевичем». Ермак же возмущался: «Из последних бумаг, полученных из штаба Сибирского корпуса, — писал Михаил Григорьевич своему другу Полторацкому 20 августа, — я заключаю, что ветер подул мне в самое рыло. Если это будет продолжаться, то я стану отплеиваться, а затем и вовсе плюну. Я сделал все то, что предполагал сделать еще в Петербурге, и могу продолжать дело, если будут иметь ко мне доверие и не станут слушать наговоров Безака. Не представляйте себе кокандцев такими, какими они были в Пишпекке и т.п.; у них руководители не хуже наших, артиллерия гораздо лучше, доказательством чего служат нарезные орудия, пехота вооружена штыками, а средств гораздо больше чем у нас. Если мы их теперь же не доканаем, то через несколько лет будет второй Кавказ. Завтра идем в Ташкент...»³⁷

Из текста ясно, что Черняев претендует на роль самостоятельной фигуры, которой следует доверять; он делает то, что наметил еще в Петербурге, т.е. это отнюдь не исполнитель чужой воли. И мотивация его действий вполне убедительна: «доконать» серьезного противника, чтобы не повто-

рился «Кавказ». За самоуверенной позицией начальника Новококандской линии просматривается аудиенция у Александра II, которая проходила с глазу на глаз, и в ходе которой император мог согласиться с планами инициативного офицера, но по слабыхарактерности не сообщил об этом ни одному из двух влиятельных министров. Черняев, однако же, уверен в поддержке государя и, несмотря на противодействие непосредственного начальства, готов двигаться на Ташкент, взятие которого инструкциями не предусматривалось.

На пути к Ташкенту стоял Чимкент. Черняев овладевает им со второй попытки 22 сентября. Свой штурм он ни с кем не согласовывал. Захваченные трофеи, нарезные орудия в том числе, подтверждают его правоту: кокандская армия модернизируется. Не ошибся он и в поддержке государя, чему свидетельство — престижнейшая награда — знак ордена Св. Георгия 3-й степени. Безак посрамлен, Дюгамель обескуражен, — зачем же Петербург велел ему сдерживать этого напористого генерала? Англичане возмущены, но эта их реакция ожидалась и, пока продолжается подавление польского восстания, она на руку российскому правительству. Горчаков, как обычно, взволнован.

Путь на Ташкент открыт и черняевский отряд практически без отдыха, снова шагает по пыльной дороге под все еще жарким солнцем к заветной цели. Как и прежде, этот поход Михаил Григорьевич ни с кем из вышестоящих лиц не согласовывал. Месяц назад, когда Черняев обстреливал крепость Чимкент, его друг и единомышленник Владимир Александрович Полторацкий убеждал Милютина в необходимости включить Чимкент в цепь укреплений пограничной линии. Дмитрий Алексеевич тогда возразил: «Хорошо, но кто поручится, что за Чимкентом Черняев не признает необходимым взять Ташкент, а там Коканд, и конца этому не будет»³⁸. Имея дело с Черняевым, такую гарантию не мог дать никто. Полторацкий, тем не менее, постарался урезонить друга: «Не идите далее, ограничьтесь линией Арыси!» Черняев не послушал его, он не собирался слушать никого; возможно, остановился, если бы получил приказ лично от

государя, но государь не высказывался. А военный министр как в воду глядел: за Чимкентом последовал Ташкент, потом другие города Средней Азии, в том числе Коканд, и конца этому не было долго, хотя Черняева уже не было в Средней Азии.

Но пока генерал Черняев едет верхом впереди своего полуторатысячного отряда при 12 орудиях. Старшие офицеры отряда недовольны, считают затею авантюрой — уж слишком незначительны русские силы. На что же рассчитывал Черняев? Вот ход его мыслей: «Население (Ташкента — *Е.Г.*) мирное, промышленное, живущее преимущественно торговлей с Россией, и сильно тяготится настоящими военными действиями, во всем обвиняет господствующих в Коканде кипчаков (кочевое племя — *Е.Г.*), желает мира, а большинство жителей — и русского подданства, — так он докладывал военному министру, — если жители выскажутся в нашу пользу, то отправить от них депутацию в Петербург и пока предоставить им собственное городское управление, наблюдая за устранением всякого постороннего влияния, вплоть до дальнейших распоряжений правительства»³⁹. Короче, расчет делался на «пятую колонну», которая ударит кокандскому гарнизону в спину и откроет ворота русским войскам.

Все оказалось не совсем так, скорее даже — совсем не так. Находясь на расстоянии одного перехода от города, Черняев послал туда четырех своих людей, связанных ранее с городским базаром торговыми делами, для разведки и установления связи с сочувствующими русским жителями, но тех в город не пустили, и они вернулись ни с чем. 1 октября Черняев был у стен Ташкента. Обстановку в городе он не знал, тщательная разведка крепостных стен произведена не была, тем не менее, он решился на штурм. Орудия стали бить по глинобитной стене и вскоре начальник артиллерии отряда подполковник Обух доложил генералу о пробитой в стене брешу; Черняев разрешил начать приступ. «Тогда подполковники Обух и Лерхе, с криком «ура» повели своих солдат к стене и тут только увидели свою ошибку: стена неколебимо стояла во всю свою внушительную высоту, сбита же была только верхняя ее часть с зубцами...»⁴⁰ Наступило

естественное замешательство атакующих, а противник тем временем хладнокровно расстреливал сгрудившиеся во рву роты. Черняев, правда, не растерялся и приказал всем своим 12-ти орудиям сосредоточить огонь по участку стены над головами попавших в ловушку солдат и офицеров. Под прикрытием огня своей артиллерии русские воины сумели выбраться из рва, но понесли значительные потери: 16 человек погибли, 62 были ранены. Среди погибших оказался храбрый офицер подполковник Обух. Оценив обстановку, Черняев отказался от повторного штурма. И правильно сделал, т.к. в крепости (24 версты по периметру) стоял большой гарнизон. Как и прежде, Черняева поразила боевая работа кокандской артиллерии, сравнявшейся с русской по быстроте и меткости стрельбы и превосходившей по дальности огня. Не было сомнений, что кокандцев обучали хорошие иноземные (европейские?) учителя.

7 октября отряд в подавленном настроении вернулся в Чимкент. Генерал опасался преследования — большой кокандский гарнизон, во много раз превосходивший по численности отряд Новококандской линии, с хорошей артиллерией мог бы окружить и уничтожить восемь черняевских рот. Кокандцы, однако, не воспользовались своим преимуществом и не развили успех.

Это было серьезное поражение, подорвавшее престиж не только еще недавно победоносного генерала, но и России. Михаил Григорьевич поспешил по установившейся среди военных традиции объявить неудачный штурм разведкой боем, но этот незамысловатый прием не мог обмануть профессионалов. На его несчастную голову посыпались упреки. Дюгамель писал ему, что эта рекогносцировка Ташкента была излишней и ненужной: «Успехи наши в настоящей кампании были так велики, что незачем было гнаться за новыми лаврами, и благоразумие требовало только прочно укрепиться в занятых нами позициях». Еще более неприятным был для чрезвычайно самолюбивого офицера отзыв государя, дошедший до него через несколько недель после неудачного дела: «Сожалею весьма, что он решился на ненужный штурм, стоивший нам стольких людей»⁴¹.

За упорное неповиновение приказам начальства, усугубленное неумелыми военными действиями, приведшими к многочисленным потерям, любого другого военачальника, наверное, отстранили бы от должности, а может быть, отправили в отставку, во всяком случае, наказали. У Михаила Григорьевича, однако, пока еще в Петербурге были покровители, включая самого военного министра, да и государь к нему явно благоволил. Докладывая императору соответствующий рапорт Черняева, Милютин акцентировал внимание на малочисленности войск Новококандской линии и на мерах по ее укреплению. Полторацкий слал своему другу успокоительные письма, сообщая, что «ташкентское дело» не произвело «особенно дурного впечатления».

Спустя много лет, когда Дмитрий Алексеевич Милютин писал свои мемуары, он назовет причину, по какой он потакал своеволию местных военных деятелей: «Мне случалось слышать упреки, почему подобные самовольные действия местных второстепенных начальников проходят безнаказанно? В особенности министерство иностранных дел сетовало на то, что не только такие начальники не подвергаются ответственности, но еще награждаются и прославляются. Признавая в этих упреках некоторую долю основательности, я был, однако, убежден в необходимости большой осторожности в подробных случаях. Требуя от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я вместе с тем находил вредным лишать их вообще собственной инициативы.

Страх ответственности за всякое уклонение от инструкций может убивать энергию и предприимчивость. Бывают случаи, когда начальник должен брать на свою ответственность предприятие, которое в заранее составленной программе не могло быть предусмотрено. Дело в том, конечно, чтобы подобные отступления от программы в частностях не противоречили общей цели и действительно оправдывались необходимостью»⁴².

Создается впечатление, будто существовал своего рода молчаливый стовор императора и военного министра против министра иностранных дел. Судя по всему, взгляды

Александра II и Д.А. Милютина на колониальную экспансию совпадали, но противоречили взглядам А.М. Горчакова на тот же предмет. Император, несомненно, тяжело переживал поражение России в Крымской войне и искал возможности повысить авторитет своей страны, доказать миру, что Россия остается в числе великих держав. Территориальные приращения в Азии могли способствовать решению этой задачи, тем более что уже наступила эра империализма, колониальные захваты становились и нормой, и модой, в которой активно лидировала Великобритания. Российские государственные мужи снова и снова задавались вопросом: англичане готовы распространить свое влияние по всему свету, захватывают новые и новые колонии, ни у кого при этом не спрашивая разрешения, так почему же Россия должна вести себя по-сиротски, постоянно оглядываясь на ту же Англию? Такое состояние было нестерпимо для сына Николая I, племянника Александра I, правнука Великой Екатерины.

Подход Милютина был менее эмоциональным и значительно более прагматичным. Он понимал, что слабые во всех отношениях среднеазиатские ханства не имеют шанса сохранить независимость — рано или поздно они должны были попасть в сферы влияния, или стать колониями, либо Англии, либо России. Так зачем же отдавать их Англии? Милютин был человеком военным и понимал стратегическую ценность Средней Азии как плацдарма, приближенного к самой главной колонии Великобритании — Индии. После несчастной для России Восточной войны 1853–56 гг. русским военным теоретикам стало ясно, что в случае возникновения нового англо-русского военного конфликта в Европе, угрожать Англии Россия могла бы только в Азии: Британские острова неуязвимы для любого противника. Это означало необходимость перенести границу Российской империи как можно ближе к Индии. Такую угрозу англичане сознавали и оттого очень нервничали. Милютин был еще и человеком современным, т.е. понимал экономическую ценность среднеазиатских оазисов, месторождений полезных ископаемых и т.д. Он понимал насколько неразумно проводить новую

российскую границу по местам пустынным, неплодородным, оставляя англичанам цветущие оазисы, в том числе Ташкентский, где можно разводить хлопчатник, что было особенно актуально именно в 1864 г., когда из-за войны между Севером и Югом поставки хлопка из Америки резко сократились. Милютин отлично понимал значение Ташкента — самого крупного города, перекрестка торговых путей Средней Азии.

Именно поэтому и государь, и Милютин не только сочувствовали, но и покровительствовали чрезмерно инициативному и неуправляемому генералу Черняеву, поскольку он реализовывал их невысказанный замысел.

Александр Михайлович Горчаков был министром иностранных дел, а не военных дел, т.е. ответственным политиком, который самой главной задачей считает создание и сохранение мирных условий развития своей страны, устранения военных угроз. Он знал, что Россия слаба, не может себе позволить портить отношения с европейскими государствами, особенно с Англией. Он не видел других способов сохранить для России мир, как только ценою уступок Европе, продемонстрировавшей свою силу совсем недавно. Его не могли не раздражать лихие вояки, которые совершали несанкционированные набеги на соседей, снова и снова создавали конфликтные ситуации, угрожавшие перерасти в новую европейскую войну. Тем более что гасить бесконечные дипломатические пожары приходилось ему. Князь Горчаков, жизнь которого прошла в европейских столицах, не интересовался Азией, не понимал ее специфики. Ко всему прочему, в середине 60-х годов он уже был весьма пожилым человеком, родившимся еще в XVIII веке. На 20 лет он был старше императора и на 18 — Милютина. В таком возрасте накапливается усталость, суета несносна, душа жаждет покоя. А тут эти неумные честолюбцы! Пройдет еще десяток лет, и государь будет решать внешнеполитические проблемы без него.

Самодетельность Черняева нарушала план устройства юго-восточной границы России: ни Туркестан, ни Чимкент присоединять к империи первоначально не предполагалось. Поэтому старый план подлежал пересмотру, появилась так-

же необходимость разработать концепцию российской политики в Азии. Соответствующие документы родились в недрах министерства иностранных дел и оформленные в виде доклада были представлены царю 31 октября 1864 г. Государь доклад утвердил. Ранее намеченная граница от Сыр-Дарьи через Сузак, Чолак-Курган по Каратаускому хребту к Ауле-Ате и Верному была отвергнута, так как проходила по пустыне, что повлекло бы увеличенные расходы на содержание войск; при такой границе пришлось бы оставить уже занятые Туркестан и Чимкент, что произвело бы «невыгодное впечатление». У старой границы обнаружались и другие недостатки: она «не позволяла бы прочной колонизации, необходимой для устройства благоденствия края» (слишком мало оказалось земли, годной для переселенцев); «торговые пути для прямых сношений с Кокандом и Капгаром не имели бы достаточного основания», эвакуация Туркестана и Чимкента не «смогла бы успокоить Европу». Занятые в 1864 г. среднеазиатские города, как и район оз. Иссык-Куль было решено закрепить за Россией, однако категорически отвергалась целесообразность овладения Ташкентом, ибо это вовлекло бы империю во все среднеазиатские «смуты» и «не положило бы предела нашему движению в глубь Средней Азии»⁴³. Овладение Ташкентом, по мнению авторов доклада, повлекло бы цепь нежелательных и даже опасных последствий. В основном, страхи были придуманными с целью запугать впечатлительного государя и отвлечь от дальнейшей экспансии.

На основании доклада, предназначенного для «внутреннего употребления», была сформулирована концепция восточной политики России; министерство иностранных дел обнародовало ее как циркулярную ноту, разосланную по российским посольствам за рубежом. По решительной тональности чувствовалось, что в сочинении этого циркуляра участвовал военный министр. «Положение России в Средней Азии, — говорилось в ноте, — одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интере-

сы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает прежде всего с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести соседние народцы к более или менее близкому подчинению. По достижении этого результата эти последние приобретают более спокойные привычки, но, в свою очередь, они подвергаются нападениям более отдаленных племен. Государство обязано защищать их от этих грабительств и наказывать тех, кто их совершает... Если государство ограничится наказанием хищников и потом удалится, то урок скоро забудется; удаление будет приписано слабости; азиатские народы, по преимуществу, уважают только видимую и осязательную силу... Поэтому работа должна начинаться постоянно снова... Такова была участь всех государств, поставленных в те же условия. Соединенные Штаты в Америке, Франция в Африке, Голландия в своих колониях, Англия в Ост-Индии, — все неизбежно увлекались на путь движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости, и где величайшая трудность состоит в умении остановиться». Циркуляр убеждал читателя, что русский царь расширяет свои владения не ради самого расширения, а для того, чтобы «утвердить в них власть свою на прочных основаниях, обеспечить их безопасность и развить в них общественное устройство, торговлю, благосостояние и цивилизацию». В заключение Горчаков (циркуляр был подписан им) уверял, что Россия дальше Чимкента не пойдет ⁴⁴.

Вывод мог быть только один: не может быть двойного стандарта — один для Европы, другой для России; Россия — ровня всем цивилизованным государствам и оснований для территориальной экспансии у нее не меньше (если не больше), чем у других держав. Циркуляр Горчакова сигнализировал, что Россия оправляется от шока крымского поражения.

Итак, в Петербурге, как будто, окончательно определились: за Чимкент ни ногой, пришла пора осваивать огром-

ные новоприобретенные пространства. Михаилу Григорьевичу на его предложение немедленно повторить наступление на Ташкент из военного министерства пришел отказ, однако, из того же ведомства поступило весьма для него приятное известие: он назначался военным губернатором образованной в начале 1865 г. в составе Оренбургского края Туркестанской области с центром в Чимкенте. В его подчинение передавалась (не сразу) небольшая армия численностью 15 тыс. человек. То был несомненный знак монаршего благоволения, однако, удовлетворение новым назначением Черняев не мог ощущать в полной мере из-за того, что его вновь подчинили Оренбургскому генерал-губернатору — на этот раз им был сменивший Безака генерал-адъютант Н.А. Крыжановский. Как бы там ни было, новое назначение все же умиротворило нервную натуру Черняева. Он тяжело переживал неудачный штурм Ташкента, тем более что ему о нем постоянно напоминали, а то и резко критиковали. В письме Полторацкому от 22 января 1865 г. он писал: «Когда Вы приедете сюда, то убедитесь на месте, что атака Ташкента вовсе не так бессмысленна, как старались мои друзья представить ее в Петербурге. Если бы не инструкция (запрещение повторного похода — *Е.Г.*), то я бы теперь выгнал кокандцев из этого маленького города с 200 тыс. населения, в ответ на набег Алимкула на окрестности Туркестана...

С нетерпением буду ожидать Вашего приезда; нельзя себе представить, что я перенес в продолжение этого года, и когда Вы меня увидите, то, вероятно, найдете, что я состарился десятью годами»⁴⁵.

Был даже момент, когда Черняев хотел снова просить о переводе его из Средней Азии, но новое почетное назначение удержало его в жарких песках. В управление он получил огромный край — от Аральского моря до озера Иссык-Куль.

Всю зиму 1864/65 г. Черняев мечтает о реванше. На этот раз он продумывает свой поход на Ташкент. Кокандские власти Ташкента со своей стороны провоцируют Туркестанского губернатора. В конце ноября 1864 г. 10-тысячное кокандское войско во главе с наместником малолетнего хана

Коканда Алимкулом выступает из Ташкента в поход, имея целью отбить Чимкент. Однако подойти к Чимкенту скрытно Алимкулу не удалось: в селении Икан кокандцы встретили казачий отряд есаула Серова. 109 казаков при одном орудии вели трехдневный бой против большого и неплохо вооруженного войска. 57 казаков погибли, 42 были ранены, т.е. практически ранены были все оставшиеся в живых. Измученные, израненные уральские казаки сумели пробиться сквозь тысячные ряды противника. Отчаянное сопротивление русских людей ошеломило кокандцев. «В самом деле, — заключает военный историк М.А. Терентьев, — они не посмели приблизиться к казакам и только провожали их сильным огнем на протяжении всех восьми верст; остатки сотни шли, бросая одежду, в одних рубашках, с ружьями и патронами. Взбешенные азиаты излили всю свою месть на тяжелораненых, оставленных на дороге: в глазах отряда их рубили шашками и отсекали им головы»⁴⁶. Героев спас отряд, высланный из Туркестана.

Черняев был потрясен героизмом уральцев и одновременно негодовал по поводу нерасторопности коменданта г. Туркестана, который не выслал вовремя подмогу. Алимкул бросал новому губернатору вызов, который он — человек чести — не мог не принять.

После иканского боя самому Черняеву, Крыжановскому и Милютину становится ясно, что Алимкул серьезный противник, и что он не смирится с потерей городов, еще недавно принадлежащих Коканду. Милютин начинает понимать, что рано или поздно новый штурм Ташкента неминуем, хотя необходимость эта ему не приносит радости — он государственный человек высокого ранга и знает цену международным обязательствам. Пока же он просит оренбургского генерал-губернатора сдерживать порывы Черняева: «Пока не получит достаточных подкреплений, ничего не предпринимать, но поддерживать отношения с жителями Ташкента и не лишать их надежды на помощь в свое время»⁴⁷.

О чем же идет речь? Среди городов Средней Азии Ташкент выделялся не только размерами занимаемой площади и численностью жителей — самый большой и населенный,

но и своей исторической судьбой, своим духом и характером, которые есть у каждого города и городка: «что ни город — свой норов». Издревле это был форпост оседлости на краю мира кочевников, что определило его судьбу — в течение многих веков город был яблоком раздора для захватчиков; он неоднократно попадал под власть кочевников, переходил из рук в руки, оказывался на краю гибели, но продолжал жить. Ташкент никогда не переживал длительного запустения подобно Самарканду, не подвергался разорению и разрушению подобно Пейкенду, Ургенчу, Бенакету. Ташкент всегда умел возрождаться, восстанавливать экономические связи с окружающим кочевым миром и дальними странами. Долгие годы город находился под иностранным господством (даже китайским), но бывали, и весьма долговременно, периоды самостоятельного существования. Во все времена и при всех правлениях Ташкент оставался центром развитой торговли и ремесла.

Впервые ташкентцы познакомились с Московским государством в XVI в. после завоевания Иваном IV Казани и Астрахани, но только после подчинения Москве Западной Сибири ташкентское купечество установило с русскими землями устойчивые торговые связи, используя свои традиционные пути по степям Казахстана. В 1736 г. группа ташкентских купцов впервые, проехав через Оренбург, побывала на Макарьевской ярмарке, а в 1739 г. из Оренбурга в Ташкент был отправлен при военном конвое первый русский торговый караван. Связи Ташкента с Россией стали еще более тесными после открытия в 40-х годах XVIII в. «Сибирского тракта», вдоль которого были сооружены постоянные дворы. Впервые официально посол России Д. Телятников побывал в Ташкенте в 1796–97 гг. В это время Ташкент и окрестности составляли независимое государство, чей внешнеполитический курс определял городской посад, т.е. торговцы и ремесленники. Посадские люди стремились сделать экономические связи с Россией по возможности прочными и постоянными, для чего пытались открыть русским перспективы промышленного освоения края, в частности разработки близ города золотых земель.

Судя по реакции российских властей, — посылка посольств (одно было неудачным, другое — поручика Телятникова — достигло цели), они заинтересовались. Посольство Телятникова провело в Ташкенте год и собрало самые разнообразные сведения. Телятников вернулся в Россию вместе с ташкентским посольством, которое везло российскому императору послание хана Ташкента Юнуса-Ходжи и богатые подарки. В послании содержалась просьба отправить в Ташкент двух горных инженеров для организации золотодобычи, а также наладить между Россией и Ташкентским государством постоянную, беспрепятственную торговлю. С соответствующими почестями ташкентское посольство было принято в Петербурге. В документах ташкентских посланцев находим вполне недвусмысленную просьбу о российском протекторате: «... если когда-нибудь со стороны Китайского государства по отношению к нам случится война и взаимное убийство, то, чтобы славный и грозный его светлость великий царь приказал нас принять под сень его покровительства и просим, чтобы он повелел для полной нашей уверенности дать грамоту относительно помощи и милости...»⁴⁸

Ташкентцы были приняты государственным канцлером А.А. Безбородко, их документы изучались в различных коллегиях (министерствах) Российской империи, и, наконец, они получили вполне положительные ответы на все просьбы и предложения за исключением одного — оформить российское покровительство официальным актом. В отличие от Англии, которая на протяжении XVII–XVIII вв. активно использовала договорные отношения с княжествами Индостана ради планомерного их поглощения, Россия в конце XVIII в. еще не «созрела» для колониальной экспансии и не видела стратегических выгод от договоров о покровительстве с азиатскими владетелями. Призыв к военной защите давал России законное основание для ввода русских войск в пределы Ташкентского государства, а значит, и для утверждения там российского влияния. Этот акт позволил бы России создать свою военную и торгово-промышленную базу в центре Средней Азии, откуда она могла бы распространить

свою власть на весь огромный регион. Захват Ташкента не входил в планы российских властей, а вот разведка полезных ископаемых, и на золото, прежде всего, Петербург очень заинтересовала, для чего и были вскоре направлены туда горные инженеры М.Поспелов и Т.Бурнашев.

В Ташкенте их встречали с пиететом и лаской: «Мы сделали в глазах их (ташкентцев. — *Е.Г.*), — пишет Бурнашев, — важными ильги или послами»⁴⁹. Однако российским «ильги» не удалось отплатить ташкентцам той же монетой: за три месяца пребывания в Ташкенте российские специалисты ознакомились с рудными богатствами горы Наудаг и разочаровали своих гостеприимных хозяев, да и себя в придачу — там было не золото, а медь. Назад в родные пределы российское «посольство» отправилось в конце 1800 г., когда императора Павла уже не было в живых. Несмотря на отрицательный результат работы русских рудознатцев, их профессионализм произвел очень хорошее впечатление на жителей ташкентского посада. Наудагская медь, кстати, тоже пригодилась ташкентцам — из нее стали лить пушки.

Наметившийся научно-технический и дипломатический контакт Ташкента с Россией в начале нового века не получил развития: Россия на долгие годы втянулась в общеевропейскую смуту, получившую название «наполеоновских войн», была настолько поглощена грозными событиями в Европе, что не могло быть и речи о помощи далекому Ташкенту, который в 1808 г. не выдержал осады кокандцев и стал частью Кокандского ханства. Ташкентский посад подвергся поголовному разграблению и избиению; 300 наиболее зажиточных ташкентских семей были насильственно переселены в Коканд в качестве заложников. В первые десятилетия XIX в. кокандские ханы значительно расширили свои владения, распространив свою власть до Аральского моря.

Из-за постоянной грызни противоборствующих религиозных и так называемых военно-феодалных группировок, т.е. состоявших из воинских начальников высокого ранга и крупных землевладельцев, жизнь ташкентцев и раньше не была спокойной; совершенно несносным их существование стало после водворения в городе власти ха-

нов Коканда. С кокандским завоеванием Ташкента не мог смириться бухарский эмир и тоже предъявил на него свои права. В течение полувека Ташкент много раз становился бухарским, потом кокандским, недолго вольным, снова бухарским городом и т.д.; достаточно сказать, что только за 25 лет с 1840 по 1865 год Ташкент семь раз переходил от одного владельца к другому. Каждая смена власти сопровождалась казнями, конфискациями имущества, поборами. И, тем не менее, ташкентский посад умел пережить очередное лихолетье, прятал свои богатства в тайниках, выжидал и снова принимался производить привычные продукты, снаряжать и отправлять караваны в далекие страны. Несмотря на регулярные материальные потери, которые несло торгово-ремесленное население, экономические связи города с Россией не только не прерывались, но постепенно расширялись. Через Ташкент шла торговля хлопком. В 1790 г. в Россию было продано 300 пудов хлопка, в 1815 г. — 7 тыс., в 1834 г. — 56 тыс., в 1851 г. — 541 тыс., а в 1864 г. — 600 тыс. пудов. В 40-е годы XIX в. Ташкент поставлял в Россию 40% среднеазиатского экспорта сухофруктов, в 50-е — уже 85%. Ташкентские предприниматели специально расширяли свои сады, чтобы поставлять сухофрукты в Россию; из России они получали необходимые им металлоизделия, ткани и т.п. Торговлей с Россией ташкентцы занимались из поколения в поколение, подолгу жилали в русских городах, некоторые хорошо говорили по-русски. Судя по авторитетному свидетельству Пушкина, жители Средней Азии, которых обобщенно называли «бухарцами», и среди которых ташкентцев было больше всего, уже в начале XIX в. стали неотъемлемым элементом московского пейзажа:

«... Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, башни, казаки...»

Естественно, что тесные связи с Россией обусловили появление в торгово-ремесленной среде пророссийских сим-

паций, так называемой русской партии. Эту партию отличало известное свободомыслие, религиозная терпимость, тяга к умеренным нововведениям; именно русскую партию подразумевал Д.Л. Милютин, когда рекомендовал «поддерживать отношения с жителями Ташкента и не лишать их надежды на помощь в свое время», т.е. надежды на освобождение от произвола кокандских властей.

В российском министерстве иностранных дел на проблему смотрели тождественно. В инструкции МИДа от 23 февраля 1865 г. давались следующие указания: «...Если бы жители Ташкента, тяготясь непрерывными беспорядками, господствующими в Кокандском ханстве, вздумали бы отложиться, то необходимо содействовать этому тайными сношениями с влиятельными ташкентцами и, в случае действительного восстания, облегчить ему успех нанесением быстрого удара враждебному ему кокандскому владельцу. Само собой разумеется, что после подобного удара отряд должен возвратиться на линию, не вдаваясь в дальнейшее участие в этой междоусобной борьбе и не занимая Ташкента». В случае попытки бухарского эмира захватить город, русским войскам также рекомендовалось «предупредить эту случайность»⁵⁰.

Зачем, спрашивается, покидать город сразу же после удара, не закрепив успех не решив исход междоусобной борьбы в свою пользу, и как можно было «предупредить эту случайность», т.е. взятие Ташкента бухарскими войсками, кроме как силовыми средствами?

Короче, Крыжановскому и Черняеву предлагалось действовать сообразно формуле: «казнить нельзя помиловать». Расстановка знаков препинания возлагалась, таким образом, целиком на их усмотрение, что Михаила Григорьевича вполне устраивало: не колеблясь, он готов был поставить запятую после слова «казнить».

Несколько факторов заставляли Черняева спешить с повторным штурмом, не дожидаясь значительного усиления вверенных ему войск. Из Ташкента от представителей русской партии (их в городе оставалось немало даже после бегства почти трех тысяч сторонников пророссийс-

кой ориентации вслед за первым неудачным штурмом осенью 1864 г.) постоянно поступали сведения об активной подготовке ташкентского гарнизона к осаде и штурму. Вторых, бухарский эмир, не отказавшийся от притязаний на Ташкент, готовился к походу сначала в Ферганскую долину, а потом и на Ташкент; в-третьих, новый генерал-губернатор Оренбургского края собирался в августе прибыть в Туркестанскую область, а до того приказал ничего не предпринимать против Ташкента. «Ясно, что генералу Черняеву, — замечает М.А. Терентьев, — расчетливее было бы отложить военные действия до приезда главного начальника и его приближенных, мечтавших об увеселительной поездке в степь осенью «по холодку», без особых неприятностей и с верным расчетом на Георгия..., но Черняев не хотел делиться славой, а его ближайшие помощники и сами очень уважали святого великомученика и победоносца... На товарищеских советах решено было Крыжановского не ждать»⁵¹. Такое суждение историка основывается на письмах Черняева и людей из его окружения. Один из офицеров черняевского отряда полковник Качалов писал своему адресату, что, появившись в Средней Азии, Крыжановский «вздумает повести сам войска к Ташкенту, овладеет им, получить графа, а мы, трудящиеся, тут останемся в дураках»⁵².

Итак, весной 1865 г. Михаил Григорьевич начал подготовку к новому походу на Ташкент. Не терял времени, как уже говорилось, и правитель Кокандского ханства при малолетнем хане мулла Алимкул. Он организовал преследование тех, кто сочувствовал русским, таких людей искали его шпионы; обвиненных в симпатиях к России казнили, их дома разрушались. О том, что творилось весной того далекого года в Ташкенте, свидетельствует очевидец Мохаммад Салих Кори Ташкенди, оставивший нам свои воспоминания. Другие подобные источники исследователям неизвестны; эта рукопись ценна и тем, что ее автор не принадлежал к «русской партии», т.е. может считаться достаточно объективным свидетелем.

Мохаммад Салих рассказывает о жестокой казни человека, заподозренного в симпатиях к русским. «Тотчас же свя-

зали Ниязу Али-бию руки и ноги и расстреляли его из пушки так, что тело кусками упало на землю. Каждую часть тела убитого расстреливали с криками, что он (бий) опозорил всю Дешт-и-кипчак*, что он продан русским. Сыновья же Нияза-Али-бия, все 11, стояли тут же, и они после этой казни сразу убежали к русским»⁵³. Жестокости Алимкула имели результат, противоположный ожидаемому — «убежали к русским»; так что Черняев еще не успел выступить из Чимкента, а число его сторонников в Ташкенте продолжало расти.

26 апреля 1865 г. начался второй ташкентский поход М.Г. Черняева. В его распоряжении находился отряд русских войск общей численностью 1951 человек (9,5 рот) при 12 орудиях. С этой вооруженной силой он двинулся покорять самый большой город Средней Азии.

Строго говоря, он действовал по собственному почину — никакого, ни письменного, ни устного приказа от вышестоящего начальства он не имел. Как же мог генерал российской армии, известной в Европе своей дисциплинированностью (еще недавно ее муштровал Николай I, да и его преемник был тех же правил), затеять самостоятельную военную экспедицию? На этот счет имеется загадочное объяснение генерал-майора генерального штаба Д.И. Романовского, того самого, кто скоро сменит Черняева на посту военного губернатора Туркестанской области: «Не одобряя предположений генерала Черняева относительно занятия Ташкента, правительство, однако, не считало удобным слишком стеснять этого главного распорядителя на месте, на личной ответственности которого была оборона края, в то время совершенно неведомого»⁵⁴.

Это объяснение подтверждает догадку о сговоре царя и его военного министра за спиной вице-канцлера А.М. Горчакова. Из Петербурга поступали некие слабые сигналы, похожие на подмигиванье, которые Черняев уловил и правильно понял. Сам он объяснил свой внезапный выход с войском

---

* Дешт-и-Кипчак — Кипчакская степь, т.е. степные пространства к северу от р. Сыр-Дарьи, населенные тюркоязычными кочевниками, чья племенная верхушка контролировала города и другие поселения Кокандского ханства.

из Чимкента происками бухарского правителя: «Войска бухарского эмира, собранные в Самарканде уже несколько месяцев тому назад, стали стягиваться с Ура Тюбе, а передовые из них двинулись далее в пределы Кокандского ханства...

Имея в виду, что в самом Ташкенте общее настроение далеко не в пользу кокандского правительства, и что жители давно уже тяготятся деспотическим правлением регента ханства Алимкула, *я не мог* оставаться хладнокровным к попыткам эмира и принужден был, не дожидаясь подкрепления на линию, выступить теперь по дороге к Ташкенту»⁵⁵.

29 апреля отряд Черняева подошел к крепости Ниязбек, находящейся в 25 верстах от Ташкента. Комендант крепости не захотел сдать ее без боя, надеясь на подкрепление из Ташкента, куда он успел дать знать о подходе русских. После артиллерийского обстрела Черняев взял Ниязбек приступом. Кокандский отряд числом около трех тыс., шедший на помощь Ниязбеку, был разбит также на подступах к крепости и разбежался в разные стороны. Гарнизон крепости был обезоружен и отпущен на волю. По совету опытных людей, т.е. фактически своих друзей из числа ташкентцев, покинувших город, Черняев закрыл доступ воде реки Чирчик к Ташкенту, т.е. тем самым он начал враждебные действия против населения и гарнизона города, но отнюдь не против бухарских войск.

Подачу воды солдаты перекрыли и остановились лагерем близ Ташкента, в низине, поросшей камышом, в то время почти незаселенной. Пока русские укрепляли свой лагерь, Алимкул объявил по всем кокандским владениям газават, и ферганские газии (борцы за веру) уже выступали в поход. В самом обширном ташкентском саду Минг-Урюк Алимкул собрал большой военный совет, который завершился обильной трапезой. Перед соратниками и лучшими людьми Ташкента Алимкул выступил с зажигательной речью; ее воспроизвел в своем сочинении Мохаммад Салих. В частности было сказано: «Бухарский эмир Музаффар позвал русских, чтобы держать меня за горло, сделал так, что русские тянут меня за полы. Эмир Музаффар отошел от царского

пути Тимура, он склонился к русским и теперь нам нужно рассчитывать только на свои силы!»⁵⁶

Очень интересное суждение; оно характерно для среднеазиатских государственных деятелей того времени, с их провинциальной (региональной) ограниченностью. Военно-политическую обстановку 60-х годов XIX в. вокруг Ташкента Алимкул воспринимает и трактует в категориях междуусобного соперничества нескольких государств Средней Азии с неустойчивыми границами. Он совершенно незнаком с международным положением в Европе и мире, а потому русские в его трактовке оказываются орудием в руках бухарского эмира. Ему кажется, что внешнюю политику России «заказывают» в Бухаре; он не знает, что Россия — глобальная держава, интересы которой обнаруживаются даже у берегов Северной Америки. Невежество, незнание противника никогда не способствовало успеху в военном противостоянии.

Как бы то ни было, знатные ташкентцы с энтузиазмом поддержали Алимкула, благо в международных делах они смыслили еще меньше. Лозунг был прост и понятен: все на газават! В городе молились и собирали повозки и ослов для транспортировки имущества кокандской армии. Вечером, по словам Салиха, произошло странное явление: «Из Шор-тепе что-то вылетело с большим шумом и поднялось как звезда. Тогда Алимкул встал и сказал: «русские узнали, что мы тут находимся, и этот знак дан оттуда, чтобы испугать нас». Что-то упало на землю, а потом, как звезды, рассыпалось, сверкая»⁵⁷.

То был выстрел ракетами с «ракетного станка» — орудия тогда весьма несовершенного и малоэффективного, больше похожего на пиротехническое устройство, чем на боевое оружие.

Целые сутки кокандские сарбазы (солдаты) и газии готовились к выступлению; выступили рано утром 8-го мая, когда стал рассеиваться утренний туман: разведка донесла, что два отряда русских войск вышли из лагеря и двинулись к Ташкенту. Со слов того же очевидца можно заключить, что объединенная колонна (сарбазы и газии) выглядела вполне внушительно. В голове войска вслед за Алимкулом, скакав-

шим верхом, шла артиллерия — 36 пушек под началом индийского офицера (видимо, служившего в англо-индийской армии); за нею гвардия гулямов (легко вооруженные воины), а затем полки: два полка «ахан-пушей» (в кольчугах), два — «зрих-пушей» (в латах); четыре полка «йна-пушей» (в зеркальных латах), два полка «кулак-пушей» (в высоких меховых шапках), наконец, два полка конных стрелков, вооруженных дальнобойными ружьями. В интервалах между полками двигались по две лошади с навьюченными малокалиберными орудиями для стрельбы сходу»⁵⁸. Это была правильно построенная походная колонна, на снаряжение которой средств не жалели. Русские войска были представлены ротой пехоты и сотней казаков, высланных на рекогносцировку.

Боевой контакт ограничился перестрелкой — в штыки не ходили; с обеих сторон стреляли настолько интенсивно, что обе воюющие стороны скрылись в густой пелене дыма и пыли, поднятой скакунами газиев. Алимкул бегал по полю боя, одобряя воинов, призывая их к стойкости. И русские стали отступать. Борцы за веру преследовали противника почти до самого русского лагеря. Алимкул разрешил бить в барабан победы.

«Кокандская партия» в Ташкенте ликовала; Алимкул раздавал награды направо и налево, старался максимально преувеличить значение «славной победы», хотя сам, будучи человеком умным, понимал, что генеральное сражение впереди и разбить основные силы русских он сможет только в случае, если создаст многократный численный перевес своих сил. Потому Алимкул послал агентов к кочевым племенам с призывом присоединиться к газавату. Особые надежды он возлагал на многолюдный Ташкент, который, по его подсчетам, мог выставить более 20 тыс. газиев. Однако в ташкентцах он сильно ошибся — в их настроениях он не разобрался. На призыв кокандского правителя в Ташкенте откликнулись очень немногие, главным образом, муллы и ученики городских медресе, т.е. профессиональные ревнители мусульманского вероучения.

Намереваясь овладеть инициативой в предстоящем сражении, Алимкул двинул свое войско скрытно ночью, по-

сколькx прекрасно знал местность. Полки шли отдельными маршрутами, соблюдая тишину и меры предосторожности. К рассвету кокандские части уже заняли исходные позиции вблизи русского лагеря. Алимкул переоценил, однако, свои силы — их не хватало для полного охвата отряда Черняева. Пришлось разместить войска длинной дугой по фронту, расставив орудия на высотах, но фланги оставались незащищенными. Опорными пунктами позиции кокандцев были три 12-пушечные батареи. По азиатским меркам все было сделано более чем грамотно, однако, в европейских военных академиях Алимкул не обучался и в европейских кампаниях не участвовал. Зная психологию и военную практику азиатского противника, Черняев предусмотрел возможные действия Алимкула. В его допесении читаем: «На другой день 9-го числа было дано знать с наших пикетов о движении больших неприятельских колонн по направлению к лагерю. В шесть часов утра массы неприятеля до семи тысяч были уже видны из лагеря на довольно близком расстоянии.

Я дал ему (Алимкулу. — Е.Г.) время стянуть войска свои на близлежащих высотах, а сам между тем приготовился к наступлению»⁵⁹.

В семь часов кокандцы начали артиллерийский обстрел позиций русских, пребывая в уверенности неожиданности своей атаки. Черняев признает, что «стрельба его, несмотря на большое расстояние (800 сажень) замечательно удачна: все снаряды ложились в лагерь, но по счастью никакого вреда не принесли»⁶⁰.

Черняев сделал то, что диктовала обстановка, он двинул четыре роты пехоты при четырех орудиях для захвата неприятельских батарей и обхода кокандских позиций с фланга. Плохо подготовленные кокандские сарбазы устрашились неудержимого натиска русских, поднимавшихся на высоты, несмотря на вражеский огонь, и побежали, так как не выдержали русской штыковой атаки. «Начался бой, — сообщает очевидец Мохаммад Салих, — от дыма стало темно. Вскоре бой перешел в рукопашный. Бились винтовками и топорами. Когда дым рассеялся, увидели: некоторые газии пошли

по приглашению Бога в рай, а многие без приглашения пошли в ад, так как бежали с поля боя. Началась конная атака русских»⁶¹.

Алимкул получил пулевое ранение в живот, но мужественно остался в строю, пытаясь удержать на позициях подавшееся панике кокандское воинство. Удержать паникеров было невозможно, тем более что первыми побежали командиры, совсем еще недавно награжденные многими знаками отличия, такими как золотой топорик, золотой пояс, серебряная сабля.

Черняев преследовал разбитого неприятеля около семи верст до самого города, но занять Ташкент не решился. Доблестный кокандский военачальник Алимкул скончался очень скоро от полученной в бою раны. Кокандцы потеряли убитыми более 300 человек, у Черняева погибших не было.

9 мая 1865 г. жители Ташкента освободились из-под власти кокандского хана, но они тогда еще этого не знали. Остатки деморализованного кокандского войска ушли обратно в Ферганскую долину, не забыв при этом ограбить городскую казну. Как всегда, будто из-под земли, появились мародеры, интуитивно почувствовавшие растерянность и незащищенность ташкентского обывателя. «... Проходили мимо городских ворот, видим, какой-то человек собирает разные вещи. Увидев нас, — пишет Мохаммад Салих, — посмотрел на нас и сказал: “Эй, светильники веры! За воротами стоят четыре арбы с ценными вещами и еще две с лепешками. Теперь время ворота закрывать — нельзя добро оставлять на ночь снаружи”. Мы сейчас же с помощью жителей и сарбазов затащили арбы внутрь, а лепешки раздали тем же сарбазам»⁶². Такая вот зарисовка с натурой.

Власти в городе не было; городская знать пребывала в растерянности; мародерствующие «граждане», борцы за веру, в том числе, дрались на улицах из-за добычи. Самого Мохаммада Салиха, который пытался урезонить дезертиров и мародеров, собирались избить, но он, видимо, вовремя ретировался.

А что же победитель Алимкула? Михаил Григорьевич отвел свои войска в лагерь Шор-тепе, как если бы был са-

мым дисциплинированным командиром российских войск. Кроме того, Черняев перегородил небольшими силами ходжентскую дорогу, чтобы не допустить к Ташкенту бухарцев.

На этот раз Михаил Григорьевич вел себя очень, даже чересчур осмотрительно и выжидательно. Одно за другим он шлет донесения своему непосредственному начальнику Крыжановскому: сообщает о событиях, о происках бухарского эмира, ставит вопрос о дальнейшей судьбе Кокандского ханства, предлагает провести границу Российской империи по Сыр-Дарье «как самую естественную», запрашивает, наконец, инструкции. Черняев перестал быть Черняевым. Он вовсе не собирался завоевывать этот Ташкент?

Строго говоря, на этот раз Черняев вел себя в соответствии с требованиями Петербурга, который не давал прямой санкции на занятие города. В рапорте от 11 мая он, однако, указывает другую причину отвода своих войск от Ташкента: «Хотя в этот момент, может быть, и возможно было занятие города, но я не мог рисковать последним своим резервом, и, имея в виду, что, во всяком случае, занятие это не могло бы стоить нам дешево, я, окончив преследование, возвратился в лагерь и решил остаться до времени на той же позиции с тем, чтобы вблизи Ташкента наблюдать за событиями в самом городе и, если возможно, воспользоваться первым же случаем его занять»⁶³.

Из этого пассажа видно, во-первых, что движение черняевского отряда к Ташкенту имело целью его занятие. (Все же простодушен был Михаил Григорьевич: открыто сообщает, что, несмотря на официальный запрет брать Ташкент, он шел к этому городу именно для того, чтобы овладеть им.) Во-вторых, становится очевидным его незнание реальной обстановки в городе и вокруг него. Он не сумел организовать разведку и наблюдение за разбитым противником. Даже через два дня после боя он не знал о паническом бегстве кокандских сарбазов и газиев в сторону Коканда и о смерти Алимкула, что не могло не вызвать деморализующего воздействия на оставшиеся в городе кокандские части. Короче, он не воспользовался шансом ворваться в город с сочувство-

вавшим ему населением на плечах бегущего врага, а решил дожидаться другого удобного случая. Если бы он был новичком в азиатских делах! Он прекрасно знал своего противника; знал, что бегущих сарбазов и ополченцев не может остановить никакая сила, что своей паникой они заражают всё и вся и всех вовлекают в бегство. Слова «не мог рисковать последним своим резервом» звучат весьма благозвучно, но не свидетельствуют о полководческом таланте писавшего.

Темп наступления был потерян, неприятель получил долгую передышку. Ташкентская знать опомнилась, убедилась, что русские ведут себя более чем сдержанно, и потому приступила к реставрации своего влияния в городе. «Лучшие люди» начали с того, что избрали ханом Ташкента молодого человека Султана Сеида. «С общего согласия, — пишет Мохаммад Салих, — они посадили молодого шах-заде на середину квадратной кошмы лицом к кибле и, подняв его на кошме, прочли молитву, а потом, пересадив на ханское место и водрузив на голову шах-заде тадж (символ ханского достоинства. — Е.Г.), объявили его ханом Ташкента»⁶⁴. Завершив церемонию, вершители судеб ташкентцев долго совещались и, в конце концов, решили обратиться за помощью к Бухаре и Коканду одновременно. Кокандские власти в помощи отказали, т.е. отреклись от прав на владение Ташкентом, однако, при этом потребовали выдачи молодого хана Султана Сеида. Эмир «благородной Бухары» помощь обещал, но также при условии выдачи незадачливого Сеида, т.е. эмир требовал признать свою власть над Ташкентом. Мнения знатных людей разделились — немало было таких, кто готов был пожертвовать только что избранным ханом. Молодой хан пребывал в слезах и просил не выдавать его эмиру, т.к. хорошо знал цену «гостеприимства» бухарского владетеля — в Бухаре его ждала мучительная казнь. Совет ташкентских вельмож и военачальников долго колебался, но в конечном итоге, признал необходимым выдать своего избранника бухарскому эмиру. Несчастливого юношу, который стал ханом отнюдь не по своей воле, тайно, как пленника вывезли ночью из города и повезли в Самарканд, где в то время находилась ставка эмира. Таким образом, в городе победила «бу-

харская партия», которая могла теперь рассчитывать на скорую подмогу от эмира.

Черняев медлил целый месяц, дожидаясь удобного случая, и дождался необходимости срочно реагировать на новую военно-политическую ситуацию. Эмир был противник сильный.

Дочь Черняева Антонина, написавшая под псевдонимом А. Михайлов краткую биографию отца, отмечает одну из наиболее ценных, как ей кажется, черт его природы: «Михаил Григорьевич никогда не собирал военных советов, решая все единолично сам и брал всегда на себя всю ответственность. Те из своих планов, которые, по его мнению, должны были быть сохранены в тайне, он сообщал второму лицу только тогда, когда считал, что обстоятельства требовали довести их до всеобщего сведения, придерживаясь того мнения, что известное двум лицам вскоре станет общим достоянием»⁶⁵.

Из этого пассажа следует, что Черняев не доверял своим соратникам и, самонадеянно полагаясь только на свой опыт, знание, интуицию, пренебрегал чужим мнением, отчего нередко принимал неверные решения. Воюя Ташкент, он уже дважды ошибся в своих действиях; теперь, в июне 1865 г., Ташкент снова бросал ему вызов, на этот раз самый серьезный. Сведения о событиях в городе и приглашении на помощь эмирских войск он получил вовремя и сразу же направил казаков и пехоту перекрыть подступы к Ташкенту. Сил в его распоряжении было в самом деле немного, и он не мог эффективно блокировать большой населенный пункт — значительный бухарский отряд все же проник за городские стены; командир этого отряда Искандер-бек объявил себя начальником города. Теперь же медлить Черняеву было никак нельзя.

7 июня ночью генерал предпринял вторую попытку взять Ташкент штурмом. Операция началась артиллерийским обстрелом, тем дело и закончилось, поскольку, как объяснял сам Черняев, «главный отряд... не мог подойти к крепостной стене в полном составе, потому что встретил в пяти верстах от нее огромный враг, воспрепятствовавший совершенно переправе артиллерии...»⁶⁶.

Снова помешал овраг. Возникает недоуменный вопрос: почему за месяц стояния вблизи города нельзя было разведать подступы к нему? Поскольку обе попытки взять город приступом захлебывались во рву или овраге, возникает сомнение в профессиональных качествах Черняева как военачальника.

Несмотря на плохое знание окружающей город местности и обстановки внутри городских стен, Черняев, как всегда единолично, принимает решение предпринять третью попытку штурма, т.к. «главные силы эмира, давно уже собранные в Самарканде, стали показываться в пограничных кокандских крепостях по левой стороне Дарьи»⁶⁷. Выбирать образ действий теперь не приходится, нет времени продолжать морить население города голодом и жаждой, для планомерной осады также не хватает времени и сил; образ действий русского генерала диктуется эмиром. «Отойти от города, — сообщает Черняев в своем донесении, — значило бы дать эмиру громадное значение в Средней Азии и усилить его всеми военными средствами, сосредоточенными в Ташкенте»⁶⁸. Остается штурм.

Нерешительность Черняева, наблюдавшего за городом и передвижением эмирских войск в течение месяца, можно понять. По любым меркам город велик: 24 версты — протяженность городской стены; жителей предположительно 200 тыс. душ (только в 1868 г. была установлена более достоверная численность населения — от 40 до 60 тыс. человек); застройка плотная — сплошной лабиринт узких улиц, тысячи однообразных глинобитных домов. Вдоль стены — ров с водой; на стенах расположены более 60 орудий, прислуга которых неплохо обучена. В городской стене 14 ворот и проходов, через которые в любой момент обороняющие город могут выйти наружу и ударить в тыл штурмующим силам. К этому надо добавить, что ближайшие окрестности Ташкента на расстоянии двух-пяти верст от стен заросли садами, между которыми проходят узкие дорожки, ведущие к разным городским воротам. Еще одно препятствие для наступающих.

Пока Черняев мешкал, число защитников города снова стало увеличиваться и составило более 30 тыс. сарбазов и вооруженных ополченцев; его же войско не увеличилось.

Приняв решение о штурме, Черняев начинает необходимую подготовку. Самые ценные разведсведения доставляет инженер-поручик Макаров, который по ночам обследовал подходы к городу (почему он не сделал этого раньше?). Выясняется, что всего целесообразнее атаковать город с юго-западной стороны, где группировались кокандские и бухарские воинские силы, а также ташкентцы, им сочувствовавшие. Мирные обыватели при этом опасности не подвергались. Макаров установил также, что силы защитников города равномерно расположены по всему периметру городской стены, т.е. нигде не сконцентрированы для отражения главного удара. Такое расположение войск противника Черняев приписывал своей хитрости: он загодя провел свой отряд вдоль всей городской стены, чтобы продемонстрировать его многочисленность. В результате, неприятель якобы растянул все наличные силы, не сосредоточив нигде подвижный резерв для отражения нападения извне. Логичнее предположить, однако, что неискушенные в военном искусстве руководители обороны города расставили свои войска вдоль всей стены, чтобы прикрыть (теоретически) разом все угрожаемые места.

В отличие от попытки 1864 г. на этот раз черняевский отряд имел штурмовые лестницы. К полуночи 14 июня 1865 г. русский отряд был готов к штурму. Черняев напутствовал свои войска народными присловьями, потребовав либо лечь костями, либо победить. В два часа ночи штурмовая колонна, неся лестницы на руках, скрытно подошла к городской стене и к Комланским воротам. Перед стеной сидели кокандско-бухарские караулы, но толку от них было немного — караульные спали. Сарбазов разбудили штыками, они проснулись и кинулись к небольшим лазам в стене, замаскированным кошмами. Русские охотники прошли через проходы, «любезно» указанные оплошными караульными, поднялись на стены и стали разбирать заваленные изнутри ворота. Другая часть команды охотников в это же время взбиралась на стены по штурмовым лестницам. Усилиями охотников очень быстро и без потерь были захвачены ворота с двумя башнями и несколько орудий. Штурмовая колон-

на численностью 250 человек, под командой штабс-капитана А.К. Абрамова (очень скоро станет генералом, прославится во многих Среднеазиатских экспедициях) ворвались в раскрытые ворота и, сметая огнем и штыками растерявшихся защитников крепости, на одном дыхании продвинулись на 14 верст вдоль городской стены; кокандские орудия захватывались, заклепывались и сбрасывались с позиций. Кокандцы все же успели оправиться от неожиданного ночного приступа, русские отряды почувствовали это, когда углубились в лабиринт улиц и переулков - там их ждали сарбазы на баррикадах и стрелки, засевшие в саклях. Бои за город были упорные. Огромную помощь штурмовым отрядам оказала русская артиллерия, которая расстреливала защитников баррикад картечью почти в упор. Этому кокандские сарбазы выдержать не могли и бежали. Малопригодной в уличных боях оказалась кокандская конница, которую казаки без труда выгнали за пределы города.

К утру 15-го Черняеву и его офицерам представлялось, что город покорен окончательно. К победителю явились представители торгово-ремесленного посада с изъявлением покорности. День прошел спокойно, но с заходом солнца не разбитый до конца неприятель начал стрельбу из-за глухих дувалов, баррикады теперь появились почти на всех улицах и перекрестках; нарушилась связь между отдельными русскими отрядами, оказавшимися в ходе ночного сражения в разных частях большого города, что могло иметь катастрофические последствия. Казалось, кокандцы и газии обрели второе дыхание, собираясь победить любой ценой. «Спротивление сделалось еще отчаяннее, — сообщал Черняев в своем донесении. — Были случаи, когда один, два человека с айбалтами (топоры на длинной рукоятке) кидались на целую роту и умирали, не прося пощады. Противника, казалось, подменили, и такой противник не мог не внушать уважения и повышенного опасения... Каждую саклю, — продолжал Черняев, — приходилось брать штыками, и только тогда она очищалась, когда засевшие в ней были переколоты»⁶⁹.

Русские орудия громили баррикады, в бреши врывалась пехота, за пехотой продвигались пушки, снова уничтожали

завалы и в том же порядке двигались дальше. Кокандские артиллеристы отнюдь не бездействовали и наносили российским войскам существенные потери. Город горел. Бои затихли к ночи, но продолжились на рассвете. Сопrotивление было окончательно сломлено только к вечеру 16-го числа. У защитников города, которых к началу штурма 14-го июня насчитывалось до 30 тыс., были превосходные возможности отстоять Ташкент и перебить небольшие отряды русских, на которые в ходе штурма разделилось войско Черняева, если бы... Среди огромной массы так называемых борцов за веру стойких бойцов оказалась всего лишь горстка, числом не более той горсти русских, которая пошла на штурм. Предательство и бегство с поля боя в среде «защитников» города были повальными. «Мы закричали: “Эй, вы, бегущие, остановитесь! Ведь вы - снаряд ислама!” Но тщетно, часть их все же удрала»⁷⁰. Такими свидетельствами изобилует рукопись Салиха. Силы оборонявшихся и атаковавших были, видимо, равны, как равны были стороны в решимости победить, но последние имели все преимущества обученной регулярной армии.

17-го к Черняеву явились аксакалы и почетные жители, заявившие о полной готовности подчиниться российскому императору. 17-го Черняев подводил итоги штурма. Трофеи были значительными, достаточно сказать, что пушек удалось взять 63, среди которых 48 были медными, «замечательно хорошего литья», однако никакие богатые трофеи не могли компенсировать людские потери. Убитых в отряде Черняева значилось 25 человек, раненых и контуженных — 117. Победа досталась недешево, возможно, месяц назад город можно было взять с пролитием меньшей крови.

Дочь-биограф Антонина Черняева убеждает читателя, будто ее отец тщательно готовил заключительный штурм Ташкента. Это явное преувеличение. Он был осведомлен о симпатиях ташкентского посада к России, но не мог быть уверенным, что эти симпатии примут форму активной поддержки его войск. Так и случилось: «русская партия» сидела по домам, не оказывая помощи ни тем, ни другим, хотя этот нейтралитет можно считать дружественным русским и

враждебным кокандцам. Разведка сил, средств и настроений противника была довольно поверхностной, т.е. элемент авантюры в предприятии 14–16 июня 1865 г. определенно присутствовал. Нет сомнений, что очень важное значение для исхода дела имели личное мужество, инициативность и решительность самого руководителя операции. Взятие Ташкента стало самой большой победой и великой удачей Михаила Григорьевича, то был пик его военной карьеры, с которым не могло сравниться ни одно из деяний всей его 70-летней жизни.

Сторонники ориентации на Россию получили возможность открыто выразить свою радость, в их среде Черняева стали называть «ширнаиб», т.е. непобедимый полководец, что чрезвычайно льстило самолюбию Михаила Григорьевича. Ташкентский посад полюбил русского генерала еще больше, когда на базарных площадях было оглашено его обращение к жителям. Ширнаиб провозглашал неприкосновенность здешней веры и обычаев, обещал не размещать своих солдат на постой в домах и не мобилизовывать самих обывателей в русскую армию. Был сохранен шариатский суд; запрещались произвольные поборы; на годичный срок ташкентцы освобождались от каких-либо податей и налогов. Щедрость покорителя Ташкента нанесли ущерб российской казне: отменив подати, Черняев был вынужден одалживать деньги на нужды своей администрации у частных лиц; долг составил 300 тыс. рублей, казна погасила его только к 1871 г.

Взятие самого большого города Средней Азии получило международный резонанс. Предвидя британскую реакцию, Торчаков негодовал, требовал наказать новоявленного Ермака Тимофеевича — вице-канцлер запамätовал, что победителей не судят. А Михаил Григорьевич это правило помнил хорошо. Он не ошибся. На донесении Крыжановского о его победе император начертал: «Славное дело!» Вскоре в Оренбурге была получена телеграмма от Д.А. Милютинина (шла шесть часов 45 минут): «Государь Император, прочитав донесение № 2306 о взятии Ташкента, пожаловал генералу Черняеву золотую саблю с бриллиантами, начальни-

кам повелел объявить благоволение, а нижним чинам выдать по два рубля, а не по одному, как сказано в телеграмме № 4; о награждении всех отличившихся ожидается представление»⁷¹.

Михаил Григорьевич не ошибся, он знал, что действует в соответствии с видами российского правительства. Его победа заметно повысила авторитет России на мировой арене (такое это было время), дала возможность включить в границы империи плодородный оазис, обеспечить туркестанские войска продовольствием. Взятие Ташкента обсуждалось в российских газетах; в статьях говорилось о роли города как торгового центра, «который может принять значение главного рынка для всей Средней Азии», отмечалось богатство Туркестанской области полезными ископаемыми, «ожидающими рациональной разработки»⁷².

Его имя было у всех на слуху, оно склонялось и писалось за российскими пределами в самой разной транскрипции. Объективные публицисты называли его свершение самым важным событием за все время продвижения России в Средней Азии. В Англии, естественно, политики и журналисты снова стали возмущаться, обличать российскую агрессивность. Уже 19 июня британский посол А. Бьюконен появился в служебном кабинете Горчакова с требованием объяснить случившееся. Российский министр заявил, что Ташкент не будет включен в состав империи, и вообще Черняев якобы занял этот город, чтобы предотвратить его оккупацию бухарскими войсками и обеспечить таким образом его независимость. Посол в ультимативной форме потребовал, чтобы российское правительство ни в коем случае не награждало генерала, который поступил столь самовольно. Можно представить реакцию императора, когда Горчаков передал ему требование Бьюконена. Михаил Григорьевич не только получил царскую награду, но и очень теплое приветственное письмо от наследника престола, будущего Александра III.

Ташкент был взят, теперь предстояло решить, что с ним делать. Один из вариантов решения этой проблемы предложил бухарский эмир. Он потребовал от Черняева уйти из Ташкента на том основании, что город входит в число бу-

Харских владений. Российские власти не заинтересовались **этим вариантом.** Судя по всему, у посла Бьюконена и эмира Музаффара головы были устроены одинаково.

В российском МИДе был придуман хитроумный план: город-государство Ташкент объявляется независимым владением, но на самом деле оно должно находиться в вассальной зависимости от России, однако, последнее обстоятельство следует тщательно скрывать. Военные люди, Черняев в их числе, полагали, что такую независимость можно будет обеспечить только в том случае, если в городе или вблизи его будут находиться части русской армии. В понимании Черняева ташкентская независимость должна была выглядеть следующим образом: «Опыт убедил меня, что если предоставить жителям самоуправление, то для охранения спокойствия и полного повиновения достаточно иметь здесь, в особой от города цитадели, один батальон и две сотни. Полиция может быть предоставлена самим жителям... Я полагал бы необходимым предоставить жителям самоуправление и вмешательство наше ограничить только одним наблюдением за должностными лицами, оставив за собой право сменять их, если они не будут соответствовать своему назначению»⁷³.

С таким решением Горчаков не хотел согласиться. Он считал, что присутствие русских войск дает Европе повод усомниться в подлинности независимости Ташкента. Горчаков, как говорилось, плохо знал Азию и подходил к местным делам с европейскими мерками. «По моему понятию, — писал он военному министру, — при желаемых отношениях к нам Ташкентской независимой области, поддержка ей с нашей стороны должна заключаться не в содержании военных сил внутри нее, не в материальной, так сказать, поддержке, а в нравственной, заключающейся в убеждении, что в случае какой-либо попытки на Ташкент, права этого города будут защищены, и что нарушение их не останется без наказания»⁷⁴.

Остается гадать, что имел в виду вице-канцлер (любил напустить туману). Быть может, он хотел сказать, что в случае вооруженного нападения на Ташкент, Россия потребует

созыва международного конгресса, на котором будет отстаивать его права? Но в Азии не ведали о такой экзотике (ханства, к тому же, не были субъектами международного права), а потому любое словесное заявление, не подкрепленное силой, ценности иметь не могло. Рассуждение о нравственной поддержке вызвало возражение Д.А. Милютина, человека реалистического: «Пока не будет установлено в том крае какое-либо прочное положение, которое давало бы вес нашему нравственному влиянию, до тех пор мы должны, по необходимости, опираться только на силу материальную... Решившись иметь в нашей власти плавание по всему протяжению Сыр-Дарьи, нельзя ограничивать генерал-майора Черняева устройством только складочных пунктов, следует разрешить ему строить укрепленные посты, т.к. без серьезных мер защиты немыслимо и обеспеченное судоходство по Сыру...»⁷⁵

Странно, конечно, что приходилось объяснять столь очевидные вещи министру иностранных дел.

Со взятием Ташкента завязалось сразу же три интриги, Черняев был участником каждой. Первая — «О статусе Ташкента», вторая — «Эмир бухарский против Черняева», третья — «Черняев против Крыжановского». Михаил Григорьевич не был бы самим собой, если бы не вступил в конфликт с непосредственным начальством. Более полугода оживленная переписка шла между Бухарой, Ташкентом, Оренбургом и Петербургом — фельдкурьеры носились птицами.

Продолжая тему «о статусе Ташкента», следует сказать не только о мнениях российских государственных мужей, но и коренных ташкентцах. Русская власть в лице Черняева предложила им два варианта: избрание муниципалитета или избрание хана. Они отвергли и тот и другой. О муниципалитете они слыхом не слыхивали (в России в те годы тоже мало, что знали об этом предмете), а вот хана, тем более из своих, бухарских или кокандских, они не желали ни за какие коврижки (очень пострадались). Ташкентцы, не без влияния Черняева, высказывались за прямое российское правление: Мохаммад Саатбай, ташкентский купец, бывший неформальным главой «русской партии», собрал подписи

под обращением к российским властям, в котором излагалась схема управления городом. Все шариатские вопросы предлагалось оставить в ведении мусульманских судей, духовных лиц и богословов, а «главное управление здешним населением поручить генералу Черняеву, т.к. он находится в продолжение двух лет в этих краях и по завладении Ташкентом был так снисходителен к его жителям, что за зло творил им добро, и никто из ташкентцев не был обижен; при этом же генерал Черняев очень хорошо знает здесь всех от мала до велика, и хороших и дурных»⁷⁶. Этот адрес позволил известному русскому публицисту Венюкову пошутить: «ташкентцы выбрали Черняева своим ханом».

Несмотря на волеизъявление «лучших людей» города, в российском министерстве иностранных дел продолжали противиться включению Ташкента в пределы империи. Аргумент был один: негативная реакция Англии. «... А сколько подобное передвижение (российской границы — Е.Г.) поднимет крику, и как оно подорвет к нам последнее доверие в Европе, — писал Крыжановскому директор азиатского департамента МИДа П.С. Стремоухов. — Право, игра не стоит свечей...»⁷⁷ Последнее суждение об игре и свечах и тогда выглядело весьма спорным.

Вторая интрига развивалась порою весьма драматично. Как говорилось, сразу же после победоносного штурма 14–16 июня бухарский эмир потребовал отдать город ему и даже пытался собирать с ташкентцев подати в свою пользу. Черняев вступил в переписку с бухарским правителем. Он объяснял почему занял Ташкент (для того якобы, чтобы отомстить Алимкулу за уничтожение казачьей сотни под Иканом), всячески подчеркивал свою независимость, пытался направить наступательную энергию бухарцев против Коканда. Своей властью, без разрешения Крыжановского, Михаил Григорьевич пропустил через Ташкент бухарское посольство в Петербург, которое должно было подарить российскому императору слона и договориться о передаче Ташкента под юрисдикцию эмира. По требованию Горчакова Крыжановский задержал посольство на подступах к Оренбургу. «Ради Бога, — писал Стремоухов Оренбургскому генерал-губернатору, —

избавьте нас от бухарского посольства... Князь (А.М. Горчаков. — *Е.Г.*) слышать равнодушно не может об этом посольстве, да еще со слонем!»⁷⁸. Слон до Санкт-Петербурга не дошагал.

Эмир справедливо оскорбился и придумал ответный ход. Осенью того победного 1865 г. в Ташкенте, в штабе Черняева появился посланец эмира с сообщением, что в Бухару из Кабула якобы прибыли три британских офицера с некими предложениями, которые противоречат российским интересам. Считая себя другом императора Александра, эмир будто бы не мог не предупредить об этом верного слугу царя, губернатора Туркестанской области. Черняев получил предложение прислать в Бухару свое посольство. «Не надо быть глубоким политиком, чтобы сразу же заметить всю махинацию, подведенную бухарцами, — пишет М.А. Терентьев. — До тех пор никогда ни один азиатский владетель не просил еще прислать к себе соглядатаев, если не нуждался в докторе... или в разведчике минералов... Бухара же, грозившая, до сих пор смертью каждому европейцу, пытавшемуся в нее проникнуть, тем не менее заслуживала доверия. Хитрый бухарец, чтобы вернее поймать нас на удочку, выдумал каких-то европейцев, прибывших к нему через Афганистан, зная как мы ревнивы в этом направлении! Бухарцы не ошиблись: приманка была чересчур соблазнительна, да к тому же в просьбе прислать посольство как бы проглядывало косвенное согласие на ведение переговоров в Ташкенте, а не в Петербурге. Как бы то ни было, но азиатское коварство восторжествовало...»⁷⁹

Черняев с гордостью сообщал в своих донесениях как он с помощью различных хитростей, имея в распоряжении лишь малочисленный отряд, сумел завоевать большой азиатский город; он давно воевал в этих краях и знал местные нравы, однако, воистину: на всякого мудреца довольно простоты! Было написано письмо, которое должен был передать астроном К.В. Струве. Михаил Григорьевич считал, что посольство в Бухару может дать прекрасную возможность, чтобы разведать подступы к этому ханству и его экономический и военный потенциал, для чего вместе со Струве ко двору эми-

ра были отправлены офицер генерального штаба, топограф и горный инженер. Черняев был, видимо, доволен собой до тех пор, пока не получил известие, что все его разведчики арестованы в Бухаре, т.е. взяты в заложники. Он потребовал от эмира объяснений и получил дерзкий ответ, адресованный просто: «Михаилу Черняеву», без титулов и обычных льстивых пожеланий и преувеличений. Эмир обещал освободить заложников, если его посланцы доберутся до Петербурга. На начальном этапе верх в этой интриге одержал эмир.

Третья интрига, против Крыжановского, завершилась губительно для карьеры Михаила Григорьевича. Вначале их отношения были безоблачными; начальник Оренбургского края относился к Черняеву очень доброжелательно, хотя, видимо, небескорыстно: хорошо была известна исключительная инициативность этого офицера и он надеялся с его помощью приобрести боевые награды, которые в 60-е годы можно было получить только в Азии. Крыжановский был, видимо, тщеславен. Он нацелился на Ташкент, но генерал Черняев не захотел поделиться с ним Ташкентом. Это обстоятельство внесло охлаждение в отношения двух губернаторов, но само по себе не сделало бы Крыжановского врагом Черняева. В этой интриге инициативой владел Михаил Григорьевич, он сделал многое, чтобы превратить оренбургского генерал-губернатора в своего врага, совершенно не желая учитывать личные качества и амбиции последнего. Известный ученый, внимательный и непредвзятый наблюдатель Николай Александрович Северцов так характеризовал Крыжановского: «Начальник умный (хотя бестактен), деятельный и с препорядочным самолюбием. Как он откажется от участия в единственном деле своего края, имеющим не местное, а общегосударственное значение!»⁸⁰ Северцов верно разгадал главную заинтересованность Крыжановского в делах Туркестанской области: она граничила пусть с третьесортными, но все же самостоятельными государствами — среднеазиатскими ханствами, а поэтому оренбургский генерал-губернатор по положению становился участником

международных отношений, чем не мог похвастаться даже начальник губернии Московской.

Те же амбиции были у Черняева; человек он был амбициозный, не менее Крыжановского. Он отлично понимал, что взятием Ташкента обеспечил себе место в истории и памяти народной, но как всякому смертному ему хотелось при жизни насладиться плодами своих предприимчивости, храбрости, удачливости. Он хотел того же, чего хотел Крыжановский — выступить на международной арене (пусть это только «дремотная Азия») полномочным представителем своего императора, для чего ему нужна была независимость от Оренбурга. Когда, кстати, он извещал эмира и других ханов о создании Туркестанской области, он умалчивал, что она учреждена в границах Оренбургского края.

Настроение, чувства и состояние души покорителя Ташкента, человека сравнительно молодого (37 лет), заметны в его письмах к другу В.А. Полторацкому. Его самолюбию льстит доверие к нему ташкентцев: «Я утверждаю избранных народом лиц не только в общественные должности, но и на духовные места. Так, недавно улемы привели ко мне избранного ими на должность ахуна (вроде нашего архиерея) и просили дать ему свидетельство, что он утверждается мною...» Еще более ему лестно внимание к его особе со стороны владетелей соседних ханств: «Относительно среднеазиатских владельцев мы приобрели значение немногим меньшее, чем пользуемся в Ташкенте. Бухарский эмир, так гордо начавший свое движение из Самарканда, теперь немного присмирел и уже прислал ко мне лично посольство с подарком, что поставило в тупик даже все здешнее население (бухарский эмир считался главой всех правоверных региона. — *Е.Г.*). Хивинское посольство, вероятно, прибудет ко мне по возвращении эмира из Коканда...»

Таким образом, молодой генерал в короткий срок приобрел «международное» признание, и в это самое время (сентябрь 1865г.) в Ташкенте ожидается появление оренбургского генерал-губернатора, что грозит нанести урон престижу Михаила Григорьевича. «Теперь мне необходим кредит более чем когда-либо, — продолжает автор письма, —

для того, чтобы упрочить наше значение в Средней Азии, а у меня обрывают его в глазах населения, верящего до сих пор, что кроме Государя надо мною нет начальника. Мне постоянно адресуют: «посланному Белым царем вместо своего глаза». Далее следуют сетования по поводу происков неких недругов, стремящихся украсть его славу. Эта навязчивая идея не оставляла Черняева всю его жизнь и стала причиной многих конфликтов и неудач, которые сложились в его трудную судьбу. «Не могу также умолчать при этом, — жалуется он Полторацкому, — о неблагочестивом намерении приписать все мною сделанное новому генерал-губернатору, предоставив ему все средства для овладения Ташкентом». Здесь уже начинается война с ветряными мельницами: «Теперь приедет Крыжановский в Ташкент грозным судьей и докажет всему Петербургу, как дважды два — четыре, что я покорил край и то потому, что не имел против себя серьезного неприятеля, но не умел его успокоить, а он, великий маэстро, исполнил это. Он уверит всех вас, что если бы не его приезд, то меня бы отсюда выгнали. Скажите, положив руку на сердце, честно ли со мною поступили? Вы знаете очень хорошо, что мне даже не было дано разрешение действовать; я все взял на свою голову, и за все меня сначала побаловали, а потом наплевали в глаза...»

Такие вот lamentации по поводу события еще не случившегося, что говорит о болезненном состоянии духа, и проявление несправедливости в отношении верховной власти («сначала побаловали, а потом наплевали в глаза»), которая щедро награждала своего среднеазиатского Ермака. Последнее из цитированных писем писано 31 августа 1865 г., за несколько дней до прибытия в город Крыжановского, который привезет известие о Высочайшем благоволении и награждении Черняева золотой саблей с бриллиантами, но даже без учета этой награды можно уверенно говорить о высокой оценке ратных подвигов Михаила Григорьевича. С мая 1864 г. по май 1865 г. он успел стать генерал-майором, а также кавалером следующих орденов: Св. Владимира 3-й ст., Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст., и, что самое ценное, Св. Георгия 3-й ст. Черняев был определенно неблагодарен: «наплевали в глаза!»

До приезда в Ташкент Крыжановского Черняев постоянно размышлял об устройстве управления Ташкентом и Туркестанской областью и у него возникло новое представление о предмете. Ташкент следовало включить в состав империи, ибо фиктивная независимость не принесла бы пользы ни России, ни самим ташкентцам. «Если здесь этой комбинацией мы не можем никого обмануть, — писал Черняев все тому же Полторацкому, — то кого же мы надуем в Европе?» Он также пришел к убеждению, что слишком большая удаленность Туркестанской области от Оренбурга затрудняет управление областью из центра края: «насколько вредна будет мнимая независимость Ташкента для края, настолько же вредна и зависимость Туркестанской области от Оренбурга»⁸². Эти свои доводы губернатор Туркестанской области довел до сведения Крыжановского еще до его приезда в Ташкент, но сочувствия у того они не вызвали. «Черняев не прочь, конечно, быть начальником Туркестанской области без посредствующей инстанции, — писал наблюдательный Северцов, — но ошибется тот, кто припишет это только личному честолюбию»⁸³.

Крыжановский ехал в Ташкент настроенный против Михаила Григорьевича, что видно из его писем Милютину и Стремоухову. Милютину: «Доводы, приводимые Черняевым в доказательство необходимости оставить нам Ташкент, да еще и Наманган или Киртку, нисколько меня не убеждают»⁸⁴; Стремоухову: «В Азии гораздо и гораздо легче делать громкие завоевания, чем трудиться над администрацией, тем более что последняя приносит много горя и неудовольствия, а громкие, но вместе с тем весьма нетрудные, завоевания приносят чины и кресты. А потому не следует удивляться, что в Туркестане люди увлекаются: надо только подтянуть им поводья и направить воинственный удар на что-нибудь более разумное, чем расширение и без того широчайшей России»⁸⁵. В Ташкент он ехал «подтягивать поводья» своему равному генералу.

Необходимость этой меры подтвердил сам Черняев, не по уставу, без почетного караула, встретивший генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского. Начальник Оренбургского

края был уязвлен такой явной демонстрацией, но виду не подал. Визит оренбургского начальника, по мнению Черняева, пользы делу не принес. Достичь взаимопонимания двум генералам не удалось. Черняев успел только в одном: он уговорил своего начальника не объявлять немедленно о независимости города и предстоящем избрании хана. Крыжановский уехал, но оставил прокламацию о предоставлении Ташкенту независимости, с поручением Черняеву обнародовать это решение. Еще он оставил письмо к бухарскому эмиру с тем же сообщением.

Верный себе, Черняев поступил по-своему: прокламацию не обнародовал, а эмиру отправил письмо от себя без сообщения о независимости для Ташкента, а только изложил свои предложения об устройстве границы между Туркестанской областью и бухарскими владениями. Ко всему прочему, он отправил в Бухару свое посольство, не согласовав этот шаг с Оренбургом, а бухарского посла, также без согласования, пропустил в Оренбург.

Терпенье Крыжановского иссякло! «По всему видно, — доносил он военному министру, — что Черняев настойчиво придерживается одним лишь своим идеям; увлекается минутными впечатлениями и берет на себя гораздо более того, что правительство может позволить самому широко аккредитованному агенту... Продолжать вести дела области так, как они ведутся в настоящее время, признаю я невозможным и ответственность за будущее не могу принять на себя, если Черняев останется военным губернатором области после всего им совершенного... Вижу, что продолжать терпеть еще далее явное неповиновение и превышение власти я не имею права»⁸⁶.

Это был ультиматум: либо я, либо Черняев. Государь принял сторону Крыжановского. На царя, видимо, произвело впечатление не столько непослушание Михаила Григорьевича, сколько сообщение Крыжановского о плохом состоянии войск, расквартированных в Ташкенте: как и его отец, Александр II больше всего ценил в своих солдатах безупречный внешний вид и вымуштрованность.

Из Петербурга в Оренбург 26 ноября 1865 г. ушла шифротелеграмма военного министра: «Его Величество изволил

признать невозможным дальнейшее оставление генерала Черняева в настоящей должности: вытребуйте его немедленно в Оренбург»⁸⁷.

Черняев понимает зачем его вызывают в Оренбург, он пытается переломить судьбу, сохранить за собой пост туркестанского губернатора. Он пишет непосредственному начальнику обстоятельную оправдательную записку. В ней, в частности, сказано: «Обнародование этой прокламации... было бы, по моему твердому убеждению, нарушением моего долга охранять внутри Туркестанской области порядок и спокойствие... Это обнародование может быть безопасным только тогда, когда можно будет без ущерба для наших интересов вывести отсюда войска. Тотчас по взятии города я предложил старшинам независимость Ташкента; они объявили, что вслед за уходом наших войск, даже с занятием нами Ниязбека и Чиназа (укрепления близ Ташкента. — *Е.Г.*) начнутся беспорядки»⁸⁸. В этой записке даются объяснения по всем пунктам обвинения.

Как опытный интриган, Михаил Григорьевич организует поддержку снизу. По его инициативе накануне нового 1866 г. почтенные люди города подносят ему адрес: «Мы ныне вполне благоденствуем и чистосердечно сознаем, что этим обязаны Вам, как лицу, доставившему нам такое блаженство... и не лишены надежды, что Вы навсегда останетесь во главе управления нами...»⁸⁹ Те же выразители желаний и настроений ташкентского посада обращаются к Крыжановскому с просьбой оставить им их обожаемого Черняева.

Крыжановский колеблется. Советуется с Милютиным. И генерал-губернатор, и военный министр, в конце концов, люди интеллигентные, деликатные — они не хотят наносить удар по самолюбию Михаила Григорьевича. Дмитрий Алексеевич Милютин к тому же еще и тонкий политик. «Внезапное увольнение человека, — пишет он Крыжановскому, — выказавшего такие блестящие способности и получившего такую популярность в войсках и во всей Средней Азии, вслед за совершением им целого ряда громких подвигов, не может не произвести неблагоприятного впечатления во всех обще-

ственных сферах и не возбудить самых разноречивых толков; тем более, что необходимость такой меры осталась бы совершенно не известной публике»⁸⁹. Милютин видит выход в том, чтобы Черняев сам отказался от службы в Туркестане и для этого у него будет причина — предстоящая женитьба и соответственно отказ молодой жены ехать в жаркий, неблагоустроенный край.

Михаил Григорьевич мог бы, наверное, сохранить за собой свой пост, если бы не затеял откровенную авантюру. Желая принудить бухарского эмира освободить Струве и других членов посольства, он снаряжает поход на бухарскую крепость Джизак, а затем дальше — на Самарканд и Бухару. В феврале 1866 г., в разгар зимы, по выюжной пустыне выступает в поход маленький русский отряд — всего две роты пехоты, и четыре казачьи сотни при двух орудиях. Как и следовало ожидать, столь незначительное войско не может занять достаточно хорошо укрепленную крепость и отступает с потерями из-под стен Джизака. Крыжановский, до которого доходит слух о зимнем походе, сообщает военному министру: «За всем тем, генерал Черняев предпринимает теперь, без всякого сомнения, военные действия, которые могут завлечь нас далеко и стоить дорого»⁹⁰. В Петербурге принимают окончательное решение: отозвать! Черняева вызывают в Петербург для доклада военному министру, а вместо него на должность назначают бывшего главного редактора газеты «Русский инвалид» генерал-майора Д.И. Романовского. Появление нового губернатора без предупреждения приводит Михаила Григорьевича в смятение, ярость, слезы. Сначала он даже не хотел передавать дела своему преемнику.

В начале 1866 г. Эсфирь Черняева написала своей сестре письмо во Францию с описанием семейных дел: «Мой второй сын, Михаил, которого ты видела малым и хилым ребенком, ныне генерал, состоит военным и гражданским губернатором Туркестанского края, который он покорил. О нем часто говорят русские и иностранные газеты. До сих пор карьера его очень удачна. Вскоре он должен приехать в Петербург, чтобы жениться на дочери покойного генерала Вулфер-

та, которую хвалят во всех отношениях»⁹¹. Это письмо ушло во Францию почти одновременно с депешей военного министра в Оренбург об отрешении от должности генерал-майора М.Г. Черняева.

Напутствуя своего преемника, Черняев не старался быть любезным: «Когда Вы уезжали из Петербурга, — сказал он, — они (правительство. — Е.Г.) не знали положения в области, иначе бы Вас не послали. Но дело сделано, а, потерявши голову, по волосам не плачут»⁹². С тем он и уехал из своего Ташкента 31 марта 1866 г.

Спустя много лет, вспоминая прошлое, Д.А. Милютин назовет причины служебных неудач Черняева: «Капризность и преувеличенное самолюбие заводили его далеко за пределы здравого смысла»⁹³. Устранение с губернаторского поста покорителя Ташкента было хорошим подарком британским политикам; об этом событии с удовлетворением сообщал в Лондон посол Бьюкенен.

Странным образом, однако, Михаил Григорьевич не потерял расположения императора, который принял его приветливо, обнял, расцеловал; пожурил за конфликт с Крыжановским, а потом сказал: «Посиди здесь года два, а потом получишь такое назначение, что забудешь свой Ташкент». Император ему симпатизировал, а, кроме того, ему долгие годы будет покровительствовать наследник-цесаревич. Из Зимнего он ушел уверенный в благополучном продолжении своей карьеры. В мае состоялась его свадьба с Антониной Александровной Вулферт; молодые сняли квартиру в Гатчине.

В чем причина удивительной снисходительности императора к офицеру, столь демонстративно нарушающему основы воинской дисциплины и служебной субординации. Во-первых, как говорилось, тот действовал в диапазоне «правительственных видов», во-вторых, аудиенция ему была дана после 4 апреля 1866 г. — т.е. после выстрела Каракозова. Император Александр Николаевич и ранее не был абсолютно убежден в правильности либеральных реформ, теперь же, после злодейского покушения, он, ранее колебавшийся, стал больше склоняться к мнению антиреформаторской

партии, к которой — это было известно — принадлежал Черняев. Люди антиреформаторской направленности в то время, после покушения, были ему ближе, чем либералы. Михаилу Григорьевичу император вполне мог сказать, как сказал в те же дни после покушения издателю «Московских ведомостей» М.Н. Каткову: «Я тебя знаю, верю, считаю своим». Все-таки он был свой.

Обнадеженный императором, устроивший свое личное счастье, Черняев мог быть удовлетворен и тем как решилась судьба Ташкента; в конечном итоге возобладало его мнение на этот предмет. Министерства военное и иностранных дел согласовали свои позиции, и летом в Оренбурге была получена телеграмма: «Если бы жители Ташкента и других местностей, занятых нашими войсками в том крае, вновь выразили просьбу о принятии их в наше подданство, в видах спасения их от замыслов эмира, то Государю императору благоугодно всемилостивейше соизволить на такое подданство»⁹⁴. За повторном обращении ташкентцев дело не стало, и 27 августа 1866 г. жители крупнейшего города Средней Азии приняли русское подданство⁹⁵.

Черняев завоевал Ташкент, и при его активном участии (он подробно излагал свою точку зрения в беседах в МИДе и Военном министерстве) этот город был сохранен для России. Его правота обнаружилась и в другой спорной проблеме — о статусе Туркестанской области. По принятой схеме зимой 1866/67 г. был составлен комитет в числе 13 членов, среди которых значилось имя М.Г. Черняева. Комитет заседал на квартире своего председателя Д.А. Милютин и после продолжительных дебатов пришел практически к единогласному решению о создании независимого от Оренбурга Туркестанского генерал-губернаторства и самостоятельного военного округа. Против этого, что было естественно, голосовал только Н.А. Крыжановский.

Двумя правительственными решениями о Ташкенте и Туркестане Черняев, казалось, был полностью оправдан, но при этом получалось, что старался он не столько для себя, сколько для Д.И. Романовского, который теперь был самым вероятным кандидатом на пост начальника Туркестанского

края, тем более, что, в отличие от Михаила Григорьевича, он занял бухарский Джизак, в придачу Ходжент, Нау, Ура-Тюбе, Яны-Курган, а также добился освобождения посольства Струве, т.е. приобрел все права на высокий пост. Возвращение Черняева в Ташкент выглядело маловероятным, и он — который раз — совершает ложный шаг: он снова затевает интригу, на этот раз против Романовского. Новый приятель Черняева И.И. Воронцов-Дашков ходатайствовал за него перед наследником, но заговорщикам этого показалось недостаточно, и они организовали прибытие в Петербург ташкентской делегации с петицией, в которой осуждались методы управления Романовского; с осуждением победителя бухарцев выступила пресса. Романовский ответил в газете, которую еще недавно редактировал, в «Русском Инвалиде»: подал в отставку и потребовал официального расследования. Все признаки склоки были налицо. Кончилось все тем, что на пост генерал-губернатора Туркестанского края был назначен генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман.

Далее следуют девять лет, в течение которых Черняев пытается стать богатым человеком и одновременно популяризовать свои политические воззрения. Начинает он с весьма странного поступка. Будучи в длительном отпуске, но на действительной службе, не предупредив ни военного министра, ни государя, он в 1867 г. обращается с письмом к сербскому князю Михайле Обреновичу с просьбой принять его на службу. Он писал, что готов выехать в Сербию немедленно, что бескорыстие и глубокое сочувствие к южным славянам движет им, что он готов стать князю верным слугой. Князь присылает приглашение через русское посольство в Константинополе, письмо вскрывают в МИДе и передают Милютину, тот докладывает императору. Александр Николаевич поручает военному министру сделать Черняеву выговор. Милютин вынужден объяснять очевидное: генерал русской службы не имеет права переходить на службу к другому государю, ни испросив разрешения своего сюзерена. Министр обвинил генерала в предательстве. С этого момента Милютин становится для Черняева врагом № 1.

По поручению царя Милютин предлагает Черняеву должность командира дивизии, но Михаил Григорьевич с неодобанием отвергает это предложение и уходит в отставку. Он решает стать нотариусом, для чего сдает экзамен в Москве. Московские предприниматели, уважая его заслуги перед российским деловым миром, вносят за него необходимый для всякого кандидата на место нотариуса залог — 10 тыс. рублей, но император требует, чтобы он отказался от зван: кавалер ордена Св. Георгия, генерал, хоть и отставной, не должен позорить своего государя, отметившего его чином и наградой, заключением торговых и иных сделок. Пережиток феодализма, но ведь страна только вступала в эпоху капитализма. Император не лишает покорителя Ташкента своей милости: тот назначается военным атташе при заместителе в Царстве Польском престарелом фельдмаршале Ф.Ф. Берге. То была типичная синекюра. Он должен был по роду службы находиться в Варшаве, однако, его чаще видели в Петербурге, в ресторанах, где он сидел в кругу единомышленников. Это были генерал-майор Р.А. Фадеев, банкир В.А. Кокорев, купец М.А. Хлудов, гусарский офицер Н.Н. Раевский, с которым Черняев замыслил восстание на Балканском полуострове против Турции, старый приятель В.А. Полторацкий, полковник В.В. Комаров, редактор газеты «Русский мир» И.Похитонов и директор электротехнического училища Писаревский.

В качестве младшего партнера Михаил Григорьевич примкнул к так называемой аристократической партии, которая вела упорную борьбу против военной реформы и военного министра. Возглавляли эту кампанию князь А.И. Барятинский и граф П.А. Шувалов. Генерал Н.Г. Залесов, близко знакомый с братом шефа жандармов П.А. Шувалова и хорошо знавший закулисную сторону этой борьбы, писал в своих воспоминаниях: «Душой интриги был шеф. Не ограничиваясь Барятинским, Шуваловы находились тогда в самых дружеских отношениях и к германскому посланнику принцу Рейсу, как известно, имевшему значительное влияние на государя и действовавшему именем императора Вильгельма. В сущности же говоря, вся эта партия, сама, может

быть, того не сознавая, работали по дудке Бисмарка, боявшегося развития военных сил России и национального направления ее политики»⁹⁶.

Таким образом, тайным зарубежным вдохновителем затяжной войны против самого эффективного министра Александра II, истинного реформатора в далеко не реформаторском правительстве 60–70-х годов XIX в., последовательного либерала и демократа Д.А. Милютина, был германский канцлер О.Бисмарк. Шеф жандармов действовал исподволь в ближайшем окружении императора. «Все делается под исключительным влиянием гр. Шувалова, — писал в дневнике Милютин, — который запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало. Он окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом, уже теперь в Комитете министров большинство членов действуют всегда заодно с гр. Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера...» Далее Милютин перечисляет имена участников этого «оркестра»: А.Е. Тимашов, П.А. Валуев, Д.А. Толстой, К.И. Пален, С.А. Грейч, А.П. Бобринский, Д.Н. Набоков, С.Н. Урусов, А.В. Адлерберг, Н.К. Краббе — все высшие должностные лица государства. «Более всех мог бы держаться самостоятельно кн. Горчаков, — продолжает автор дневника, — но он вовсе устраняется от дел внутренней политики, а подчас его аристократические инстинкты сближают его с работорцами обскурантизма и помещичьего режима»⁹⁷.

В секретных совещаниях и комиссиях, создаваемых императором для обсуждения деталей военной реформы, откровенно противостоял Милютину князь Барятинский и менее активно великие князья: наследник престола, Николай и Михаил Николаевичи. А примкнувшие ко всем этим вельможам генералы М.Г. Черняев и Р.А. Фадеев действовали на периферии дворцовой и внутриправительственной оппозиции («шайка Шувалова» — выражение Д.А. Милютина); в их задачу входило формирование враждебного военному министру общественного мнения с помощью сравнительно свободной (благодаря реформам Н.А. и Д.А. Милютиных) печати.

«АРХИСТРАТИГ СЛАВЯНСКОЙ РАТИ»

Центральным органом «ратоборцев обскурантизма и помещьичего режима» стала газета «Русский мир», которую финансировали (часто негласно) противники каких бы то ни было реформ. Михаил Григорьевич, у которого были свои счёты с реформаторами (достаточно сказать о земельных потерях его отца после 19 февраля 1861 г.), участвовал в издании очень активно, излагая свои, порою экзотические, взгляды по самым разным вопросам. Вот некоторые: «В России науки нет, потому что нет самостоятельной русской мысли. То, чему учат у нас в школах, гимназиях, университетах, не есть наука, а познания ни к чему не нужные и затемняющие рассудок. Стремления наши к самостоятельности ограничиваются оговорками, ужимками, разведением европейщины теплой водицей... У нас наука идет во всем наперекор жизни. Русский ученый самый вредный человек для своих соотечественников»⁹⁸. Учитывая, что Д.А. Милютин был почетным членом Петербургской Академии наук, можно представить каким «вредным» человеком он казался Черняеву.

Военная академия генерального штаба, по мнению Михаила Григорьевича, отжила свой век, и ценность представляло к 70-м годам XIX в. только ее геодезическое отделение. Он не одобрял тенденцию давать в войсках преимущество офицерам генерального штаба; выступал против установки на развитие умственных способностей российского солдата; считал, что армия «должна служить не цивилизаторским тенденциям, по существу ей скорее противным, а победе над внешним врагом своей Родины. Кроме военной техники в буквальном смысле слова и военной психологии других военных наук не существует...

«Успех на войне, — поучал своих читателей Черняев, — зависит от двух условий: таланта военачальника и духа войска. Талант военачальника заключается в понимании своего

народа и умении пользоваться его качествами. То и другое не может быть приобретено ни в каких академиях»⁹⁹.

Черняев и Фадеев (кстати, дядя по матери строителя российской железнодорожной сети и организатора денежной реформы С.Ю.Витте) обвиняли Милютину в развале армии, в подрыве ее морального духа, попытках бюрократизировать управление войсками. По мнению этих «военных писателей» (так их называли в прессе) в милютинской военной реформе все было плохо — плохи были военные округа, идея обученного резерва и всесословность офицерского корпуса, которая неминуемо должна была подорвать авторитет (читай привилегии) дворянства — тут они были правы. Самым, однако, их подлым выпадом против военного министра, похожим на донос, было заведомо клеветническое утверждение будто Милютин намеревается политизировать армию, превратив ее в преторианскую гвардию, которая будет угрозой трону. Писатели хорошо знали подозрительность императора, его боязнь гвардейских переворотов, последний (неудавшийся) из которых произошел при его жизни в 1825 г.

В начале 70-х годов положение Д.А. Милютину, как военного министра, стало весьма неопределенным, и это было результатом массированного (по правилам войны) наступления на него группы военных писателей. В дневнике 31.12.1873 г. Дмитрий Алексеевич записал: «Давно уже начатая против меня интрига созрела вполне и разразилась во всей своей гнусности. Врагам моим не удалось вполне достигнуть своей цели; они не могут считать себя победителями, но все-таки успели повредить мне в глазах государя и сделать почти невозможным мое положение в составе правительства. Видя на каждом шагу нерасположение и недоверие со стороны того, чья воля окончательно, безапелляционно решает все дела, я парализован в своей деятельности... Что же касается до общих дел государственных, выходящих из круга военного ведомства, то в этом отношении я совершенно устранен»¹⁰⁰.

Вкупе с такими же ретроgrадами как и он, Черняев уничтожал своего недавнего благодетеля, который не раз отводил от него угрозу долговременной опалы после очередного

из его среднеазиатских сумасбродств. Михаил Григорьевич не стеснялся оболгать Милютина, даже когда ложь легко разоблачалась. Так он назвал однажды военного министра кабинетным ученым никогда не нюхавшим пороха, хотя публике было хорошо известно, что в начале 40-х годов Милютин несколько лет служил на Кавказе, участвовал в боях и был ранен.

Барятинский, Фадеев, Черняев сокрушали Милютина, имея в виду прежде всего корыстные цели. Фельдмаршал досадовал на то, что оказался не у дел и рассчитывал, сбросив Милютина, занять его место. Черняев надеялся стать при нем начальником Главного штаба. Были свои карьерные амбиции и у Фадеева.

Другим объектом нападок Черняева стал генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман. С этим человеком Михаил Григорьевич никогда не встречался, но испытывал к нему большую неприязнь за то, что тот, как ему казалось, узурпировал пост судьбой предназначенный ему, М.Г. Черняеву. Со страниц все того же «Русского мира» Михаил Григорьевич обличал Кауфмана в некомпетентности и растратах казенных средств. Было опубликовано несколько статей. «Я возмущен, — писал он брату Николаю в июле 1868 г., — действиями этого человека, который может быть и неплох, но постоянно демонстрирует отсутствие каких-либо способностей»¹⁰¹. В специальной записке, направленной Черняевым в Министерство финансов, Кауфман обвинялся в излишних тратах казенных средств (частично справедливо) и чрезмерной бюрократизации жизни местных жителей, которым, по убеждению Черняева, был нужен верховный арбитраж в их спорах и тяжбах, но не мелочная регламентация их жизни, чем якобы занималась администрация Кауфмана. Черняев выступал против «насаждения цивилизации» в крае и требовал расформирования Туркестанского генерал-губернаторства и раздела его территории между Западносибирским и Оренбургским генерал-губернаторствами. Когда он надеялся сам стать генерал-губернатором обширного края, Михаил Григорьевич ратовал за создание новой административной единицы — теперь ее не

жалко было делить. В течение 1873–74 гг. «Русский мир» вел методичную кампанию против Кауфмана, требуя расследования его «злоупотреблений».

Накануне начала Хивинской экспедиции, которая готовилась тайно, Черняев совершил акт государственной измены, выдав в устной беседе с английским корреспондентом информацию о ее подготовке, но это сошло ему с рук. Травля же на страницах «Русского мира» для Кауфмана не прошла бесследно: император назначил комиссию для инспекции Туркестанской администрации, которая работала долго и заметно повредила здоровью К.П. фон Кауфмана. За Кауфмана вступился начальник Азиатского департамента Министерства иностранных дел П.С. Стремоухов, а также либеральная газета «Голос», главный редактор которой напомнил Черняеву, что финансовую неразбериху, которую он оставил, покинув пост военного губернатора Туркестанской области, нынешние власти края так и не смогли разобрать.

Проработав в Туркестанском крае несколько месяцев, ревизия из Петербурга не обнаружила тех злоупотреблений, которые живописал «Русский мир». Черняева, однако, это не остановило и он продолжал травить Кауфмана. Туркестанский генерал-губернатор обратился непосредственно к Александру II. 24 апреля 1875 г. Д.А. Милютин записал в дневнике: «Вчера, после разговора с Туркестанским генерал-губернатором Кауфманом 1-м, государь приказал Потапову (шефу жандармов. — Е.Г.) призвать к себе ген.-м. Черняева и намылить ему голову за его неприличные генеральскому званию выходки в печати против всего управления ген. Кауфмана. Сомневаюсь, чтоб это объяснение Потапова с Черняевым имело какой-нибудь практический результат: думаю, что Потапов разыграет роль повара в басне «Повар и кот»¹⁰².

Милютин ошибся — результат был. Выговор от шефа жандармов Черняев воспринял как оскорбление и попросился в отставку, которую получил сразу же. 30 мая 1875 г. он стал официальным редактором-издателем «Русского мира». Теперь ему было легче — не приходилось, оглядываясь на военное министерство, вести свою кампанию против реформ и реформаторов.

В своей неприязни к людям либеральных воззрений и их деяниям Черняев был последователен и мнения не менял до конца дней. «Всему умственному и нравственному складу Михаила Григорьевича, — писала его биограф, дочь Антонина, — прямо-таки претило квазилиберальное направление 60-х годов, когда, по словам поэта Щербины,

Был в моде трубочист,
А генералы гнули выю,
Когда стремился гимназист
Преобразовать Россию,
Когда, чуть выскочив из школ,
В судах мальчишки восседали,
Когда фразистый произвол
Либерализмом величали»¹⁰³.

Строго говоря, за исключением «фразистого произвола» все остальные пороки эпохи великих реформ не столь уж устрашающи, если, вообще, это — пороки. Как видим, ничто не ново под луной: полтора века назад либералов и демократов в России не переносили, как и теперь, только не догадались обозвать «дерьмократами» — превалировал иной тип политической культуры.

По свидетельству той же Антонины, «его (Черняева. — Е.Г.) влекло ко всему тому, что носило на себе печать яркого таланта и народности, силы воли, преданности идеи и долгу...

Личности, личной воле и инициативе он придавал перед толпой и перед наисовершеннейшим в принципе и теории учреждениям первенствующее значение.

Личность всегда, по его мнению, бывает и руководительницей и выразительницей всякого общественного движения, а толпа только следует за тем, кто умеет угадать и предчувствовать истинное настроение времени»¹⁰⁴.

Какая же личность больше других импонировала Михаилу Григорьевичу, соответствовала его идеалу лидера? Конечно же, собственная — он был эгоцентристом. Из номера в номер своей газеты он пропагандировал свои героические деяния в Средней Азии, свой якобы образцовый административный опыт, противопоставляя его «дурному» управле-

нию краем К.П. Кауфманом. Под руководством Михаила Григорьевича «Русский мир» уверенно перемещался на окраину газетно-журнального мира России. «Русский мир» в руках Черняева, — вспоминал в 1909 г. Г. Градовский, — после газеты «Весть», занял второе место открыто ретроградного издания, старавшегося, насколько было возможно, восстановить крепостные порядки... На страницах черняевской газеты утверждалось,.... что отмена телесных наказаний в армии и преследование «рукоприкладства» не соответствуют патриархальным нравам русского народа и отеческим отношениям отцов-командиров к нижним чинам...

Клеветы и сплетни «Русского мира» пали на самих руководителей газеты и отразились на ее распространении. Ее перестали читать...

Замечательно, что Черняев производил впечатление весьма доброго и прямого человека, но в течение двух-трех месяцев моего знакомства с ним я никогда не слышал от него сколько-нибудь определенного мнения или довода...»¹⁰⁵

За публикациями «Русского мира» следил умеренный консерватор Ф.М. Достоевский. В «Дневнике писателя» за 1875 г. он записал: «“Русский мир” сам признал себя на пять рублей поплоше перед прочими газетами. Но он говорит, что это в видах пропаганды, если так, то есть надежда, что на следующий год он будет предлагаться даром, а еще на следующий так даже с приложением от редакции по десять, а может и по 15 рублей на подписчика, — только чтобы читали мнения и догадки боевого генерала Черняева...»

И далее: «“Русский мир” — это как человек, который сердится в потемках: «зачем не пылки, зачем не пылки?...» И, наконец, окончательно сложившееся мнение: «“Русский мир” — приют всех бездарностей и оскорбленных самолюбий»¹⁰⁶.

К концу 1875 г. наступление Черняева на Милютину и Кауфмана захлебнулось — императора не удалось склонить на свою сторону. Военная реформа завершилась принятием нового воинского устава, а Кауфман продолжал управлять краем на основе всего лишь собственного проекта Положения об устройении края. Михаилу Григорьевичу грозила незавидная участь войти в Историю с репутацией склочника,

которая могла затмить его славу покорителя Ташкента. Нужны были реальные действия, по которым за десять лет после громких побед в Средней Азии он истосковался. Пока Милютин оставался военным министром у Черняева не было надежды вернуться на действительную службу, однако, он умел «предчувствовать истинное настроение времени», каковым тогда было распространенное во всех классах русского общества глубокое сочувствие к православным подданным Османской империи, подвергавшимся погромам, которые периодически устраивали мусульмане. Для того чтобы участвовать в спасении единоверцев необязательно было состоять на действительной военной службе. Свой новый, быть может, великий шанс Черняев увидел на Балканском полуострове.

Более активно, чем другие газеты «Русский мир» призывал балканских славян поднять восстание против турок, обещая им поддержку России. Летом 1875 г. Черняев давал стратегическую установку: «Сербия должна стать Пьемонтом Балканского полуострова и объединить турецких славян для новой национальной и цивилизованной жизни. Сербские герои разобьют турецкие орды. Ее армия многочисленна, хорошо вооружена и дисциплинирована. Каждый сербский солдат жаждет отомстить за вековые обиды»¹⁰⁷.

В лучшем случае такую установку можно считать безответственной, в худшем — провокационной, поскольку Сербия практически не имела регулярной армии — большинство ее вооруженных сил составляли плохо обученные и также плохо снаряженные ополченцы, крестьяне, набранные из деревень. Такая «армия» не имела шансов победить хорошо вооруженное и многочисленное турецкое войско.

Через два месяца Черняев выдвинул другую установку: «Наш святой долг... бескорыстно способствовать освобождению южнославянских народов из-под мусульманского ига»¹⁰⁸. Поставив задачу перед Россией, он приступил к сбору средств и вербовке добровольцев для отправки на балканский театр военных действий. Конечно же, он был не единственный, кто этим занимался, еще больше делали московские славянофилы под водительством И. С. Аксакова.

Поощряемые из России, Сербия и Черногория весной 1876 г. собирались объявить войну Турции. К тому времени в Сербию съехались сотни русских добровольцев, что, как свидетельствует очень авторитетный наблюдатель, российский консул в Белграде А.Н. Кравцов, совсем не радовало сербские власти: «Русская помощь была сербам некстати; добровольцы встречались холодно, чуть не враждебно. Причина такому отношению весьма простая. Сербы думали заставить воевать Россию, а вышло — они попались сами... Из политической демонстрации война становилась войной настоящей. В ту минуту Сербия походила на дуэлянта, который дал знать полиции, но, приближаясь к месту поединка, с ужасом видит, что полиция не пришла»¹⁰⁹.

Образное сравнение. В этот раз Россия не вмешалась и сербам пришлось воевать самим. Некоторым для них утешением было согласие Черняева возглавить одну из сербских армий. По Сербии прошел слух о скором приезде прославленного полководца, с которым сербы пойдут от победы к победе.

Император запретил генерал-майору в отставке М.Г. Черняеву ехать на Балканы, дабы не осложнять отношения России с Турцией и западными державами, но редактор-издатель «Русского мира» не мог отказаться от тех своих великих деяний, которые ему предстояло свершить в Сербии. Он уехал нелегально, получив заграничный паспорт обманным путем. Шпион третьего отделения Его императорского величества канцелярии, приставленный следить за ним, не заметил его исчезновения из страны. Газета продолжала выходить за подписью Михаила Григорьевича, а сотрудники редакции уверяли чиновников третьего отделения, что их шеф «где-то здесь». Обман открылся в конце апреля, когда Черняев объявился в Белграде и принял присягу на верность сербскому князю Милану. Хотя к этому времени он находился в отставке, однако оставался подданным русского царя. Александр Николаевич расценил поступок Черняева не только как нарушение обещания, данного дворянином своему государю, но и как предательство, выход из российского подданства. Император настолько был разгневан, что

пригрозил лишить героя Ташкента всех наград, от чего царя отговорили влиятельные единомышленники Черняева, в числе которых был и цесаревич Александр Александрович.

Сербия объявила войну Турции 18 июня 1876 г. К началу военных действий Сербия имела под ружьем 98 тыс. бойцов, Черногория — 24 тыс. Им противостояла 126-тысячная турецкая армия, выдвинутая к границе с Сербией. В начале войны силы были равными, но у славянских государств не было резервов, в то время как Турция располагала ими. Моравская (по названию р. Моравы) армия Черняева насчитывала 48 тыс. штыков и сабель; с этим войском он ринулся на врага.

Он ощущал себя крестоносцем, исполнителем высокой миссии. В живописном мундире, который он придумал себе сам, с «Георгием» на груди, в усах стрелками — не то в подражание Наполеону III, не то — Дон Кихоту Ламанчскому — он скакал впереди своего войска, с которым, кстати, с трудом мог объясниться — необходим был переводчик.

Первый свой бой у села Бабина глава Михаил Григорьевич выиграл, что случилось 20 июня 1876 г. Слава тут же долетела до России и в один день сделала его национальным героем. Даже царь изменил свое мнение о нем — в частных беседах желал ему удачи и пил за его здоровье. Однако первый успех был случайным, для победоносного шествия армии под командованием Черняева не было объективных условий. Во-первых, то была не регулярная армия, а плохо вооруженное, наспех обученное ополчение, во-вторых, скоро выяснилась профессиональная непригодность самого командующего. Его полководческие решения отличались сумбурностью и непродуманностью. Это были импровизации «военачальника, обладающего богатой интуицией», «архистратига славянской рати», каким он виделся себе сам и каким его представляла сочувствующая ему пресса, главным образом, славянофильские издания. Сказались и его слабая теоретическая подготовка (стойкое пренебрежение к углубленному военному образованию), и недостаток практического опыта: десять последних лет он не участвовал в боевых действиях и не занимал командных должно-

стей. Да и турки оказались сильным противником, посерьезнее кокандцев.

Турки быстро оправались от первого поражения и перешли в наступление. Черняеву пришлось обороняться. Поскольку созданный им пресс-центр — «бюро», которое возглавил сотрудник «Русского мира» полковник В.В. Комаров, занималось откровенной дезинформацией, в Россию поступали противоречивые, взаимоисключающие сообщения. Писали о каких-то «мешках», которые Черняев якобы подготовил туркам, о неких его глубоких «обходах» и «обхватах». Потом эти сведения не подтверждались.

Терпя военные неудачи, Михаил Григорьевич тем не менее не менял распорядка дня — обедал со своим штабом всегда в одно время, долго и с возлияниями. Ночью спал, не имея обыкновения просиживать в тиши над картами или ходить в разведку, чем не брезговали настоящие полководцы. Он затеял опасное политическое предприятие — провозглашение князя Милана королем. Почти с первых дней войны он перессорился с сербской скупщиной (парламентом), почти со всеми членами правительства и сносился письмами только с самим Миланом — молодым, неопытным человеком. Традиционная склока возгорелась и постоянно тлела в его окружении, что также не способствовало, казалось бы, общему делу.

Турки теснили сербов и русских добровольцев; возникла угроза Белграду. Чудесным образом поражения, которые терпела армия Черняева, никак не отражались на его репутации в общественном сознании России, скорее наоборот — его популярность росла прямо пропорционально его неудачам: теперь он был таким же страстотерпцем, как и братья-славяне, как и они, заслуживал сострадания и помощи. В адрес Черняева шли пожертвования, сочувственные письма и приветственные адреса. Россия была с ним. Обращения дышали неподдельным чувством восхищения, сочувствия, патриотизма. Писала вся Россия от Камчатки до крайних пределов в Европе, писали жители известных городов и никому кроме их жителей не известных сел.

«Вы верно поняли чувства, желания и обязанности русского православного человека, отправившись в Сербию на брань святую. Вы исполняете то, что должен, — желал бы исполнить, — каждый русский... Мы убеждены, что Царь, войска и весь народ русский охотно бы совершили этот долг христианский!.. Вы очищаете наши души; Вы поднимаете и укрепляете наш дух; Вы не одним словом, а самым делом заявили предлежащую России задачу...»

«С первой военной Донской дружиной, отправляющейся на помощь братьям-сербам, воспитанники новочеркасской гимназии шлют свой восторженный привет Вам, доблестный витязь, воевода новых, православно-славянских крестоносцев...»

«Принимая живое участие в нынешнем положении православных сербов и личном Вашего превосходительства, я снарядил на свой счет десять донских казаков и отправил их сегодня к вам... Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, удостоить сделать помянутых казаков вашим конвоем...»

«Твое имя «Черняев» блещит высоко на своде русской нации; оно облетело всех и везде...»¹¹⁰

Он стал вдохновенной Музой многих простодушных стихотворцев:

«Борец за правду и за свет,
Свирепой Азии смиритель,
Россия шлет тебе привет,
Свободы доблестный воин...»

«Архистратиг славянской рати
Безукоризненный герой!
Под кровом божьей благодати
Да совершится подвиг твой!
Да сохранит в борьбе кровавой
Тебя Всевышнего рука,
И память дел твоих со славой
Пройдет в далекие века!»¹¹¹

Это самые складные из стихов, другие не такие складные, зато очень проникновенные и длинные, целые поэмы. Писали

люди разных званий из самых разных городов, городков и сел страны. Он стал знаменем. Еще недавно относившийся к Черняеву иронически, Ф.М. Достоевский записал в «Дневнике писателя» в июле 1876 г.: «Обозначилась и еще одна русская личность, обозначилась строго, спокойно и даже величаво, — это генерал Черняев... Военный талант его бесспорен, а характером своим и высоким порывом души он, без сомнения, стоит на высоте русских стремлений и целей... его имя стало народным... Что бы ни вышло потом, он может уже гордиться своим делом, а Россия не забудет его и будет любить его»¹¹².

Провидцы тоже ошибаются, а дополнительная информация не мешает даже провидцам.

В октябре 1876 г. стало ясно, то сербы войну проигрывают, однако, популярность Черняева оставалась в том же высоком градусе. (В «Дневнике писателя» за октябрь того же 1876 г. у Достоевского есть запись: «Я ничего не знаю фантастичнее России»¹¹³. Запись, однако, сделана совсем по другому поводу.) Михаил Григорьевич вошел в категорию «священных коров», тем не менее, один из органов российской печати, газета «Биржевые ведомости» осмелилась сказать правду: «Черняев оказался неизмеримо ниже той громадной задачи, за решение которой взялся с таким преступным легкомыслием»¹¹⁴. Поднялась буря. За Черняева вступились «С.-Петербургские ведомости», «Петербургская газета», «Сын отечества», «Биржа» и др. Защитники Черняева негодовали и звали русских патриотов игнорировать «газету торгашей».

А с турско-сербского фронта известия приходили совсем неутешительные. Черняев сообщал, что сербы не хотят воевать, наносят себе легкие телесные повреждения, чтобы покинуть строй, сербские артиллеристы отказываются подчиняться и т.д. и т.п. Однажды пришла совсем паническая телеграмма: «Сербы бегут, русские перебиты». В то же время стало известно, что командующий Черняев допустил в последний момент грубую тактическую ошибку: зная о предстоявшем турецком наступлении на укрепление Свети Нестор, он не усилил его гарнизон. Причиной были все те же интриги в руководстве армией.

В эти дни Д. А. Милютин записывает в дневнике: «Из Главной же квартиры сербской получают неутешительные известия: Черняев уже успел перессориться со своими подчиненными. Один из них, Стратимирович, напечатал в иностранных газетах статью, в которой упрекает Черняева в нерешительности, колебании и бестолковости. Да чего же и ждали от него? Вероятно, увидим еще развенчанный кумир... И вольно же было публике по первым телеграммам вообразить себе, что Черняев так и пойдет вперед триумфатором прямо в Константинополь...»¹¹⁵ Эти «крамольные» мысли военный министр мог доверить только своему дневнику, отнюдь не печати.

В конце октября армия Черняева была разбита, турки могли беспрепятственно двигаться к Белграду, сам командующий покинул свои войска, ускакав на резвой тройке. Князь Милан молил Александра II о помощи. Россия предъявила Турции ультиматум, угрожая разрывом дипломатических отношений, чем остановила турецкое наступление. Сербия была спасена. И Достоевскому пришлось скорректировать свое мнение о Черняеве: «Черняев возродил все славянское дело — вот что сделал Черняев. Черняев, может быть, неразумен, с дурным характером, но он гений. Если б он был поумнее (не гений), то он бы подлизался к Николочу (сербский военный министр. — Е.Г.), но он их обошел. Ординарный ум это непременно бы сделал. Черняев не нашел нужным сдерживать свою раздражительность, может быть, заносчивую, мелочную, но он не нашел, слишком веруя в свои силы»¹¹⁶.

Федор Михайлович, таким образом, признал, что глупый человек, с дурным, мелочным характером тешил свою гордыню и оттого загубил дело. Другой бы («ординарный ум») умерил свою спесь, проглотил обиду ради спасения общего дела. Черняев руководил войсками бездарно, но он — гений, потому что, по Достоевскому: «Славянство умело только изнывать и хвастаться, но восстать не умело. С Черняевым восстало...

Славянское дело во что бы то ни стало должно было начаться, то есть перейти в *действенный фазис*, а его никто не хотел начинать в этом смысле. Начал Черняев»¹¹⁷.

Великий писатель, как всегда, смотрел в корень. Черняев сыграл роль детонатора, он спровоцировал большую европейскую войну, которую в России ждали. Общественное мнение было готово к этой войне. Во-первых, русские люди искренне сочувствовали православным подданным Османской империи; во-вторых, в России не забыли позор крымского поражения и жаждали реванша (особенно сильны настроения реванша были в царской семье); в-третьих, экономика страны нуждалась в постоянно открытых Проливах. Через Проливы шел вывоз пшеницы из южных губерний, и объем его непрерывно возрастал: в 1856–1866 гг. через Проливы шло 77,1% всего экспорта хлеба, в 1866–1870 гг. — 85%. Между тем в правовом отношении эта торговля не была обеспечена¹¹⁸.

Это были причины рациональные, существовали, однако, причины иррационального свойства, коренившиеся в глубинах исторической памяти народа. Известно, что Русь восприняла христианство в его восточном варианте и была крещена представителями византийской церкви. Когда же в 1439 г. константинопольский патриархат заключил унию с римской церковью, а в 1453 г. Константинополь был взят турками и прекратила существование Византийская империя, на Руси возникло ощущение конфессионального и цивилизационного одиночества и, вместе с тем, ответственности за судьбы православия и православных. Именно на почве этих ощущений возникла идея «Третьего Рима», которая не покинула русское общественное сознание и в веке XIX.

Особое отношение было к Константинополю — оно всячески культивировалось славянофилами. И не случайно Достоевский не уставал повторять на страницах своего «Дневника писателя», что «Константинополь должен стать русским», т.е. вернуться под руку православного государя. Автор историософских очерков «На службе российскому Левиафану» С. Экштут отмечает интереснейшую особенность русского политического сознания XVIII в.: «При одной мысли о граде Константина поэтический восторг овладевал трезвыми политиками. Константинополем грезили такие разные люди, как Потемкин, Суворов и де Рибас... Для

Екатерины и ее современников Константинополь ассоциировался не столько с ключами от Средиземного моря, сколько с представлением о середине мира, о его земном центре. (В этой точке сходились географическое пространство и историческое время. Это был центр пространственной и исторической протяженности цивилизованного мира). «Вселенной на среду ступаешь»; «Покрыл Понт Черный кораблями, потряс среду земли громами»; «Доступим мира мы середины». Эти державинские строки были понятны его современникам, но уже в начале XIX века стали нуждаться в объяснениях. Изменился дух времени. Впрочем, для имперской системы ценностей округление границ всегда есть вещь самодостаточная. Это — аксиома империи»¹¹⁹.

Последний тезис остался справедливым и во второй половине XIX в., а значение Константинополя для России активно взялись объяснять российской публике славянофилы, в чем немало преуспели.

М.Г. Черняев был одним из самых видных агитаторов за войну с Турцией и захват Константинополя. До апреля 1877 г., когда началась война, Михаил Григорьевич путешествовал по Европе, где (не везде) его встречали как героя. В Чехии ему была устроена особенно горячая встреча. На Вацлавской площади в Праге собрался многотысячный митинг, который скандировал приветствия в его честь. Он стоял на балконе гостиницы в черном пальто и белом шарфе, приветствуя толпу, которая кричала: «Живно, Слава, Ура!» Митинг разогнала армия, а Черняева под конвоем доставили на вокзал и выслали за пределы Австро-Венгерской империи. Венские газеты недоумевали: отчего такой энтузиазм вызывает появление на людях генерала, который еще совсем недавно проиграл войну и терпел поражения?

Австрийцы этого не понимали, а вот англичане (правда, только члены либеральной партии Гладстона) встречали его на своем острове если и не так восторженно как чехи, то вполне тепло и сочувственно. Соотечественники Михаила Григорьевича оказались не такими уж уникальными. Триумф Черняева в России и Европе вызвал, однако, осуждение со стороны И.С. Аксакова, упрекнувшего его в позерстве, жажде

славы, неумном подражании Суворову. Лидеры славянофильства ждали от него дела, тем более что они «вложили» в него большие деньги.

И он попытался снова заняться делом. Когда началась война, та самая, которую он приблизил, Черняев вернулся на родину (по ходатайству жены), и в Кишиневе состоялась его встреча с императором. Государь его простил, но отправить в действующую армию наотрез отказался, хотя главнокомандующий русской армией на Балканском театре великий князь Николай Николаевич несколько раз просил своего царственного брата назначить Черняева начальником его штаба. Этого не произошло, потому что вмешались влиятельные люди — Горчаков и Милютин. Они сумели объяснить государю, какого вреда можно ждать от такого назначения. Милютин с горечью отметил в дневнике: «Государь все прощает ему и как будто сам желает, чтобы этот самодур снова был на службе»¹²⁰. Александр Николаевич действительно вернул «самодура» на службу, но послал на Кавказ в распоряжение другого своего брата, Михаила Николаевича, который оказался умнее брата Николая и не дал Черняеву никакой сколько-нибудь заметной должности, а на незаметные тот не соглашался. Всю войну Михаил Григорьевич провел на Кавказе в ожидании назначения, а на самом деле отдыхал в Пятигорске, гулял и пил в компании таких же кандидатов на высокие командные должности. При этом они обсуждали события войны и громко критиковали действия русского командования, о чем, естественно, профессиональные доносители доносили властям, что последовательно уменьшало шансы Черняева получить соответствующее его оценке назначение.

Черняева той поры — после провала в Сербии и триумфа в некоторых европейских столицах — трезво и непредвзято, поскольку никогда раньше не имел с ним дела, да и просто не знал лично, оценил весьма умный человек, видный деятель кампании по освобождению крепостных князь Владимир Александрович Черкасский. В письме И.С. Аксакову, не потерявшего веру в полководческий талант Черняева, Черкасский писал: «Что сказать Вам о Черняеве? Я видел

его несколько раз, и он, скажу откровенно, произвел на меня самое тягостное впечатление. Это человек навсегда испорченный чрезмерным самолюбием, самомнением и грубейшим тщеславием... Он человек, очевидно, нравственно больной...

Я же убежден, что он в политическом деле человек бессмысленный, да и вообще довольно ограниченный, и что его прецеденты в сербскую войну и личное отсутствие всякой меры и такта, сделали бы его теперь здесь человеком вредным... Сам он мыслит о себе, что Россия должна быть теперь у его ног, что без него обойтись невозможно, что он один способен вести эту войну. Я не берусь судить о его достоинствах военных, но скажу, что лучшие его друзья из военных сами не считают его способным на высокий военный пост»¹²¹.

Война так и закончилась без участия Михаила Григорьевича. Война выдвинула новых героев, среди которых самой яркой звездой засверкал М.Д. Скобелев — теперь его имя было у всех на устах. Скобелев, кстати, не привередничал и начал турецкую кампанию простым ординарцем, хотя и был в генеральском чине. К концу войны он командовал корпусом. Стать ординарцем спесивому человеку, каким был Черняев, не могло бы прийти в голову.

РЕДЕДЯ

В служебной карьере Михаила Григорьевича наступила долгая пауза. В очередной раз он попытался заняться предпринимательством. Вместе с одним из самых крупных российских деловых людей С.С. Поляковым Черняев в 1879 г. начинает добиваться подряда на строительство железной дороги Белград — Ниш. Сначала сербские власти его обнадежили, а потом обманули и в 1880 г. передали подряд французской компании, которая проникла на сербский рынок с благословения Австрии. Сербь отнеслись к Михаилу Григорьевичу холодно и недружественно, он обиделся на сербов и в письмах русским адресатам характеризовал их в сильных выражениях. Он был потрясен их неблагодарностью.

Начало сбываться в тот же год, когда было высказано, предсказание Ф.М. Достоевского: «... По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!.. России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами... Разумеется в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью...»¹²²

Подряд обещал хороший прибыль, в расчете на который Черняев планировал свое будущее. То был тяжкий удар, тем более, что к 1881 г. он был обременен большим семейством, однако, судьба всегда его баловала. Первомартовский 1881 года взрыв на Екатерининском канале поставил завершающую точку нервной, колебательной, неуверенной эпохе Великих реформ и открыл новый самоубийственный этап существования самодержавия. Погиб Александр II, и с ним сошли со сцены его соратники. Пораженный в марте того же года инсультом — без языка, без движения и без надежды на выздоровление, остался лежать в своем дворце некогда могущественный «полуцарь», генерал-губернатор Туркестана Константин Петрович фон Кауфман, что открывало перспективы для соискателей завидного места. Ушел в отставку большой недоброжелатель Михаила Григорьевича военный министр Д.А. Милютин. Взрыв, устроенный террористами-фанатиками, разметал небольшую и далеко не «могучую кучку» российских реформаторов, которых во власти, естественно, сменили люди не сочувствовавшие реформам. Власть перешла в руки единомышленников Черняева (среди которых были его хорошие знакомые), что открывало для него новые горизонты.

Речь шла о почти вакантном генерал-губернаторском poste в Туркестане, на который, по распространенному мнению, могли претендовать два национальных героя — Скобелев и Черняев. Шансы Скобелева, казались предпочтитель-

нее, учитывая его реальные военные успехи, его огромную популярность в народе, что вызывало ревность нового царя и желание заслать его подальше от столицы. Тем не менее, когда в Петербург пришла весть о кончине Кауфмана, вопрос о его преемнике решился очень скоро и не в пользу генерала-от-инфантерии М.Д. Скобелева. С убедительной подачи министра двора И.И.Воронцова-Дашкова, давнего приятеля Михаила Григорьевича, вторым генерал-губернатором Туркестанского края 25 мая 1882 г. был назначен произведенный ради случая в генерал-лейтенанты М.Г. Черняев. Новому царю такие люди нравились. Его конкурент М.Д. Скобелев скончался ровно через месяц, скорострительно и при невыясненных обстоятельствах. Судьба снова любезно давала ему прекрасный шанс прославить имя свое.

Друзья и сторонники ликовали: он снова вдохновлял сердца. За короткий срок на его имя поступило более двух тысяч писем с просьбами взять авторов на службу в туркестанскую администрацию. Прежде всего, он позвал с собой своих старых соратников: так в качестве адъютантов он пригласил капитана П.В. Алабина, имевшего в обществе сомнительную репутацию, и подполковника В.В. Крестовского, плохого писателя, автора сумбурного произведения «Петербургские трущобы», по мотивам которого в наше время снят телевизионный сериал «Петербургские тайны».

Провожали в Петербурге и встречали его в пути роскошно, речами и банкетами. Слава летела впереди него, и ташкентцы готовились встретить нового начальника края. Его бывшие соратники задумали помпезную встречу, люди демократических убеждений говорили о нем в иронических тонах, тем более что до Ташкента даже дошло новое произведение чрезвычайно популярного в ту пору писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», в котором сатирик зло высмеял Михаила Григорьевича. Читатели того времени легко узнавали Черняева в одном из героев Щедрина, которого автор назвал Редедя. Это имя носил косожский хан, убитый в поединке в 1022 г. русским князем Мстиславом Владимировичем Тмутараканским. Их единоборство описано в «Слове о полку Игореве».

В литературоведческой статье, комментирующей повесть «Современная идиллия», напечатанной в 10 томе собрания сочинений Салтыкова (1951 г.) сказано: «В щедринской компании приспешников реакции и прислужников капитала особое место занимает странствующий наемный полководец Редедя. Этому проходимцу из русских дворян писатель не случайно дал имя врага земли русской, «печенега» или косоожского хана...»¹²³

Не трудно представить, как веселились «господа ташкентцы», узнавая в щедринском герое своего нового начальника: «Боевая репутация Редеди была в значительной мере преувеличена. Товарищи его по Дворянскому полку, правда, утверждали, что он считал за собой несколько лихих стычек в Ташкенте, но при этом как-то никогда достаточно не разъяснялось, в географическом ли Ташкенте происходили эти стычки или в трактире Ташкент, что за Нарвской заставой... Несмотря на то, что Редедя не выиграл не одного настоящего сражения, слава его как полководца установилась очень прочно. Московские купцы были от него без ума... В особенности пленял Редедя купеческие сердца тем, что задачу России на Востоке отождествлял с теми блестящими перспективами, которые при ее осуществлении должны открыться для плисов и миткалей первейших российских фирм. Когда он развивал эту идею, рисуя при этом бесконечную цепь караванов, тянущихся от Иверских ворот, до Мадраса, все мануфактурсоветники кричали «ура», он же под шумок истреблял такое количество снедий и питий, что этого одного было достаточно, чтоб навсегда закрепить за ним кличку витязя и богатыря»¹²⁴.

В этом пассаже с присущими жанру преувеличениями и домыслами воспроизведены основные факты биографии Черныяева: он учился в кадетском корпусе, который назывался Дворянский полк, он завоевал Ташкент, он действительно был связан с российским предпринимательством. В другом месте щедринского произведения говорится, что Редедя служил полководцем по найму и даже редактором газеты, и это тоже узнаваемые повороты его жизненного пути. Профессионально и многотиражно осмеянный «Редедя» ехал в Ташкент.

Между прочим, приведенная цитата интересна не только, как образец щедринской сатиры — резкой и часто несправедливой (Михаил Черняев в самом деле взял Ташкент и присоединил к империи обширные территории), но и как свидетельство брезгливо-презрительного отношения писателя к торговле, к предпринимательству, которое (отношение) было присуще в годы становления капитализма значительной части русской интеллигенции. С нашей сегодняшней позиции, Редедя, способствовавший развитию производительных сил страны, был полезнее писателя, обличавшего либерализм и либералов, а также предпринимательство и предпринимателей.

В пути восторженные поклонники устраивали в его честь богатые банкеты, во время которых истреблялось немалое количество «снедий и питий», произносилась уйма напыщенных, пафосных речей и тостов. Все эти знаки поклонения Черняев принимал как должное. Еще не доехав до своего «престольного града», он начал выполнять данное императору Александру III обещание сократить расходы на содержание Туркестанского края и сделать его доходным. Добравшись до Казалинска, он упразднил якобы за ненадобностью Аральскую флотилию, пароходы было решено продать на лом. С этого начался провозглашенный им режим экономии.

При въезде в Ташкент его ждала триумфальная арка с датами его отъезда из Ташкента — «8 апреля 1866 г.» и возвращения — «5 октября 1882 г.». 20 тыс. местных жителей, все верхом, встречали его громкими криками и сопровождали до ворот города, где собралась огромная толпа. На пути были разостланы ковры. «Редедя» пригоршнями бросал в толпу серебряные монеты. Михаил Григорьевич как бы оказался заколдованным персонажем, создавшим образ Редеди, как бы загнанным в этот образ, из которого он старался не выходить все то время, что ему пришлось быть вторым генерал-губернатором Туркестана. Казалось, он задался целью доказать окружающим, что он, а не кто-нибудь другой, и есть щедринский Редедя, да еще и градоначальник города Глупова в придачу. Еще только будучи на подступах к Ташкенту, он на-

чал войну с сошедшим в могилу своим предшественником; он начал отменять и переделывать сделанное и учрежденное Кауфманом.

Он поселился в многокомнатном генерал-губернаторском дворце и не считал его дорогим, обременительным для казны излишеством, напротив, с восторгом описывал его жене, перечисляя достоинства и удобства, которыми отныне будет пользоваться вся семья. Семья, кстати, в Ташкент так и не приехала.

Как и положено щедринскому герою, Редедя устроил в кауфманском дворце бесконечное застолье. Он пил и закусывал со своими старыми соратниками, предаваясь воспоминаниям, при этом очень возбуждался, вскакивал с места, размахивал руками. Первое время делами он не занимался, дожидаясь выводов ревизии Ф.К. Гирса, которая работала в крае с ноября того же года. До выводов ревизии он обещал ничего не менять, тем не менее, в перерывах между обедами и ужинами он посрамлял предшественника. Содеянное Кауфманом он называл «опереткой» и «оффенбаховщиной».

Вслед за флотилией на Арале упразднению подлежала публичная библиотека — гордость К.П. Кауфмана. «Разобраться» с библиотекой было поручено Крестовскому, как человеку, знающему толк в литературе. Уже в декабре автор «Петербургских трущоб» доложил, что «библиотека нимало не соответствует серьезным и полезным целям». Чиновник для особых поручений обнаружил, что читателей мало, что выписываются главным образом юмористические журналы, что читают «Всадника без головы», «Черную собаку», «Черную женщину», новеллы Боккаччо и тому подобные легкомысленные произведения, а также журналы народнического и либерального направления: «Дело», «Отечественные записки», «Вестник Европы». Самое же худшее, что наибольшим спросом у ташкентцев пользовались Салтыков-Щедрин, Добролюбов, Писарев, Некрасов, Шиллер. Судьба библиотеки была решена за ужином: закрыть! На самом же деле из 13 тыс. библиотечных книг, к разряду беллетристики имели отношение только 515 названий, остальные были произведениями научной и учебной литературы. По отчету библиотеки за 1880 г.

читателям было выдано на дом 6 тыс. томов; в том же году в читальном зале читали книги, журналы и газеты более 6 тыс. читателей. Закрыли библиотеку, которую академик Миддендорф назвал «образцовой, единственной в своем роде». Книжки разбросали по различным учреждениям, появились они и на базаре¹²⁵.

За библиотеку вступилась Городская дума, основанная Кауфманом в 1877 г. Думцы предложили взять книги на свое содержание, но генерал-губернатор был непреклонен: закрыть! Дело понятное: за «Редедю» автор «Современной идиллии», да и подобные ему авторы должны были понести наказание. Печать в Москве и Петербурге возмутилась.

Почему Редедя свел счеты с библиотекой, можно догадаться, но чем ему помешали школа шелководства, хлопковая ферма, химическая лаборатория, служба технического надзора за ирригацией, питомник растений и другие подобные учреждения? Он их тоже закрыл, назвав это «славное» дело «расчисткой нивы от сорных трав». Еще он хотел в видах той же борьбы за экономию государственных средств закрыть гимназии, но не успел. Ни у кого не должно было оставаться сомнения, что в Ташкенте объявился глуповский градоначальник, который, как известно, «въехал в город на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки». Казалось, своего героя Щедрин списал с натуры.

Экономия была копеечной, но Редедя продолжать чудить. Ташкентский обыватель пребывал в неизменном изумлении: не успевал он осознать, что отныне будет жить без книг и журналов, как из дворца генерал-губернатора поступало новое поразительное распоряжение. Так, однажды стало известно, что в интересах экономии полицейские функции в русской части Ташкента будут исполнять не русские полицейские чины, а сарты, и начальником полиции тоже будет сарт, что было невиданной новацией в колониальной практике европейских государств. Безумный, с точки зрения русской администрации, приказ был проигнорирован военным губернатором Сырдарьинской области, в состав которой входил Ташкент, генералом Н.И. Гродековым и начальником города С.Р. Путинцевым. Ослушники губернаторской

воли рисковали немногим, поскольку Редедя не имел обыкновения проверять исполнение своих приказов. Он забывал о своих недавних распоряжениях, т.к. был устремлен в будущее, вынашивая новый грандиозный план.

В марте 1883 г. по городу разнесся слух, что генерал-губернатор исчез, причем самым таинственным образом. С одной стороны, приказы за его подписью продолжали поступать из канцелярии, но, с другой, было доподлинно известно, что физическое его тело во дворце и где бы то ни было в Ташкенте отсутствует. Тайно, не оставив заместителя, начальник покинул край и убыл в неизвестном направлении. «Господа ташкентцы» веселились. А Редедя тем временем в сопровождении адъютанта Алабина двигался по почтовому тракту в сторону Хивы, имея замысел государственной важности. Историк Терентьев пишет: «В 1883 году, как известно, свершилось священное коронавание императора Александра III. Черняев вызван на коронацию не был, но благовременно, хотя и негласно, уехал из края. Он считал свое присутствие в Москве совершенно необходимым для безопасности государя, к которому был очень привязан. Почему-то ему казалось, что анархисты затевают какую-то махинацию, и надеялся на свой авторитет в Москве»¹²⁶.

Он ехал спасать государя от террористов и попутно собирался открыть новый короткий путь от Кунграда к побережью Каспийского моря, чтобы затем построить здесь железную дорогу и морской порт. Таинственность же отъезда объяснялась тем, что он не стал дожидаться ответа от военного министра Вановского на свой запрос о возможности ехать в Москву. Ответ, кстати, запретительный, пришел в Ташкент, когда Михаил Григорьевич был в пути.

До Москвы он добрался с приключениями. Оказавшись в море в маленькой лодочке — нужно было доплыть до парохода, стоявшего на якоре далеко от берега, — путешественники попали в шторм. Их спасли рыбаки. Однако Черняев был доволен собой: ему казалось, что он открыл новый короткий маршрут, но он не знал, что по этому маршруту купцы Ванюшины водили свои караваны с 1878 г. Не учел он также важное обстоятельство: «новый» путь упирался в за-

лив, который шесть месяцев в году находился подо льдом, так что строить там порт не имело смысла. Тем не менее, доплыв до Астрахани, он срочной телеграммой известил императора о своем «открытии». Царь прислал ответ с поздравлением, а Вановский не оценил его деяния и встретил первооткрывателя в Петербурге неласково.

С появлением в Ташкенте его покорителя в качестве генерал-губернатора, жизнь обывателей русской части города сделалась насыщенной разнообразными событиями. Исчезли скука, состояние тревожного ожидания, которые были преобладающим настроением ташкентского общества во время долгого безнадежного лежания Константина Петровича Кауфмана без языка и движений. Все изменилось разом. Ташкентцы лишились газет и журналов, зато приобрели чудесным образом ожившего яркого литературного персонажа, готового развлекать их лучше самого популярного юмористического журнала. Начальник края и его эксцентрические поступки сделались предметом обсуждения во всех домах города, однако, после того как стали известны подробности его нелегального путешествия в Москву, ташкентцы сошлись во мнении, что их Редедя превзошел себя. Мало кто сомневался, что он останется в должности сколько-нибудь долго. Отношение ташкентцев к своему начальнику точно выразил неизвестный автор стихотворения, которое ходило по рукам:

«Михаил Григорьевич,
Батюшка ты наш,
Скоро ли разумное
Что-либо создашь?
Полное отсутствие
Такта и ума...
Надоумил кто тебя
Пост этот принять?
Плохо ли закусывать,
Плохо ль выпивать
Где-нибудь на хуторе
Да в степной глуши?
Уходи-ка до дому,
Сартов не смеси!»¹²⁷

Во второй половине 1883 г. Черняев решает заняться международными делами. Через голову своего непосредственного начальника Вановского он направляет императору предложения об аннексии Бухарского и Хивинского ханств, а также проект похода для завоевания Индии, что не прибавило ему симпатий в министерствах военном и иностранных дел. И хотя в интервью английскому журналисту Марвину летом 1882 г. после назначения в Туркестан он уверял, что будет вести себя мирно, в Петербурге понимают, что имеют дело с тем же склонным к военным авантюрам Черняевым. Петербург не одобряет и сдерживает его воинственные порывы, однако, карты в руки он получает от англичан. По рекомендации эмиссаров британского правительства Индии в августе 1883 г. афганский эмир занимает не входившие по англо-российскому соглашению 1873 г. в состав владений афганского эмира западнопамирские ханства Шугнан и Рушан. Долгое время служивший в Индии генерал Перси Сайкс много лет спустя после этого события признавал участие в нем Великобритании: «В интересах Индийской империи было желательно не оставлять промежутка между владениями Китая и Афганистана»¹²⁸.

Россия откликается дипломатическим представлением правительству Великобритании: «Ханства Шугнан и Рушан, граничащие не только с Бухарой, но и с русской областью Ферганой, всегда пользовались независимостью... захват... есть произвольное действие,... могущее послужить исходным пунктом недоразумений и осложнений между Бухарой и Афганистаном»¹²⁹. Правительство Ее Величества долго не отвечает, а Бухара начинает готовится к войне с Афганистаном, поскольку всегда считала эти памирские ханства своими вассалами. Бухарский эмир обращается за помощью к туркестанскому генерал-губернатору. Это то, чего так не хватало Черняеву весь год его управления краем. В воздухе запахло порохом, раздались боевые сигналы. Он обращается к императору (Вановского он по-прежнему третирует) с разрешением передать эмиру Бухары несколько сот ружей устаревших систем и получает согласие. В то же время министр иностранных дел Н.К. Гирс строго предупреждает его не вмешиваться в назревающий на

Памире конфликт, но Михаил Григорьевич рвется в бой: он считает необходимым выступить на стороне Бухары. Он шлет телеграммы в Петербург, одна из них датирована 12 декабря 1883 г.: «Только что получил донесение начальника Зерафшанского округа. В Самарканде разнесся слух о занятии Сары-ханом при помощи афганцев Гуляба и Бальджувона, о выступлении из Бухары в Ширабад отряда под начальством наследного принца... Я обращаюсь с заявлением в третий раз, что положению нашему в Средней Азии грозит серьезная опасность... судя по враждебным, противным нам действиям Англии в Средней Азии... В ожидании ответа приказал ген. Иванову, если слухи подтвердятся, двинуть немедленно два батальона с батареей в Катта-Курган для нравственной поддержки эмира, которым население недовольно, и в случае дальнейших успехов афганцев, в Бухаре может произойти переворот в пользу английского кандидата Катта-тюре»¹³⁰.

Как ни странно, Черняев получил согласие Петербурга на военную демонстрацию в пользу Бухары, но в начале нового 1884 г. англо-русские отношения резко ухудшились после мирного присоединения Мервского оазиса к Российской империи. Лондон был возмущен этим актом, требовал прекратить русское продвижение в сторону Индии и наказать особенно воинственных российских колониальных деятелей.

В Петербурге у Михаила Григорьевича были влиятельные друзья, но и не менее влиятельные недоброжелатели, в числе последних снова, как и 20 лет назад, оказались министры военный и иностранных дел, которые возмущались его своеволием. Свое отрицательное отношение к туркестанскому генерал-губернатору они не скрывали перед императором. Н.К. Гирс, сменивший Горчакова на посту руководителя МИДа, считал Черняева человеком очень опасным, способным спровоцировать международный конфликт. Именно они уговорили царя отозвать Черняева из Ташкента и тем самым хоть как-то удовлетворить и успокоить англичан. Вопрос о присоединении Мерва решался без его участия, однако, ему пришлось расплачиваться за чужое решение.

Без объяснения причин, в январе 1884 г. его вызвали в Петербург. На большом приеме по случаю его отъезда мно-

гие понимали, что Редедя в Ташкент не вернется. Это настроение выразил в прочитанном на банкете стихотворении самодельный стихотворец Николай Грязнов:

«Прощайте, генерал! С глубокою тоскою
В даль провожая Вас мы думаем одно,
Что год еще пройдет... с великою рекою
Великое, увы! Не будет свершено!
Лишь Ты, герой славян, энергий полный
Мог с Западом Восток опять соединить
И царственной Дарьи бушующие волны
В объятия Каспия седого возвратить.
Пускай волнуются народные витии,
Пусть выгоды свои теряет Альбион,
Тебе ль могучему сподвижнику России
Он может предписать закон?..»¹³⁰

Во время аудиенции в Зимнем дворце в феврале того же года царь сказал Черняеву: «Вы поссорились со всеми. Вам нельзя там оставаться». То была сущая правда. Вспыльчивый генерал попросился в отставку, но Александр III не согласился и приказал заседать в Военном совете при военном министре. Обещал вскоре дать ему новое назначение. До совершеннолетия его единственного сына дал ежегодную прибавку к жалованью — три тысячи рублей.

В Ташкенте одни, как Н. Грязнов, печалились по поводу его отъезда, другие — люди разумные, радовались. По рукам ходил стишок:

«Когда Редедю провожали,
Мы жизни новой ожидали,
Но смыслу здравому на страх,
В Ташкент приехал Розенбах»¹³².

Назначенный в Туркестан генерал-губернатором Н.О. Розенбах не имел никакого представления о Средней Азии, однако, он был посланцем здравого смысла. Розенбах восстановил разоренные Черняевым библиотеку и другие учреждения, правда, немало книг и приборов было утрачено.

А что же Редедя? В должности члена Военного совета Михаил Григорьевич мог бы существовать безбедно и спокойно до конца дней своих, но был человеком конфликтным и неугомонным. В 1886 г. в «Новом времени» он опубликовал статью, в которой доказывал, что закаспийская железная дорога, чье строительство (строило военное министерство) подходило к концу, не имеет будущего, построена неправильно, что вскоре будет занесена песком. Его вздорные соображения легко опровергли специалисты. Царь возмутился, вывел его из Военного совета и отправил в запас, сократив на 50% жалованье. Теперь он в возрасте 58 лет совсем оказался не у дел. Ничего не оставалось, как уехать в свою деревню Тубышки. Он писал императору покаянные письма, просил вернуть на действительную службу, но без результата. Совсем власть его не забыла: в 1892 г. наследник-цесаревич, будущий Николай II пожаловал ему за взятие Ташкента 39 тыс. рублей, в 1895 г. — еще 5 тыс. Кончался XIX век, кончалась его беспокойная жизнь. Опершись на палку, он смотрел как рабочие строят их, Черняевых, фамильный склеп. 4 августа 1898 г. он скончался во сне.

Похожая на отца характером, его старшая дочь Антонина всю сознательную жизнь — дожила до 87 лет — боролась за то, чтобы оправдать отца, уберечь его имя от забвенья. Время от времени в связи с тем или иным туркестанским юбилеем его вспоминали, но недостаточно восторженно, как ей казалось. В год 50-летия взятия Ташкента некто А.Ш. написал статью «Черняев», в которой дал делам Михаила Григорьевича завышенную оценку: «Редко кто так замалчивался, как Черняев, совершенно обратно пропорционально своим подвигам и своему государственному значению.

Есть лица, которые гениально везли тяжелую повозку русских государственных интересов, но которым поразительно не везло»¹³³.

Следовало бы сказать, что Черняеву больше везло, чем не везло: при всей его неуживчивости и своеволии оба государя ему покровительствовали, прощали нарушения служебной этики и субординации; он проиграл военную кампанию, но остался народным героем.

Более взвешенная характеристика дана Черняеву в статье Ю.С. Кравцова в журнале «Русская старина» за 1908 год: «...Практическим человеком М.Г. не был, он жил воображением. Его вечно окружал сонм людей, которые поддакивали его фантазиям и овладевали его доверчивостью. Подобно знаменитому герою Сервантеса М.Г. не признавал препятствий, всю жизнь сражался со злыми гениями и великанами, изнемогал в борьбе и вечно ходил с помятыми боками. У него, как у полководца волевые способности несомненно преобладали над критическими, сердце — над разумом. Но именно этой отзывчивостью, главной чертой его характера и объясняется тайна как его колоссальных успехов, так и за ними следовавших столь же необыкновенных неудач. К чистому человеку грязь не пристаёт. М.Г. погружался в омут политики по самое горло, к нему прилеплялись личности самые темные, но не одна пылинка не пристала к его, украшенной Св. Георгием, груди. Самые завзятые враги, — у него ли их не было, — и те не могли уследить в нем корыстных побуждений. Это был человек высокой души и бессеребренник в полном значении слова. «Вас знает вся Россия», — сказал Черняеву император Александр III. Непонятно, как могли люди, близко его знавшие, поставить его на высокий пост, где практический смысл и выдержка необходимы, а потом удивляться, что он наделал промахов, преследовать его и колотить этими промахами почти до гробовой доски»¹³⁴.

После полного забвения в советское время Черняева вспомнили недавно — его имя появилось в Большом энциклопедическом словаре; журнал «Родина» посвятил ему небольшую статью, с некоторыми положениями которой трудно согласиться. Например: «Меньше чем через год после взятия Ташкента в марте 1866 г. по ничтожному поводу он был отстранен от командования войсками и отправлен в отставку»¹³⁵. Повод, как известно, был весьма серьезный.

Он был героичен и анекдотичен одновременно. Тем не менее, он заслужил память людскую: взял самый большой город Средней Азии, который стал столицей всех русских

владений в Азии; легкомысленно возглавил заведомо проигранное дело сербов, зато исполнил волю русского народа. Еще, следует помнить, он был народен.

Примечания

- ¹ *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб, 1903, с. с. 18–21.
- ² ГИМ ОПИ, ф.208, д.31, л.8.
- ³ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб. 1832. Ч.1, с. 2.
- ⁴ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М. 1965, с. 61.
- ⁵ *Вельяминов-Зернов В.В.* Сведения о Кокандском ханстве. — Вестник Русского географического общества. Ч.1. СПб. 1856, с. 115.
- ⁶ РГВИА, ф.ВУА, д.18233, лл.1–2.
- ⁷ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Т.27. М. 1984. С.35–36.
- ⁸ *Григорьев В.В.* Разбор сочинения «Очерки торговли России с Средней Азией» П. Небольсина. — Отчеты о XXV присуждении Демидовских наград. СПб. 1856, с. 181.
- ⁹ *Гейнс А./* Железные дороги в Средней Азии. Сборник статей и проектов по проведению железных дорог в Среднюю Азию. С. 23.03.1854 по 27.05.1874 гг. /б.м./, /б.г./, с. 7.
- ¹⁰ *Игнатъев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н.Игнатъева. СПб. 1897, с. 1.
- ¹¹ Там же, с. 2–3.
- ¹² Цит. по: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. М. 1960, с. 96.
- ¹³ *Залесов Н.Г.* / Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева в 1858 году. — «Русский вестник». 1871, №№ 2–3, с. 49–50.
- ¹⁴ *Черняев М.Г.* Дневник М.Г. Черняева 1858. Поход в Кунгард. — «Русский Архив». 1906, №3, с. 473.
- ¹⁵ Там же, с. 475.
- ¹⁶ *Игнатъев Н.П.* Указ. соч., с. 274.
- ¹⁷ *Залесов Н.Г.* / Указ. соч., с. 47.
- ¹⁸ РГВИА, ф.67, д.285, л.2.
- ¹⁹ См. напр., *Тарасенко-Отрешков Н.И.* Обзор внешней торговли России последних двадцати пяти лет. СПб. 1859.
- ²⁰ РГВИА, ф.38, оп.31/287, св.886, д.4-а, л.193.

- ²⁰ Чернышев А.М. Черняев М.Г. во время русско-турецкой войны 1853–1856 гг. — «Русский Архив», 1906, №3, с. 455–456.
- ²¹ Там же, с. 457–458.
- ²² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т.1. СПб., с. 241.
- ²³ А.Ч. М.Г. Черняев в Средней Азии. — «Исторический вестник». 1915, №6, с. 869.
- ²⁴ Там же, с. 871.
- ²⁵ Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк. Спбю, 1906, с. 34–35.
- ²⁷ Цит. по; Халфин Н.А. Политика России..., с. 137, 142.
- ²⁸ РГВИА, ф.483, д.62, л.42 об.
- ²⁹ ГИМ ОПИ, ф.208, св.12.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал полковник А.Г. Серебренников. Т.17, ч.1. Док.18, с. 42.
- ³² Там же, т.17, ч.1, док. 20, с. 46.
- ³³ Там же, т.17, ч.1. док. 26, с. 50.
- ³⁴ Терентьев М.А. Указ. соч., с. 283.
- ³⁵ «Туркестанский край», т.17, ч.2. док. 144, с. 231.
- ³⁶ Там же, Док.247, с. 117.
- ³⁷ Там же, Док.246, с. 116.
- ³⁸ ГИМ ОПИ, ф.208, св.7.
- ³⁹ «Туркестанский край...», т.17, ч.2. док.261, с. 133.
- ⁴⁰ Терентьев М.А. Указ. соч., с. 296.
- ⁴¹ «Туркестанский край...», т.17, ч.2. док.301, с. 221–222.
- ⁴² Цит. по: Халффин Н.А. Политика России в Средней Азии. М. 1960, с. 174.
- ⁴³ «Туркестанский край...», т.17, ч.2. док.135, с. 165–172.
- ⁴⁴ Цит. по: Татищев С. Император Александр второй. Кн.2. М. 1996. С.109–110.
- ⁴⁵ «Туркестанский край...», т.19. док.25, с. 33–34.
- ⁴⁶ Терентьев М.А. Указ. соч., т.1, с. 303.
- ⁴⁷ «Туркестанский край...», т.19, с. 49–50.
- ⁴⁸ Цит. по: Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент. 1965, с. 75.
- ⁴⁹ Там же, с. 85.
- ⁵⁰ Цит. по: Терентьев М.А. Указ. соч., т.1, с. 306–307.
- ⁵¹ Там же, с. 85.
- ⁵² РГВИА, ф.67, д.270, л.16.
- ⁵³ Цит. по: Соколов Ю.А. Указ. соч., с. 137.

- ⁵⁴ Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868, с. 32.
- ⁵⁵ Русский Туркестанский Сборник. М. 1872. Приложение, с. 84.
- ⁵⁶ Цит. по: Соколов Ю.А. Указ. соч., с. 146.
- ⁵⁷ Там же, с. 140–141.
- ⁵⁸ Там же, с. 142.
- ⁵⁹ Романовский Д.И. Указ. соч., с. 158.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Цит. по: Соколов Ю.А. Указ. соч., с. 146–147.
- ⁶² Там же, с. 152.
- ⁶³ Романовский Д.И. Указ. соч., с. 158.
- ⁶⁴ Цит. по: Соколов Ю.А. Указ. соч., с. 154.
- ⁶⁵ Михайлов А. Указ. соч., с. 23.
- ⁶⁶ Романовский Д.И. Указ. соч., с. 161.
- ⁶⁷ Там же, с. 164
- ⁶⁸ Там же, с. 164
- ⁶⁹ Там же, с. 168.
- ⁷⁰ Цит. по: Соколов Ю.А. Указ. соч., с. 162.
- ⁷¹ «Туркестанский край...», т.20, док.193, с. 5.
- ⁷² Общий очерк киргизской степи. — «Военный сборник», 1865, №12, с. 364.
- ⁷³ «Туркестанский край...», т.20, док.193, с. 5.
- ⁷⁴ Там же, док.215, с. 43.
- ⁷⁵ Там же, док.221, с. 62.
- ⁷⁶ Романовский Д.И. Указ. соч., с. 178.
- ⁷⁷ «Туркестанский край...», т.20, док.239, с. 104.
- ⁷⁸ Там же, с. 104
- ⁷⁹ Терентьев М.А. Указ. соч., т.1, с. 329.
- ⁸⁰ «Туркестанский край...», т.20, док.312, с. 223.
- ⁸¹ Там же, док. 213, с. 39.
- ⁸² Там же, док.315, с. 234.
- ⁸³ Там же, док.312, с. 224.
- ⁸⁴ Там же, док.211, с. 7,36.
- ⁸⁵ Там же, док. 218, с. 48.
- ⁸⁶ Там же, док. 277, с. 186
- ⁸⁷ Там же, док.317, с. 243.
- ⁸⁸ Там же, док.301, с. 214.
- ⁸⁹ Там же, т.21, док.10, с. 14.
- ⁹⁰ Там же, док.41, с. 63.
- ⁹¹ Черняева А.М. Летопись семьи Черняевых. — «Русский архив». 1909. №2, с. 205–206.
- ⁹² ОРГБ, ф. Милютин, к.15, №3, л.124.

- ⁹³ Там же, с. 125.
- ⁹⁴ Романовский Д.И. Указ. соч., с. 100.
- ⁹⁵ РГВИА, ф.400, д.19 за 1866 г., л.л.54–55.
- ⁹⁶ Залесов Н.Г. Записки Н.Г. Залесова. — «Русская старина». 1905. №6, с. 517.
- ⁹⁷ Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. Т.1, с. 119.
- ⁹⁸ Михайлов А. Указ. соч., с. 35.
- ⁹⁹ Там же, с. 36.
- ¹⁰⁰ Милютин Д.А. Указ. соч., т.1, с. 119.
- ¹⁰¹ ГИМ, ед.хр.39, л.л.29–30.
- ¹⁰² Милютин Д.А. Указ. соч., т.1, с. 193.
- ¹⁰³ Михайлов А. Указ. соч., с. 49.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 51–52.
- ¹⁰⁵ Градовский Г. Архистратиг славянской рати. — «Образование». 1909. №1, с. 121–122.
- ¹⁰⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л. 1982. Т.24, с. 68–71.
- ¹⁰⁷ «Русский мир». 15.07.1875.
- ¹⁰⁸ Там же, 30.09.1875.
- ¹⁰⁹ Цит. по: Кравцов Ю.С. За кулисами дипломатии. — «Русская старина». 1908, май, с. 308.
- ¹¹⁰ Михайлов А. Указ. соч., с. 77–97.
- ¹¹¹ Там же, с. 79, 105.
- ¹¹² Достоевский Ф.М. Указ. соч., т.23, с. 105.
- ¹¹³ Там же, с. 190.
- ¹¹⁴ «Биржевые ведомости». 21.10.1876. №291.
- ¹¹⁵ Милютин Д.А. Указ. соч., т.2, с. 55–56.
- ¹¹⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч., т.24, с. 280.
- ¹¹⁷ Там же, с. 281.
- ¹¹⁸ Золотарев В.А. Россия и Турция. Война 1877–1878 гг. М. 1983, с. 21.
- ¹¹⁹ Экиштут С. На службе российскому Левиафану. Историсофские опыты. М. 1998. С.38–39.
- ¹²⁰ Милютин Д.А. Указ. соч., т.2, с. 160.
- ¹²¹ Славянский сборник. М. 1948, с. 172.
- ¹²² Достоевский Ф.М. Указ. соч., т.26, с. 85.
- ¹²³ Щедрин Н. (М.Е. Салтыков). Собрание сочинений. М. 1951. Т.10, с. 495.
- ¹²⁴ Там же, с. 121–122.
- ¹²⁵ См. Терентьев М.А. Указ. соч., т.3, с. 331–332.
- ¹²⁶ Там же, с. 338.

- ¹²⁷ См. *Лукин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент. 1965, с. 97.
- ¹²⁸ *Sykes P.A.* History of Afganistan, vol.II. L. 1940, p.179
- ¹²⁹ Афганское разграничение. Документы, относящиеся до переговоров 1883–1885 годов. Часть II. СПб., 1886, с. 28–31.
- ¹³⁰ Цит. По: *Искандеров Б.Н.* Из истории Бухарского эмирата. М. 1958, с. 89.
- ¹³¹ См. *Михайлов А.* Указ. соч., с. 157–158.
- ¹³² См. *Лукин Б.В.* Указ. соч., с. 318.
- ¹³³ *А.Ш. Черняев* (к туркестанским боевым юбилеям. 1865–1915). — «Военно-исторический сборник». 1915. №2, с. 63.
- ¹³⁴ *Кравцов Ю.С.* Указ. соч., с. 313.
- ¹³⁵ *Петров А.* Генерал боевой и опальный. — «Родина». 1994. №6, с. 77.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов А.К., генерал, 61, 62, 211
- Абдулкерим, бек, 231, 232, 233
- Абдулмалик, сын эмира Бухары, 43, 50, 61
- Абдул-Хамид, султан, 164
- Абдуррахман, хан, 169, 194, 195
- Адлерберг А.В., граф, 205, 256, 312, 328, 418
- Адлерберг В.А., граф, 207
- Аксаков И.С. 311, 317, 321, 324, 326, 327, 333, 425, 433, 434
- Алимкул, мулла, 380, 381, 388-394, 405
- Александр I, император, 262, 322
- Александр II, император, 21-23, 25, 26, 28, 32, 80, 118, 172, 180, 184, 196, 205, 224, 260, 268, 283, 319, 335, 350, 372, 376, 406, 411, 414, 416, 418, 426, 431, 434, 436
- Александр III, император, 138, 196, 309, 321, 328, 332, 402, 427, 442, 446
- Альтенроз Ш. 334
- Андраши 320
- Арцишевский А.Ф., полковник, 274, 275-277, 315
- Баранов А.П., граф, 334
- Барановы, графы, 205
- Баранок А.Н., адъютант М.Д. Скобелева, 305, 334
- Барятинский А.И., генерал-фельдмаршал, 216, 217, 345, 350, 351, 362, 363, 417, 418, 421
- Батлер, лейтенант, 271
- Безак А.П., оренбургский генерал-губернатор, 364-366, 368, 369, 371, 372, 380
- Бекман 110
- Бекович-Черкасский А., князь, 66-68, 70, 73, 139, 220, 261
- Белосельские-Белозерские, князья, 205
- Бердан Х. 45, 82, 265
- Березин И. 348
- Бернатович, военный врач, 334
- Бисмарк О., канцлер, 163, 320, 325, 326, 418

- Бларамберг, генерал, 348
Бонсдорф А.Р., астроном, 247
Борх, граф 266, 269
Бродовский, агроном, 140
Бунге Н.Х., министр финансов, 329
Бунин И.А., писатель, 9
Бутаков А.И., капитан I ранга, 352-354, 356
- Валиханов 351
Валуев П.А., министр внут. дел, 23, 24
Вамбери А., путешественник, 50, 51, 61, 106
Ванновский П.С., военный министр, 328, 443, 444
Вачнадзе, телеграфист, 288
Вейнберг 231-236
Венюков М.И. 132, 143, 405
Веревкин Н.А., генерал, 90, 97, 101, 102, 219, 220, 221, 366, 370, 371
Верещагин В.В. 50, 53-56, 58, 330
Вильгельм I, император, 320, 417
Вилкинс А.И. 141, 150
Витте С.Ю., граф, 420
Витгенштейн, князь, 258, 266, 269
Вобан, маршал, 301, 302
Волошин М., поэт, 9
Воронцов М.И., канцлер, 69
- Гагарина М.И., княжна, 227, 230, 250, 251
Гейден Ф.Л., начальник Главного штаба, 31, 114, 115, 267
Гирс Н.К., министр иностранных дел, 264, 268, 329, 444, 445
Гирс Ф.К. 134, 135, 137, 138, 440
Гитлер А. 9
Глебов С.И. 286
Голицын Д., князь, 227
Головачев, генерал, 46, 51, 57, 58, 92, 108, 109, 111, 113, 145
Головкина Е.А. 330, 331
Головнин А.В. 11
Гомзин А.И., генерал, 247
Горький М. 10
Горлов А. 45
Горчаков А.М., князь, 59, 75, 78, 128, 166, 182, 188-190, 192-194, 319, 350, 356, 365, 367, 372, 376, 377, 388, 401-403, 406, 434
Градовский Г.К., публицист, 308, 316, 424
Грейг С.А., министр финансов, 267
Греч Н.И. 206
Грибоедов А.С. 75, 188
Григорьев В.В., востоковед, 349
Гродеков Н.И. 114, 160, 271, 278, 283, 333, 441

- Громов А.Е., купец, 87, 151, 152, 279
- Грот К.К. 11
- Гумилев Н.С., поэт, 15
- Гуниус К. 45
- Гурко И.В., генерал, 260
- Давлетов Дж. 315
- Данзас А.А. 356, 361, 362
- Дандевилль В.Д., генерал, 205
- Даудов В.А. 65
- Дизраэли Б. (лорд Биконсфилд) 163-166, 168, 172, 182, 184, 192, 194, 195, 246, 272
- Дмитровский Н.В. 150
- Долгоруков, князь, 258, 266, 269
- Дониш Ахмади 48
- Достоевский Ф.М. 317, 318, 338, 348, 424, 430, 431, 440
- Дост-Мухмад, эмир, 365
- Драгомиров М.И., генерал, 208, 259, 260
- Дукмасов П.А. 228, 259
- Дюгамель А.О., омский генерал-губернатор, 369, 371, 372, 374
- Екатерина II, императрица, 29, 69, 261, 357, 376
- Елизавета I, королева, 163
- Елизавета, императрица, 261
- Ермак 344, 371, 401, 409
- Жирарде Д., педагог, 206, 285
- Жуйкова, учительница, 147
- Залесов Н.Г. 356, 417
- Зеленая Р.В. 19
- Зиновьев И.А., дипломат, 264, 277, 278
- Зиновьев М.А., генерал, 271
- Иван Грозный, царь, 382
- Игнатъев Н.П., граф, 309, 310, 351-356, 359, 362, 365, 367
- Ильин И.А., философ, 9
- Ильясов А. 315
- Имертинский, князь, 227
- Каваньяри Л., резидент, 193
- Какурин, штабс-капитан, 140
- Каразин Н.И., художник, 148
- Каракозов Д.В., террорист, 28, 414
- Карлос, младший, 225
- Катенин А.А., оренбургский генерал-губернатор, 355, 357, 361, 362, 364
- Кастельская З.Д. 128
- Катков М.Н., публицист, 328, 415
- Кауфман К.П. 12, 13, 15-22, 24-52, 57-64, 71-109, 112-164, 169-196, 211-213, 217-225, 229-231, 237,

- 240–256, 259, 262, 314, 324,
416, 421, 422, 424, 436, 437,
440–443
- Кауфман А. 29
Кауфман П.Ф. 29
Кауфман О. 29
Кауфман Т. 29
Кауфман У. 29
Кауфман Э. 29
Кауфман Ю.М. 150, 196
- Керейтов 67
Керенский А.Ф. 18
Керзон Дж., лорд, 13, 155–157
Княжевич А.Ф., министр
финансов, 357
- Кожин 67, 68
Козелков, полковник, 303, 305
Колзаков 136, 137
Колесников, майор, 188
Колокольцев 39
Колпаковский Г.А., военный
губернатор Семиреченс-
кой обл., 77, 158, 242–245
- Комаров В.В. 417, 428
Кони А.Ф. 310
Корнилов Л.Г. 18
Кортес Э., конкистадор, 18
Костенко Л.Ф., географ, 247
Краузе И.И. 150
Крестовский В.В. 437, 440
Кропоткин П.В. 309
Кравцов А.Н. 426
Крыжановский Н.А., орен-
бургский генерал-губерна-
тор, 31, 33, 37, 73, 380, 381,
386, 387, 394, 401, 404, 405,
407–412, 414, 415
- Кун А.Л., востоковед, 143, 154
Куропаткин А.Н., полков-
ник, 292, 293, 306, 315, 338
Кутузов М.И., фельдмар-
шал, 206
Кюи Ц., полковник, 271
- Лазарев И.Д., генерал-адью-
тант, 264
Леер Г.А., генерал, 208
Левшин А. 345
Лейбниц Г. 5
Лейхтенбергский Е.М., гер-
цог, 81, 227
Лейхтенбергские, герцоги,
205
Лекюие Э.Ш. (Черняева)
357, 413
Ленин В.И. 146, 160
Литтон Э.Р., лорд, вице-ко-
роль Индии, 163–171, 176,
180–186, 194
Лобысевич Ф.И. 92, 99
Ломакин Н.П. 90, 100, 218,
219, 221, 226, 263–271, 277,
281, 282, 287
Лорис-Меликов М.Т., гене-
рал, 309, 310, 311, 317, 337
Луначарский А.В. 16
Лунин Б.В. 143
Лэйярд, посол, 163
- Маев Н.А., публицист, 34, 35,
40, 143, 148, 150, 159

- Майер, минер, 302, 303, 306
Макаров В.О., адмирал, 271
Макгахан, публицист, А. 100,
103, 104, 110, 113, 260
МакКоль М., публицист, 163
Малов А., священник, 87,
151, 152
Мандельштам О.Э., поэт, 45
Марвин Ч., публицист, 254,
314, 327, 444
Маркозов В.И. 100, 218, 222,
224, 226
Марченко 334
Масальский В.Н. 19
Маслов А.Н. 218, 221, 228,
245, 292, 295, 304, 305, 338
Маслов И.И. 269, 312, 323,
331, 332
Махфуз А. 13
Мединский 145, 146
Межов, библиограф, 149
Меншиков 21
Милан, князь Сербии, 426,
428, 431
Милютин А.Д. 222
Милютин Д.А. 11, 21, 24, 26,
30-32, 73, 78, 130-132,
138, 139, 164, 179, 181,
182-185, 189-196,
208, 220, 240, 255, 257, 264,
267, 268, 307, 359, 363-368,
372, 374, 375-377, 381, 386,
401, 404, 412-420, 421-
425, 431, 434, 436
Милютин Н.А. 11, 24, 28
Михаил Николаевич, вел.
князь, 75, 79, 217, 226, 264,
266, 267, 307, 418, 434
Михельсон, астроном, 247
Модзалевский Т.И. 207
Мохаммед Рахим, хан Хивы,
40, 72, 102, 104-106, 116
Музаффар, эмир Бухары, 33,
42, 43, 50, 58, 59, 62, 170,
389, 390, 403
Муравьев М.Н. 22-25, 28
Муравьев Н.Н. 30
Муромов М. 65
Мушкетов И.В., геолог, 143,
148, 152
Наполеон Б., император, 4,
18, 259, 281, 309, 313, 322
Насреддин, хан, 229, 239,
240, 241, 242, 248
Небольсин П. 348
Нейдинг, профессор, 334
Немирович-Данченко Вас.
И., публицист, 334, 337
Нечай, атаман, 66
Никитин А., артиллерист,
294
Николай I, император, 10,
22, 26, 45, 153, 208, 358,
360, 376, 388
Николай Константинович,
вел. князь, 81
Новикова О.А. (О.К.), жур-
налистка, 316
Новодворская В.И., публи-
цист, 4

- Норткорт, лорд, 168
- Обренович М., князь, 416
- Обух, подполковник, 373, 374
- Обручев Н.Н., начальник Главного штаба, 268, 317
- Огрызко И. 28
- Орлов, граф, 309
- Орлов, князь, 324
- Остолопов, подпоручик, 302
- Островский А.Н., драматург, 148
- Остроумов Н.П., востоковед, 32, 143, 148, 149, 153, 154
- Ошанин В.Ф., зоолог, 141, 143, 145, 148, 152, 247
- Павел I, император, 261, 384
- Павлов, генерал, 296, 306, 307
- Пазухин Б.А. 65
- Пашино П.Н., путешественник, 35, 36, 39, 149
- Первушин И.А., предприниматель, 147, 151, 152
- Перовский В.А., граф, 70, 81, 217, 346
- Петр Великий, император, 4, 5, 26, 65, 66, 68, 73, 104, 155, 169, 261
- Петров, военный врач, 237, 239
- Петровский Н.Ф. 63
- Петрушевский 46
- Писарро Ф., конкистадор, 18
- Победоносцев К.П., обер-прокурор Св. Синода, 311
- Покровский М.Н., историк, 16, 17
- Полонский Я.П., поэт, 335
- Полтавцева О.Н. (Скобелева), 206, 227, 283, 284
- Полторацкий В.А. 36, 222, 225, 359, 362, 365, 367, 371, 372, 375, 380, 408, 409, 410, 417
- Потапов А.Л. 25, 422
- Потемкин Г.А., генерал-фельдмаршал, 29, 432
- Принц, подполковник, 211, 212
- Пузыревский А.К., генерал, 208
- Пушкин А.С. 5, 260, 385
- Радлов В.В., востоковед, 143
- Раевский Н.Н. 137, 140, 417
- Разгонов А.К., генерал, 177, 180, 183, 184, 187, 188, 190, 193
- Ранау 110
- Редедя 435, 437, 438--443, 446, 447
- Робертс Ф. 186, 191, 193, 194
- Розен, барон, 334
- Романовский Е.М., князь, 81
- Романовский Г.Д., геолог, 143
- Романовский Д.Н., генерал, 31, 33, 388, 413, 415, 416
- Роулинсон Г., историк, 157

- Рузвельт Ф.Д., президент США, 9
 Румянцев П.А., генерал-фельдмаршал, 29
 Рутковский, полковник, 301, 302, 303
 Садык, 86, 93
 Салтыков-Щедрин М.Е. 144–147, 150, 437, 440, 441
 Самарин Ю.А. 11
 Самолевский, агроном, 140
 Саранчев 101
 Свистунов А.П., генерал, 178, 215, 217
 Северцов Н.А., зоолог, 143, 148, 361, 407
 Семенов А., востоковед, 52
 Ситников 97
 Скальковский К.А. 28
 Скайлер 113, 114
 Скобелев Д.И. 205, 206, 207, 226, 227, 255
 Скобелев И.Н. 206
 Скобелев М.Д. 12, 13, 16–19, 101, 102, 205–289, 292–317, 319–338, 344, 435–437
 Скобелев Н. 205
 Служенко, артиллерист, 54
 Солженицын А.И. 3, 8
 Солсбери, маркиз, 191
 Соловьев Я.И. 11
 Снесарев А.Е., генерал, 344
 Сталин И.В. 5
 Столетов Н.Г. 75, 76, 173–185, 187, 191, 213, 214, 217, 262,
- Стремоухов П.С. 31, 74, 75, 76, 78, 133, 404, 410, 422
 Струве П.Б. 10
 Стюарт Д., генерал, 186, 191
 Суворов А.В., генералиссимус, 29, 359, 432, 434
 Сухозанет Н.О., военный министр, 357
 Тарле Е.В., академик, 337
 Ташкенди М.С. 387, 388, 392, 393, 395, 400
 Телятников, посол, 382, 383
 Темир-гази, хан, 69
 Терентьев М.А., историк, 32, 73, 76, 90, 102, 176, 189, 215, 237, 241, 277, 286, 381, 387, 406, 442
 Тернер Ф.Г. 348
 Тихменев 92
 Томпсон, посол, 163, 278
 Тотлебен Э.И., генерал, 29, 271
 Троицкий В.Н., генерал, 92, 143, 224, 255, 257
 Узатис Н. 284
 Умидов, купец, 42
 Фадеев Р.А., военный публицист, 363, 417, 418, 420, 421
 Фан-дер-Флит 220
 Федоров Г.П. 136, 193
 Федоров М.П. 26
 Федотов Г.П. 65

- Федченко А.П., ботаник, 143, 145, 148, 150
Фридрих III, император, 29
Хахим, мирза, 232, 233, 235, 236
Халфин Н.А. 107, 115, 214, 239
Ханыков Н.В., востоковед, 351
Хлудов, предприниматель, 147, 417
Ходжи-Мохаммад, хан, 66
Ходоров И. 127
Хорошихин А.П., полковник, публицист, 238
Хохлов И.Д. 65
Храповицкий, секретарь Екатерины II, 29
Хрулев С.А., генерал, 350, 360
Худояр, хан, 40, 41, 229–236, 239, 248
Чаадаев П.Я. 5
Чемберлен Х., генерал, 176, 180
Черкасский В.А. 11, 434
Черняев М.Г. 12, 13, 16, 17, 18, 19, 31, 33, 39, 215, 344, 345, 352–374, 377, 380, 386–448
Черняев Г.Н. 357, 358
Черняева А.М. 360, 396, 400, 423
Черняк, подпоручик, 304
Черчилль У. 9
Чичерин Б.Н., правовед, 146
Шипов А.П., публицист, 139
Шер-Али, эмир, 79, 168, 169–171, 175, 176, 179, 181, 182, 184, 186, 187, 188, 190–193, 195
Ширяев, священник, 147
Штемпель, майор, 54, 57
Штумм 114
Шувалов П.А., граф, 26, 27, 166, 191, 192, 195, 313, 417, 418
Шувалов П.П., граф, 227
Щербак А.В., военный врач, 275, 293
Щербина, поэт, 423
Щербинский 46
Эвальд А.В. 51
Южаков Ю.Д. 150
Яворский, врач, 175, 177, 193
Яковлев С. 237, 238
Якуб, хан, 188, 193, 195

СОДЕРЖАНИЕ

«И русский флаг над белой Хивой...»	3
ТУРКЕСТАНСКИЙ «ЯРЫМ-ПАДШО»	21
Покоритель Азии	21
Устроитель Туркестанского края	119
Драма на Востоке	161
Примечания	197
БЕЛЫЙ ВСАДНИК НА БЕЛОМ КОНЕ	204
Снова и снова в Туркестане	204
Последняя кампания	261
Возмутитель европейского спокойствия	307
Примечания	339
ЕРМАК НОВОГО ВРЕМЕНИ	344
Подступы к славе	357
Заветная цель — Ташкент	368
«Архистратиг славянской рати»	419
Редедя	435
Примечания	449
Указатель имен	454

Глуценко Евгений Александрович

Герои Империи.

Портреты Российских колониальных деятелей

Ответственный за выпуск *Ю. Тихонов*
Художественный редактор *Т. Иваншина*
Компьютерная верстка и дизайн *И. Сорокин*
Корректор *Г. Вышегородская*

Изд. лиц. № 00244 от 08.10.99
ЗАО Издательский дом «XXI век – Согласие»
119048, М., ул. Усачева 11

Сдано в набор 20.09.2000. Подписано в печать 25.12.2000.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура Петербург.

Печать высокая. Печ. л. 14,5.

Тираж 3000 экз.

Заказ № 78.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Император
Александр Николаевич

Императрица
Мария Александровна

Д.А. Милютин

М.Д. Скобелев

М.Н. Гагарина (Скобелева)

К.П. фон Кауфман

Г.А. Колпаковский

М.Г. Черняев — второй генерал-губернатор Туркестана

А.А. Вулферт (Черняева)

Генерал Н.Г. Столетов

Великий князь
Михаил Николаевич

Граф П. А. Шувалов

Дервиши
в праздничных нарядах
Рис. В.В. Верещагина

Политики в опиумной курильне
Рис. В.В. Верещагина

Бек Мурад Такмы Садар — командующий туркменским гарнизоном Геок-тепе в 1880–1881 гг.

Эмир Бухарский

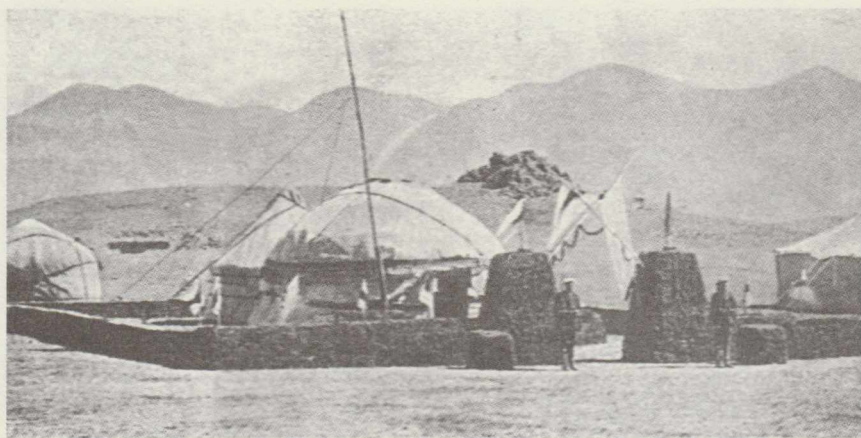

Лагерь русских войск в пустыне. 1873 г.

Памятник К.П. Кауфману в Ташкенте.
Разрушен в первые годы Советской власти

Походная ставка К.П. Кауфмана в 1873 г.

Памятник М.Д. Скобелеву
в Москве.
Разрушен большевиками

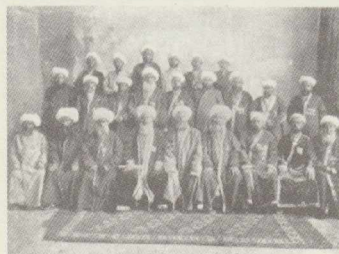
Памятник М.Г. Черняеву
в Ташкенте.
Разрушен большевиками

Хивинские сановники

Узгенский волостной начальник

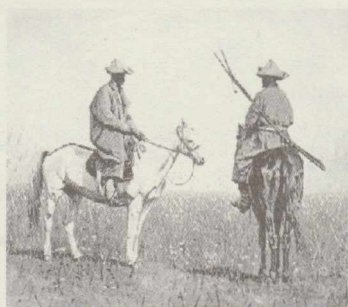
Почтенные жители города
Ташкента

Оркестр местных инструментов

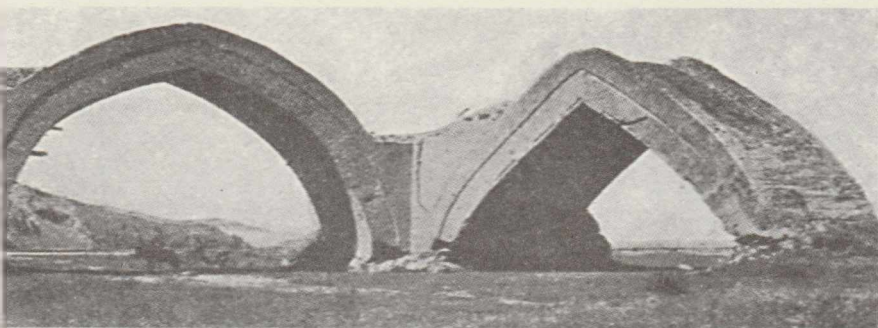

Бек г. Чарджуя

Киргизы

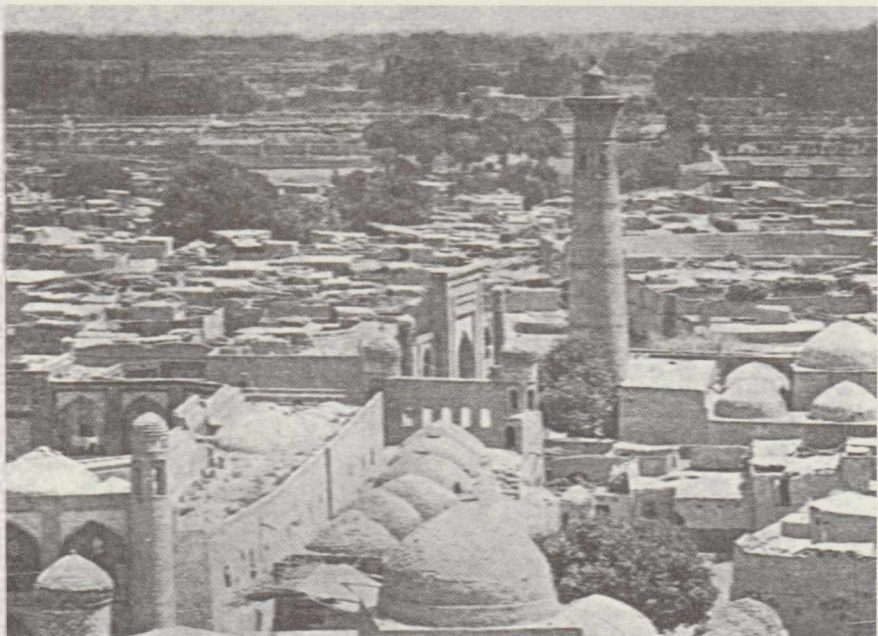

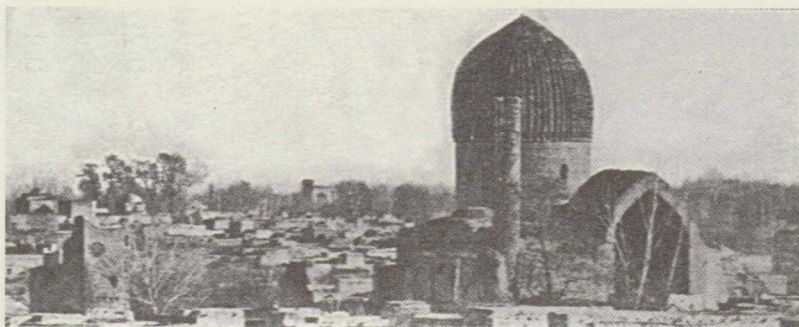
Мост через р. Зарафшан. Построен при Тамерлане

Юрта кочевников

Хива. Вид сверху

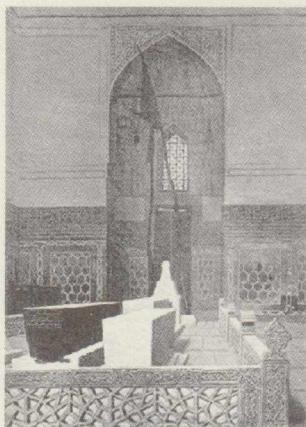

Мавзолей Тамерлана в Самарканде

Место битвы
под Самаркандом
1 мая 1868 г.

Гробница Тамерлана

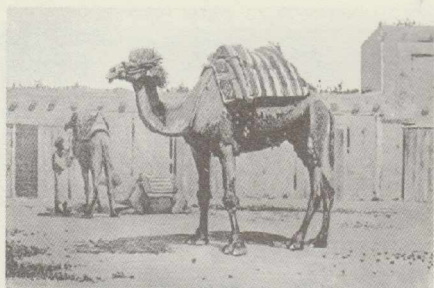
Хор дервишей,
просящих милостыню
Рис. В.В. Верещагина

Крытый рынок в старой части Ташкента

Караван-сарай.
Рис. В.В. Верещагина

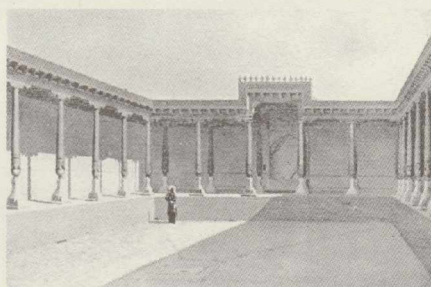
Почтовый тарантас

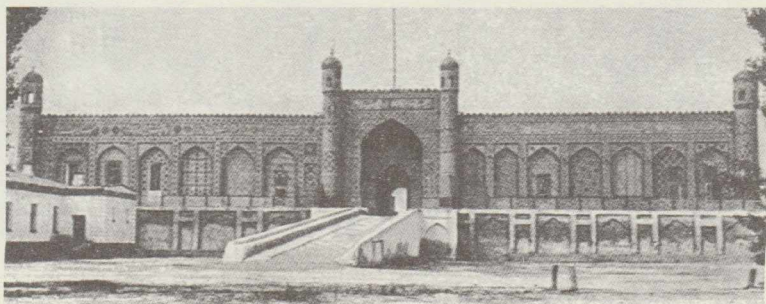

Одна из улиц старого Ташкента

Дворец эмира в Самарканде

Ханский дворец в Коканде

Учительская семинария
и церковь при ней. Ташкент

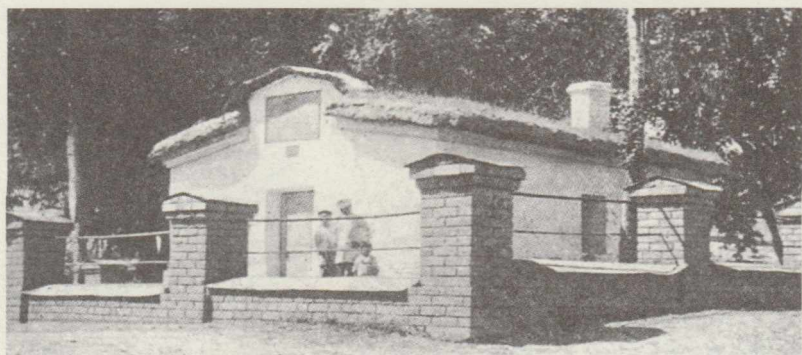
Памятник русским воинам,
погибшим в бою под Самаркандом

Русско-туземное училище

Домик, в котором М.Г. Черняев жил
после взятия Ташкента в 1865 г.

Прадед автора.
Поручик лейб-гвардии Е. В.
гусарского полка Ф.Е. Ратнер.
Служил в Туркестане
при К.П. Кауфмане.
Снимок 1866 г.

Туркестанский офицер. 1873 г.
Рисунок В.В. Верещагина

Военный транспорт в
Туркестане

Русские переселенцы